

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

ЛЕГЕНДА
СТИМΠΑНКА

РУССКОМ
ВПЕРВЫЕ

ГОМУНКУЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЭНГДОНА СЕНТ-ИВА

... ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЭНГДОНА СЕНТ-ИВА ...

...

... ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЭНГДОНА СЕНТ-ИВА ...

ГОМУНКУЛ

...●...

МАШИНА ЛОРДА КЕЛВИНА

...●...

АЙЛСФОРДСКИЙ ЧЕРЕП

...●...

ПОДЗЕМЕЛЬЯ ЛОНДОНА

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛЮК

ЛЕГЕНДА
СТИМПАНКА

...ГОМУНКУЛ...
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЭНГДОНА СЕНТ-ИВА

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-445
Б68

James P. Blaylock
HOMUNCULUS

Перевод с английского
Алан Кубатиев

Послесловие
Николай Караев

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник-иллюстратор
Сергей Жужнев

Публикуется с разрешения автора
и его литературного агента *Zeno Agency Limited*
при содействии *Агентства Александра Корженевского*

Блэйлок Дж.

Б68 Гомункул : [роман] / Джеймс Блэйлок; [пер. с англ. А. Кубатиева]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 472 с. — (Серия «Приключения Лэнгдона Сент-Ива»).

ISBN 978-5-906986-81-8

Викторианская эпоха, затянутые туманной пеленой улицы Лондона. В тусклом небе проплывает дирижабль: за его штурвалом стоит скелет в истлевшем сюртуке, а в гондоле спрятано что-то удивительное, может, драгоценное. Но что? За разгадкой тайны воздушного судна охотятся члены Королевской академии наук, корыстный проповедник Армагеддона, изувер-вивисектор с обезумевшим подручным, лишенный совести миллионер и... разношерстная компания поборников истины во главе с ученым-изобретателем Лэнгдоном Сент-Ивом.

Под силу ли таинственному «существу из бутылки», прибывшему на Землю в незапамятные времена, уберечься от хищных лап злодеев?

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7)-445

© James P. Blaylock, 1986, 2013
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-81-8

Посвящается Вики
и Тиму Пауэрсам —
за фонтаны отличных идей,
безграничную дружбу
и веселые пирушки,
а также Серене Пауэрс,
которая заслуживает куда большего,
чем это скромное сочинение.

Уильям Хэзлитт шлет свои извинения
Дженни Банн.

Напившись чаю и сидя перед опустевшей чашкой «напитка, веселящего без дурмана», аромат которого обволакивает мозг, сколь восхитительно раздумывать о том, что именно заказать на ужин: яйца с ветчиной, тушенного с луком кролика или же превосходнейшие телячьи котлеты! Однажды Санчо в сходной ситуации остановился на говяжьем студне; и выбор его, хоть и вынужденный, заслуживает внимания¹.

*Уильям Хэзлитт.
О путешествиях*

Я предпочел бы продолжать цитату: хоть мы нынче и отменные искусники, писать как Хэзлитт все же не способны. И, кстати говоря, эссе Хэзлитта — незаменимый спутник для такого рода путешествий, как и томик стихов Эшблесса²; а уж за приятственность компании «Тристрама Шенди»³ я лично готов поручиться.

*Роберт Льюис Стивенсон.
Маршруты прогулок⁴*

¹ Цитата приведена в переводе С. Шик.

² Эшблесс, Уильям — литературная мистификация; американский поэт XIX века, измышленный Робертом Блэйлоком и Тимом Пауэрсом в их бытность студентами Калифорнийского университета. Публиковался в университетском журнале. — *Здесь и далее примеч. перев.*

³ Полное название «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» — незавершенный юмористический роман британского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

⁴ Цитата из вымышленного Блэйлоком произведения Роберта Стивенсона.

ПРОЛОГ

ЛОНДОН, 1870

Косматые, как овечья шерсть, тучи выстроили арку над проливом Святого Георга, огромным луком выгнулись от залива Кардиган вокруг мыса Страмбл-Хед и портовых огней Милфорд-Хейвена, скрыли звездное небо по краям — над Суонси и Кардиффом. За Бристолем тучи редели и, расступаясь, спешили прочь по небесному тракту, который протянулся к укутанным в тени холмам Котсуолда и истокам Темзы, а оттуда на восток — к Оксфорду, Мейденхеду и Лондону... Но вот звезды замерцали, исчезая, а молодой полумесяц тускло блистал перед ними, словно раздутый ветром парус темного судна, скользящего средь небесных островов на волнах звездного отлива.

Гонимая ветром, на юго-восток вслед за месяцем — через всю северную Атлантику от самой Исландии, — неумолимо приближаясь к Лондону, смещалась овальная тень.

За два часа до рассвета ветер над Челси сделался порывистым, а небо просветлело, как набранная в **бутыль** речная вода: тучи разошлись далеко за горизонт, скапливаясь на западе и востоке. Листья, пыль и клочки бумаги, кружа, неслись во тьме через парк Баттерси, над составленными вдоль берега прогулочными лодками, огибали башню собора Святого Луки и исчезали во тьме. Ветер, о котором и не подозревал спящий город, немало докучал горбуну, правившему двуколкой по набережной Челси в сторону Пимлико, и тот вовсю клял непогоду. Лишь стянутый веревками, бугрящийся брезент скрывал от праздных глаз чудовищную поклажу его убогой повозки.

Горбатый возница глянул через плечо. Край брезента хлопал на ветру; надо бы поправить, ведь негоже открывать груз, да время дороже золота. Город начинал шевелиться. Телеги усердных лоточников и зеленщиков уже гремели по брусчатке, устремившись к рынку, а лодки с уловом устриц бесшумно скользили по мелководью Челси в сторону торговых рядов Биллингсгейта⁵.

И все же горбун натянул поводья, спустился на мощеную мостовую и потуже закрепил брезент. Когда он закончил и отвернулся, ветер с северо-востока ударил ему в спину; из-под брезента пахло гнилостным зловонием. Такова

⁵ Крупнейший рыбный рынок Лондона (XVI–XX вв.).

цена научного знания. Уже с ногой на подножке, горбун вдруг замер, охваченный страхом: впереди застыл прохожий с ручной тележкой, полной тряпья. Выпучив глаза и изумленно открыв рот, он стоял без движения. Горбун смерил помеху мрачным взглядом, да только его немая угроза растворилась в утренней мгле.

Но вовсе не горбун и не его повозка потрясли старьевщика: тот смотрел ввысь, на тень, скрывшую верхний рог месяца, — на тусклый силуэт огромного дирижабля, под которым качалась ребристая гондола. Воздух заполнил едва различимый, но всепроницающий гул, чье ритмичное эхо отразилось от купола ночных небес.

Горбун вспрыгнул на подножку и хлестнул испуганную лошадь; его экипаж рванулся вперед, отбросив тележку прохожего к каменному устью набережной и разметав тряпье по мостовой. Ошеломленный зрелищем старьевщик этого даже не заметил. Под свист ветра и гул пропеллеров над головой горбун торопился обогнуть низину Найн-Элмс, чтобы поскорее скрыться в Вестминстере. Дирижабль же, потихоньку снижаясь, продолжал свой полет, увлекаемый ветром к Вест-Энду...

На Джермин-стрит дома стояли темными, а переулки были безлюдны. Ветер стучал незакрепленными ставнями и незапертыми дверьми, раскачивал новую деревянную вывеску «Трубок

капитана Пауэрс», пока в ранних сумерках наконец не сдернул ее со штыря и не погнал кувырком вдоль по Споуд-стрит. Источниками света здесь служили лишь пара тусклых газовых фонарей в окне мансарды напротив. Всякий, кто попытался бы всмотреться в это окошко, стоя в лавке капитана Пауэrsa, был бы сражен видом птеродактиля с отталкивающей ухмылкой на скорбно опущенном каучуковом клюве. Позади доисторической птицы виднелось чье-то лицо, с очевидным неодобрением изучавшее сквозь окуляры распластанное на верстаке тельце обезьяны.

Впрочем, вовсе не предмет исследования тревожил человека в очках, а ветер. Что-то в его порывах заставляло нервничать, беспокоиться. Слишком много шума, причем шума зловещего. Когда же завывания ветреной ночи стихли, угасли, обратившись шорохами — то ли шепот листвы сломанной ветки камфорного дерева на площади Сент-Джеймс, то ли шуршание смятой засаленной газеты, — и заскребли по оконному стеклу, мастер подскочил в испуге, злясь на себя. Не время было ложиться, солнце и так вскоре загонит его в постель — он шагнул к окну, распахнул оконную створку и высунулся в ночь.

А ветер и в самом деле нес странные звуки — сухой шелест насекомых, гул пчел... и что-то еще, не поддающееся точному определению. Поражаясь отсутствию тумана, он под-

нял глаза на звездное небо и месяц, повисший в небесах фигуркой из слоновой кости — тонкой, но достаточно яркой, чтобы по улице плыли призрачные контуры коньков крыш и дымовых труб.

Наконец, затворив оконную створку, мастер вернулся к своему верстаку с крошечным разобраным механизмом в глубочайшем недоумении. Гул насекомых начал стихать, а ползшая по брусчатке овальная тень удалилась в направлении Ковент-Гарден.

Еще не было четырех, когда лоточники всех мастей уже сгрудились на рынке, и потому всякому вновь прибывшему приходилось искать место, толкаясь и протискиваясь сквозь толпы зеленщиков, мусорщиков, нищих, проповедников и кошек.

Телеги и фургоны, полные овощей, сомкнули ряды вдоль трех сторон площади, заполонив ее горами лука и капусты, гороха и сельдерея. Западную же сторону загрохотали коробки и корзины с благоуханным содержимым: розами, вербенами, гелиотропами, фуксиями... Исходящие от растений ароматы навевали воспоминания о местах, далеких от бурлящей сутолоки Боу-стрит и Мейден-лейн, да только воспоминания эти сразу же блекли под натиском сотен иных противоречивых запахов.

Запряженные ослами повозки и телеги забили все пять улиц, ведущих с площади. Среди них девицы с колючими связками шиповника,

соперничая с торговками яблоками, громогласно нахваливали свой товар. Весь рынок мерцал в свете газовых ламп и тысяч свечей, воткну-тых в картофелины и горлышки бутылок или же прилепленных поверх потеков расплавленного воска на ручках тележек и на подоконниках, что пониже. На ветру их желтые огни танцева-ли, притухая и вспыхивая вновь.

Долговязый, истрепанный годами пропо-ведник, всем и каждому представлявшийся как Шилох — сын Божий, дрожа на ветру в своей истрепанной рясе, грелся, то и дело выкрики-вая назидательные призывы. Он наугад тыкал в лица прохожим свои брошюрки, принимая сыпавшиеся отовсюду проклятия и затрещи-ны с тою же невозмутимостью, с какой толпа пропускала мимо ушей его разглагольствования о грядущем конце света.

Месяц, желтый и тонкий, опустился за вокзал Ватерлоо, и звезды уже меркли одна за другой, когда дирижабль миновал рынок, а затем про-плыл над набережной Виктории на своем пути к Биллингсгейту и Петтикоут-лейн. Всего на несколько секунд, когда качавшаяся под тушей дирижабля речная гондола оказалась высвече-на бледным светом низкого месяца и его отсве-тами в облаках, тысячи лиц обратились к небу, и крик ужаса взмыл к небесам. Порыв ветра донес до замерших на площади людей скрип и вибрацию, смешанные с гулом вращающихся пропеллеров.

Внутри гондолы, с таким видом, словно ему доверили править не менее чем самой Луной, высилась неподвижная фигура в шляпе.

Пилот стоял, крепко сжав штурвал и широко расставив ноги, подобно рулевому на судне, борющемуся с океанской качкой. Ветер трепал его изодранный плащ, хлопал фалдами, открывая взгладам темный изгиб грудной клетки, начисто лишенной плоти, и мертвенный лунный свет блестел в полумесяцах пустоты меж ребрами. Ручные кандалы приковывали пилота к штурвалу, каковой и сам был надежно привязан к опорной стойке меж двух застекленных иллюминаторов.

Гондола выправилась, и месяц скрылся за коньками крыш. Дирижабль, басовито жужжа, продолжал полет, непреклонно придерживаясь курса на восток Лондона. Для проповедника появление воздушного судна с чудовищным рулевым стало посланным свыше знамением, начертанными на стене загадочными письменами, даже более верной приметой приближения Судного дня, чем приближение какой-то кометы. Дела его незамедлительно пошли на лад, и круглая дюжина новообращенных простаков потеряли свои кровные к тому времени, как солнце удосужилось подняться на востоке.

На рассвете дирижабль был замечен над Биллингсгейтом. Потертая ненастями гондола скрипела на ветру, словно корпус корабля на неспешной волне, а ее злобещий рулевой,

прикованный к деревянной раковине перевернутого «орлиного гнезда», совсем как морской волк, брошенный былыми товарищами на затерянной в море скале, незряче взираал вниз, на телеги рыбаков, на рыночных перекупщиков и на снующие тачки с корзинами, полными моллюсков и угрей.

Беззаботный ветер, кружа, нес запахи свежего улова дальше на восток, вдоль Нижней Темза-стрит, чтобы омыть здание Таможни и лондонский Тауэр душком морских водорослей, соленых брызг и отмелей, сохнувших на отливе. Продавец кальмаров, стащив с себя кепку и щурясь на рассветную зарю, безрадостно покачал головой вслед пролетевшему аэростату, а затем коснулся лба двумя пальцами, словно отдавая салют его странному пилоту, да и вернулся к торговле эластичными обитателями морей, которые скорбно таращились на него из своей корзины. Шли они по три штуки за пенс.

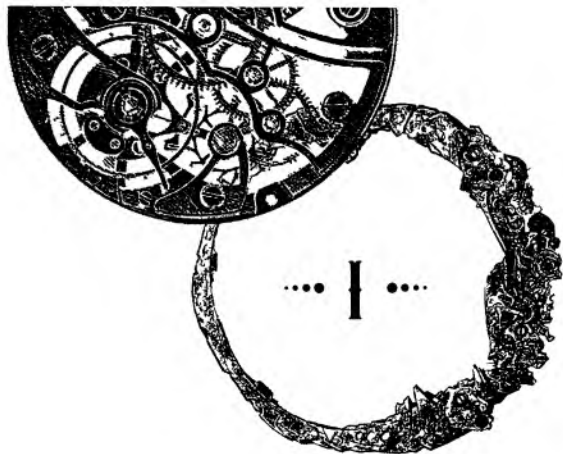
Людям на Петтикоут-лейн было недосуг праздно разглядывать диковинное судно у себя над головами. В ярких лучах солнца, сменивших отраженный свет юной луны, аэростат отчасти утратил загадочный флер и уже не мог сойти за предвестника всеобщей гибели. Нет, они задирали головы, тыча в небо пальцами, но единственным, кто при виде дирижабля пустился ему вослед, был некий служитель науки, облаченный в строгий сюртук из шерстяной

ткани в клетку. Этот достойный джентльмен как раз пререкался с продавцом гироскопов и прочих старых диковин, пытаясь вывести у торговца, не известна ли тому судьба выкраденного из лавки древностей близ площади Сэвен-Дайлз хрустального яйца, при особом его положении в лучах солнца якобы служащего окном, сквозь какое обладающий известной зоркостью наблюдатель получит возможность лицезреть изобилующий бабочками ландшафт на краю марсианского города из розового камня, что поднимается над широкими травяными лужайками и прихотливо изогнутыми безмятежными каналами.

Продавец гироскопов разводил руками — он мало чем мог помочь. Спору нет, ему доводилось слышать о появлении яйца в Вест-Энде, где его будто бы продавали и перепродавали за невероятные суммы. Обладает ли его уважаемый собеседник подобными деньгами? И кстати, опытному ученому так или иначе пригодится вот этот совсем недурственный гироскоп, с чьей помощью удобно демонстрировать и изучать тонкости законов гравитации, стабильности, баланса и вращения.

Но в ответ Лэнгдон Сент-Ив, как именовали служителя науки, только качал головой. Гироскопы ему без надобности, а вот некая сумма, довольно скромная, у него имеется, и он был бы рад расстаться с ее частью в обмен на надежные сведения о яйце.

Впрочем, сопровождаемый криками толпы гул дирижабля отвлек на себя его внимание, и уже спустя мгновение Сент-Ив бежал по Мидлсекс-стрит, подзывая ближайший кэб, а потом, вытянув шею и высунувшись из окна, наблюдал, как воздушное судно медленно, со стрекотом винтов, смещается к востоку. Но стоило аэростату поймать восходящие воздушные потоки и скрыться за белой грядой облаков, затянувших небо над окрестностями Грейвзенда, как ученый потерял его из виду.

ВЕСТ-ЭНД

Дождливый вечером 4 апреля 1875 года — ровно тридцать четыре столетия со дня, когда пророк Илия, как считается, воспарил к звездам в огненной колеснице, и порядком сверх восьмидесяти лет с той поры, как прозвучало рискованное заявление, будто Джоанна Сауткотт скорее обзавелась водяной, чем безгрешно зачатый Новым Мессией, — Лэнгдон Сент-Ив стоял на Лестер-сквер и безуспешно пытался раскурить отсыревшую сигару. Он поглядывал вдоль Чаринг-Кросс-роуд, щурясь из-под полей намокшей фетровой шляпы, высматривая, не приближается ли... скажем, некто. Он и сам не знал точно, кто именно.

В полосатых брюках и высоких штиблетах он чувствовал себя крайне глупо, будучи вынужден вырядиться так ради обеда с секретарем Королевской академии наук. В своей харрогейтской

лаборатории ученому не было нужды строить из себя франта, разгуливая в щегольских костюмах. Сигара тоже начинала действовать на нервы, но эта была последняя, и он ни за что не позволит ей одержать над собою верх.

Раздраженный Сент-Ив проклинал и сигару, и моросящий дождь. Влага часами висела в воздухе, и в ученом неумолимо крепло желание либо увидеть наконец нормальные дождевые струи, либо махнуть на все рукой и устремиться к дому.

В мире науки нет места посредственности, полимерам и мокрым сигарам. Не вытерпев, Сент-Ив швырнул обидчицу через плечо в проулок, хлопал свой плащ, убеждаясь, что пакет еще там, и сверился с карманными часами. Почти девять. Зажатое в его руке, поделенное на аккуратные абзацы почерком умелого чертежника письмо сулило рандеву в половине девятого.

— Благодарю вас, сэр, — с удивлением произнесли за спиной Сент-Ива, — но я не курю. Вот уже много лет.

Резко обернувшись, Сент-Ив едва не столкнулся со спешившим мимо джентльменом, который укрывался от мороси под сложенной газетой. Говорил, однако, не он. Из переулка приближался, шаркая, ссутулившийся работяга в выдавшей виды кепке, из-под которой во все стороны торчали неровные лохмы мокрых волос. Вытянутая рука держала отвергнутую Сент-Ивом сигару на манер автоматического пера.

— До чего ж они меня бесят, — продолжал он, — все эти туманы. Люди говорят, к ним можно привыкнуть, точно к моллюскам или рубцу на обед. Только люди ошибаются. По крайности, что касается старины Билла Кракена. Превосходный глазомер у вас, сэр, если позволите так выразиться. Угодили точнехонько в грудь. Будь то змея или тритон, грустно было бы Кракену. А вот и нет, лишь сигара.

— Кракен! — вскричал потрясенный этой встречей Сент-Ив, забирая протянутую сигару. — Помощник Оулсби, не так ли?

— Он самый, сэр. Давненько не виделись, — произнес это, Кракен с подозрением взгляделся за спину собеседника, в проулок, чьи неведомые тайны терялись в пронизанном туманами вечернем мраке.

В левой руке Кракен нес округлый котелок на складной ручке, плотно обернутый тряпками, словно индийским тюрбаном. На шее у него болталась небольшая плетеная коробочка, содержащая, как догадался Сент-Ив, склянки с солью, перцем и укусом.

— Теперь разносишь горох, значит? — спросил Сент-Ив, рассматривая котелок; долгое ожидание пробудило в нем голод.

— Верно, сэр, — закивал Кракен. — Вечерами приторговываю, обыкновенно окрест Чипсайда да Лиденхолла. Предложил бы и вам стручок, сэр, да они вконец задубели, пока я брожу тут по холоду.

Где-то в переулке с грохотом хлопнула дверь, и Кракен, вслушиваясь, поднес ладонь к уху. Тут

же не замедлил раздаться и новый хлопок, чье эхо потонуло в раскатах грома. Мимо пробежали фигуры, вжавшие головы в плечи; люди спешили найти себе укрытие, ибо, во исполнение желания Сент-Ива, по площади хлестнули потоки дождя. «Омерзительная ночь, — определил Сент-Ив. — Немного горячего гороха будет как нельзя более кстати». Он кивнул Кракену, и вдвоем они, согнувшись, заторопились, шлепая по лужам и ручьям, напрямиком к дверям «Олд Шейдс»⁶. Темное небо, кажется, тотчас же раскололось пополам, сплошной стеной обрушив на лондонские улицы целый океан. Сент-Ив и Кракен наблюдали за разгулом стихии, стоя в дверях.

— Говорят, на экваторе каждый день так поливает, — заметил Кракен, стягивая с головы кепку.

— Правда? — Сент-Ив повесил пальто на крючок и размотал шарф. — А где именно на экваторе?

— На всем на нем сразу, — сообщил Кракен. — Он же охватывает нас кругом, что твой пояс. Удерживает на месте всю кучу, если вы следите за мыслью. Это сложно понять. Мы же крутимся, знаете ли, как детский волчок.

— Вот именно, — сказал Сент-Ив, сквозь завесу табачного дыма глядяваясь в глубь паба — туда, где толстяк в переднике тыкал длинной

⁶ В нашей реальности этот паб был открыт в 1898 году и располагается в другом конце Чаринг-Кросс-роуд, у Трафальгарской площади.

вилкой в горячие колбаски. Ароматный парок завивался над снедью, спеша смешаться с дымом десятков трубок и сигар. Сент-Ива замутило. Мало что так могло его обрадовать сейчас, как эти колбаски. К черту все гороховые стручки! Да он был готов продать за одну такую колбаску хоть душу, хоть даже свой космический аппарат, почти готовый стоящий в Харрогейте.

— Так выходит, что наша Земля суть куча грязи да всякой всячины, понимаете, сбита вместе, — перехватив свою посудину обеими руками, Кракен следовал за Сент-Ивом, которого аромат колбасок влек напрямиком к бару. — И вы только вообразите, что выйдет, если всю эту кучу раскрутить. Как волчок, я говорю, ну вы понимаете.

— Неразбериха, — сказал Сент-Ив. — Полная неразбериха.

— Именно то самое. Все просто шмякнется. Разлетится в клочья. Прямо тут же. Горы поплывут, куда им взбредет. Океаны исчезнут. Рыба и все прочее улетит напрямиком в небеса, что китайские шутихи. А мы? Что станется тогда с нами?

— Колбасок с пюре мне и моему другу, — распорядился Сент-Ив владельцу паба, с неприязнью взиравшему на котелок в руке Кракена. — И две пинты «Ньюкасла»⁷.

Лицо у мужчины за стойкой было круглым, как диск луны.

⁷ В нашей реальности этот знаменитый сорт полутемного эля впервые появился в продаже лишь в 1927 году.

— Что будет с нами, хотел бы я знать? Мало кто знает.

— О чем? — переспросил Сент-Ив, наблюдая за тем, как луноликий не спеша, методично нанизывает колбаски на вертела пухлыми и короткими пальцами, почти неотличимыми от самих колбас.

— Мало кто знает, что экватор, видите ли, это и впрямь пояс: он не ремень воловьей кожи, но то, что доктор обозвал «сплетением природных жил». Только он, заодно с широтами, как раз и скрепляет нашу Землю, не дает старушке рассыпаться. Этот ремень затянут не до конца, но это и к лучшему, ведь иначе Земля бы попросту задохнулась. По приливам видно — спасибо, сэр, благослови вас Господь, — приливы накатывают с востока и запада, напояя, так сказать, супротив этих поясов. Повезло же нам, сэр, говорю вам, или океан вытек бы прямо в небо. Богом клянусь, колбаски-то отменные, не находите?

Сент-Ив кивнул, слизывая жир с кончиков пальцев. Вслед за темной колбаской в его рот отправился еще и добрый глоток свеженацеженного эля.

— Ты слышал об этом от Оулсби, так ведь?

— Только отрывки, сэр. Я ведь и сам немного почитываю, большей частью малоизвестные труды.

— Чьи же?

— О, Билл Кракен не слишком разборчив, сэр. Все книги по-своему хороши. И мысли в них — тоже. Согласитесь, сэр: факты, они ведь как горо-

шины в бутылке. Их много, да не слишком. Земля тоже имеет много миль в обхват, но их можно и пересчитать. Хотел бы я разом раскусить эти факты, да только наука тоже начинается с первого шага, если позволите так выразиться.

— Я и сам начинал с такого шага, — согласился Сент-Ив. — Собираюсь взять еще пинту. Составишь компанию?

Кракен выудил из недр куртки карманные часы без циферблата, долго щурился на них и лишь потом уверенно кивнул. Сент-Ив подмигнул и снова направился к стойке.

До закрытия оставался еще час. Между столами бочком пробирался бродяга в лохмотьях, тыча под нос всем и каждому обрубком недавно отсеченного большого пальца. На полу, носом в стену, лежал мужчина в вечернем костюме, а три табурета, занятые его хмельными молодыми дружками, подпирали его тело — да так, что, вытянутый в струнку, он был неотличим от мертвеца, замершего в давнем трупном окаменении. В пабе царил ровный, приглушенный гул, составляемый из разнообразных звуков: смеха и звяканья посуды, да бесчисленных разговоров, временами прорезавшихся чьим-то громким чахоточным кашлем. Почти весь пол скрывали грязные мокрые башмаки и ножки столов; то же, что не было ими спрятано, устилали опилки, обрывки газет и объедки.

Пробираясь мимо двух столов, до отказа занятых горланившими песню моряками (судя

по внешности и манерам), Сент-Ив по неосторожности раздавил каблуком огрызок колбаски.

Кракен уже засыпал, когда через несколько минут Сент-Ив водрузил на стол два бокала, но приятный тяжелый стук двух полных пинт, кажется, взбудрил его. Поерзав на стуле, Кракен утвердил свой котелок на коленях.

— Время-то как летит, не правда ли, сэр?

— Четырнадцать лет, верно?

— Пятнадцать, сэр. За месяц до трагедии, точно. Вы тогда еще под стол пешком ходили, если позволите такое выражение, — пауза ушла на глоток в полпинты. — Тяжкие были времена, сэр. Тяжкие. Ни единой живой душе я не рассказывал про большую часть того, что тогда творилось. Не мог. Да и сам старался забыть, не место мне в Ньюгейте⁸.

— Ну, дела скверные, хотя не настолько же... — начал было Сент-Ив, но Кракен, сокрушенно качая головой, прервал его тираду резким взмахом руки.

— Была одна история с карпами, — проговорил Кракен и оглянулся, словно опасаясь быть застигнутым врасплох незаметно подкравшимся констеблем. — Вы, поди, и не вспомните. Но про нашу проделку писали в «Таймс», и даже Скотланд-Ярд вмешался. Едва не сцапали, богом клянусь! У тех карпов была такая маленькая... как же ее... вроде особая железа, полная эликси-

⁸ Главная тюрьма Лондона в течение семисот с лишним лет.

ру. Я правил фургоном. Глухая летняя ночь, жарилась, как в жерле у пушки. Мы выбежали из аквариума, таща на себе по три рыбины в руку длиной, и Себастьян выпотрошил их прямо на Бейкер-стрит, в полусотне футов оттуда: в жуткой спешке, но чистенько и аккуратно. Карпов отдали потом нищенке с Олд Пай⁹, и та снесла их на рынок в Биллингсгейте. Хотя что-то путное вышло из той затеи... Да только афера с карпами — далеко не самое худшее. Об остальном и говорить-то известно. И будет нечестно изображать Себастьяна главным заводилой. Да ни на морскую мило! Тот, другой, был пострашнее. Видал я его, и не раз, через кладбищенскую ограду в Вестминстере, и тоже поздно ночью: он в двуколке на дороге, а мы с Тьюи Шортом — при лопатах. Тьюи помер в тюрьме Хорсмонгер-лейн, визжа как умалишенный, и пол-лица у него было в чешуе, как у рыбы.

Кракен содрогнулся и, осушив свой бокал, умолк, разглядывая осадок на дне, будто сокрушался, что наговорил так много.

— Это большая потеря — гибель Себастьяна... — промолвил Сент-Ив. — Дорого бы я дал, чтобы узнать, что случилось с его тетрадами, не говоря уже о прочем.

Кракен шумно высморкался в ладонь, поднял стакан и уставился сквозь стекло на газовую лампу, словно размышляя о природе пустоты. Сент-

⁹ Улица в Лондоне, входившая в т. н. Дьявольский Акр, печально известный квартал трущоб.

Ив, прошествовав к стойке, тут же распорядился повторить. Трактирщик нацедил еще две пинты, а в промежутке подцепил себе немного пюре обугленной колбаской и отправил все это по назначению, зажмурившись и громко причмокнув от удовольствия. Сент-Ив вздрогнул. Всего часом ранее горячая колбаска представлялась ему райским лакомством, но теперь, успев проглотить четыре штуки, ничего отвратнее он и вообразить бы не смог. Размышляя об изменчивости аппетита, он отнес два бокала к своему столу, попутно заметив через распахнутую входную дверь, что дождь уже стих.

Кракен встретил его с нетерпением во взгляде и, почти сразу управившись с половиной своей пинты, отер пену с губ рукавом рубашки. Сент-Ив терпеливо ждал.

— Нет, сэр, — наконец ответил Кракен. — Не о тетрадах я сожалею, говорю вам.

Тут он смолк.

— Не о них? — с интересом переспросил Сент-Ив.

— Нет, сэр. Не о паскудных бумажках. Будь прокляты его бумажки. Они писаны кровью, каждая из них. Пропади они пропадом.

Сент-Ив усердно закивал, подбадривая его.

Кракен перегнулся через стол, тыча пальцем в Сент-Ива; коробочка с приправами болтается у лица, словно гондола полуспущенного воздушного шара.

— Та самая *штуковина*, — прошептал Кракен, — вот с нею бы я точно покончил.

— Штуковина? — подался вперед Сент-Ив.

— Та штука, в коробке. Я своими глазами видал, как она подняла дохлую собаку с пола и заставила плясать на потолке. Но это еще не все... — Кракен говорил так тихо, что Сент-Ив едва улавливал смысл его слов за галдежом паба. — Мертвецы, которых мы привозили с Тьюи Шортом. Они не раз и не два выходили оттуда на собственных ногах.

Кракен помолчал для пущего эффекта и, опрокинув в себя оставшиеся полдюйма эля, со стуком вернул бокал на дубовую столешницу.

— Нет, сэр. Бумажек мне ничуть не жаль. Вот спроси меня кто, я бы ответил, что Нелл безвинна, как фарфоровая кукла. Я всем сердцем любил молодого хозяина, и слезы лью, как помыслю, что его сынишка остался в итоге без отца, но, богом поклянусь, вся заваруха шла супротив природы, так? Стыд и позор, что Нелл не шлепнула треклятого доктора, как только застрелила братца. Вот о чем я сожалею, короче.

Кракен уже было привстал, покончив с речами, но Сент-Ив, хотя и потрясенный кое-какими деталями рассказа, вцепился ему в руку.

— У меня записка от капитана Пауэрса, — произнес Сент-Ив, пододвигая Кракену скомканное послание, — где он просит меня встретиться с кем-то на Лестер-сквер сегодня, в половине девятого.

Кракен заморгал, через плечо оглянулся на дверь и обвел паб настороженным взглядом, прислушиваясь к общему гулу.

— Все так и есть, — сказал он, усаживаясь. И снова подался вперед, к Сент-Иву. — Я тут налетел на капитанова приятеля, там, на Ковент-Гарден, у рынка это было, дня три тому. Тогда-то он и помянул ...

Замолчав, Кракен многозначительно сощурил глаз.

— Машину?

— В самую точку. Машину. Не буду прикидываться, будто мне известно, где она теперь, понимаете, но разговоры о ней я слыхал. Так что капитан вывел меня на вас, если угодно, и сказал, что вдвоем мы сможем договориться, вы да я.

Сент-Ив кивнул, уже чувствуя, как зачастил пульс. Рассеянно охлопал карманы и обнаружил сигару.

— Слыхал разговоры? — он чиркнул спичкой, подержал ее у кончика сигары и с силой втянул в себя дым. — Чьи разговоры?

— Келсо Дрейк, — шепнул Кракен. — Уже с месяц тому вроде. Может, недель шесть.

Опешив, Сент-Ив откинулся на спинку стула.

— Миллионер?

— Он самый. Из его уст и слыхал. Работал на него, смекаете? Ну и слышал лишнего. Больше, чем мне самому бы хотелось. Грязный народец миллионеры эти, сплошной разврат да коррупция. Но они еще насытятся хлебом печали¹⁰, аминь.

¹⁰ Цитируется одна из песен Боба Марли (1945–1981).

— Еще как насытятся, — подтвердил Сент-Ив. — Так что там насчет машины... корабля?

— В борделе где-то, вроде как в Вест-Энде. Все, что знаю. У Дрейка их куча целая, борделей этих. Нет такого скотства, куда бы он не запустил руку по самый локоть. Держит мыловарню в Клингфорде. Не буду и говорить, из чего там мыло варят, с ума еще сойдете.

— Бордель, значит? Где-то в Вест-Энде... Это все?

— До крошечки.

Сент-Ив взвесил ценность этого откровения. Не слишком густо. А может стать, и вовсе ничего.

— По-прежнему работаешь на Дрейка? — с надеждой спросил он.

Кракен помотал головой.

— Получил под зад коленом. Дрейк меня побивался, больно я на остальных не похож, — он выпрямился на своем стуле и вперил в Сент-Ива твердый взгляд. — Но разве мне претит провернуть небольшое дельце на пару с давним другом? О нет, сэр. Отнюдь не претит.

Продолжая говорить, Кракен не отводил глаз от погруженного в раздумья Сент-Ива.

— Билл Кракен не считает себя выше этого. Только не он, сэр. Если я решаю оказать кому услугу — хоть через весь город, хоть под дождем, стоит заметить... Что ж, я говорю себе: «Выше нос, пусть себе льет!» Таков мой девиз, когда я беру за подобное предприятие.

Очнувшись, Сент-Ив не без труда уяснил для себя суть разглагольствований Кракена. Передал ему две фунтовые банкноты, пожал руку:

— Прими благодарность, дружище. Если дело выгорит, заработаешь еще. В четверг вечером приходи в лавку капитана на Джермин-стрит, там все и встретимся. А если выйдет разузнать еще хоть что-то, я тебя не обижу.

— Так точно, сэр, — кивнул Кракен, поднялся сам и бережно поднял котелок. Потуже затянув тряпицу, он аккуратно подвязал ее под крышкой. — Я приду.

Сложив две полученные банкноты, он запихнул их за отворот башмака, молча повернулся и поспешил прочь.

Упрямая сигара никак не желала раскуриваться. Сент-Ив пристально разглядывал ее некоторое время, прежде чем признал в ней ту самую, отсыревшую, которую метнул в Кракена полтора часа назад. Она будто преследовала его. Инвалид-попрошайка без большого пальца придвинулся ближе, и Сент-Ив вручил ему сигару и шиллинг. Отыскал на вешалке свой плащ, проверил, цел ли пакет во внутреннем кармане — на деле просто сложенная стопа бумаги, — и вышел в ночь.

Торговавшая табаком и курительными трубками лавка Пауэrsa стояла на пересечении Джермин и Споуд, и ее вытянутые трехчастные окна в южной и восточной стенах позволяли любому — тому же капитану Пауэрсу, к примеру, — воссе-

дать за прилавком в мягком кресле и, поворачивая голову всего на несколько градусов, видеть, кто проходит по каждой из улиц. Однако в туманную и дождливую ночь на пятое апреля разглядеть хоть что-то в кромешной тьме за стеклами было маловероятно. Слабым мерцанием двух газовых фонарей на Джермин-стрит можно пренебречь. Лампы же, наблюдаемые в окнах там и сям вдоль улицы, явно страдали антипатией к сырости и, опасаясь промозглой ночи, не рассеивали свои отсветы далеко.

Капитан Пауэрс слышал звук приближающихся шагов на мостовой задолго до того, как путник возникал в одном из двух желтых кругов под фонарями, чтобы так же внезапно сгинуть затем в ночи в сопровождении затихающего щелканья подошв.

Дома через улицу от лавки были населены благородным сословием, большая часть которого заходила в лавку за кисетом табаку или сигарой. Тем не менее, капитану приходилось бы перебиваться с воды на хлеб, если бы не его пенсия. На море он служил с двенадцати лет и правую ногу потерял в стычке за полсотни миль южнее Александрии, когда его шлюп затонул в Ниле, расстрелянный из пушек рыскавшими по пустыням бандитами. Из всех добытых диковин он сохранил лишь слоновий бивень, из которого двадцать лет спустя Уильям Кибл, мастер-игрушечник, выточил ему искусственную ногу, лучшую из всех, что ему приходилось носить. Она не только сидела как влитая на уцелевшей части конечности, но к тому же

была полой и вмещала пинту крепкого и две унции табаку. При нужде он мог без труда выкурить хоть все содержимое ноги: кнопочка на конце протеза открывала пластину с монетку в полкроны величиной, за которой пряталась чашечка трубки. Длинный мундштук, скрытый под брючиной и сюртуком, позволял владельцу протеза шагать и покуривать одновременно.

Но такой эксперимент капитан поставил лишь однажды, уступив странному желанию проверить, сработает ли замысел Кибла. Изумленные взгляды прохожих не позволили ему и дальше пользоваться чудным устройством на людях.

Поседевший на морских ветрах и превратившийся в стойка после тридцати лет суровой муштры у подножия мачты, капитан Пауэрс по натуре своей был убежденным консерватором. Свое достоинство он ставил превыше всего, и лишь старинная дружба, связывавшая капитана с Киблом, мешала ему признаться в отсутствии всякого желания быть увиденным за курением собственного протеза.

Дом Кибла, надо заметить, находился прямо напротив лавки Пауэрса. Поверх макушки своего партнера капитан посматривал на лампу, горевшую в мастерской-мансарде. Свет виднелся и ниже, в окне спальни Джека Оулсби, а также и левее, где располагалась другая спальня, принадлежавшая или Уинифред, жене Кибла, или же Дороти — его дочери, прибывшей недавно домой на двухнедельные каникулы.

Партнер капитана прочистил горло, собираясь заговорить, и Пауэрс опустил взгляд с освещенных окон на лицо своего друга. В нем безошибочно читалось благородство, даже некая величественность, но лицо это все же принадлежало Теофилу Годеллу из «Богемского сигарного салона», что размещался на Руперт-стрит в Сохо, в данный момент увлеченно затягивавшемуся старой пенковой трубкой. С обеих сторон чашечки были вырезаны гербы королевской семьи Богемии — правящего дома, уже много лет скитающегося по свету после бегства из рухнувшей страны. Вне всяких сомнений, у трубки имелась обширная и примечательная история еще до того, как она попала в руки Годеллу, и бог весть какие еще приключения выпадали на ее долю с тех пор.

— Встретил полковника Жеральдина, — начал Годелл, — на Холборн-стрит. Назвался чужим именем. Было уже поздно, и вечер казался скучным. Мы решили это исправить, но лишь потратили хорошие денежки на дурное шампанское. Один тип взялся нам поведать многообещающую историю о тяжелой депрессии некоего травника, державшего аптеку на Воксхолл-Бридж-роуд. Но выяснилось, что этот тип — второй тип, травник то бишь, — уже давно мертв. Повесился с полгода тому на собственных гетрах, так что и рассказчик оказался не на высоте. Хотел бы я сообщить, что он имел добрые намерения, да на самом деле лишь собирался и дальше дуть наше шампанское... Не успел он нас покинуть,

как вошли два крайне примечательных человека. Выряжены словно для рабочего дома, но на лицах у обоих — ни кровинки. Кожа цвета лягушачьего брюха. И оба не имели представления, где находятся. Ни малейшего. Взгляд рассеянный, точно оба чем-то одурманены, так скажем. Так мне тогда подумалось. Жеральдин заговорил с тем, что покрупнее, но этот тип даже не ответил. Только молча уставился на него. Без непочтительности, прошу заметить, ничего такого. Просто ни намек на ясное сознание.

Капитан покачал головой и выбил в медную чашу пепел из своей трубки. Взглянул на часы над прилавком — почти половина одиннадцатого. Дождь унялся. Не было заметно капель, сползавших по освещенному колпаку уличного фонаря. Со стороны Джермин-стрит между тем послышались чьи-то неспешные шаги. Затихли. Капитан Пауэрс усмехнулся, и Теофил Годелл едва заметно кивнул в ответ. Возобновясь, звук шагов отвернул к дому Кибла, наискосок через улицу. Могло стать, это шагал Лэнгдон Сент-Ив, завернувший к игрушечнику обсудить свой короб-оксигенатор¹¹. Но нет, Сент-Ив остановился бы, увидев свет. Ему уже следовало пообщаться с Кракеном и думать теперь о кораблях, прилетевших с иных планет. Это кто-то другой.

На мостовую напротив легла чья-то сгорбленная тень — горбатая тень, если быть точным, —

¹¹ Устройство для насыщения воздуха кислородом.

и поспешила мимо газового фонаря, чтобы раствориться во тьме, но капитан уже был уверен, что там она и остановится. Пять ночей подряд одно и то же.

— Этот ваш горбун уже на той стороне, — сказал капитан Годеллу.

— Вы уверены?

— О да, точно он. Так и будет бродить вокруг, куда я не погашу свет.

Годелл кивнул и возобновил свой рассказ:

— Итак, мы с Жеральдином последовали за странной парочкой через полгорода, до самого Лаймхауса, где те скрылись в пабе под названием «Кровяной пудинг». Мы, как сообразили, что заведение полным-полно таких же бесцветных людей, ушли сразу. Мы выделялись среди них, точно два гиппопотама. При этом не могу сказать, чтобы хоть кто-то обратил на нас внимание, кроме него.

Годелл повел бровью в сторону улицы.

— Тоже горбун в любом случае. И пусть я незнаком с этим Нарбондо, вполне допускаю, что это был именно он. Если глаза мне не солгали, он поедал еще живых птиц. Такое зрелище после шампанского, выпитого под копченую сельдь, крепко сбило нас с толку, надо признаться, и я был бы счастлив совершенно о нем забыть, не вовлеки вы меня в эти ваши делишки. Он все еще там?

Капитан кивнул. Ему видна была только тень горбуна — неподвижная, точно куст, едва различимая на стене дома.

Новые шаги приближались под аккомпанемент беззаботного и слегка фальшивого посвистывания.

— Хватайте шляпу! — вскакивая, распорядился капитан Пауэрс. Потянувшись вперед, он прикрутил лампу, и лавка погрузилась во тьму. В то же самое время, целеустремленно шагая к дверям Кибла со своим пакетом бумаг, на перекрестке показался Лэнгдон Сент-Ив, исследователь и изобретатель.

Тогда же горбун — доктор Игнасио Нарбондо — сгинул без следа. А Годелл бросился к двери, торопливо махнув Пауэрсу, нырнул в темноту и устремился на восток по Джермин-стрит, в сторону Хеймаркет. На другой стороне улицы Уильям Кибл распахнул дверь и радушно приветствовал Сент-Ива, который с изумлением всматривался в спешившую прочь от внезапно померкшей табачной лавки темную фигуру. Пожав плечами, ученый обернулся к другу, и обоих поглотила внутренность дома Кибла. Дела капитана всегда представлялись загадочными.

Улица была безмолвна и сыра, свежесть дождя на мостовой пропитала воздух табачной лавки, ненадолго напомнив капитану о брызгах морской пены и тумане. Но спустя мгновение морок рассеялся, унося с собою видение призрачных морских просторов. Капитан Пауэрс стоял в своей лавке, погруженный в раздумья; ленивый завиток дыма поднимался в темноте над его головой. В спешке Годелл забыл свою трубку. Утром он непременно вернется за ней, будьте уверены.

Неожиданный тихий стук в дверь заставил капитана вздрогнуть. Он ждал позднего гостя, но плетущиеся в ночи интриги могли вселить страх даже в статую. Пройдя ко входу, он потянул на себя тяжелую дверь; там, в тусклом свете уличного фонаря, стояла женщина в плаще с капюшоном. Она торопливо прошла в лавку, проскользнув мимо капитана, и Пауэрс притворил за нею дверь.

Вслед за Уильямом Киблом Сент-Ив поднялся тремя лестничными пролетами выше, в захлавленную мастерскую. Поленья горели в железном коробе, дымом уносясь в ночь через сложенную из керамической плитки трубу, и огонь был такой, что в комнате, хоть и просторной, было душновато и почти жарко. Впрочем, в такую промозглую ночь тепло приятно бодрило, заодно помогая испаряться брызгам дождя, летевшим в комнату мимо черепиц крыши. Под самым коньком крыши — как раз над огнем — по соседству с витражным оконцем свесил свои исполинские листья инопланетного вида оленерогий папоротник, и капли воды, ползущие вдоль плохо законопаченной рамы, сочились с подоконника прямо в замшелый, прогнивший ящик, служивший растению домом. Почти ежеминутно, как только воды набиралось достаточно, из-под ящика низвергался маленький водопад, с шипеньем пара орошая раскаленный короб.

Почерневшие стропила круто уходили вверх, поддерживаемые несколькими большими балками, тянувшимися на все двадцать футов ширины

мансарды и дававшими приют несметному количеству мышей, возившихся в мусоре и бегавших среди опор, подобно деловитым эльфам. С балок свисали всяческие чудеса: крылатые чудища, деревянные динозавры, маски из папье-маше, причудливые воздушные змеи и деревянные же ракеты, гуттаперчевая голова обезьяны с изумленным выражением на перекошенной мордахе, огромная стеклянная сфера, наполненная множеством крохотных резных фигурок. За долгие годы, проведенные под этими балками, ярко окрашенные воздушные змеи в форме экзотических птиц и глубинных рыбин заросли паутиной и пылью, кое-где покрылись бурыми пятнами грязной дождевой воды. Немалые куски давно отъели мыши и тараканы, устроившие себе укромные жилища в руинах подвешенных диковин.

Половицы красной сосны были, однако, чисто подметены; бесчисленные инструменты, висевшие над двумя верстаками, хоть и не создавали впечатления порядка, все же поддерживались в отменном состоянии, они тускло поблескивали начищенными медными и стальными деталями в мерцании полудюжины настенных светильников из дерева и стекла. Кашляя в рукав, Кибл смахнул кучку лиловых ракушек и калейдоскоп с одного из верстаков, а после обмел его щеткой конского волоса, чья изящная резная ручка изображала растянувшуюся в прыжке лягушку.

Сент-Ив громко восхитился щеткой.

— Нравится, да? — спросил Кибл.

— И весьма, — подтвердил Сент-Ив, большой поклонник философии Уильяма Морриса¹² в отношении гармоничного сочетания красоты и пользы.

— Нажмите на нос.

— Прошу прощения?

— На лягушачий нос, — терпеливо пояснил Кибл. — Ну же, жмите. Ткните кончиком пальца.

Сент-Ив нерешительно повиновался, и верх лягушечьей головы, от носа до середины спинки, скользнул внутрь тулова, открыв длинную серебряную колбу. Кибл вытянул ее из полости, отвинтил крышечку на конце, нашарил два стакана за грудой деревянной стружки и разлил две равные порции спиртного. Сент-Ив был потрясен.

— Так что там у вас? — спросил Кибл, осушив свой стакан и спрятав его обратно.

— Оксигенатор. Надеюсь, уже вполне рабочий. В остальном полагаюсь на ваше искусство. Это последний из компонентов — остальные приборы корабля уже готовы. Запустим его в мае, если погода прояснится.

Сент-Ив развернул на верстаке свои чертежи, и Кибл нагнулся над ними, пристально всматриваясь в линии и цифры сквозь поразительно толстые линзы очков.

¹² Моррис, Уильям (1834–1896) — английский поэт, писатель-утопист, художник и дизайнер, лидер «Движения искусств и ремесел» — художественного течения Викторианской эпохи, стремившегося противопоставить самобытное ручное творчество индустриализации буржуазного общества.

— Гелий, верно?

— И хлорофилл. Измельченный в порошок. Здесь воздухозаборник, а тут рассеиватель и фильтр. В основание вмонтирован часовой механизм, рассчитанный на недельный рабочий цикл. Думаю, этого будет достаточно. Для первого полета, по крайней мере.

Пригубив из стакана, Сент-Ив повернулся к Киблу:

— Возможно ли воспроизвести двигатель Бердлипа в таком масштабе?

Кибл стянул с носа очки и, протерев стекла носовым платком, развел руками:

— Вечное движение — штука непростая, знаете ли. Все равно что пытаться извлечь яйцо из скорлупы, не меняя формы обоих овоидов, а затем подвесить оба вон там, рядышком: один дрожащий и мерцающий, а второй с виду вполне твердый и цельный. За день такое не смастеришь. Да и вся штука очень условна, не так ли? Подлинное вечное движение пока остается мечтой, хотя один мудрец, по имени Густаториус, утверждал, что добился его алхимическим путем с целью вечно вращать стекла калейдоскопа в тысяча четыреста десятом году на Балканах. Блестящая идея, да только алхимики в большинстве своем люди довольно легкомысленные. К тому же двигатель Бердлипа понемногу останавливается. Боюсь, его появление этой весной может оказаться последним.

Сент-Ив метнул в игрушечника быстрый взгляд:

— Вы так считаете?

— Ну разумеется. Когда он пролетал здесь пять лет назад, полет был угрожающе низок и в придачу маршрут пролег куда севернее, чем в шестьдесят пятом. Из чего я делаю вывод, что двигатель понемногу сдает. Аэростат может рухнуть и в море, но я полагаю, что он движется к Хампстед-Хиту¹³, откуда был запущен. В устройство двигателя встроена функция возврата в исходную точку; так мне кажется. Побочное свойство конструкции, а не нечто такое, чего я добивался специально.

Сент-Ив потер подбородок, явно не желая дать признанию Кибла перекроить свой изначальный замысел.

— Но его ведь можно сделать маленьким? Бердлип уже пятнадцатый год в полете. За этот срок я с легкостью достиг бы Марса или даже Сатурна и возвратился бы.

— Да. Одним словом, взгляните сюда.

Кибл выдвинул ящик стола и достал деревянную шкатулку. Швы креплений прямо-таки бросались в глаза, а саму шкатулку покрывали изображения символов сродни египетским иероглифам — шагающие птицы и амфибии, глазные яблоки внутри пирамид, — но она была лишена даже намека на петли или замки.

¹³ Крупнейшая из лесопарковых зон и одна из наиболее высоких точек Лондона. Холмистая местность, расположенная севернее центра, между деревнями Хампстед и Хайгейт.

Сент-Ив моментально решил, что ящичек был неким защищенным от внешних воздействий сосудом или, возможно, крохотным самозамкнутым перегонным кубом и что сейчас его попросят нажать на нос какому-нибудь нарисованному сфинксу, чтобы явить общим взорам янтарное озеро шотландского виски. Но Кибл лишь выставил шкатулку на верстак и крутанул ее вокруг оси градусов на сорок пять — шкатулка открылась сама.

Сент-Ив наблюдал, как поднялась, а затем откинулась назад крышка. Из глубины шкатулки всплыл до странности реалистичный крошечный кайман; его длинное острозубое рыло ритмично щелкало челюстями. Затем появились четыре птички, каждая в своем углу, — и кайман по очереди сожрал их, затем ухмыльнулся, закатил глаза, издал звук, похожий на скрип ржавой дверной петли, и нырнул назад в свое логово. Выждав ровно десять секунд, хищник вынырнул опять в сопровождении чудесным образом воскресших птичек, обреченных быть пожранными вновь и вновь, — и так до бесконечности. Кибл захлопнул крышку, повернул шкатулку еще на несколько градусов и улыбнулся Сент-Иву:

— У меня ушло двенадцать лет, чтобы довести до ума это устройство, но теперь оно работает ничуть не хуже двигателя Бердлипа. Это Джеку на день рождения. Ему скоро восемнадцать — он с нами уже пятнадцать лет, и, боюсь, он единственный, кто видит подобные вещи под нужным углом.

— Целых двенадцать лет? — разочарованно протянул Сент-Ив.

— Теперь такую поделку можно изготовить и скорее, — успокоил его Кибл, — хотя это чудовищно дорого.

Помолчав, он убрал шкатулку назад, в ящик стола.

— Признаться, ко мне уже приходили насчет нее... Скорее, насчет патента.

— Кто именно?

— Келсо Дрейк. Не иначе, мечтает снабдить целые фабрики вечными двигателями. Правда, я даже понятия не имею, как он прознал о ней.

— Келсо Дрейк! — простонал Сент-Ив. И чуть не добавил: «Опять!...» — но удержался от излишней театральности, и подходящий момент быстро прошел. Хотя совпадение странное, спору нет. Сперва Кракен, возвестивший, что Дрейк завладел кораблем пришельца, а теперь еще и это. Какая тут может быть связь? Сент-Ив показал на чертеж, разложенный на верстаке.

— Сколько же потребуется? Месяц?

— Похоже на то, — согласился Кибл. — Месяца будет вполне достаточно. Надолго вы в Лондоне?

— Пока не получу готовый прибор. Хасбро остался в Харрогейте, я же остановился в Пимлико, отель «Бертассо».

Озорно подмигнув Сент-Иву, игрушечник принялся отвинчивать ручку у тяжелой стамески с лезвием в два дюйма шириной, но в этот момент

наверху громко хлопнула оконная рама, будто под порывом сквозняка. От неожиданности Кибл уронил инструмент, и вездесущий виски хлынул из рукояти на чертежи оксигенатора.

— Ветер, — сказал Сент-Ив, вздрогнув от внезапного хлопка. Но едва он произнес это слово, как вспышка молнии, озарив ночное небо, высветила скрытое теньями лицо, заглядывавшее в оконный проем мансарды, а заодно послужила предвестницей внезапного обильного ливня.

Кибл вскрикнул в страхе и удивлении, Сент-Ив же бросился к стремянке, приставленной к стене под витражным окошком. Сверху донесся возглас — вопль даже — и звук чего-то, царапающего по черепице. Сент-Ив распахнул окно навстречу ударившему в лицо дождю и, выбравшись из теплой комнаты в ночь, едва успел заметить, как чья-то голова и плечи исчезают за краем крыши.

— Поймал! — донесся снизу голос Джека Оулсби, и Сент-Ив метнулся было к краю, рассчитывая последовать за неизвестным. Однако скользкая крыша непременно сбросила бы его прямоком на мостовую, и изобретатель предпочел более простой вариант: воспользоваться лестницей, как это уже сделал Кибл. Нашупывая ногой верхнюю ступень стремянки, он услышал второй крик, а за ним — скрежет и хруст, за которыми последовали залп ругательств и громкий треск рвущихся стбелей.

Сент-Ив молнией слетел по ступенькам, перемахивая через две за раз и на площадке второго

этажа миновав остолбеневшую Уинифред Кибл. Новые возгласы указали ему путь к распахнутой настежь парадной двери, за которой Кибл схватился с налетчиком, — при этом оба топтались в глубокой луже.

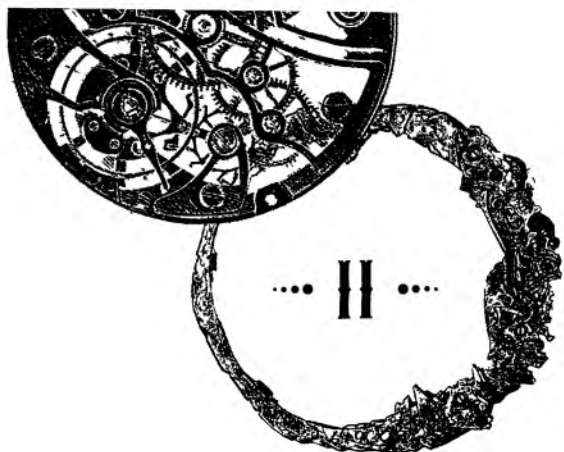
В лавке Пауэрс вспыхнули огни, чтобы мгновение спустя угаснуть и вспыхнуть снова. Вдоль по улице распахивались окна, звучали возмущенные призывы соседей: «Угломнитесь!» и «Заткни же ты пасть!» — но издаваемые Киблом крики боли были куда громче. Он обхватил соперника сзади, не давая тому улизнуть, но в попытке высвободиться налетчик прибег к запрещенному приему, раз за разом обрушивая на ногу игрушечнику свой каблук.

Сент-Ив бежал к ним сквозь ливень, призывая друга держаться, в то время как злоумышленник — вор-чердачник, надо полагать, — тащил Кибла все дальше по улице. Тут из зева дверей лавки напротив показался решительно ковылявший на протезе капитан Пауэрс с пистолетом в руке.

Едва Сент-Ив приблизился к дерущимся, рассчитывая набросить на голову неизвестного свой плащ, Кибл все же разжал хватку — да так и покатился по мостовой, запнувшись о бордюрный камень. Плащ Сент-Ива, взлетев подобно рыбацкой сети, шлепнулся в уличную грязь, а вор был таков, в несколько прыжков растворившись во мраке Споуд-стрит. Пауэрс поднял пистолет, но дистанция уже была чересчур велика, да и капитан не принадлежал к тем, кто охотно палит наугад

в надежде на случай. Сент-Ив побежал за исчезающим в ночи налетчиком, вскочив на тротуар перед трубочной лавкой, но тут же едва не сбил с ног женщину под капюшоном, вынырнувшую из проулка, который служил кратчайшей дорогой с Пикадилли.

Избегая столкновения, Сент-Ив врезался в стену, где его погоня и завершилась; преступник же окончательно исчез из виду, звук его быстро удалявшихся шагов уже почти стих. Когда же Сен-Ив обернулся извиниться перед дамой, то не увидел ничего, кроме темного твида ее плаща с капюшоном, таявшего во тьме Джермин-стрит. Порывистый ветер свистел ей вослед, поверхность луж рябила под газовыми фонарями. А с ветром явился и последний стремительный залп не по сезону холодного предрассветного дождя.

КЛУБ «ТРИСМЕГИСТ»

Сент-Ив всегда чувствовал себя в лавке капитана Пауэрс чрезвычайно уютно, хоть и не смог бы объяснить, почему так выходит. Собственное его жилище — дом детства — ничем на нее не походило. Родители юного Лэнгдона гордились своей принадлежностью к людям передовых взглядов и никогда бы не потерпели в доме ни табака, ни спиртного. Отец даже сочинил трактат о параличе, увязывая болезнь с употреблением в пищу плоти животных, и три года никакое мясо не пересекало их порога. «Яд, скверна и падаль! Все равно что есть вареную грязь», — приговаривал он. А табак? Да отца коржило от одного только упоминания этой

мерзости. Сент-Ив помнил родителя стоящим на деревянном ящике под облетевшим дубом — не вспомнить только, где именно, видимо, в парке Сент-Джеймс — и громко вещавшим равнодушной толпе о гнусном пороке невоздержанности.

Теории его постепенно съехали из науки в мистику, а затем пришли к полной тарабарщине, но и теперь еще отец Лэнгдона писал статьи, порою рифмованные, правда, теперь не покидая пределов удобно обставленного, забранного решетками подвала в северном Кенте.

Ко времени, когда Сент-Иву исполнилось двенадцать, он успел уверовать в то, что невоздержанность в услаждении органов чувств по сути своей куда менее разрушительна, чем невоздержанность в более абстрактных областях. Ничто в этом мире — а уж менее всего мясной пирог, пинта доброго эля или набитая «латакией»¹⁴ трубочка, — казалось ему, не стоит того, чтобы выходить из себя, вконец утратив доброе расположение духа.

Чем, по-видимому, и объяснялось, почему лавка капитана абсолютно его устраивала. Надо признать, она могла показаться кому-то довольно тесной и сумрачной, да и обивка нескольких мягких стульев и кушетки, составленных вместе у дальней стены, давно не притягивала восхищенных взглядов. Пружины, что тут и там торчали

¹⁴ Сорт крепкого табака.

из ее прорех, вынося на свет божий клочья конского волоса и ваты, серьезно портили репутацию предметов, которые некогда считались, вероятно, высокими образцами искусства мебелировки. А разбросанные по полу восточные ковры вполне могли послужить достойным украшением плит мечети всего каких-то шестьдесят или семьдесят лет тому назад.

Широкие скрипучие полки занимали большие жестяные банки с табаком, кое-где разделенные накренившимися стопками небрежно сваленных книг, ни единая из которых не повествовала о прелестях курения, однако вполне успешно, на взгляд Сент-Ива, оправдывала свое присутствие. «Все, имеющее хоть какую-то цену, — с удовлетворением размышлял изобретатель, — оправдывает самое себя». И мысль эта несла в себе утешение.

Крышки трех или четырех жестянок были откинута, и оттуда изливалось в неподвижный воздух почти осязаемое благоухание.

Уильям Кибл как раз склонился над одной из них, выуживая длинными пальцами щепотку табаку, отливавшего золотом и чернью в свете газовой лампы. Умяв его в чашечке трубки, он с восторгом обследовал ее содержимое с самых разных углов, прежде чем поднести спичку. Многое из того, что промелькнуло в этом действии, могло бы привлечь интерес ученого, и на какое-то время лирик, дремлющий в Сент-Иве, не на шутку сцепился с физиком; победу отпраздновали оба.

Как-то в бытность Сент-Ива студентом в Гейдельберге, под водительством Гельмгольца, ему впервые в жизни довелось прикоснуться к офтальмоскопу, и он еще помнил, как, заглянув через чудесный инструмент в глаз сокурсника, студента-художника, пустился в долгое странствие по лесным прогалинам, созерцая идиллические пейзажи. Стоило приступить к осмотру, как сквозь незатворенное окно юноше представали ниспадающие ветви цветущей груши, и маленький хоровод инструментов, обрамлявших внутренность глаза, вдруг ожил в этом видении, исполняя танец листвы, трепещущей на ветерке. На один застывший миг — уже после того, как Сент-Ив убрал офтальмоскоп, но прежде, чем моргнувшее веко аккуратно отсекло картинку, — лепестки грушевого цвета и тень плывущего за ними облака отразились в линзе человеческого глаза.

Следовало, конечно, признать, что умозаключения Сент-Ива тяготели к поэтике и странным образом противоречили эмпирическим методам науки. Но именно тончайший намек на присутствие красоты и тайны столь неодолимо тянул его к обретению чистого знания и, быть может — как знать? — обрек бродить извилистыми тропами, способными когда-нибудь привести к звездам.

Собранные капитаном жестянки с табаком — ни одна не похожа на другую, каждая прибыла из своего далекого уголка земного шара — на-

помнили Сент-Иву о витринах кондитерской. Возникшее ощущение казалось и уместным, и точным. Его собственная трубка давно потухла. Сейчас же появилась возможность опробовать какую-нибудь новую смесь. Встав, он заглянул в фаянсовую банку «Старой Богемии».

— Вы не будете разочарованы, — донеслось от дверей, и Сент-Ив, оглянувшись, увидел Теофила Годелла, стягивавшего длинное пальто на пороге. Входная дверь захлопнулась за ним, притянута сквозняком. Сент-Ив кивнул и склонил голову к сосуду с табаком, словно приглашая Годелла продолжать. Сент-Ив испытывал некий род симпатии к человеку, в облике которого ощущались прагматизм и эрудиция — их сообщали очертания орлиного носа и уверенная манера держаться.

— Изначально этот сорт был смешан королевой из правящего дома Богемии, которая каждый вечер, ровно в полночь, выкуривала трубку, одним залпом осушала стаканчик бренди с горячей водой и лишь затем отбывала ко сну. Оздоровляющий эффект подобных процедур неоспорим.

Сент-Ив ни секунды не сомневался в волшебном воздействии полной трубки целительной смеси. И уже взгрустнул было о невозможности отдать должное прочим предписаниям королевского ритуала, когда заметил краешком глаза, как капитан Пауэрс выходит из кладовой лавки с подносом и бутылками. Радостно улыбаясь, Годелл всплеснул руками.

Следом за капитаном, с кепкой в руке, плелся Билл Кракен, шевелюра которого являла настоящее чудо нерукотворной укладки волос при помощи ветра. Джек Оулсби, пригнувшись, вошел за Гodelлом, тем самым увеличивая собрание до семи человек, включавших и Хасбро, слугу и помощника Сент-Ива, который сидел, листая томик «Истории Пелопонесской войны»¹⁵ и задумчиво потягивая из стакана портвейн.

Капитан прохромал к своему мягкому креслу и устроился в нем, без лишних объяснений поведя рукой в направлении бутылок и стаканов на подносе.

— Благодарствую, сэр, — вымолвил Кракен, склоняясь к бутылке «Лафройга»¹⁶. — Приму глоточек, сэр, коли настаиваете.

Плеснув в стакан на дюйм, он с гримасой опрокинул в себя ароматную жидкость. Сент-Иву показалось, что Кракен не совсем в порядке, чересчур бледен и растрепан. Или «загнан», вот подходящее слово.

Сент-Ив пристально всмотрелся: руки Кракена дрожали, покуда он, с очевидным креном набок, не содрогнулся весь с головы до пят под благотворным воздействием виски, придавшим ему устойчивости. Возможно, бледность и встрепанность Кракена объяснялась именно долгим отсут-

¹⁵ Сочинение древнегреческого историка Фукидида (ок. 460—400 гг. до н. э.).

¹⁶ Марка одного из известных шотландских односолодовых виски.

ствием в его организме алкоголя, а не чувством вины или страха.

Капитан постучал по прилавку чашкой трубки, и в лавке воцарилась тишина.

— Как и все вы, я был склонен полагать, что в субботу нас посетил простой воришка-чердачник, но это не так.

— Разве? — поразился такому известию Сент-Ив. Впрочем, подобные подозрения брезжили и у него самого: слишком уж много чертовщины было в тот визите, чтобы он оказался случайностью. Слишком много лиц в окнах, слишком много повторявшихся имен, слишком много загадочных нитей, чтобы не посчитать случившееся частью обширного и сложного сплетения обстоятельств.

— Определенно, — ответил капитан, поднося спичку к трубке. Выдержал драматичную паузу и сощурился, оглядывая комнату. — Этот наш вор вернулся сегодня днем.

Кибл покивал: верно, тот же самый. Кибл еще не забыл его затылка, хоть и сумел признать гостя только по нему. Уинифред была в музее, составляла каталог трудов по чешуекрылым. Джек с Дороти, хвала господу, отправились на цветочный рынок за тепличными бегониями.

Кибл, повозившись с двигателем, убрал все, что имело к тому отношение — чертежи, устройство с кайманом, заметки, — в тайник под полом, о присутствии которого не догадался бы никто, ни одна живая душа, и прилег на часок; к полудню

он вконец сморился и с радостью приветствовал явление легкокрылого Морфея. Не тут-то было: из дремы его выдернул громкий треск. Ну конечно: опять окно мансарды! Прозвучали шаги. Кухарка, вошедшая в заднюю дверь с цыпленком в руках, столкнулась с вором и залепила ему по физиономии ошипанной птицей, прежде чем потянуться за разделочным ножом.

Как и был, в одной ночной сорочке, Кибл выскочил из дому и побежал за злодеем по узкому проулку. Но продолжать преследование на людной улице он, однако, не отважился — из соображений благопристойности. Ночная сорочка, как-никак. Немыслимо! К тому же мешала нога, еще толком не залеченная после первой схватки.

— И зачем же он явился? — спросил Годелл, прерывая рассказ Кибла. — Вы уверены, что он не собирался вас ограбить?

— Он проскочил мимо множества ценностей, — отмахнулся Кибл, наливая себе третий стакан портвейна. — Хотя запросто мог бы набить карманы по пути от чердака до входной двери.

— Значит, ничего не пропало? — вмешался Сент-Ив.

— Отчего же. Он стащил чертежи колбасной жаровни для установки на крыше. Я намеревался опробовать ее в следующую же грозу. Есть в молниях нечто такое, что немедля наводит меня на мысли о колбасе. Сам не знаю почему.

Годелл вынул изо рта трубку и недоверчиво сощурился:

— Говорите, он вломился в дом, чтобы выкрасть чертежи этой вашей дивной жаровни?

— Ничуть не бывало. Я скорее полагаю, что вор охотился за чем-то другим. Ковырял полы фомкой, то есть явно подглядел, как я прятал чертежи в тайник. Определенно. Но открыть так и не смог. У меня есть версия, что он подпер палкой чердачное окно, дабы пролезть внутрь. Палка соскользнула, створка с грохотом захлопнулась, запор защелкнулся, и в панике вор схватил первую попавшуюся пачку чертежей, с которой и бежал, надеясь выскочить в заднюю дверь прежде, чем я проснусь. Там кухарка и застала его врасплох.

— И какой же ему прок от этакой добычи? — спросил капитан, выколачивая чашечку трубки о свою костяную ногу.

— Понятия не имею, — признался Кибл.

Поднявшись, Годелл выглянул за окно, где мусор танцевал на ветру, что метался по ночной Джермин-стрит.

— Бьюсь об заклад, не пройдет и месяца, как Келсо Дрейк выпустит эту вашу жаровню на рынок. Не выгоды ради, вы понимаете — дохода от нее всего ничего, — но просто ради забавы утереть нам нос... Получается, вор заявился за секретом вечного двигателя?

Кибл собирался выразить согласие с этой догадкой, но его остановил громкий стук в дверь.

Капитан мгновенно поднялся с кресла, прижав палец к губам. Кроме семерых присутствующих, доверять они не могли никому, и уж конечно, никому из тех, кому могло быть дело до заседания клуба «Трисмегист». Кракен выскользнул в кладовую, Годелл сунул руку за отворот сюртука движением, заставившим Сент-Ива вздрогнуть.

В проеме отворенной двери стоял человек, чей возраст не поддавался точному определению ввиду его ужасающего состояния. Ему могло быть тридцать или, пожалуй, двадцать пять: среднего роста, с чуть заметным животом, угрюмый и слегка сутулый. Улыбка, игравшая в уголках рта вошедшего, явно была фальшивой и ничуть не оживляла холод в его взгляде — краснота глаз и тени вокруг них скорее всего следовало приписать излишним штудиям при недостаточном освещении.

Сент-Ив сразу определил в посетителе студента, хоть и не из тех, что изучают нечто понятное или практичное. Этот человек принадлежал к породе людей, осваивающих темные искусства, или же к тем, что мрачно и многозначительно качают головами над циничной, прискорбной поэзией, принимают опиаты и бесцельно бродят по полуночным улицам просто от избытка горести и желчи. Щеки его были впалыми до такой степени, словно он грыз их изнутри или начал превращение в особо колоритную рыбу. Незваному гостю явно не помешали бы пинта хорошего

эля, пирог с почками и компания полудюжины веселых приятелей.

— Я намерен обратиться к собранию членов клуба «Трисмегист», — с едва различимым поклоном произнес вошедший. Никто не ответил — потому, может статься, что означенного обращения так и не последовало, или же просто потому, что он, похоже, и не ожидал ответа. Ветер завывал у него за спиной, взметая истрепанные полы пальто.

— Входи, дружок, — после долгой паузы пригласил капитан. — Налей себе стаканчик бренди да изложи свое дело. Видишь ли, это частный клуб, и никто, находясь в здравом уме, не пожелает вступить в него, если ты улавливаешь намек. Мы тут все бездельничаем и, можно сказать, не испытываем нужды в лишних руках для починки парусов.

Слова капитана совершенно не тронули пришельца. Он представился Уиллисом Пьюлом, знакомым Дороти Кибл. Глаза Джека Оулсби сузились: он был уверен в лживости такого объяснения. Мало того что ему были известны все друзья девушки, но еще и казалось, что Дороти не стала бы водить знакомство с подобным типом.

И все же оспорить заявление Пьюла он не спешил, не желая оскорбить дух гостеприимства — в конце концов, лавка принадлежала капитану, — хотя Пьюл самым своим появлением бросал вызов присутствующим.

Все еще держа руку за отворотом сюртука, Гodelл обратился к Пьюлу, даже не тронувшему предложенный капитаном стакан.

— И кто же *мы*, по-вашему? — осведомился он.

Вопрос явно обескуражил Пьюла.

— Клуб... — промямлил он, уставившись на Гodelла, и поспешил отвести взгляд. — Исследовательское общество. Я изучаю алхимию и френологию, читал кое-что о работах Себастьяна Оулсби. Крайне интересная тема.

Эту нервную тираду Пьюл произнес, к своему неудовольствию, дрожащим, тонким голосом. Джек был оскорблен уже дважды: первый раз упоминанием Дороти, а теперь еще и именем отца в этих лживых устах. Придется ему вышвырнуть Пьюла на улицу...

Впрочем, Гodelл опередил молодого человека, описав свободной рукой широкую дугу и поблагодарив Пьюла за проявленный интерес. Клуб «Трисмегист», объяснил он, посвятил себя биологии — вернее, лепидоптерии, изучению чешуекрылых. Они заняты составлением определителя мотыльков Уэльса, и их дискуссии едва ли принесут пользу студенту-алхимику. И уж тем более френологу — хотя, по личному суждению Гodelла, это во всех отношениях достойная дисциплина. Им всем ужасно жаль. Капитан вторил Гodelлу вежливым сожалением, а Хасбро, ведомый интуицией, приподнялся и, отвесив грациозный поклон, проводил гостя до дверей.

После выдворения Пьюла в лавке повисло молчание. Годелл порывисто встал, сдернул с крюка плащ и выбежал наружу.

Сент-Ив был изумлен тем, как быстро и искусно Годелл выставил Пьюла, который, допустим, явно не был человеком их круга, но мог иметь и всецело добрые побуждения. В конце концов, он не принес бы большого вреда похвалой в адрес Оулсби, хотя эксперименты последнего далеко не всегда заслуживали восторгов.

И то правда, даже по зрелом размышлении Сент-Ив не мог определить, какая именно часть работ Оулсби могла так восхитить Пьюла. Это так и осталось загадкой для всех. Очевидно, никто из присутствующих никогда не встречал этого человека.

Кракен высунул голову из кладовой, и капитан Пауэрс жестом пригласил его присоединиться к остальным. Годелл и Пьюл были на время забыты; в ответ на просьбу капитана, Кракен изложил историю о месяцах своей работы на Келсо Дрейка, миллионера, расцвечивая ее пересказами читанного по вопросам науки и метафизики, в глубины которых он имел обыкновение погружаться на ежедневной основе. То, что было ему явлено, он может заверить собравшихся, способно поразить их всех. А вот Келсо Дрейк... ничто в Келсо Дрейке не поражало Билла Кракена. Нет, сэр, Кракен ни минуты не стал бы терпеть людей, подобных Келсо Дрейку, несмотря даже на все их сказочные богатства.

Кракен хлебнул скотча, и лицо его медленно побагровело.

Келсо Дрейк вышвырнул его, пригрозив трепкой. Еще посмотрим, кто кого. Дрейк жалкий трус, он сутенер и жулик. Да пусть Дрейк творит, что заблагорассудится, ему же хуже. Кракен ему еще покажет.

Нет ли у Кракена новостей о машине, осторожно поинтересовался Сент-Ив. Не то чтобы, был ответ, она теперь в Вест-Энде, в одном из нескольких Дрейковых борделей. Сент-Иву это ведомо? Ведомо, но знает ли Кракен, в каком именно борделе? Кракену это не известно. Ноги Кракена не будут в тех борделях. Никаким стенам не удержать вместе их обоих, его и Дрейка. Стены разлетятся во все стороны, и тогда мелкие кусочки Дрейка смертоносным дождем осыпятся на Лондон.

Сент-Ив кивнул. Нет, вечер не принесет новых сведений об инопланетном корабле, ему следовало бы это предвидеть. Кракен тем временем пустился в пространные рассуждения, интересные только ему самому: его внезапно прорвало путаной лекцией об обратном вращении оспицованного колеса, и так же резко он прервал ее, вдруг обратившись к Киблу:

— Билли Динер! — выдохнул он.

— Что? — переспросил захваченный враг сплех Кибл.

— Билли Динер, говорю же. Тот малый, что вломился в ваше окно.

— Ты его знаешь? — изумился Кибл. Капитан Пауэрс выпрямился в кресле, прекратив барабанить пальцами по прилавку.

— «Знаешь его!»! — пошатнувшись, вскричал Кракен, но развить эту тему не озаботился. — Это Билли Динер, и никто другой, говорю вам. Никто в здравом рассудке и на милую не захочет подойти к этому ловкачу. Работает на Дрейка. Я тоже как-то этим промышлял, но больше ни-ни. Только не на таких, как он!

С этими словами Кракен снова потянулся к бутылке виски.

— Человеку надобно выпить, — объявил он, имея в виду, как посчитал Сент-Ив, человечество вообще и намереваясь восстановить справедливость в отношении всех тех, кто не имел сейчас возможности удовлетворить эту конкретную потребность. После чего Кракен весьма быстро обмяк в кресле и так громко захрапел, что по распоряжению капитана Джек Оулсби и Хасбро перенесли его в кладовую, где устроили на кровати, а по возвращении плотно затворили за собою дверь.

— Билли Динер, — обратился Сент-Ив к Киблу. — Это имя вам знакомо?

— Впервые слышу. Но за взломом стоит Дрейк, теперь это ясно. Годелл был прав.

Эта мысль, кажется, повергла Кибла в уныние, словно бы он предпочел, чтобы взлом организовал кто угодно, лишь бы не Дрейк. Обычный вор-чердачник был для него куда предпочтительнее. Кибл разлил по стаканам остатки виски

и со стуком вернул опустевшую бутылку на поднос в тот самый миг, когда Теофил Годелл проскользнул в дверь из ночного мрака и с осторожностью прикрыл ее за собой.

— Прошу простить мое исчезновение, — тут же объявил он. — Едва ли подобное поведение может считаться позволительным для джентльмена, коим я искренне надеюсь оставаться в ваших глазах.

Капитан лишь отмахнулся, Хасбро с упреком поцокал языком.

Годелл же продолжал:

— Я поспешил выдворить мистера Пьюла вон лишь потому, что знаю его, о чем он сам, я уверен, даже не догадывается. Могу вас уверить, этот человек не желает нам добра. Позавчера я видел его в компании вашего Нарбондо, — тут Годелл кивнул удивленному капитану. — Мне показалось, этих двоих объединяет далеко не шапочное знакомство, и пускай мы могли бы подыграть Пьюлу немного и постараться понять, из какого теста он слеплен, я посчитал такой вариант чересчур рискованным: сложившаяся ситуация представляется мне довольно серьезной. Но простите, если я проявил излишнюю торопливость. Спешка была неуместна, но я вознамерился сразу же подтвердить свои опасения и последовал за Пьюлом до Хеймаркет-стрит, где тот встретился с нашим горбуном. Вдвоем они сели в кэб, а я вернулся сюда, стараясь соблюдать приличия и не срывать на бег.

Сент-Ив был потрясен. Очередная тайна!

— Горбун? — переспросил он, поворачиваясь к капитану, который pokrивился и кивнул. — Игнасио Нарбондо?

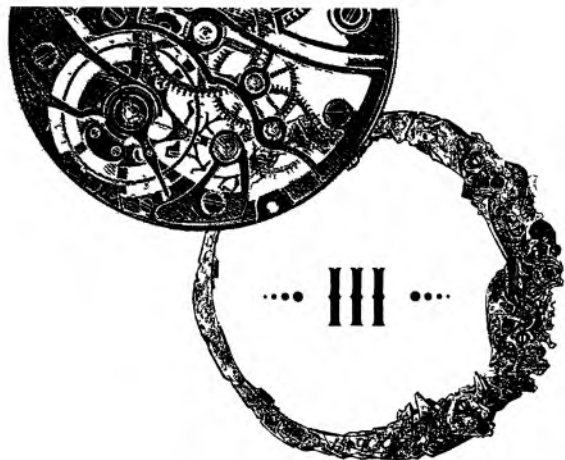
Капитан кивнул вновь, и Сент-Ив умолк. Лес, и без того непроходимый, становился все гуще. Не менее таинственным, чем все прочее, было и знакомство капитана Пауэrsa со зловеющим доктором — достаточно близкое, по-видимому, чтобы капитан старался быть в курсе всех предприятий Нарбондо. Но с какой целью? Этот вопрос не стоило задавать прямо сейчас.

Лэнгдон Сент-Ив вовсе не был единственным, кого немало озадачили последние события; Джека Оулсби, пожалуй, более остальных снедало сердитое любопытство. Он едва был знаком с капитаном, который, по мнению Джека, занимался довольно странными для простого табачника делишками. Годелла он не знал вообще. И уверен Джек был лишь в одном — он либо женится на Дороти Кибл, либо пустит пулю себе в лоб. Малейший намек на то, что она против своей воли могла втянуться в пучину интриг, заставлял его вскипать от гнева. Мысль об Уиллисе Пьюле подавляла Джека ничем не оправданной ревностью. Из окна его спальни, вспомнилось Джеку, отлично просматривалась внутренность лавки капитана. Отныне он постарается не спускать с нее глаз.

Скоро пробьет час ночи, а добиться ясности так и не выходило. Подобно хорошему стихотворению, ночное происшествие породило больше

вопросов и обнажило больше тайн, чем пока удалось разрешить.

Шестеро договорились встретиться через неделю или раньше, если случится нечто примечательное. На том и разошлись: Кибл и Джек — через улицу, Хасбро и Сент-Ив — в сторону Пимлико, Теофил Годелл — к Сохо. Кракен остался у капитана, ибо вряд ли кому удалось бы пробудить его до наступления утра, несмотря на душераздирающий плач ветра, гремевшего ставнями и свистевшего под карнизами крыш.

КОМНАТА С ВИДОМ

Открытые двери питейных заведений и недорогих гостиниц вдоль Бакеридж-стрит клубились табачным дымом, выплывавшим наружу, чтобы раствориться в лондонском тумане, желтоватом и едком в недвижимом воздухе.

За одной из таких дверей любой заглянувший на огонек посетитель увидел бы сухопарого старика, который сидел за столиком в темном углу перед недопитым стаканом кларета и, отнюдь не скрываясь, обрезал неровности на краях фальшивых полукрон и шлифовал их миниатюрным трехгранным рашпилем. Работой этой он занимался весь вечер, неустанно швыряя очищенные голубоватые монеты в корзинку, прикрытую стопкой религиозных трактатов, суливших приближение Судного дня.

Сбытчиков монеты он не нанимал, предпочитая распространять ее с большей выгодой и риском через верных своих агнцев, понимавших, что они трудятся во благо Шилоха, Нового Мессии. Славные выходили монетки: только посеребрить, и они посодействуют делу рук Божиих. Близилось время, когда труд сей придет к концу. Преподобный Шилох исчислил появление ужасного дирижабля с точностью до дня. Дважды оно случалось ранним утром, а в последний раз, четыре с половиной года тому назад, знамение явилось с запада, озаренное тускневшей луной, и его до невероятия живой пилот всматривался с небес на кишевшие народом улицы и площади.

В историческом смысле недавние годы были полны бедствий и худых знамений, а последние месяцы мало чем запомнились, не считая коронации королевы как императрицы Индии и роста вялых столкновений в Туркестане. Впрочем, уже в следующем месяце все изменится, это наверняка: перемены сотрясут всю планету, сдвинут ее с привычной оси и, Шилох не сомневался, откроют людям истину о колоссальном значении его прихода в этот мир, поведают им о подлинной, невероятной личности его отца.

Двенадцать лет миновали с того дня, как Шилох предстал в Кингстоне перед Нелвиной Оулсби и плети цветущих вьюнков на балконе позади нее скрыли их обоих от полуденного солнца. В смятенном порыве душевного раскаяния Нелвина поведала пророку о существовании крохотного существа

из ларца, о его незавидной судьбе. Но религиозный экстаз длился недолго, и, отрехшись от сказанного, той же ночью она удалилась на Подветренные острова, на целых двенадцать лет оставив Шилоха гадать, насколько правдив был ее рассказ.

Только решающий день уже близок. И в долгой ночи, которая последует за ним, многих будет ждать расплата за грехи их. Проще сосчитать тех, кого не постигнет кара, — рассеянные по всему Лондону, они несут людям слово истины, раздают брошюры, исполняя его волю. Шилох мысленно благословил свою паству, швыряя очередную монету в общую кучу.

«Что посеешь...»¹⁷ — пробормотал он вполголоса.

Более всего на свете он желал бы лицезреть крушение тех, кто воздал его матери хулою, кто диагностировал у нее водянку, когда она точно знала, что носит под сердцем Мессию; тех, кто отрицал самое его существование, кто насмеялся над возможностью союза земной женщины и Бога.

Но они были мертвы, эта скверна в человеческом обличье, уже много лет — ему их не достать. А посему Шилох терпеливо продолжал труд своего отца. Ведь крохотный человек в ларце, гомункул во владении Себастьяна Оулсби, был ему отцом. И пускай Фомы неверующие продолжают не верить, в пекле на всех хватит котлов.

¹⁷ Эта известная пословица — почти точная библейская цитата. В синодальном переводе Нового Завета: «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал., 6:7).

Рассеянно срезая заусенцы, потирая шлифованную монету пальцами, он глядел, как по улице ползет туман. Явись хотя бы малейший шанс, самая призрачная надежда, что горбун сумеет воскресить его мать, Джоанну Сауткотт, чье тело лежало под суглинками Хаммерсмитского кладбища, — о, если бы утраченная плоть могла быть обретена вновь, пробуждена к новой жизни... Шилох сжал ручку корзины, захваченный этой мыслью. Такое деяние стоило бы тысячи оживленных Нарбондо трупов, целого миллиона тел. Конечно, они не были подлинными новообращенными, но они безропотно трудились, ничего не требуя взамен и не питая никаких сомнений. Возможно, это и *есть* идеальная паства? Шилох вздохнул. Последняя монета была очищена.

Он встал, завернулся в темный драный плащ, допил свой кларет и зашагал к расшатанной лестнице, прожигая взглядом всякого, кто осмеливался поднять на него глаза. Этажом выше было темно, лишь единственная сальная свеча горела в загаженной стенной нише. Треугольник черной копоти, расплывавшийся над свечой, отнюдь не был самым густым из всех грязных пятен на штукатурке.

Дверь опять заело; Шилох потянул вверх ручку и пнул ногою в нижнюю часть, где дверь упиралась в пол. Комната за нею выглядела пустой, если не считать кучи тряпок в углу, служивших пророку постелью, колченогого деревянного стула и упертого в стену небольшого складного стола.

Он прошел к стене, за которой гудел ветер, и отдернул завесь. Здесь хранились святыни крошечного алтаря: серебряное распятие, портрет-миниатюра с благородным ликом его матери и карандашный набросок существа, коего Шилох почитал своим отцом; человечек этот мог бы станцевать на ладони проповедника, не питай Шилох стойкого отвращения к пляскам и не обретайся похищенный гомункул уже четырнадцать лет неведомо где.

Рисунок был выполнен Джеймсом Клерком Максвеллом¹⁸ — тем самым, что за месяцы обладания так называемым демоном имел не более понятия о том, кто или что это такое, чем умиравший от неведомой изнурительной хвори абиссинец, продавший человечка восемьдесят два года тому назад Джоанне Сауткотт и приведший тем самым в движение тяжелые, скрипучие жернова апокалипсиса.

Шилох приподнял уставленный святынями алтарь, отодвинул в сторону искусно сокрытое фальшивое днище и опустил внутрь монеты. Из того же тайника он выудил мешочек готовых, уже посеребрённых монет, вернул алтарь на место, снова завернулся в свой плащ и вышел. Шествуя к дверям, он ни с кем не заговаривал; улица за порогом встретила его колючим ветром, который яростно свистел и гнал пыль по брусчатке, убедительно призывая всех и каждого не покидать своих теплых жилищ. Единственный прохожий — дородный мужчина

¹⁸ Историческая личность (1831–1879), британский физик, математик и механик.

с тростью и повязкой на глазу — хромал позади, одной рукой придерживая шляпу, чтобы не позволить ветру унести ее. Спеша попасть в Сохо, Шилох не обращал на него внимания.

Дома, выходившие на узкий отрезок Пратлоу-стрит, втиснутый между Олд Комптон и Шафтс-бери-стрит, выглядели жалкими в своей неухоженности.

Порой летящие годы и непогода облагораживают облик зданий, заостряя приметы ушедших времен и превращая их в свидетельства тонкого художества природы, но на Пратлоу-стрит вышло иначе. Повсюду свешивались покореженные ставни вечно темных окон, чьи рамы чудом держались на гвоздях и шурупах, почти обращенных в ржавую пыль. Предпринятая некогда попытка оживить фасады лавок веселенькой краской демонстрировала при-сущее маляру весьма своеобразное чувство гармонии; к тому же он уже лет двадцать как помер. Его старания сделали улицу разве что уродливее и безрадостнее, даже в сравнении с другими, а серовато-зеленая краска, год за годом облетающая и вздувавшаяся крокодильей кожей под солнцем, которое нечасто гостило в этом неудобном месте, после каждого дождя грязными ошметками бежала по мостовой.

Пожалуй, найти целое оконное стекло было сложнее, чем обнаружить разбитое, а единственным свидетельством усердия местных жителей оставалось изъятие грязных осколков из рам подвальных

окошек с последующим втаптыванием стекла в булыжники мостовой. Целью этих усилий, вероятно, было облегчить жизнь всем тем, кто предпочитал вползать внутрь домов через окна, что вполне понятно, поскольку большинство здешних дверей, пребывавших в мерзком запустении, криво болталось на ржавых петлях, избавляя людей достойных от всякого желания проникать в находящиеся за ними помещения.

Воздействие этого места под покровом дымного тумана было столь невыразимо угнетающим, что человек, свернувший сюда с Шафтсбери, непроизвольно содрогнулся. Он сдвинул глазную повязку поближе к носу, словно то была простая бутафория и ему хотелось видеть только самую малую часть улицы. Он сосредоточенно смотрел на разбитые камни мостовой, игнорируя лопотание оборванного мальчишки и оклики сумрачных фигур, ссутулившихся в тени разбитого крыльца.

Пройдя улицу до середины, человек с повязкой на глазу отомкнул одну из дверей и, шмыгнув внутрь, взбежал по ступеням темного, почти вертикального пролета. Он вступил в комнату с окном, выходившим на пустынный внутренний двор; темноту чуть рассеивали лишь тусклые огни газовых рожков дома напротив.

Туман клубился во дворе, то понемногу рассеиваясь, то закручиваясь и уплотняясь, что лишь изредка давало возможность взглянуть в комнату напротив — комнату, где стоял человек с сильно заметным горбом на спине, разглядывающий

настенную карту и держащий в руке скальпель, на лезвии которого играли отсветы ламп.

Игнасио Нарбондо раздумывал о трупe, лежавшем перед ним на столе. Печальное зрелище: две недели как мертв, пол-лица снесены жестоким ударом, лишившим несчастного одного глаза и носа, а челюсть изувечившим так, что пожелтевшие зубы торчали теперь из широкой прорехи в щеке; выставленные напоказ усохшие десна вселяли тревогу.

В оживлении этого экземпляра было мало пользы. Что покойный станет делать, черт возьми, если снова поднимется на ноги? Народ пугать, и только? «Он мог бы просить милостыню», — решил Нарбондо. Вот именно. Никчемный шарлатан Шилох легко выдаст его за раскаявшегося грешника-сифилитика, кому давно следовало бы умереть, если бы не чудо Господне.

Нарбондо зафыркал, сдерживая смех. Его тонкие сальные волосы кольцами червей опускались на искривленные плечи, покрытые халатом, охристым от застаревших пятен крови и грязи.

Вдоль одной стены было составлено химическое оборудование: груды стеклянных змеевиков, реторт, вакуумных установок и толстых стеклянных кубов: некоторые из них были пусты, в других плескалась янтарного цвета жидкость, а в одном плавала голова огромного карпа. Глаза рыбы казались ясными, не тронутыми смертью, и вроде бы даже вращались в глазницах, хотя последнее могло быть оптическим обманом ввиду бурления жидкости. На бронзовой

цепи в углу болтался человеческий скелет; над ним, выстроившись на широкой полке, стояли вместительные банки для образцов, содержавшие зародышей на разных стадиях развития.

У противоположной стены булькал огромный аквариум, заросший элодеей и лисохвостом, с полудюжиной многоцветных кои¹⁹ в руку длиною. Нарбондо оставил созерцание трупа и проковылял к аквариуму, внимательно приглядываясь к рыбам.

Сунув руку в оловянное ведерко, он вытащил клубок коричневых нитевидных червей, спутанный и шевелящийся, швырнул в воду. Пятеро кои взмыли с разинутыми ртами, всасывая пищу. С минуту Нарбондо следил за шестым карпом, который не удостоил угощение вниманием и продолжал кружить у поверхности: накреньясь набок, глотал воздух и замирал время от времени, пока не начинал опускаться в водоросли, чтобы затем, с огромными усилиями, вернуться наверх.

Горбун выволок из ящика под аквариумом широкий сачок. Отодвинув стеклянную крышку, он забрался на табурет, одним быстрым движением подсек бившуюся рыбу, сунул средний палец свободной руки ей под жабры и, выдернув из воды свой улов, бросил на пробковый лист в футах от головы лежащего трупа и вонзил два шила в голову и в хвост рыбине. Та беспомощно дергалась несколько секунд, которых Нарбондо вполне хватило, чтобы вспороть карпу брюхо. Он полил свою жертву жидкостью

¹⁹ Пестрый японский карп, декоративный и одомашненный.

из стеклянной бутылки, а потом вырвал у нее внутренности, отсек их и смахнул в ящик у ног.

Внезапно в дверь забарабанили, и Нарбондо коротко, громко выругался. На пороге возник Шилох-проповедник, закутанный в плащ и с кожаной сумой в руке. Нарбондо не удостоил его и взгляда, нащупывая в брюшной полости карпа маленькую пульсирующую бобовидную железу. Перерезал державшие ее нити, подцепил тонкой лопаточкой и сбросил железу во флакон с янтарной жидкостью, который поместил на полку с зародышами. Сдернув выпотрошенного карпа с пробкового листа, он скинул рыбу в тот же ящик вниз и пинком отправил под стол. И лишь тогда вскинул глаза на старика, наблюдавшего за этими действиями со смесью интереса и отвращения.

— Кошачий корм, — обронил Нарбондо, кивнув в сторону мертвой рыбы.

— Прискорбная расточительность, — ответил Шилох. — Дети божьи голодают без хлеба.

— Так сотвори же чудо насыщения народа! — воскликнул Нарбондо, взбешенный лицемерием старика. Одним рывком выдернув рыбу из ящика, он высоко воздел ее за хвост и, потрясая в воздухе карпом, забрызгал пол кровью. — Полдюжины таких, и ты сможешь накормить целый Лондон!

От услышанного богохульства Шилох скривился:

— Люди умирают от голода на этой самой улице.

— А я, — прохрипел Нарбондо, — я поднимаю их и заставляю ходить. Но ты прав, это стыд

и срам. «Когда б не милость Провиденья»²⁰ и все такое.

Он прошествовал через комнату, отпер ставню, распахнул окно и выбросил карпа на мостовую, где того немедленно окутало облачко серебристой чешуи.

Следом туда же был опорожнен ящик с потрохами — прямо на головы двух мужчин и старухи, которые уже сцепились из-за рыбы, оглашая улицу криками и проклятиями. Раздраженно захлопнув створку, Нарбондо приглушил шум назревающей свары и, с брезгливостью в лице отвернувшись от окна, вырвал кожаную суму из руки старика.

Проповедник испуганно вскрикнул, но быстро овладел собой и пожал плечами.

— Кто сей несчастный брат? — спросил он, кивая в сторону трупа на столе.

— Некий Стефан Биддл, сбитый кэбом пару недель тому назад. Лошади затоптали его насмерть, бедолагу. Но я всегда говорю: мертвецы тоже умирают, мы оживим этого бездельника. Завтра к полудню будет разносить брошюры не хуже прочих, если ты будешь так добр убраться отсюда и оставить меня в покое, — вывернув сумку на стол, Нарбондо присмотрелся к одной из монет. — Ты мог бы зарабатывать лишку, продавая их сбытчику самостоятельно и не перекладывая эту обязанность на меня. Видишь ли, мое время дорого стоит.

²⁰ Отсылка к одноименной «песне протеста» американского фолк-исполнителя Фила Оукса (1940–1976).

— Я плачу за скорое возрождение царства Божиего, — последовал ответ, — а что до торговли монетой, у меня нет ни желания рисковать, ни склонности якшаться с мазуриками этого сорта. Я...

Глухой хохот Нарбондо прервал тираду. Горбун отсмеялся, утер глаза и покачал головой.

— Приходи завтра в полдень, — сказал он, кивая на дверь. Та же не замедлила отвориться, впуская Уиллиса Пьюла с охапкой книг. Он неприветливо поклонился Шилоху и сунул ему потную руку, только что теребившую созревающий на щеке фурункул. С выражением превосходства и отвращения на лице проповедник широким шагом направился к распахнутой двери, оставив без внимания протянутую кисть.

Занавески в окне второго этажа дома напротив задернулись, чего не заметили ни Пьюл, ни Нарбондо, уже согнувшийся над безжизненным телом на столе. Минутой позже входная дверь означенного здания отворилась, и человек с повязкой на глазу сбежал по полудюжине ступеней крыльца на мостовую, надеясь не выпустить из виду удалявшегося проповедника, который взял курс на Уорддор-стрит, ведущую к Вест-Энду.

Лэнгдон Сент-Ив брел по улице в вечерних сумерках. Живительное действие шампанского и устриц, которыми он опрометчиво отобедал, быстро слабело под натиском общего отчаяния, нараставшего от тщетности поисков борделя — подумать

только! — в котором он не смог бы признать «тот самый», даже уткнувшись в него лбом. Хуже того, сию деликатную миссию он взял на себя по совету человека, изувеченного годами беспробудного пьянства, который на полном серьезе считал, что Земля опоясана ремнем, имеющим целью поддержать пару экваториальных штанов.

Неприятнее всего был спектакль, сопровождавший переход к сути дела: предстояло дать распорядителю понять, что ему требуется не беглое удовлетворение, что акт должен непременно включать и машинерию... Вернее, некий определенный механизм. Бог весть, какие умозаключения вызывала к жизни эта просьба, какие преступные бесчинства в эту самую минуту вменялись в вину технологиям. Стоило, пожалуй, налечь на шампанское. Полумеры никогда не срабатывают.

Будь Сент-Ив основательно пьян и шатайся он при ходьбе, его уши не так ужасно горели бы во время исполнения этого нелепого монолога. И тогда, если когда-нибудь в будущем ему доведется столкнуться на людях с кем-то из опрошенных хозяев притонов, он смог бы свалить вину на постыдное опьянение. Но увы, он был непростительно трезв!

Следуя указаниям кэбмена, он приблизился к двери с маленьким подъемным окошком, трижды постучал и отступил на фут-другой, чтобы не выглядеть изнывающим от похоти. Дверь тяжело отворилась, и наружу выглянул ливрейный лакей, кажется, слегка раздосадованный. Просто вылитый Хасбро, которого Сент-Ив от всей души желал бы иметь

своим спутником в этом приключении. Выражение лица лакея ясно подсказывало, что Сент-Иву, с его трубкой и твидовым пальто, следовало бы удалить-ся в проулок и стучать в заднюю дверь.

— Да? — обронил лакей, готовясь произнести заученную отповедь.

Сент-Ив бездумно почесал фальшивую, подклеенную к подбородку бороду, порой норовившую поддаться действию гравитации и бесславно пасть на землю. Кажется, держится довольно прочно. Он зажал монокль глазницей и сощурил свободный глаз, чтобы испепелить лакея сквозь прозрачную линзу. Стоило создать впечатление отстраненной, рафинированной снисходительности.

— Кучер моего кэба, — начал Сент-Ив, — посоветовал мне искать у вас некоего удовлетворения, — и хмыкнул в кулак, уже сожалея о выборе слов. Что может подумать этот малый? Идет ли речь о вызове на дуэль? Или это лишь грубый намек на плотские удовольствия?

— Удовлетворения, сэр?

— Совершенно верно, — отчеканил Сент-Ив. — Если без обиняков, мне было указано, что здесь смогут дать мне опробовать, скажем так, некую особую машину.

— Машину, сэр? — в голосе лакея звенело искреннее возмущение. Едва возникнув, подозрение обратилось уверенностью: Сент-Ив уже не сомневался, что его провели — либо кэбмен, либо этот ухмыляющийся упрямец, чей подбородок нагло торчал вперед, точно вытянутый щипцами. Лакей сто-

ял молча, разглядывая Сент-Ива в полуотворенную дверь.

— Возможно, вы не поняли, любезный, с кем говорите, — ответом ему было молчание. — У меня имеются некоторые... желания, скажем так, связанные с механическими аппаратами. Уловили смысл?

Изобретатель многозначительно сощурился, в процессе выронив монокль из глазницы; тот звякнул о пуговицу пальто, и Сент-Ив, смешавшись, зашарил в бороде.

— А-а... — протянул красноречивый оратор в дверях. — В следующий раз воспользуйтесь черным ходом. И подождите минутку.

Дверь захлопнулась, шаги удалились. Когда же дверь распахнулась вновь, лакей протянул Сент-Иву небольшой сверток. Тот принял его и, не придумав ничего лучше, сразу распечатал, чтобы обнаружить, что стал обладателем будильника с восьмичасовым циферблатом, украшенного двумя железными горгульями по обеим сторонам треснувшего овального стекла.

— Я не... — начал было Сент-Ив, но тут же получил увесистый хлопок по спине, и чье-то плечо оттеснило его в сторону, заставив отступить с крыльца. Старик в плаще взлетел по ступеням, протиснулся мимо лакея и, хрипло ворча, скрылся в глубинах дома. Дверь со стуком захлопнулась.

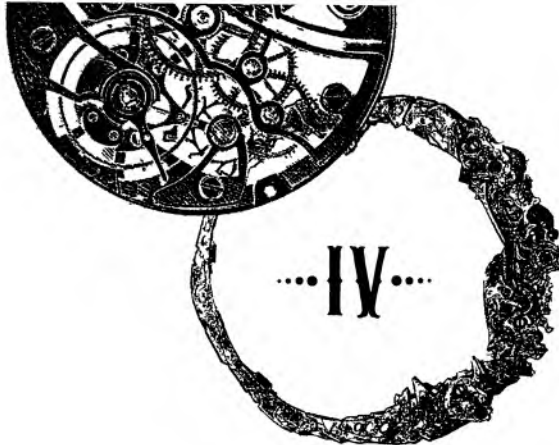
«Да чтоб меня!» — подумал Сент-Ив, переводя изумленный взгляд с часов на дом и обратно. Уже собрался было снова взойти по ступеням,

но на полпути вдруг замер, охваченный внезапным приливом вдохновения. Развернулся, сунул сломанные часы под мышку, укрепил монокль в глазнице и зашагал по улице, вознамерившись временно оставить свои поиски и поискать вместо этого часовщика. В спешке он чуть не налетел на джентльмена с округлым брюшком и нашлапкой на глазу, который вышагивал, постукивая по камням тростью, в противоположном направлении.

— Прошу прощения... — пробормотал Сент-Ив, получивший локтем в живот.

— Н'чего, — последовал ответ, и мгновением позже оба свернули каждый за свой угол, разойдясь, как два корабля в сумраке вечера.

Дородный мужчина топал себе и дальше по лондонским улицам, в высшей степени довольный результатами сегодняшней прогулки. Выйдя в Сохо, он свернул на Руперт-стрит и скрылся за распахнутой дверью «Богемского сигарного салона», рассеянно хлопывая себя по карманам, будто бы в поисках именно сигары.

ЗЛОДЕЙСТВО

Уиллис Пьюл любовался своим отражением в витрине булочной на Кинг-стрит. Внушающее уважение лицо, не огрубленное солнцем или ветрами, высокий лоб — а следовательно, вместительный череп. Правда, впечатление слегка портило коварная угреватость, отражавшая все попытки ее вывести. Чистка пемзой и щелоком, спиртовые примочки — все они оказались бессильны. Пьюл даже воздерживался от раздражающих пищевод приправ; все без толку, красный бутор на щеке блесит, словно отполированный. Его можно было бы припудрить, но Уиллис так жутко потел, что пудра просто сползла бы с лица.

Скверное состояние кожи портило Пьюлу настроение; он повернул голову и оценил себя в профиль. Ему доводилось посещать тайные пыльные хранилища европейских библиотек, которые

обычные историки полагали выдумкой, а его познания в алхимии и не снились людям, подобным Игнасио Нарбондо!

Копаясь в позабытых всеми трактатах, он и узнал впервые о существовании гомункула. Упоминания о человечке и его корабле уходили в глубокую старину, но, утомительно редкие и невнятные, связывались в единое повествование крайне хрупкими нитями смутных предположений, вплоть до внезапного появления гомункула в Лондоне несколько веков назад. «Дьяволеныш в бутылке», поносимый на все лады умирающим морским капитаном, чей судовой журнал представлял собою мрачную повесть о его собственном сползании в безумие и погибель, вне сомнений, был тем самым существом, которое несколько лет спустя продал Джоанне Сауткотт абиссинский купец, вслед за капитаном сошедший в преждевременную могилу. Источники намекали, что тварь имела власть над жизнью и смертью, движением и энергией, трансмутацией металлов. Она якобы служила источником вдохновения Ньютону и Джеймсу Максвеллу, а также погубила Себастьяна Оулсби.

Казалось, за гомункулом тянется длинный след, сотканный из ужасов, но Пьюл приписывал эти рассказы невежеству былых поколений. Необразованные, отягощенные предрасудками люди впустую транжирили невероятные силы этого создания! Когда Нарбондо потерял его из виду, Пьюл испытал настоящее потрясение. Хотя гор-

бун был полезен. Все они окажутся полезны, прежде чем Уиллис Пьюл достигнет своей цели.

А ставки, похоже, росли. Открытие, что существо в шкатулке бесследно исчезло сразу после убийства Себастьяна Оулсби, прямиком вывело Пьюла на игрушечника Кибла, а также — Уиллис заулыбался при одной мысли — к его очаровательной дочери. Уже потом всплыла проблема второго ящика и весьма любопытной сделки между Оулсби и компанией «Драгоценные камни Западной Африки», завершённой за месяц до гибели ученого. Ясно же, что эта история сулит огромные деньги. Будь проклят Кибл с его идиотским «Трисмегистом»! Ничего, с ними Пьюл еще поквитается...

Из-за угла вдалеке, точно вовремя, показалась одинокая Дороти Кибл. Пьюл невольно выпятил грудь: дни терпеливого наблюдения не пропали даром! Рука дрожала в кармане пиджака, и он не сразу понял, что довольно давно дышит ртом. Опасаясь головокружения, он вцепился в железное ограждение поперек витрины булочной и принялся насвистывать, изображая равнодушие.

— Дороти Кибл? — окликнул он девушку, когда их разделяли считанные футы. Надетое на ней платье из тонкой темно-красной шерсти с отделкой сливочного цвета кружевами сужалось в талии манером, от которого голова Пьюла шла кругом. Девушка с интересом посмотрела на него — кожа у нее светлая, почти прозрачная, а невозможно черные волосы вольно спадают на плечи. Пьюла немедленно охватило желание коснуться этих

волос, погладить это лицо, которое в сравнении с его собственным — все равно что слоновая кость рядом с пыльной полынью. Не без труда подавив его, Пьюл произнес:

— Полагаю, у нас есть общий знакомый.

— Разве? — переспросила она.

— Джек Оулсби, — пояснил Пьюл, декламируя заготовленную ложь. — Мы вместе учились в школе. Большие друзья.

— Рада с вами познакомиться, мистер...

— Пьюл, — последовал ответ. — Уиллис Пьюл.

— Вы здесь за булочками, мистер Пьюл? Не стану вас задерживать. Передам Джеку, что встретила вас, — она зашагала дальше, и Пьюл поплелся следом, досадуя на ее явное безразличие.

— Я изучаю историю тайных искусств, — продолжал он. — Учился и в Лейпциге, и в Мюнхене...

— Это просто замечательно, не сомневаюсь, — сказала Дороти, торопясь уйти. — Расскажу Джеку, он будет рад узнать, чем вы занимались. Не позволяйте мне отвлекать вас от покупок.

С тем она кивнула ему на прощанье. Пьюл вскипел.

— Могу ли я угостить вас чашечкой чаю?

— Мне так жаль...

— Тогда завтра?

— Боюсь, что нет. Но я ужасно вам благодарна.

— Так почему же нет?

Дороти повернулась к нему в удивлении:

— Что за вопрос! Простого отказа вам не достаточно?

— Этого мало! — взвизгнул Пьюл, хватая ее за рукав. Дороти отшатнулась, готовая обрушить на него свою сумочку. С перекошенным лицом, кожу на котором словно ожгло паром, он стоял на тротуаре, таращась на девушку. Брызгал слюной, неспособный вымолвить ни словечка.

— Приятного вам дня, — обронила Дороти.

— Вы меня еще увидите! — простонал Пьюл ей в спину. — И ваш отец тоже!

Она ускорила шаг, не клюнув на эту наживку.

— Погодите, я еще разыграю свою партию! — завопил Пьюл, но тут же взял себя в руки. Хватая ртом воздух, привалился к кирпичам ближайшей стены. Не годится сейчас давать волю гневу, Пьюл с этим подождет. Ничего, со временем — и очень скоро — Дороти образумится. Пьюл взглянул на свое отражение в темном окне, но оно не слишком его успокоило. Волосы дыбом, обычно чувственный и надменный рот искажен гримасой гадливости. Пьюл постарался расслабить лицо, но, казалось, то предпочитало остаться олицетворением маниакальной страсти.

Как раз в это время из-под забора выбрался тощий облезлый кот. Пьюл смотрел на него, проникаясь ненавистью. Схватив бродягу за шкуру, он поднял отчаянно извивающееся животное на вытянутой руке. Вылез из пиджака, спустил его на правую руку и обернул отбивавшегося

кота, затем сунул сверток под мышку и зашагал в направлении лаборатории Нарбондо. В мозгу Пьюла ярко, словно гравюры на меди, вспыхивали видения расчлененного зверька.

Сент-Ив миновал парадную дверь отеля «Бертассо» на Белгрейв и взбежал на два пролета устланной ковром лестницы к своему номеру. От красных обоев, пестревших «королевскими лилиями», у него волосы едва не встали дыбом. Он презирал нынешнюю моду на вульгарно-яркие интерьеры. Неудивительно, что общество расколото, если некоторые его представители предпочитают жить среди безвкусицы, фальши и уродства.

Собственные рассуждения напомнили Сент-Иву об отце, но они были совершенно рациональными: эмпирический анализ подтвердит сделанные выводы. Человек — продукт того, чем он себя окружает. Не стоит ждать, чтобы из неказистых старых халуп, из хлама фабричной сборки, которым они заставлены, могли произрастать цельные, толковые люди.

Настроение ни к черту — и это можно понять, ведь он день-деньской разыгрывал дурака. Затея с часами скорее всего не сработает, и Сент-Ива попросту изобьют наемные громилы. Ему следовало быть умнее и заручиться помощью капитана, который, давно пора признать, куда лучше него разбирался в жизни.

По своей воле Сент-Ив забрел в публичный дом лишь однажды, еще студентом в Гейдельбер-

ге, когда шатался с приятелем в весьма сомнительной части города после бурно проведенного вечера. В тот раз он напрочь утратил дар речи. Так действовала на него выпивка: язык отяжелел, все слова вылетели из головы. Он только глупо ухмылялся, и ухмылка была верно истолкована худой старухой в затейливом платье, которая провела его в комнату, полную накрашенных женщин. «Пышные были девицы», — кратко и с удовлетворением заметил его друг-художник, когда оба возвращались в свою квартиру близ университета. «Да», — согласился Сент-Ив, которому нечего было добавить к этому утверждению.

Похоже, в этом-то все и дело. Заявись он к порогу дома на Уордор-стрит пьяный и распаленный, его бы впустили. Теперь же остается одно — положиться на удачу, выдав себя за часовых дел мастера. Утро вечера мудренее.

Толкнув дверь, Сент-Ив сразу же заметил на маленьком овальном столике у кровати пакет, явно только что доставленный по почте. Сорвав обертку, он извлек оттуда стопку из полутора сотен страниц желтоватой бумаги, исписанных знакомым мелким почерком, и сразу осел на кровать. В руках у него были разрозненные листы из тетрадей Себастьяна Оулсби, утраченные пятнадцать лет назад. Он взглянул на конверт. Отправлено из Лондона. Но кем? Он перелистал всю пачку, страницу за страницей.

Кракен не преувеличивал. Ничуть. Тут говорилось о вивисекции, об оживлении трупов. Это

было тщательно задокументированное самим Оулсби нисхождение в безумие — ежедневный отчет, содержащий в частности и то, как за считанные недели до своей гибели исследователь умолял сестру убить его. Эксперименты подстегиваемого своекорыстием Игнасио Нарбондо принимали все более угрожающий характер: когда в конце мая 1861 года для его омерзительных опытов потребовался свежий человеческий мозг, Оулсби на пару с непоименованным сообщником при помощи огромного садового секатора срезали верхушку черепа у нищего, спавшего в парке Сент-Джеймс, и в мешке доставили свой кровавый трофей горбуну.

Оулсби свято верил, что гомункул обладает властью остановить энтропию, обратить вспять процесс распада, — или, во всяком случае, создать видимость этого — и сумел воспользоваться ею ценой утраты собственного здравого рассудка. Впрочем, причины падения остались неясны, Оулсби и сам понимал их лишь отчасти. Сент-Ив все больше убеждался, что распаду подверглась сама душа Оулсби; постепенное погружение ученого в пучину черной магии билось о скорлупу разума, пока та не рассыпалась в прах.

В моменты просветления Оулсби осознавал безмерность раскрывшейся перед ним бездны и предпринимал попытки удержаться на краю: Нелл было поручено убить брата, если тот снова впадет в безумие. Он забрал из «Драгоценных камней Западной Африки» свои вложения в виде огромного изумруда, который должен был унаследовать

единственный сын, Джек, и добился от Кибла, чтобы тот изготовил для его надежного хранения ящик, почти идентичный причудливому ящику, где содержался гомункул.

Тетради бредили, несли бессвязный вздор, перескакивали с предмета на предмет. Оулсби все глубже увязал в своем безумии. Там говорилось о втором убийстве, о неприятностях со Скотланд-Ярдом, об уходе преданного Кракена, а в самом конце — о необходимости добыть железу, молодую железу, и о кошмарном путешествии сквозь туманную ночь до Лаймхауса. Избитого Нарбондо бросили в Темзу, и ему пришлось добираться вплавь до противоположного берега. Оулсби молил судьбу, чтобы горбун не выплыл, но та не услышала молитв. Значит, придется предпринять новую попытку, быть может, опоить опиумной настойкой какого-нибудь беспризорника... Записи обрывались за день до смерти Оулсби.

Содрогаясь от отвращения, Сент-Ив швырнул записки Оулсби на столик, будто листы бумаги вдруг обернулись высохшим крысиным костяком, покрытым отвратительной склизкой паршой. В самом конце дневников уже другой, женской рукой были выведены слова: «Ящик я отдала Бердлипу», — и более ничего.

Сент-Ив был поражен: ящик достался Бердлипу! Но который ящик? С изумрудом? Который из двух, с изумрудом или с гомункулом, поднялся в воздух на аэростате Бердлипа? И кто, кроме него самого, мог знать о местонахождении ящика?

Разумеется, Нарбондо намеревался вернуть его себе... Это стоило обдумать. Горбун готов убивать налево и направо, лишь бы узнать, где спрятан ящик. Но как с этим связано топтание Нарбондо во мраке Джермин-стрит напротив лавки капитана? Никак не связано? Быть того не может... Сент-Ив потер лоб костяшками пальцев. Назревали странные события — это ясно. Сколь бы ни казались приятательны тайны снижения дирижабля Бердлипа и возможностей его внеземного пассажира, вдвое сильнее Сент-Ив стремился отыскать инопланетный космический аппарат. Потерпев неудачу, он немедленно вернулся бы в Харрогейт, чтобы снабдить собственный космический корабль оксигенатором, над которым все еще трудился Кибл. Всему свое время, в конце концов. Вот уже пятнадцать лет Бердлип заботился о себе и, по всей видимости, об одном из ящиков. Можно и дальше доверять ему. Но загадка этого полета все равно оставалась чертовски увлекательной...

Сент-Ив набил трубку табаком, поднес к ней спичку и запыхтел; восходящие клубы дыма, удаляясь в низкий потолок, оседали в его гостиничном номере зыбкими слоями тумана.

«А вот кому гороху?!» — выкрикивал Билл Кракен, шествуя от Хеймаркет к Ориндж-стрит. Близилась полночь, Хеймаркет и Риджент-стрит запрудила пестрая толпа праздных гуляк, представленных большей частью проститутками под ручку с только что встреченными джентльме-

нами, выходившими из доходных залов «Аргайл Румз» и мюзик-холла «Альгамбра». Погода стояла на диво теплая. Похожий на пассат ветерок задувал уже три дня, и в воздухе прямо-таки ощущалось благоухание тропической ночи. Россыпи звезд сияли в вышине, и воздействие тепла, ночного неба, приближения лета, казалось, наполнило город духом беззаботного веселья.

Кракен и сам основательно им проникся. Энергия была ключом, и он до самого рассвета просидел у лампы, читая рассуждения о метафизике в двухпенсовом экземпляре «Сообщений о лондонских философах» Эшблесса, купленном в переулке у площади Сэвен-Дайлз. Населявшие корешок клопы обратили в пыль большую часть сафьянового переплета, но, к счастью, не пожрали самих философов. Томик и теперь лежал во внутреннем кармане пальто Кракена. Трудно сказать, сколько часов ему предстоит провести в праздном ожидании, прежде чем владелец вновь сосредоточит на нем свое внимание.

Гигантская, по-осеннему спелая полная луна низко висела в теплом небе и улыбалась копошившейся внизу толпе, щедро озаряя белые атласные капоры и шелковые платья куртизанок, равно как и чумазные физиономии юных чистильщиков обуви и подметальщиков перекрестков²¹. Музыка изливалась из кафетериев, словно кровь,

²¹ В Англии XIX века: нищий ребенок, который зарабатывал тем, что подметал грязные мостовые перед пешеходами, решившими пересечь улицу.

несущаяся по венам и артериям Вест-Энда, и даже Кракен, уставший за день скитаний по Лондону непривычно протяженным маршрутом, чувствовал себя так, словно и его собственная кровь пульсировала в такт ритму жарких и шумных, залитых лунным светом улиц. Он шествовал сквозь облака кофейных ароматов, и четыре весело щебечущие французенки с расширенными от возбуждения глазами, выбежавшие из дверей «Турецкого салона», едва не отдавили ему ноги.

Кракен собрался было заговорить с ними, но момент прошел, да и черт с ним. Что они могли сказать торговцу вареными стручками? Ничего такого, что он хотел бы услышать, это точно. Но ночь была теплой и почти волшебной от круживших вокруг возможностей, а возложенная на него Лэнгдоном Сент-Ивом и капитаном Пауэрсом миссия неукоснительно, хотя пока и безрезультатно, исполнялась с восьми часов утра.

Кракен покосился на свое отражение в темной витрине шляпного магазина и сдвинул козырек кепки на левую бровь; немного подумав, сдвинул ее назад, на затылок, с видом человека, довольного собой и слегка презирающего всех прочих.

Рядом с отражением Кракена возникло ухмыляющееся женское лицо. Дама уже стояла тут какое-то время, но он заметил ее только теперь. И весело подмигнул. В кармане пальто, весьма кстати, у него лежала оловянная фляжка с джином, купленным у речного торговца под мостом Блэкфрайерс. На две трети уже пустая — или на треть

полная, это уж как посмотреть. Прекрасная ночь для оптимизма. Кракен снова подмигнул отражению и, выдернув фляжку из кармана, вопросительно приподнял брови.

Женщина кивнула и улыбнулась. Кракен заметил, что передних зубов у нее нет вовсе. Он влил в горло теплый, отдающий можжевельником глоток, облизнул губы и повернулся, протягивая фляжку. Что такое несколько зубов? У него и самого не хватает двух-трех. Сама же дама, если брать в целом, не такая и страшная. То есть в ней как бы что-то есть — дело то ли в приятной пухлости щек, то ли в том, как умело она заполняла собою драное шерстяное платье, которое носила с такой осмотрительностью, будто тащила в руке полное ведро. Определенно, полное по самые края. Что ж, когда-то давно эта дама знавала лучшие дни. «Как и все мы», — подумал Кракен, воодушевленный сократической мудростью лондонских философов.

Женщина вернула оловянную фляжку пустой. Нос у нее был словно персик. Она поймала руку Кракена изгибом своего мясистого локтя, крепко зажала и потащила его вниз по Риджент к Лестерсквер; кокетливо смеясь, приподняла крышку котелка и запустила свободную правую руку в горox. «Ну и пусть себе ест», — великодушно решил Кракен и похлопал ее по руке.

— Что вы знаете о звездах? — спросил он, подбрав подходящую тему.

— Много чего, — ответила дама, снова зарываясь в горox.

— На самом деле их всего несколько, — продолжал Кракен, возведя взор к небу. — Шестьдесят или восемьдесят. Небеса — это, видите ли, громадное зеркало. Дело в атмосфере, вот в чем, в отраженном свете Солнца, который...

— Зеркало, значит? Небо-то?

— Фигурально выражаясь, мисс. Солнце, понимаете, и Луна...

— Паршивое зеркало? Луна? Да ты больной, милоч, да? — она тянула его по Ковентри, мимо многочисленных кафе, а Кракен все искал подходящие слова. Концепция казалась слишком обширной для того, кто не так подкован в научных и метафизических дисциплинах, как он.

— Это же астрономия, вот чего.

— Луна точно астрономия, — согласилась женщина, выковыривая из оставшихся зубов волоконце стручка. — Всех с ума сводит.

В подтверждение она широким жестом обвела всю улицу.

— *Spiritus vitae cerebri*²², — благожелательно возгласил Кракен, — влечется к Луне тем же манером, каким стрелка компаса влечется к полюсу.

Он гордился своим запасом цитат из Парацельса, хотя тут они пропадали втуне. Крепко сжав ему руку, дама так сморщилась, что ее глаза скрылись за мясистой плотью переносицы. Потом игриво потыкала в Кракена полусогнутым пальцем.

²² Жизненная сила мозга (лат.).

Перед ними предстал ярко освещенный дом с табличкой на двери, гласившей: «Предоставляем кровати», и Кракен, пребывая в смешанном состоянии желанья и сожаления, позволил увлечь себя вверх по лестнице и втащить в полутемную комнату размером чуть просторнее двух составленных вместе шкафов. Он споткнулся о неубранную постель и рухнул лицом вниз, накрыв собой котелок, чья крышка отлетела и звякнула о стену.

Белью не помешала бы отдушка, и немало. Он кое-как приподнялся.

— Мисс... — позвал он, вглядываясь в темноту.

Чья-то рука грубо пихнула его назад. «А она шалунья», — вынужденно признал Кракен.

— У вас не найдется капельки чего-нибудь... — начал Кракен, гадая, не мерещатся ли ему позади тяжелое дыхание и возня. Теплая рука схватила его за лямку на шее и, как только он стал приподыматься на локтях, выдернула из-под него котелок с горохом — несколько грубовато, по мнению Кракена. Он повалился на бок, когда правая рука взлетела вверх, освобождая котелок. Придется проявить чуток прыти, в этом весь секрет.

Он перекатился, чтобы увидеть свою спутницу в заливавшем комнату лунном свете. Женщина с подобной фигурой... Кракен ожидал лицезреть нечто монументальное. Однако над ним стоял мужчина, флегматично пожевывавший собственный язык. На голове мужчины красовался черный цилиндр, смятый и насаженный на голову, точно плоский блин. Над блином был воздет котелок с горохом.

— Динер! — завопил Кракен. И тут котелок обрушился на него, описав широкую дугу. Человек в цилиндре крикнул от натуги. Кракен дернулся в сторону, защищая лицо левой рукой. Удар ожег запястье, котелок с силой врезался в скулу. Кракен откатился к стене. Похоже, в крохотной комнате нет ничего, кроме кровати, — отступить некуда.

Мужчина в цилиндре раскрутил котелок на ручке, треснул им Кракена в лоб и занес руку для нового удара. Мучитель зарычал, разинув рот, и в замерший миг полной ясности Кракен увидел, что оттуда дугой вылетают брызги слюны.

Кракен смутно пожалел, что его собственная голова послужила таким отличным препятствием для котелка, и взглядом, внезапно утратившим резкость из-за хлынувшей со лба крови, с отстраненным любопытством увидел, как Билли Динер очень медленно вытаскивает из кармана пистолет, взводит курок и прицеливается.

Персона, представшая перед сонным Уильямом Киблом, пожевывала кончик шикарной сигары. Киблу совсем не понравился облик позднего посетителя. По правде сказать, он нравился ему даже меньше, чем во время их первой встречи. От этого человека неприятно разило деньгами — запах, отдающий бентамитскими²³ чувствами самоуверен-

²³ Джереми Бентам (1748–1832) — английский философ, юрист, социолог. Создатель философии утилитаризма, согласно которой люди должны оцениваться по приносимой ими практической пользе.

ности и превосходства, кричащий о довольстве персоны самим собой и о легком недовольстве Уильямом Киблом, застигнутым врасплох в ночной сорочке и полотняном колпаке и оттого автоматически переходящим на разряд ниже.

Келсо Дрейк вынул изо рта сигару и сложил губы в маслянистую снисходительную улыбку. На нем было однобортное пальто с широким отложным воротником и шелковая шляпа, покинувшие Бонд-стрит²⁴, можно не сомневаться, никак не ранее недели тому назад. Кибл ощутил себя дураком в своем ночном колпаке — и даже дважды дураком, поскольку колпак был тот самый, на котором Дороти вышила забавную рожицу: один глаз ближе к носу, чем второй, и возникшая асимметрия сообщала рожице выражение кретинического косоглазия. Дрейк подобных прихотей не понимал и не одобрял, что Кибл ясно прочел в его взгляде.

Желания промышленника не изменились. Он был готов предложить Киблу деньги — очень даже изрядную сумму — за чертежи двигателя, за патент. Кибла эти посулы не интересовали.

Глаза Дрейка сузились, сумма выросла вдвое. Кибл, однако, к деньгам был равнодушен. К черту деньги! Его внезапно одолела могучая жажда. На столике лежал резной моржовый бивень, изображавший то самое животное, каковое некогда носило его в пасти. Кибл вообразил, как откручивает

²⁴ Улица в Лондоне, где традиционно находятся самые дорогие и изысканные мужские ателье.

эту дурную башку и вливает в себя его благоухающее торфяным дымком содержимое. Но тогда пришлось бы предложить стаканчик и Дрейку, а этого ему хотелось избежать. Будь проклят Дрейк и все его аферы! Кибла тошнило от самого миллионера и от его планов крутить ткацкие станки с помощью вечного двигателя. Одна только мысль о такой фабрике — как и о всякой фабрике — вызывала у Кибла тошноту, и весь подчеркнутый практицизм утилитаристского мировоззрения Дрейка внушал ему невыразимую смесь безразличия и отвращения, заставлявшую его желать поскорее возвратиться в постель и прилечь к стакану, который поможет отправить воспоминание о визите Дрейка в небытие.

Дрейк пожевал сигару, покатал ее во рту; глаза сужены до щелочек. Это не рядовое предложение, настаивал Дрейк. У него ведь есть определенные методы. У него имеются обильные ресурсы. Он может оказать давление. Он может купить и продать Кибла дюжину раз. Он может его уничтожить. Он может то; он может это; он может и третье. Кибл в своем смехотворном колпаке лишь пожимал плечами. Висевшие на противоположной от узкого столика стене часы внезапно ожили, разразившись печальным, тягостным звоном в ритме, ничуть не согласном с проделками механических обезьянок, которые с веселыми осками высыпали из своего логова в корпусе часов и колотили теперь молоточками по железному осьминогу, исполнявшему роль колокола.

Попшатнувшись, Дрейк неодобрительно воззрелся на часы. Позади него распахнулась дверь, и в комнату вбежала крайне встревоженная Дороти, которая застыла столбом при виде спины незнакомца. Кибл глазами указал на лестницу, но Дороти не успела сделать и полшажка, когда Дрейк повернулся, обнажая в широкой улыбке желтые зубы. Пожевал губами при виде ее невольной гримасы и слегка поклонился, картинно приподняв шляпу.

— Келсо Дрейк, мэм, — сказал он, перекатив изжеванную сигару из одного угла рта в другой. — Счастлив знакомству.

Дороти кивнула в ответ и прошла к лестнице, бросив через плечо: «Очень рада», что выглядело довольно невежливо. Ее отец, быстро и коротко кивавший в сторону лестницы, замер, как только Дрейк обернулся и вопросительно уставился на него. Впрочем, вопрос с такой легкостью превратился в злобешнюю ухмылку, что можно было подумать, Дрейк долго и тщательно репетировал этот плавный переход.

— На чем я остановился? — спросил он у игрушечника. — Меня на мгновение...

Он медлил, притворяясь, что подбирает слово, затем нарочито громко произнес:

— ...отвлекли.

— Вы как раз собирались сказать: «Всего хорошего», — сухо обронил Кибл. — Мой ответ вы уже выслушали. Обсуждать больше нечего.

— Ну, я полагаю, действительно нечего. Да я их и не люблю, обсуждений этих. Напрасная

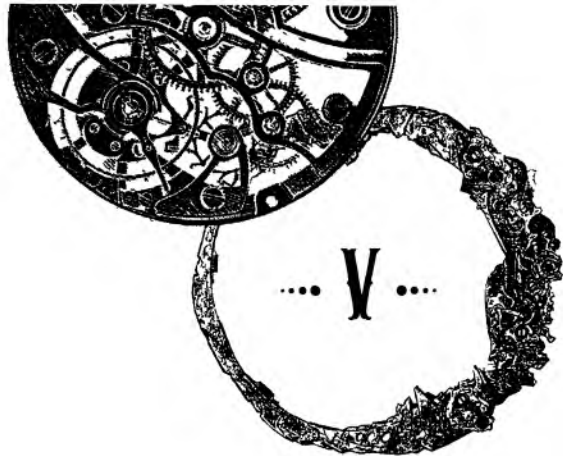
трата времени. Миленькая у вас дочурка. Соблазнительная, можно сказать. У вас три дня на раздумья.

— Мне не нужны три дня.

— Скажем, до четверга. И постарайтесь сохранять трезвость. Это дело потребует от вас всех усилий, чем бы ваши раздумья ни кончились, — с этими словами Дрейк поднял трость, аккуратно сбил с головы Кибла ночной колпак, повернулся и зашагал к распахнутой двери. Вскарабкавшись внутрь ожидавшего брогама²⁵, он отбыл.

Кибл стоял неподвижно, словно вся кровь в его теле вдруг отвердела. Шея и лицо горели. Не поворачиваясь, он подцепил колпак со столика в прихожей, куда тот упал. Наверху гулко захлопнулась дверь. Неужели Дороти слушала? Видела ли она, как уезжал Дрейк? Кибл поднял голову, растянув рот в вымученной улыбке. Лестница была пуста. Натянув колпак, он потянулся к моржовому бивню. Тут и раздумывать не о чем. Конечно же Дрейк блефовал. Он не посмеет сунуться сюда вновь, а в противном случае пожалеет. Рука Кибла, поднесшая к губам бивень, заметно дрожала, и он отложил его обратно, не закупорив. Какое ему дело до чьих-то угроз? Еще с минуту он простоял в задумчивости, а потом зашлепал вверх по лестнице обратно в кровать.

²⁵ Закрытый одноконный экипаж на два места, с кучерским сиденьем снаружи.

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Окутывавшая кладбище Хаммерсмит тьма была исключительной. Ни единой звезды не мерцало на затянутом тучами небе, а редкие газовые фонари, горевшие в овальных каменных нишах разбросанных там и сям склепов, не освещали ничего, кроме стайки очумелой мошкары, вылетающей из темноты, тупо носившейся вокруг пламени и снова исчезающей в ночи. Тяжелый речной туман придавил землю, старые тисы и ольхи, чьи кривые ветви, затеняя дорожки, роняли влагу на шею и плечи Уиллиса Пьюла, неуклюже давившего ногой на край лопаты. Выругавшись, он поднял воротник пальто. Замшевым перчаткам пришел конец, а на ладони, прямо под большим пальцем, грозил прорваться пузырь мозоли величиной с пенни.

Пьюл всмотрелся в лицо напарника. Этот человек вызывал в нем двойное отвращение:

во-первых, из-за крайней нищеты, а во-вторых, из-за тупоумия. Лицо его не выражало ровным счетом ничего. Хотя нет, не совсем. В нем читался страх, а иногда, стоило вдруг ветке скрипнуть над головой или зашелестеть листве, щеки напарника начинала сотрясать дрожь ужаса. Усмехнувшись, Пьюл поднял левую ступню и резко надавил ею на лопату. Нога соскользнула, лопата ушла в землю всего на дюйм-другой и завалилась набок.

В такой работе есть что-то крайне безвкусное, но сегодняшнюю добычу нельзя было доверить одному землекопу. Отчего в таком случае именно Пьюл орудует второй лопатой, а не сам Нарбондо, Пьюл затруднился бы ответить. Если их застанут здесь, можно ничуть не сомневаться, что доктор со своей двуколкой немедленно исчезнут и Пьюлу придется объясняться с констеблем в одиночестве. Ничего, однажды это изменится. Пьюл попытался сквозь мрак разглядеть дома на Паллисер-роуд, но стволы деревьев уже за десять футов отсюда начинали расплываться в призрачном тумане, а слабый свет его лишь наполовину открытого фонаря, казалось, делал окружающие надгробия и склепы даже более темными и расплывчатыми, чем прежде.

Внезапный бой далеких часов, басовитый и печальный в тумане, заставил Пьюла вздрогнуть и выронить лопату. Улыбка порхнула по губам и глазам его напарника, но тут же исчезла, сменившись привычным выражением вялого равнодушия. Кипя от злости, Пьюл подобрал лопату,

ухватил у основания ясеневое черенка и с силой вонзил в грязь. Лезвие ушло вглубь лишь на несколько дюймов, где встретило отпор от крышки гроба, отозвавшийся в обеих руках Пьюла внезапной резкой болью. Дернувшись, Пьюл опрометчиво вскрикнул и снова уронил инструмент.

Его напарник, ни разу не промахнувшись, отгреб землю с крышки ящика. Лопата скользила по дереву вдоль и поперек; скрежет казался естественно громким в суровой тишине. Свою лопату Пьюл так и оставил в земле. Хватит с него.

Он вновь нагнулся над могильным камнем, разбитым в куски годы назад и наполовину скрывшимся под грязью и мхом. Некоторые куски бесследно исчезли. Самый крупный обломок, около квадратного фута, покрывали глубокие, угловатые буквы, складывающиеся в окончание фамилии: «...КОТТ», а ниже виднелись цифра восемь и скрытое лозой плечо вырезанного в камне скелета. В гробу лежали останки Джоанны Сауткотт. Ее сын-притворщик, сам уже почти труп, в пляс пустится от радости при виде ее изъеденных червями костей. С точки зрения Пьюла, один рассыпающийся скелет мало чем отличался от другого такого же.

Гроб, пробывший в земле изрядное количество лет, выглядел на удивление прочным; только один угол вроде бы уступил постоянной сырости и подгнил; дерево расползлось по линии волокон на длинные, дряблые щепки. Напарник Пьюла сполз в яму поближе к изголовью и окопал

ящик, чтобы суметь ухватиться за края, вслед за чем рывком его приподнял.

Пьюл тоже вцепился в гроб, пытаясь вытянуть повыше из ямы. Низ проклятого ящика оказался мокрым, пальцы вязли в липких кусках грязи пополам с насекомыми. Гроб начал выскальзывать из рук Пьюла, затем вдруг осел с пронзительным треском, и нижние доски раздались посередине, извергнув поток мусора, засыпавшего лицо напарника в яме. Из днища гроба выскользнул обернутый в грязно-белую ткань костяк и неуклюже перевалился на бок. Складки гнилого савана разорвались, явив миру длинные пряди спутанных волос и давно истлевшее лицо покойницы. Обрывки плоти свисали со скул, будто грибы на трухлявом стволе, и желтоватая кость под ними тускло блестела в свете фонаря.

Пьюл застыл как вкопанный, держа в руках по обломку гнилых боковин. Напарник в разрытой могиле, казалось, задыхался. Лицо его, отвернутое в сторону от весело оскаленного черепа, покраснело и словно вспухло. Огромным усилием воли он сохранил спокойствие, юзом выбрался из-под жутких останков, отполз в сторону на несколько драгоценных дюймов и очень медленно и целеустремленно выбрался из ямы. А затем, не обронив ни слова, спокойно и твердо зашагал прочь, к освещенным склепам вдали, и наконец растворился в тумане.

Сперва Пьюл подавил желание окрикнуть его, потом — позвать на подмогу Нарбондо. Рас-

катав на земле брезент, он стиснул зубы, сполз в яму и обхватил укутанный в саван скелет. Он переправил его наверх, обернул тканью и потащился, волоча сверток по мокрой траве, в сторону дороги, обходя источники света и натываясь на могилы. Оставшийся позади зияющий черный прямоугольник раскопа скрылся в тумане, поглотившем в скором времени и размытый желтый огонек прикрытого заслонкой фонаря.

Билл Кракен очнулся в чужой кровати. Быть того не может. Он ни на секунду не верил, что находится в собственной убогой комнатухе. Он ощущал приятную легкость, словно парил в нескольких дюймах над постелью, а в ушах его стоял неровный шум, напомнивший о холодной ночи, которую он провел как-то ранней весной в здании консервной фабрики на речном берегу в Лаймхаусе. Но это не Лаймхаус. И ему было очень тепло и уютно под стеганым пуховым одеялом, каких он не видел уже лет пятнадцать, не меньше.

Голова казалась громадной. Дотронувшись до лба, он обнаружил, что тот обмотан бинтами, словно у египетской мумии. В груди чувствовалась тупая боль, точно туда лягнула лошадь. На маленьком прикроватном столике лежала знакомая книга. Он узнал потрепанный охристый переплет, длинный кусок которого заворачивался сам по себе, будто у кого-то имелась неврастеническая привычка крутить его большим и указательным пальцами во время чтения. То были

«Сообщения о лондонских философах» Уильяма Эшблесса.

Счастливый, Кракен схватил книгу и уставился на обложку. Точно в центре, словно кто-то потрудились вычислить ее местоположение, зияла дыра — круглая, будто след от кончика пальца. Раскрыв книгу, он страницу за страницей проследил маленькое углубление, ведущее к конусообразной свинцовой пуле, чей носик упирался в сто восемнадцатую страницу, будто не пожелав проветрить заодно и трактат о поэтике. Кракен прочел с полстраницы. Там человечество разделялось на два противоположных лагеря, словно готовые к сражению армии: поэты, или мудрецы, по одну сторону, а люди действия, или полоумки, — по другую. Кракен не был уверен в здравости этих рассуждений, но отказ пули повредить страницу призывал приглядеться к ним повнимательнее.

Во внезапном озарении Кракен сообразил вдруг, что за пуля застряла в его книге. Чудо! Его спас перст Божий, вне всяких сомнений. Котелок исчез, а с ним и средства к существованию, но Кракену все равно уже тошно от этих гороховых стручков. Лучше будет вернуться к торговле кальмарами. Если тебе заедут по кумполу кальмаром, ущерб окажется не так уж велик.

Кракен вздрогнул — где-то в доме вдруг слышался шум. В полуоткрытую дверь ему было видно вторую комнату, освещенную газовой лампой. На стене танцевали чьи-то тени: вот кто-то встал, надо полагать, из кресла, бурно по-

тряс руками и вновь уселся или просто отошел от светильника. Тень принадлежала женщине, сюда долетал и ее голос.

Кракена мало интересовали заботы этой леди — по правде сказать, его не занимало ничего, кроме личностей его благодетелей. Заговорил мужчина. Появилась вторая тень, сжимавшаяся на выбеленной стене, делаясь все резче. В поле зрения всплыли плечо, затем голова... голова капитана Пауэрса! Это объясняло присутствие рядом с томиком Эшблесса глиняных трубок, кисета с табаком и спичек. Значит, в темноте за окном скрывалась Джермин-стрит, а спасителем Кракена был капитан Пауэрс. И конечно, целое собрание лондонских философов.

За дверью послышались всхлипывания. «Я так не могу!» — простонала женщина. Некоторое время капитан Пауэрс молчал, но в итоге рыдания стихли, и только тогда тишину нарушил его голос: «В Индиях... — Кракен расслышал только часть. — ...Сент-Иву стоит довериться».

Дальше неразборчиво. Затем неожиданно пылко, громогласно прозвучали слова: «Пусть только попробуют!» Тень женщины появилась снова и обняла тень капитана. Кракен подобрал Эшблесса и стал празднично перелистывать его, украдкой поглядывая поверх корешка.

Капитан появился вслед за своей тенью, под стук костяной ноги. Он повозился с замком стоявшего у стены морского сундучка, распахнул его и принялся вытаскивать всякую всячину:

медную подзорную трубу, секстант²⁶, пару абордажных сабель, связанных вместе кожаным ремешком, идола, вырезанного из розового дерева, голову свиньи из слоновой кости. Затем поднялось второе дно — дубовая дощечка, похожая на кусок половицы за сундуком. Кракен приподнялся на кровати. Похоже, это и был кусок пола. Капитан перегнулся пополам, и верхняя часть его туловища исчезла в недрах сундука; левой рукой он придерживался за край стенки, правой тянулся вниз. Когда же он выпрямился вновь, в руке у него оказался зажат деревянный ящичек, очень гладкий и расписанный какими-то мелкими картинками. Капитан стоял слишком далеко и в слишком плотной тени, чтобы Кракен мог толком их разглядеть.

— Тайник надежен? — спросила женщина.

— Я же много лет хранил здесь шкатулку, не так ли? — твердо отвечивал капитан. — Теперь о ее существовании знаете только вы, ясно? Еще несколько дней, какая-то неделя — и Джек ее получит.

Капитан снова нагнулся над сундуком, спрятал ящичек и опустил дубовую доску. Потом очень аккуратно сложил все, что вынимал прежде, поверх нее.

Кракен смотрел, выпучив глаза. Ему хотелось завопить, но это было бы слишком опасно. Здесь

²⁶ Инструмент, предназначенный для измерения высот светил над видимым горизонтом, а также горизонтальных и вертикальных углов между ориентирами с целью определить координаты корабля.

клубились важные секреты. Кракен был мелкой рыбешкой в очень глубоких водах — почти мертвой рыбешкой. Отложив Эшблесса на столик, он подтянул одеяло к подбородку и прикрыл глаза. Кракен устал, и голова жутко болела. Когда же он проснулся, солнце играючи пронзало тонкие занавески у его изголовья, а капитан Пауэрс сидел рядом и преспокойно покуривал трубку.

Сент-Ив вглядывался в маленькое туалетное зеркало на прикроватном столике, а за оконной рамой свистел ветер. Он сдул с глаз долой вчерашнее яркое солнце и теперь так хлестал по стеклам ветвью китайского вяза, будто ярился, встретив сопротивление, не позволявшее ему пробиться в комнату и согреться у камелька. Со стороны ветра было весьма дурно так обращаться с нежной зеленью листьев, которые всего неделю как проглянули в поисках весны и вдруг попали под удар неприветливой стихии, разорвавшей их в клочья.

Сент-Ив нанес побольше клея на подкладку фальшивых усов. Неловко получится, если их сорвет внезапным порывом. Изобразил на голове тощий клин челки, а брови зачесал вверх, возвращая себе сходство со взъерошенной обезьяной — в точности как и накануне. Одному богу ведомо, что ветер сотворит с его маскировкой; усилит ее, будем надеяться. Сент-Ив поднялся, накинул длинный плащ, сунул рукопись Оулсби под ковер, взял свежотремонтированные часы и вышел в коридор. Там помедлил в задумчивости и вернулся

в комнату. Не стоило привлекать к манускрипту лишнего внимания, лучше спрятать его на виду. Сент-Ив достал бумаги из-под ковра, переложил на ночной столик, растормошил всю стопку, а поверх бросил книгу и трубку — для пущей убедительности.

Пребывая в самом гнусном настроении, он тащился по улице с часами подмышкой. Похоже, сделано было чертовски мало. Он в Лондоне уже почти месяц, но еще даже краем глаза не видел легендарный корабль пришельца. И совершенно не представлял, что станет делать, если новый визит на Уорддор-стрит увенчается удачей. Корабль в любом случае невероятно стар. Может стать, от него сохранилась лишь ржавая скорлупа, не годная ни на что, кроме как служить диковинным экспонатом, и скорее всего давно превращенная в некий омерзительный предмет телесного удовлетворения.

В конце концов, его собственный корабль почти готов к полету в глубины космоса. Со дня на день он получит оксигенатор — возможно, уже этим вечером Кибл доставит его на заседание «Трисмегиста». Если так, наутро Сент-Ив отбудет. Ему не придется блуждать в новых туманах. Уловка с часами либо выгорит, либо нет. Так или иначе, уже скоро он направится домой.

С другой стороны, события развивались в весьма необычном ключе — вся эта свистопляска с Нарбондо, Келсо Дрейком и беднягой Киблом. Но Сент-Ив прежде всего был служителем науки

и лишь во вторую очередь — детективом-любителем. Клуб «Трисмегист» и без него справится. Кроме того, друзья всегда могут вызвать Сент-Ива из Харрогейта, если для устранения угрозы потребуется его содействие.

Он подошел к черному ходу особняка на Уордор-стрит и позвонил. Деревянно-кирпичное строение в старом немецком стиле прятало за собою уютный дворик, где рядом с замусоренным прудиком томился большой гранитый фонтан с журчащей, плюющей водой скульптурой рыбы по центру. От чаши фонтана к грязному проулку вела мощенная булыжником дорожка. Несколько занавешенных кроваво-красной тканью окон слепотаращились во двор. «А внутри, похоже, темно, как в могиле, — подумал Сент-Ив, — что странно для такого денька, ветреного и ясного». Он позвонил еще раз.

С выигрышной позиции, занятой Сент-Ивом, проулок, оканчивавшийся, видимо, перекрестком с Бродуик-стрит, просматривался на добрую сотню футов. В другом конце он завершался тупиком: каменной стеной, гребень которой щетинился бутылочными осколками. Наконец Сент-Ив слышал чье-то шарканье. Дверь приотворилась, и в щель выглянула грузная женщина, бледная, как обескровленный труп. Сент-Ив непроизвольно дернулся, затенил глаза козырьком ладони и быстро сообразил, что ее лицо покрыто мукой. Монументальный и по неясной причине чистый от муки нос торчал вперед, как горная

вершина над облачной пеленой. Женщина молча рассматривала его сквозь прищур мясистых век.

— Часовщик, — объявил Сент-Ив, широко ей улыбаясь. Если что и давало ему абсолютное преимущество, так это знание, что постоянно хмурые люди не имеют для этого ни малейшего повода. Объяснялось это глупостью — глупостью, которая почти что призывала скорее ею воспользоваться. Женщина что-то промышчала в ответ.

— Я отремонтировал ваши часы, — заверил ее Сент-Ив, демонстрируя означенный предмет. Женщина провела тыльной стороной ладони по щеке, размазывая муку, гулко шмыгнула носом. Потянулась было к часам, но Сент-Ив отвел их в сторону, на безопасное расстояние.

— Надобно утрясти вопрос об оплате, — сказал он, улыбаясь даже шире прежнего.

Женщина исчезла в сумраке дома, оставив дверь открытой нараспашку. Едва ли это следовало счесть за приглашение войти, но упускать столь удобный случай Сент-Ив не пожелал.

Он шагнул внутрь с намерением сначала хорошенько оглядеться, но остановился, едва затворив за собой дверь. За столом, перемешивая костяшки домино, сидел свирепого вида мужчина, чей нависший лоб пересекала сплошная линия бровей. В его облике было что-то зловещее, нездоровое и почти идиотическое. Шляпа высотой с печную трубу, измятая и заляпанная, красовалась на столе рядом с домино. Мужчина медленно поднял глаза на вошедшего. Сент-Ив изобразил улыбку,

и это слабое движение лицевых мышц привело доминошника в ярость. Он начал подниматься с недвусмысленным выражением на физиономии. Его остановило только появление упрямого лакея, накануне вручившего Сент-Иву сломанные часы. Вокруг него, заполняя кухню, сгущалась атмосфера необъяснимой угрозы — неуловимая завеса, плывшая по воздуху потоком горячего газа, только и ждущего искры.

— Сколько? — спросил лакей, перекладывая на ладони монеты.

Сент-Ив одарил его лучезарным взглядом.

— Два фунта шесть шиллингов, — ответил он, не выпуская часы из рук.

Глаза лакея чуть не выкатились из орбит:

— Что-что?

— Два фунта шесть.

— Да новые обойдутся дешевле!

— Стекло, — солгал Сент-Ив, — пришлось запрессовывать в печи. Такие неоткуда взять. Сложный процесс, весьма сложный. Ужасающие нагрев и давление. Эти чертовы штуки нередко взрываются, разнося на куски всех, кто окажется поблизости.

— Вы забрали часы вчера, — сощурился лакей, — а теперь рассуждаете о нагреве, давлении и взрывах? Да тут всего на час работы! Даже на полчаса.

— На деле, — заявил Сент-Ив, снова привирая, — за это вы и платите. В Лондоне нет другого часовщика, чтоб управился так быстро. Кажется,

я упоминал, что это сложный процесс? Жуткий жар. Воистину чрезвычайный.

Не дослушав объяснений Сент-Ива, лакей развернулся на пятках и ушел из кухни в глубину дома. Сент-Ив последовал за ним, надеясь, что доминошник вернется к игре, а раздутая кухарка оставит возню с тесаками для мяса и позаботится о выпечке. Лакей свернул в длинный коридор, явно не ведая, что Сент-Ив идет за ним по пятам. Из невидимых комнат выплывали чьи-то голоса. За поворотом налево обнаружилась застланная ковром, плавно изгибающаяся лестница.

Сердце Сент-Ива грохотало, как колеса поезда в чистом поле. Он решил подняться наверх. Быстренько осмотрится, сделает вид, что заблудился. Что они могут сделать, застрелить его? Это маловероятно. Да и с чего бы? Все еще сжимая в руках часы, Сент-Ив поднялся, шагая через две ступеньки, на площадку в цветных пятнах света, льющегося сквозь витражные окна, под которыми стояла тяжелая дубовая скамья в стиле времен короля Иакова с подлокотниками и спинкой. Пустынный коридор тянулся в обе стороны: справа полдюжины закрытых дверей, а в конце короткого коридора слева — деревянная балюстрада, нависшая над просторным залом с высоким потолком. Наконец-то! Оштукатуренные стены коридора были увешаны медными бра, освещавшими балюстраду.

Сент-Ив замер в нерешительности: подняться еще выше или заглянуть за балюстраду?

Где-то хлопнула дверь. Он повернулся к лестнице, бесшумно ставя ногу на громадную медноцветную розу ковровой дорожки. Три ступеньками выше постоял, пригнулся и, скрытый углом восходящей стены лестничного проема, выглянул между двух точеных столбиков перил. По коридору к площадке внизу медленно плелся, подволакивая ноги, старик, бесцеремонно столкнувший его с крыльца днем ранее. Безучастный ко всему вокруг, он словно пребывал в месмерическом трансе²⁷. Взгляд пустой, даже безжизненный, углы рта опущены, словно старика обуяло глубокое раскаяние, или тяжкий недуг, или же, паче чаяния, и то и другое вместе. Плащ измят и замаран, а руки заметно трясутся — то ли от немощи, то ли от изнеможения.

Первым порывом Сент-Ива было осведомиться, не нужна ли пожилому человеку помощь: в подобном состоянии тот вполне мог скатиться вниз по лестнице головой вперед. Но царящая в доме атмосфера зла и жути лишь заставила исследователя поглубже вжаться в тень. Не лучшее время для рыцарских жестов. Старик прислонился к стене, чуть пришел в себя и облизнул губы. Утерев лицо ладонью, он оставил на нем диковатое, хоть и удовлетворенное выражение. Сент-Ив медленно выпрямился, полный решимости взглянуть на площадку третьего этажа. Кухню он покинул с минуту

²⁷ Франц Месмер (1734—1815) — немецкий врач и целитель, создатель учения о «животном магнетизме», интерес к которому сохранялся до начала XX века.

тому назад; ясно же, что в любой момент его могут хватиться и начать поиски. И, по-прежнему глядя вниз, он попятился на ступеньку выше, уже занятую чьей-то ногой в ботинке.

— Так вот вы где!.. — вырвалось у Сент-Ива, который даже в этой идиотской ситуации постарался, хоть и не слишком убедительно, принять вид оскорбленного достоинства. На самом же деле он отчасти ожидал, что его самого спустят с лестницы. Обернувшись, Сент-Ив увидел перед собой невероятно тучного мужчину в тюрбане. Несколькими ступенями выше стоял еще один тип, с вывернутой, искаленной рукой. Оба уперли свои невидящие взгляды то ли в Сент-Ива, то ли мимо — точно определить ему не удалось. Он уставился в ответ, не дождался реакции и на всякий случай глянул через плечо: быть может, нечто, достойное столь пристального внимания, как раз поднималось по лестнице? Как бы не так, ступени пустовали.

Сент-Ив снова уставился на этих двоих: лица их, безжизненно-белые, в прожилках голубоватых вен, наводили на мысли о призраках; глаза неподвижны, словно стеклянные. Сент-Ив видел медленную и ритмичную пульсацию на шее толстяка в тюрбане, словно тот сохранил жабры, полученные на какой-то ранней стадии эмбрионального развития. Рука его вцепилась в локоть Сент-Ива, нога шагнула вперед. Если бы Сент-Ив не отступил добровольно, то оказался бы сбит и оба пересчитали бы ступеньки. Успевший

немного оправиться старик встретил всю процессию на площадке второго этажа. Охваченный внезапным приступом ярости, он метнул в Сент-Ива грозный взгляд.

— Гнездо несказанного греха, — прохрипел он. Сент-Ив улыбнулся ему.

— Я починил часы... — начал он, однако старик не обратил на эту реплику никакого внимания. Очевидно, вместо того чтобы прислушиваться к чьим-либо словам, он предпочитал говорить сам.

— Дети мои, — обратился он к бледным мужчинам. Оба отвесили ему по неглубокому поклону, но ни один и рта не раскрыл.

— Мне задолжали два фунта шесть шиллингов за заботу об этих часах, — объявил Сент-Ив, вдруг заподозрив в старике управляющего заведением. Для простого посетителя он, кажется, слишком хорошо здесь ориентировался.

— Ничего об этом не знаю, — был ему ответ. — Какое мне дело до часов? Вечность, вот что занимает мои мысли. Духовность. Помогите мне спуститься, дитя мое...

Тип с вывихом руки тут же шагнул со ступеней — даже не задев ногой первую из них — и, завалясь вперед, покатился по лестнице, словно мешок с луком; в завершающем кувырке он вылетел с площадки, приземлился внизу и остался лежать там не шевелясь. Его спутника в тюрбане этот кульбит, кажется, ничуть не обеспокоил, зато старик обеими руками ухватился за перила и со всею возможной поспешностью приступил к спуску, скрипя

ступенями и охая на каждом шагу. Сент-Ив и толстяк в тюрбане машинально последовали за ним.

И как раз в этот момент в комнату ворвался пропавший лакей, по пятам за которым следовал игрок в домино — в том же измятом цилиндре в стиле «печная труба» и с пистолетом в правой руке. Старик взмахом руки запретил им приближаться и склонился над неподвижным телом. Упавший вздрогнул, неуверенно поднялся — на колени, а затем и на ноги, — и зашагал напрямик вперед, где врезался в широкую конторку с откидной столешницей, притулившуюся у стены, выбил из-под нее ножку и снова повалился, увлекая с собой и конторку, и все прочее — чернильницу, пресс-папье и конторские книги.

Крутнувшись на петлях, столешница треснула упавшего по голове, а из недр стола дождем посыпались разнообразные и странные предметы: каучуковая маска индийского демона с растянутыми в широком зевке губами; колоссальный корсет из китового уса с медными крючками застежек; кожаная узда, соединенная с блоком и набором веревок непонятного назначения, будто эта сбруя и ее носитель должны к чему-то подвешиваться, возможно, к потолку; и наконец, медный шар величиной с грейпфрут, из которого забил фонтан искр. Лакей и старик немедленно бросились к этому шару, но лакей оказался шустрее: подхватив шар, он оттолкнул старика и, забросив добычу назад в ящик упавшего стола, захлопнул крышку. «Да что за?..» — спросил себя Сент-Ив, в равной степени пораженный как невероятным коли-

чеством загадочного хлама, так и необъяснимым поведением барахтавшегося в нем мужчины.

Разъяренный лакей ухватил старика за шиворот плаща, не позволяя тому поспешить на помощь придавленному.

— Дитя мое! — всхлипывал старик. — Мальчик мой! Милый мо...

Но фраза осталась незавершенной. С застывшей на лице тупой ухмылкой Печная Труба запихнул пистолет во внутренний карман куртки, нагнулся и выдернул упавшего из кучи-малы, потянув за уши, одно из которых вскоре оторвалось. Брезгливо отбросив его, он пнул свою жертву в висок. Из дыры на месте оторванного уха не вытекло ни капли крови. Загадка на загадке. Сент-Ив начал подумывать о проулке за домом. Главное — не перепутать направления, чтобы не вбежать в глухую стену тупика. Никто здесь не собирался выплачивать ему два фунта шесть шиллингов за ремонт часов. Никто вообще не собирался платить ему за злополучные часы. Надежда только на то, что старик, кем бы он ни был, и его чудаковатые подопечные отвлекут на себя лакея и его злобного сообщника, занятого методичным выколачиванием жизни из изломанного, наполовину безухого существа на полу.

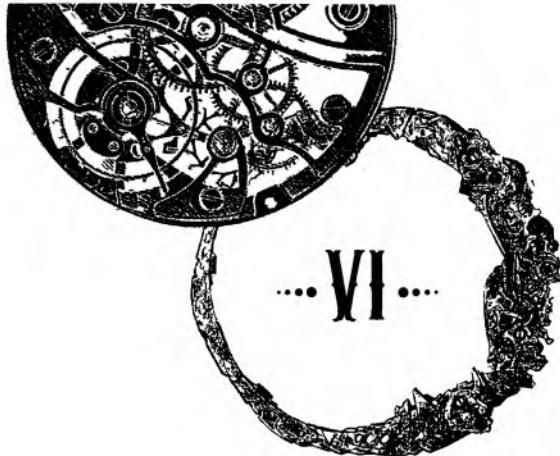
Сент-Ив на удивление легко высвободил руку и, продолжая держать тяжеленные часы, бочком обогнул стул.

— Забирайте отсюда эту падаль, — прошипел лакей старику, который беспомощно хныкал, найдя защиту в объятиях своего тучного друга

в тюрбане. — И никогда больше не приводите! Никто не давал вам права на такие вольности.

Отшатнувшись от толстяка, старик расправил плечи, театральным жестом отбросил плащ и принялся изрыгать хриплые проклятия. Сент-Ив торопливо ретировался и скрылся в кухне, сопровождаемый потоками ругани в исполнении лакея, решившего поспорить о том, кто из них в итоге будет проклят. На полпути к задней двери Сент-Ив встретил зловещую ухмылку на лице беззубой, осыпанной мукой кухарки, которая перегородила ему дорогу, угрожающе похлопывая плоской стороной большого тесака по мясистой ладони.

Сент-Ив не был расположен к беседе. Он врезался прямиком в толстуху, и опустившийся нож звонко врубился в железный корпус часов, точно меж согнутыми пальцами Сент-Ива. Невольно вскрикнув, он уронил свою ношу и выбежал во двор, где, подобрав полы плаща правой рукой, перемахнул через низкую ограду в проулок и устремился к перекрестку, от которого его отделяла добрая сотня футов непроглядного тумана. Не смея оглянуться, он размышлял на бегу о пистолете в кармане у Печной Трубы. Тогда-то и сообразил вдруг, что это за громила: перед внутренним взором Сент-Ива всплыло то же злобное лицо, которое глядело вниз из чердачного окна Кибла в обрамлении озаренных вспышками молний дождливых ночных небес.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Лавку капитана Пауэрса заполняла плотная табачная завеса — верный признак серьезности характера нынешней встречи. Количество трубочного дыма, прикинул Сент-Ив, прямо пропорционально содержанию и интенсивности размышлений курильщика. Капитан, особенно будучи погружен в глубокие раздумья, пускал клубы так размеренно, что дым окутывал его голову подобно облакам, окружающим луну. Они дожидались Гodelла, который наконец прибыл, нагруженный пивом. Сент-Ив еще никому не сообщал об обретении рукописи: слишком о многом следовало поведать, чтобы делать это раз за разом, пересказывая историю каждому в отдельности. Ровно в восемь часов, по общему согласию, выраженному кивками, очередное собрание клуба «Трисмегист» было объявлено открытым.

— В моей почте оказалось нечто интересное, — начал Сент-Ив и, отхлебнув из пинтового бокала, потряс стопую листов фулскапа²⁸ перед своими компаньонами. — Заметки Оулсби или какая-то их часть.

Кибл, который вплоть до этого объявления имел до странности отрешенный вид, с интересом подался вперед, ожидая продолжения. Сидевший рядом с ним Джек, напротив, ссутулился в кресле, опасаясь, видимо, услышать какие-то жуткие откровения, касаемые судьбы его несчастного отца. Кракен с печалью качнул забинтованной головой. Один лишь капитан остался недвижим, — но это явное безучастие, как предположил Сент-Ив, проистекало из того, что они с Оулсби никогда не встречались.

— Проще всего, — заявил Сент-Ив, — зачитать вслух кое-какие выдержки. Я не химик и не биолог, каким являлся автор заметок, и мне неведома природа той особой власти, которую, похоже, имел над ним Нарбондо. А она все же была, боюсь, тесно связана с падением и гибелью Оулсби.

Годелл прикрыл левый глаз и хмуро покосился на него при упоминании Нарбондо, и Сент-Ива вдруг словно осенило: вид Годелла что-то ему напомнил... Столкновение с пожилым прохожим в плаще, который двинул его в живот локтем! Уже вошедший в роль Сент-Ив предпочел не отвлекаться.

²⁸ Распространенный в прошлом формат писчей бумаги; буквально «шутовской колпак» (англ.) — в честь водяного знака.

— Итак, вот они, записи, собственноручно сделанные самим Оулсби. Тут их немало, но последние страницы особенно показательны.

Прочистив горло, он приступил к чтению.

Всю неделю нас преследовало отчаянное невезение: Шорт и Кракен привезли свежий труп (сами сняли его с виселицы), и вот он лежит здесь, мертвее мертвого, хоть и полон флюидов. Если не раздобыть поскорее карпа и свежую железу, он разложится прежде, чем у нас возникнет шанс им заняться. Ужасное, досадное расточительство. Более прочего опасаясь в результате не получить ничего, кроме убийства и ужаса. Но первые шаги я предпринял. Ложь. К черту первые шаги! Сейчас я стою на полдороге к цели, и эта дорога столь запутанна и извилиста, что нет никаких шансов отыскать путь назад.

Прошлым вечером ужинали в Лаймхаусе. Я изменил внешность, нацепив накладной нос и парик, но Нарбондо жестоко меня высмеял. Ему с этим проклятым горбом нечего и надеяться остаться неузнанным. У меня нет особой склонности к метафорам, но с каждым днем мне все труднее маскировать собственные мерзкие уродства. Это все тварь из шкатулки, «дьяволенши в бутылке» всему виной. Без искушения нет и падения.

Но подобные речи — пораженчество, вот что они такое! Вечная жизнь уже почти у меня в руках. Если б только мы не потерпели такое горькое фиаско в Лаймхаусе! Мальчик-завывала

был просто находкой: сорванец под стать прочим. Избавить от одного такого город значит оказать ему услугу, клянусь! Проклятая криворукость Нарбондо. Мы взяли отличный секактор, сработанный у Глисона (там меня считают лесником, обрезающим деревья) и способный с легкостью отделить голову от...

— Тут повествование прерывается, — пояснил Сент-Ив.

— Возможно, ему помешали? — предположил капитан.

Годелл покачал головой:

— Он просто не вынес этого, джентльмены. Не смог заставить себя написать еще хоть слово.

Сент-Ив поднял глаза на Джека, который и сам был ребенком в то время, когда его отец предал свою исповедь бумаге. Не стоило бы ему этого слышать. «Будь благословенны сомнения Себастьяна Оулсби, — подумал Сент-Ив. — Воистину, они сразу и кошмар его, и единственное искупление».

— Читайте дальше, — твердо сказал Джек.

Кивнув, Сент-Ив возобновил чтение:

Мальчишке было лет семь-восемь, не более. Стоял туман, и света от уличных фонарей не хватало, чтобы хоть что-то разглядеть. Он шагал к перекрестку Лид и Дрейк-стрит — не иначе, чтобы купить ведро пива. Наверное, для отца. В левой руке он нес, подумать только, фонарь из выдолбленной тыквы, в правой

качалось ведро. Мы же крались сквозь туман в двадцати шагах позади. Погруженная во тьму улица была совершенно тиха. Нарбондо держал глисоновский секатор наготове. Он сказал, что берет меня с собой разделить славу, и наотрез отказался от предложенного мною плана: я ждал бы его на двуколке в переулке рядом с Лид-стрит — единственный разумный вариант действий, на чем я настаиваю до сих пор.

Итак, мы были там оба, и холодный, как рыба, зловонный ветер задувал с Темзы, а клубы тумана густели с каждой минутой, и ухмыляющаяся физиономия тыквенного фонаря качалась вперед и назад, вперед и назад; тусклое оранжевое свечение дьявольской рожки мелькало в высшей точке каждого взмаха. Затем фонарь погас, задутый внезапным порывом из проулка; мальчишку скрыла ночь, и мы слышали лишь звонкий стук ведерка, поставленного на камни мостовой. Нарбондо рванулся вперед, я же, бросившись вслед, схватил его за плащ, надеясь остановить: мне привиделась вдруг черная истина нашего замысла. Огненно-рыжий оскал тыквы, угаснув в руке мальчугана, развеял мрак моих мыслей — мрак моей собственной души. Мы оба застали мальчишку на коленях за розжигом нелепого фонаря. Он успел вскочить, но визг его пресекся клацаньем чудовищного секатора.

Дальнейшее было подлинным кошмаром. Бежать из Лаймхауса и благополучно возвратиться в лабораторию мне помогли слепое везение

(если, конечно, кто-то по некоей странной прихоти посчитает удачей пережить ночь таких ужасов) и беспросветная тьма вкупе с туманом. Само зло, растворенное в ночи, словно черной траурной вуалью сокрыло меня от глаз преследователей. Нарбондо повезло меньше, но принятые им побои едва ли стали карой за свершенное им преступление. Если бы эти люди знали, что им содеяно, они не швырнули бы его в реку еще живым. Скорее, его поколотили просто за то, каков он есть, — как люди бездумно калечат и уничтожают крыс, тараканов или пауков.

В итоге убийство оказалось напрасным. Висельник лежит, разлагаясь на столе. Сегодня же ночью Нарбондо вновь выйдет на промысел: нам позарез нужна сыворотка.

Сент-Ив сделал паузу паузу и влил в себя полбутылки эля. Капитан сидел в своем кресле с окаменевшим лицом, точно парализованный.

— Оулсби, — поспешил добавить Сент-Ив, переводя взгляд с капитана на Джека, — был не в своем уме. Его поступок невозможно оправдать, но он объясним. То, чего он добился... то, что совершил... можно даже простить, рассуждая наиболее окольным из путей. Стоит лишь вспомнить об отраве, исподволь сочившейся в его душу. Рассказ о ночи в Лаймхаусе звучит искренним — до известной степени. Но записи Оулсби полны недомолвок, это совершенно ясно. Он сам признает это на последующих страницах. И, я бы ска-

зал, то, в чем он признается, будет даже ужаснее, но многое сможет объяснить. Бедняжка Нелл!

Вконец ооченев при звуке этого имени, капитан со стуком поставил тяжелый стакан на дубовый подлокотник своего мягкого кресла, плеснув на него темным элем. Сент-Ив меж тем отметил, что, пока шло чтение, Кракен исчез. «Бедный малый», — думал Сент-Ив, вспомнивший о роли Кракена в событиях, что отражали записи. Даже спустя пятнадцать лет падение благодетеля слишком свежо в памяти бедного парня. Однако история заслуживала того, чтобы быть услышанной. Не оставалось ничего другого, кроме как продолжить чтение, и потому Сент-Ив вновь поднял страницы.

Меня мучают жесточайшие головные боли — да такие, что глаза, кажется, сжимаются в точку и все вокруг представляется картинкой из развернутого наоборот телескопа. Лишь лауданум²⁹ способен как-то облегчить мое состояние, но приносит с собою грезы более жуткие, чем даже боль в лобных долях. Уверен, эта боль ниспослана мне неспроста — первое знакомство с преисподней, не более. Сны полнятся видениями той ночи в Лаймхаусе, клыкастая ухмылка проклятой тыквы взлетает снова и снова, качается в тумане. И я чувствую, как мое тело

²⁹ Опиная настойка на спирту, популярное обезболивающее и успокоительное в викторианской Англии и в мировой медицине вплоть до конца XIX века.

рассыпается, словно изъеденный червями древесный гриб, и как кровь хлещет из дыры в своде черепа. Вижу собственные глаза, огромные, с полкроны, и черные от смерти и распада, а впереди бежит Нарбондо с тем жутким секатором. И я понукаю его бежать скорее! В этом вся правда. Я браню его, я шиплю. Мне нужна эта железа, я заполучу ее до исхода ночи. Подниму на ладони средство к собственному спасению.

Когда же он все испортил, когда мы испуганно бежали по Ист-Индия-Док-роуд, пригибаясь и подскакивая, я сам спустил на него этих псов. Это я кричал, чтоб они держали его. Нарбондо вряд ли об этом знает, к тому времени он сильно меня обогнал. Он решил, что кричат полицейские. И, пока они колотили его, я не остался в стороне. О нет, я не сдерживал силы ударов. В отчаянии от неудачи, от омерзения я топтал его руки и помог этим пьяным головорезам отволочь его к реке — туда, где она плескала, и билась, и копила в себе ярость у подножия Старых ступеней, и я надеялся, что Бог даст мне увидеть его мертвым и объеденным рыбами.

Но тут мне не повезло. Словно призрак на пиру, он ускользнул в ночь незамеченным, пока я сидел у себя в неусыпном ужасе, прислушиваясь к твари в шкатулке, вглядываясь в тени, отчасти ожидая услышать шаги на лестнице, которые принесли бы весть о конце, о виселице, о топоре палача. И шаги прозвучали! Уже в четвертом часу утра. Мертвая

тишина. Топ, топ, топ по деревянным ступеням — неимоверная тяжесть, — и тень на занавеси. Сгорбленная тень. Дверь повернулась на петлях, и горбун возник на фоне мерцавших огней и светлевшего неба, являя собой такое уродство, такую скверну, что их не стерло даже его падение без чувств на кафельный пол, — как не стерло и моего ужаса перед ним.

Следовало убить его. Нужно было вспороть ему горло. Я должен был вырезать мерзкую жабу из-под его пятого ребра и бросить ее в клетку понадежнее. Но я и пальцем не шевельнул. Меня удержал страх. Страх, быть может, перед злом, пропитавшим меня самого. Казалось, что лицо горбуна — это мое лицо, что мы с ним едины, что Игнасио Нарбондо как-то притянул, вобрал в себя ту единственную часть моего существования, которая хоть чего-то стоила, и оставил лишь безвольный, болезненный пудинг, разлившийся по креслу, в котором я и просидел до половины одиннадцатого утра.

Таким и нашла меня Нелл. Я умолял сестру убить меня, самому мне не хватило бы мужества на такой шаг. Я просил. Я рассказал ей о маленьком зазывале. И тут же поклялся, что покончил с исследованием, что все мечты о творении жизни ни черта не стоят. Только я лгал. Тварь в шкатулке может остановить энтропию. Стоит ей захотеть, и она разделит теплую воду на лед и пар. Она может заставить шевелиться крысиный труп, множество

месяцев пролежавший за стеною, заставить его танцевать по комнате подобно марионетке. Тварь невообразимо стара, и единственное следствие ее игр со временем — ссохшееся, сморщенное состояние, в котором она пребывает ныне. Тем не менее выпускать из шкатулки ее не следует никогда.

То, что я оснастил хитроумную конструкцию Кибла экраном, через который смог общаться с тварью, боюсь, привело меня к распаду. Не могу описать, как именно мы ведем торговлю: знание в обмен на свободу. Если бы только мой узник мог отыскать свой корабль и достаточно умелого пилота, способного управлять им, то мгновенно исчез бы меж звезд. Только до этого не дойдет. Пока я не получу то, чем владею... мы владеем, будет вернее сказать, поскольку горбун очнулся и клянется теперь, что нынче же вечером вернется в Лаймхаус, как только улицы скроет достаточно густой покров тьмы.

Отправиться ли мне с ним? Потянет ли он меня по пятам за собою, словно тень, — тень, которая становится все привычнее и удобнее с каждым новым днем? Или же приход ночи положит конец несчастливому и противоестественному существованию? Не могу вообразить, как проснусь наутро. Впервые за всю мою жизнь будущее окутано для меня кромешным мраком.

— Осталось не так много, — сказал Сент-Ив, дрожащей рукой поднося спичку к остывшей труб-

ке. Ознакомившись с рукописью ранее, он все же не сумел окончательно уместить в голове эту последнюю часть. Нелл, конечно, ни в чем не виновата. И более того, ее поступок достоин именоваться геройским. Потому что вслед за выстрелами в брата, похищением проклятого гомункула и передачей его Бердлипу для вечного скитания в небесах Нелл бежала в раскаянии, что и стало величайшей трагедией. Нет, Кракен не ошибался... Сент-Ив уронил манускрипт на пол. Отчего-то прочитанное отняло у него всякое желание еще хоть раз увидеть эти страницы.

Капитан Пауэрс поднялся со своего места, прохромал к жестянке с табаком, откинул крышку и, вытащив две щепоти кудрявого черного табаку, набил им вместительную чашечку своей трубки.

— Служил я на одном судне с португальцем, — сказал он, — который не понаслышке знал про эту нечисть, про «дьяволеньша в бутылке». Португалец сам владел гомункулом целый месяц и как-то у Занзибара, в тайфун, начисто лишился рассудка. Сторговал его индусу с одного шлюпа в Мозамбикском проливе.

Сокрушенный гнусностью самого предмета беседы, капитан покачал головой и вернулся в кресло.

— А остальное? — проницательно спросил Годелл. — Прочие сто с лишним страниц так же страшны, как и эти?

— По нарастающей, — ответил Сент-Ив. — Падение было стремительным почти с первого дня, как он приобрел тварь в ящике.

— В бутылке, — поправил его Кибл, уперший рассеянный взгляд в улицу за окном. — Не было никакого ящика, пока я его не смастерил.

Сент-Ив кивнул.

— Он казался одержим этим существом... своей идеей, что сможет не только оживлять мертвых — это, как я понимаю, он обнаружил и без помощи гомункула, — но и разделить с ним жизнь вечную. Возможно, даже *творить* жизнь. И возможно, он был на это способен. Там упоминается успешный эксперимент, в котором он получил целый выводок живых мышей из кучи старых тряпок, а также и другой, когда ему удалось вернуть здоровье одному старику из Чингфорда, угасавшему от прогрессирующего паралича. Тот сбросил лет сорок, если верить Оулсби. Хотя все это — непроходимая алхимия и, как я уже говорил, не моя область... Он считал, что принадлежащее гомункулу космическое судно находилось в Лондоне, и надеялся отыскать его, чтоб всучить проклятому существу в обмен на обретение власти над смертью и временем. Но было ли его скатывание к безумию, к полной потере ориентиров результатом настойчивых научных изысканий или же медленным отравлением в ходе переговоров с гомункулом, сказать невозможно. Даже сам Оулсби, видимо, не знал... Очевидно, он столь ревностно относился к обладанию тварью, что не подпускал к ней Нарбондо. А потом, когда Нелл скрылась с гомункулом, это, должно быть, разъярило горбуна. Она выхватила тайну жизни из-под носа горбуна и, как выясняется, препоручила Бердлипу...

— Который через несколько недель запросто может свалиться с небес на наши головы, — продолжил Годелл.

Капитан нахмурился. Сент-Ив кивнул.

— Что ж, — подытожил Кибл, пополняя свой стакан из открытой бутылки эля, — все это очень печальное дело, очень. Если мое мнение вам интересно, я бы предложил встретить дирижабль во время приземления — готов биться об заклад в виде своих часов с обезьянами, что он коснется земли в Хампстед-Хите, откуда и стартовал, — и забрать шкатулку прямо там. Всем вместе это не составит нам труда. Потом мы сунем ее в набитый камнями мешок и, дождавшись прилива, сбросим с середины Вестминстерского моста. Ящик не герметичен, в этом я могу поручиться. Несмотря на все могущество этой твари, дышать-то ему нужно, так? Гомункул ведь не рыба, он человек. Я его видел. Мы утопим его, как котенка, лишь бы не отдавать в лапы горбатого доктора, — Кибл помолчал, почесывая подбородок. — *И еще:* за то, что гомункул сделал с Себастьяном... За это я его прикончу. Но, право же, нет никакого толку зря мусолить события той прискорбной ночи в Лаймхаусе. Дело прошлое, так-то. Ничего больше. Поэтому я на минутку сменю сейчас тему, джентльмены, чтобы привлечь внимание к нынешней дате. Сегодня день рождения Джека, так-то вот, и я намереваюсь вручить ему кое-что по этому случаю.

Щеки Джека вспыхнули: он не испытывал желания оказаться в центре внимания даже среди

друзей. Сент-Ив поморщился, сам того не желая. Наверное, не следовало так свободно размахивать записями Себастьяна, да еще, прости господи, в день рождения его сына... Что ж, здесь заседает клуб «Трисмегист», и цели, которые преследуют члены клуба, порой водят их зловещими тропами, как же иначе. Притворство и нерешительность — неподходящие спутники в таком путешествии. Лучше сразу очистить воздух правдой. Это намного лучше, чем утаивать ее, тем самым делая и без того непонятные вещи еще более загадочными и ужасающими.

Впрочем, Сент-Ив пожалел, что не знал о дне рождения Джека заранее: мог бы и поднести ему какой-нибудь красиво обернутый пустячок. Но он не мог запомнить ничьих дней рождения — даже, раз на то пошло, собственного. Кибл достал кубический сверток, формой и размером с «чертика из табакерки». Сент-Ив сразу догадался о его содержимом, ибо совсем недавно наблюдал за всплытием механического каймана.

— Выпьем же за здоровье молодого мистера Оулсби! — сердечно провозгласил Годелл, поднимая стакан. За ним тут же последовали и остальные, наградившие смущенного Джека троекратным «ура!».

В полумраке задней комнаты Кракен воздел собственный стакан — точнее, флягу, на три четверти уже избавленную от джина. Кракену начало казаться, что это ее естественное состояние. Как так выходило, что фляга чаще пустовала,

чем бывала полна, — совершеннейшая тайна. В математике Кракен разбирался не слишком хорошо, и оттого оставалось признать, что на его джин действовали силы, не поддающиеся анализу. Но он ими еще займется. Выведет на чистую воду. «Факты. Они как горошины в бутылке, — сказал себе Кракен. — Их ровно столько, и ни одним больше». Математика сплошь факты, разве не так? Рассыпанные по странице числа были словно жуки на мостовой: нелепая спешка и никакого порядка. Но жуки были частью природы, а у природы своя логика. Некоторые жуки занимались поисками съестного — кусочки того-сего. Одному богу ведомо, что у жуков на ужин — элементарная материя, не иначе. Другие прокладывали дорожки, тащили осколки гравия, воздвигали курганы, измеряли расстояния, обследуя землю, кишели на мостовой — полный хаос для людей невежественных, но вполне гармоничная музыка для... для людей, подобных Кракену.

Он прикинул, не сумеет ли когда-нибудь написать об этом статью. Это был... а что это было? Аналогия, вот что. И она должна, решил Кракен, прояснить вопрос исчезновения джина во флаге. Красота науки и состояла в том, что она делала все вокруг таким ясным, таким логичным. Космос! Вот за чем гоняется наука: за всем этим поганым космосом. Кракен заулыбался при мысли, что наконец это понял. Вот только что он встретил это словечко у Эшблесса, хотя, конечно, видел его сто раз. Слова, с ними всегда так. Не различаешь их годами.

Потом оно выскакивает, бьет тебя по башке — и бац! Как свечки в темной комнате, оказываются, они были повсюду: космос, космос, космос. Порядок вещей. Тайный порядок, для многих сокрытый. Человеку надобно встать на колени и всмотреться в брусчатку, чтобы разглядеть спешащих туда-сюда жучков, правящих путь в своем крохотном уголке Земли с уверенностью мореплавателей, прокладывающих курс по очертаниям незыблемых созвездий.

Вверх по хребту Кракена пробежал озноб. Он редко видел вещи так ясно, так... так космично. Иначе и не скажешь. Он потряс флягу. Что-то еще плещется на самом дне. Какого же черта она *то и дело* чаще бывает пустой, чем полной? Если туда заливается некое количество, то и выливаться должно ровно столько же. Нынче утром он наполнил ее в Уайтчепеле — по самое горлышко. Но фляга не оставалась такой и получаса! Весь день напролет она по большей части пустовала. Часы пустоты... Кабы не бутылка виски под кроватью, к этому моменту его обуяла бы великая сушь.

Кракен сражался с проблемой. Ему это казалось несправедливым. Словно жуки, напоминал он себе, плотно зажмуриваясь и воображая себе множество спешащих по куску серого сланца цифроподобных жучков. Но это все равно не приносило пользы. Он никак не мог применить жучков к проблеме пустеющей фляги. И прищурился, вглядываясь сквозь открытую дверь в соседнюю комнату.

Последние полчаса он провел, зажимая ладонями уши, чтобы не впускать внутрь откровений

дневника Себастьяна Оулсби. Он и так знал, что там написано, — даже слишком хорошо. Осушив флягу, Кракен сунул руку под кровать и вытащил виски. По правде говоря, он был сторонником джина, однако при крайней нужде...

Молодой Оулсби потрясал в воздухе каким-то ящичком. Кракен вгляделся. Он был уверен, что видел его прежде. Хотя нет, такого не видел. Изпод крышки что-то высовывалось: какая-то зверюга и малюсенькие птички. Зверь — что-то вроде крокодила — впился в одну птичку, проглотил ее и скрылся в глубине. Кракен подивился зрелищу, хоть и не совсем разобрал, какой в ящичке может быть прок. Посидел с минуту, растирая лоб, выбрался из кровати и бочком подступил к открытой двери.

За дверью слева от него была другая комната, погруженная в полумрак, — та, с морским сундучком. Сердце Кракена забилося чаще. До него доносились гул голосов и смех, все толпились вокруг подарка, врученного Джеку на день рождения, — двигателя Кибла. Влекомый неосознанным любопытством, Кракен отступил в темную комнату. Он ушиб палец ноги о сундук прежде, чем разглядел препятствие, и так взвыл от боли, что головы в соседней комнате обязаны были обернуться в его сторону. Не повернулась ни одна. Видать, все слишком увлечены расчудесной игрушкой.

Кракен нагнулся над сундуком, водя пальцами по передней стенке, пока не нащупал плоскую, круглую железную задвижку. Он повозился с нею,

смутно представляя, как работает механизм, и того меньше понимая, какого рожна он там ищет — уж никак не изумруд. Надо быть тихим, как жучок. Нельзя, чтоб услышали. Бог его знает, что может подумать капитан, увидев, как Кракен ковыряется в сундуке. Задвижка внезапно отскочила, больно стукнув Кракена по костяшкам, и он сунул в рот сразу три пальца. Конечно, они посчитают его обычным воришкой. Или, того не легче, подумают еще, что Кракен снюхался с кем-то из тех, кого они полагают своими врагами.

Свет, падавший из соседних комнат, едва позволял разглядеть содержимое сундука. Кракен порылся в нем, шепотом уговаривая барахло внутри не шуметь, когда то звякало или шуршало, и урезонивания самого себя в придачу. Раздвинув предметы к обеим сторонам сундука, он залез внутрь по самые плечи. Холодная медь подзорной трубы прижалась к щеке; вокруг ушей поднялась пыль, принесшая приятные ароматы дуба и кожи. Было бы здорово так и оставаться, точно страусу с зарытой в песок головой, среди этих сказочных шутовин. Он запросто может уснуть в такой позе, если тотчас же не встанет. Кракен послушал, как в голове бьется кровь — приливы и отливы, туда и обратно, как выразился бы Аристотель, — и в ее гулком плеске едва различил что-то еще: голос, казалось, долетавший откуда-то очень издалека.

Он поразмыслил над этим, чувствуя, как начинает пульсировать ссадина на лбу. Хоть убейте, но сообразить, что ему делать дальше, Кракен ни-

как не мог. С чего бы это мне тут стоять, головой в сундуке, спросил он себя. Напрашивался единственный ответ: да ты напился, дружок. Кракен усмехнулся. «В виски сплошь риски», — вполголоса произнес он, слушая, как голос отражается от стенок сундука. Да он спятил, откупорив виски! Джин такого с людьми не творит — не превращает их в дураков. Кракену вдруг стало отчаянно страшно. Сколько же времени он провел тут, уткнувшись в чертов сундук? Что, если в комнате уже толпятся его друзья и лица их искажены отвращением?

Кракен медленно и осторожно высвободил голову, стараясь не вызвать обрушения морской рухляди. В руках он держал заветный ящик. Страх и восторг бурлили в крови, смывая все разумные доводы. И снова он — тот самый голос, далекий и слабый, словно кого-то замуровали, скажем, в стену. Ни словечка не разберешь. Но Кракен уже не был так уверен, что хотел бы разобрать смысл сказанного: его потрясло нахлынувшее вдруг осознание, что голос, шепчущий в его собственной голове, принадлежит самому дьяволу.

Да он одержим! Кракен почитывал Парцельса³⁰, и его пронзила мысль, что почти наверняка дело в *мумии* — женщина, заманившая его в трущобу, где Кракена избили, точно была ведьмой. Она им воспользовалась, ощутив,

³⁰ Учение знаменитого швейцарца включает в себя понятие «мумии» — материальной оболочки, сообщающей нематериальную «жизненную силу».

что он отягощен *мумией* всех тех мертвецов, которых возил ночью по Лондону. Грехи прошлого восстали, словно призраки, тыча в него указующими перстами. Кракена затрясло от ужаса. Больше виски, вот что ему нужно! *Больше*, а не меньше. Чтобы избавиться от нежелательного шума, он заглушил тихий голосок в голове, лязгая зубами, но затем подскочил во внезапном испуге, когда шум обернулся страшными криками.

Кракен захлопнул крышку сундука и отскочил от него. В помещении лавки царил сумятица. Вот откуда неслась шум! Кракен выглянул за дверной косяк, не спеша покидать относительную безопасность темной комнаты. Снаружи, перед распахнутой дверью лавки, высилась фигура Келсо Дрейка. Он все-таки пришел. Избить и застрелить Кракена ему было мало. Он явился довершить свое черное дело! Кракен отступал все дальше, пока не наткнулся на запертое окно. Высвободив щеколду, распахнул створки, перелез через подоконник и соскользнул в грязь переулка, где и залег, тяжело дыша. Потом встал, глянул через плечо на Споудстрит и размашистым шагом двинулся в сторону Биллингсгейта: через считанные часы плотная толпа торговцев на рыбном рынке надежно скроет от врагов и самого Кракена, и его добычу.

«КРОВАЯНОЙ ПУДИНГ»

Громовой стук заставил вздрогнуть всех, кроме разве что Гodelла, сохранившего на лице выражение трезвого любопытства. Капитан шагнул было вперед, чтобы открыть гостю, но его опередил, едва не сорвав дверь с петель, самолично Келсо Дрейк: благосклонно улыбаясь и чуть наклонив голову, он без приглашения прошествовал в лавку. Вскочив, Кибл набросил свой плащ на колени Джеку, скрыв под ним игрушку.

Дрейк встал почти у самого порога и, не снимая цилиндра, огляделся по сторонам, словно озадаченный тем, что подобные лавки могут где-то существовать. По итогу осмотра он, видимо, пришел к выводу, что все-таки могут, учитывая сомнительный состав компании, с которой ему приходится иметь дело. Щелчком

избавившись от невидимой соринки на рукаве, он катнул сигару в другой угол рта.

— Огоньку? — предложил капитан, поднимая длинную спичку.

Дрейк покачал головой и сощурился.

— Предпочитаете их жевать? — сказал капитан, бросив спичку в чашеобразную пепельницу. Кибл посерел: эффект, которым Дрейк явно наслаждался.

Он улыбнулся игрушечнику.

— Значит, вы принесли его сюда, — заметил он, кивая на полускрытый ящичек на коленях у Джека. — Это же прекрасно, когда человек уступает здравому смыслу. В мире и без того полно неприятностей.

— Единственная неприятность, которую я здесь вижу, — повысил голос капитан, опуская руку под прилавок, — это вы! Убирайтесь вон из моей лавки, пока еще можете стоять на своих двоих!

С этими словами он выдернул из-под прилавка нагайку плетеной кожи длиной в руку и звонко хлестнул ею по своей костяной ноге.

Дрейк и бровью не повел.

— Полно, полно, друг мой, — сказал он Киблу. — Давайте сюда свою машинку. Ничем не хуже чертежей. Мои механики разберутся в устройстве.

Джек был смущен и озадачен. Только Кибл и Сент-Ив понимали, что происходит. Сент-Ив пошарил возле стула, надеясь ухватить за гор-

лышко пустую бутылъ из-под эля. Этот человек был опасен. До обмена ударами дело едва ли дойдет: это не в стиле Дрейка. Однако вор, пытавшійся присвоить чертежи Кибла, явно был доминошником с Уорддор-стрит. Им всем лучше оставаться начеку. Кто знает, что за негодьяи прячутся в тенях снаружи?

— Мой ответ вы уже слышали, — выдохнул Кибл, заметно дрожа. — Он остается прежним.

— В таком случае, — обронил Дрейк, вынимая изо рта изжеванную сигару, — попробуем немного нажать.

Мгновение он стоял молча, словно погруженный в раздумья. Остальные замерли, ожидая, когда Дрейк огласит свое решение. Но вместо угроз и подкупа он просто коснулся полей своего цилиндра и повернулся к двери, воркуя:

— Очень миленькая дочка, эта ваша Дороти. Напоминает мне девчонку, которую я однажды... Где ж это было? — он обернулся к Киблу с притворным недоумением на лице, но увидел только, как Джек в ярости выпрыгивает из своего кресла. Ящичек отлетел в сторону, и Кибл поймал его, а Джек азартно махнул кулаком, не достав до ухмылки Дрейка на добрый фут, и в результате чуть не повалился на Годелла, который протянул руку и поймал капитана за запястье, стоило тому замахнуться своею нагайкой: такой удар, будь он завершен, свалил бы Дрейка замертво.

Миллионер отшатнулся к двери, избегая встречи с кулаком Джека, и краем глаза уловил попытку капитана покуситься на его жизнь. Выражение лица Дрейка вмиг переменялось: язвительная веселость уступила место черной ненависти. Новый финт, с помощью которого миллионер надеялся уклониться от удара, заставил его пригнуться, и цилиндр слетел с головы на пол. Но Годелл все еще удерживал запястье разъяренного капитана Пауэрс, и Дрейк быстро оправился, лишь на шаг отступив к двери.

Он было нагнулся за шляпой, но капитан выступил вперед, пригвоздил цилиндр к полу протезом, раздавив тулью, а затем, перехватив нагайку свободной рукой, тремя взмахами окончательно лишил головной убор былой формы.

— Очередь за твоей головой, ничтожество, если я снова замечу тебя поблизости. Тебя или кого-то из твоих задир. Все вы слабаки, трюмная шваль, только попадитесь — и я не раздумывая ни секунды сотру вас в порошок!

Усмешка заледенела на лице Дрейка. Забыв о цилиндре, он повернулся, собираясь напоследок сказать что-то Киблу, но так и не нашел в себе сил. Капитан же, вырвавшись из хватки Годелла, одним толчком в плечо отправил Дрейка в полет на улицу, затем подхватил изуродованный цилиндр и швырнул его во мрак, словно круглый поднос, после чего захлопнул дверь. Откупорил новую бутылку эля, дрожащей рукой наполнил стакан. Годелл опустился

в кресло. Капитан отпил с половину, повернулся к своему аристократичному другу и, негромко бросив: «Спасибо, дружище», уселся и сам.

Джеку вернули ящичек с подарком. Юноша сидел, уставившись в пол перед собою, — то ли в раздумьях, то ли в растерянности. Кибла, похоже, тоже заинтересовал именно этот участок ковра. Сент-Ив откашлялся.

— Дело принимает любопытный оборот, — сказал он. — Ума не приложу, к чему мы с такой прытью пытаемся осложнить себе жизнь, будто нам мало козней Нарбондо. Теперь нам придется иметь дело сразу с двумя мерзавцами: опасаться происков одного и терпеть слежку другого. И я боюсь, джентльмены, что буду вынужден оставить вас разбираться с этим самостоятельно, — мой поезд отбывает со станции Кингз-Кросс завтра, ровно в десять утра, и я увожу на нем готовый оксигенатор. Я не могу позволить себе откладывать пробный полет. Условия для него почти идеальны.

Кибл рассеянно махнул рукой.

— Дрейка я беру на себя, — вздохнул он, словно устав от этих разговоров. — Может, стоит продать ему чертежи. Какое это имеет значение?

— Вы так не поступите! — вскричал Джек, подскочив в кресле. Одновременно улицу озаорила вспышка молнии; за окном стало светло, как днем, и гром сотряс стекла, заставив всех молчать чуть ли не целую минуту.

— Юноша прав, — заметил Годелл, выбывая трубку о край стеклянной пепельницы. — Дрейку двигатель достаться не должен. Он сполна получит то, что ему причитается, — не больше, но, отмечу особо, и не меньше. Признаться, я и сам собирался поделиться с вами кое-какими сведениями, которые, если не ошибаюсь, удовлетворят всех сразу в нескольких смыслах. Выяснилось, что Дрейк и Нарбондо состоят в сговоре. Или, во всяком случае, в деловых отношениях. Я снял комнату напротив лаборатории доктора; Дрейк посещал Нарбондо, и не раз... Я выследил их вчера вечером, но не обоих сразу, учтите: Дрейк не стал бы говорить с Нарбондо у всех на виду. Они встретились в одном из пабов Боро, в дешевом местечке, по-видимому, открытом совсем недавно. Паб расположен на задворках одного из старых, широко разросшихся постоянных дворов, настолько давно заброшенного, что даже местные его избегают. Попасть в номера, так скажем, можно лишь из переулка; если там имеется парадный вход, отыскать его мне не удалось. Скорее всего, паб соединяется со старой гостиницей: сущий лабиринт стен, чердачных помещений и коридоров, ведущих в тупики. Если кому-то понадобится найти удобное место для опиумного притона, лучшего просто не найти. Впрочем, приспособить эти руины под другие цели будет непросто... Так или иначе, все комнаты — паб размещен в трех из них, объ-

единенных путем сноса перегородок, — выходят в переулок. Стена напротив совершенно глуха, а в самом пабе темным-темно и холодно, как в могиле. Тут мне повезло, ведь если бы они разглядели покррой моей одежды, наверняка вы-проводили бы меня вон...

Годелл повозился с трубкой, поглядывая за окно на улицу, где каждые пару минут в буйстве молний вспыхивали дождевые струи.

— Проклятье, откуда сквозняк? — промолвил капитан. Он вытащил из-за прилавка плед и укутал им плечи, а затем помахал трубкой Годеллу, предлагая возобновить рассказ.

— Это место нельзя было бы и отыскать, если бы не странный знак на одной из дверей — не вывеска даже, а скверно намалеванная надпись «Кровяной пудинг». Внутри с дюжину или чуть больше человек — сидят бесцельно, не разговаривают, и лишь перед парочкой стоит выпивка. Даже и эти двое не слишком интересовались своими кружками, хотя один устоялся в нее так, будто видел что-то в пузырьках пены, будто *помнил*, что когда-то обожал пиво, но теперь уже не видит смысла его пить. И самое странное то, что выглядит он, словно мертвец, погребенный не менее месяца назад... Я говорю не просто о недостатке солнца. В самом заведении было что-то настолько нездоровое — во всех его посетителях, если начистоту, — что никакой свежий воздух не привел бы их в чувство. Один встал, отве-

дав немного омерзительного черного пудинга, да и шагнул вдруг прямо в стену лицом и лишь потом, чуть опомнившись, двинулся к выходу... Келсо Дрейк появился четвертью часа позже доктора, который в тот момент занимался поеданием живых птиц. Воробьев, если познания в орнитологии меня не подводят. Нарбондо ловил их и пожирал, накрыв голову свисавшей до пола шалью. Природа трапезы была очевидна: писк и чириканье бедных созданий наполняли темную комнату, а биение крыльев о ткань сопровождалось треском и хрустом их тонких косточек.

Дрейк был ошарашен, говорю вам, когда горбун вынырнул из-под своей драпировки: подбородок в крови, а стол усеян объедками.

— Богом клянусь... — прервал рассказ Гodelла капитан, который, привстав, начал всматриваться в глубь лавки. — Да там, не иначе, окно распахнуто, или я сопливый юнга!

Он похромал за прилавок, зажег свечу и скрылся в комнате, где стоял морской сундук, опустевший после нанесенного Кракеном визита. Гневный вопль капитана поднял на ноги и всех остальных членов клуба.

Немедленно были зажжены газовые светильники, а окно прикрыто и заперто. На полу обнаружили подзорная труба, секстант и два обломка дубовой планки. Капитан нагнулся над сундуком, вышвырнул наружу свинью с саблями и почти сразу догадался, что укрытый

под полом ящик исчез. Он грохнул крышкой, снова распахнул окно и перегнулся в переулок, под падавший ливень. Сначала ничего рассмотреть не удавалось, но молния любезно помогла капитану, ненадолго озарив непроглядную ночь. Он обернулся к своим соратникам и беспомощно всплеснул руками.

— Что-то украдено?

Вопрос Сент-Ива был риторическим, учитывая хлам на полу и открытое окно.

— Так и есть, — выдохнул капитан, вперевалку шествуя к стулу. Но, просидев на нем не больше нескольких секунд, подскочил и метнулся к двери, а затем с криком ворвался в пустую комнату Кракена. Там его встретила тишина.

— Кракен сбежал! — ахнул Сент-Ив.

— Мерзавец! — прокричал капитан.

— Возможно, — невозмутимо возразил ему Годелл, — Кракен и сам стал жертвой вора. Не будем торопиться с заключениями.

— Ну конечно, — согласился Сент-Ив. — Готов поставить на чердачника, который искал чертежи двигателя. Я и сам сцепился с ним совсем недавно. Держу пари, он влез сюда через чердак, взломал сундук капитана и сыграл с Кракеном какую-то злую шутку, пока Дрейк отвлекал нас в лавке. Это ясно как день, — Сент-Ив поскреб подбородок, уставясь в пустоту. — Но обязательно ли этот тип в сговоре с Дрейком?

Вопрос не был обращен ни к кому конкретно, но Годелл ответил.

— Дрейк владеет домом на Уорддор-стрит — одним из многих. Ваш грим, кстати, был чуточку простоват. И это на меня вы наткнулись, после того как завладели часами.

Беседу прервало появление в комнате капитана, который сразу принялся размахивать почти пустой бутылкой виски, обнаруженной под кроватью Кракена.

— Вот в чем дело! — кричал он. — Пьянчуга смылся с... с моей собственностью, ошибки нет! Не было никакого вора — здесь, под самым нашим носом, — который похитил человека и обокрал меня. Нет, сэр! Это он, это Кракен смылся с моими вещами, и бесполезно пытаться его обелить.

— С какими вещами? — невинно поинтересовался Сент-Ив. — Может, мы сумеем возместить пропажу?

Капитан умолк и рухнул в кресло, подняв небольшое облако пыли. Он погрузил лицо в ладони, и его гнев явно развеялся, стоило Сент-Иву задать свой вопрос. Подняв глаза на сгрудившихся вокруг друзей, капитан попытался заговорить, но взглянул на Джека и покачал головой.

— Оставьте меня, дайте подумать, — просто произнес он и еще глубже осел в кресле, внезапно показавшись остальным до крайности измученным и старым. В лице его проглянули

глубокие морщины, причиненные сотнями тысяч морских миль, бесчисленными штормами и беспощадным экваториальным солнцем.

Оконную раму сотряс удар грома. Члены клуба, собрав плащи и шляпы, молча готовились отправиться в путь под проливным дождем. Чтобы найти убежище, Джеку и Киблу стоило лишь пересечь Джермин-стрит, но Сент-Иву и Годеллу предстояло добираться куда дальше. Приглушенный бой часов было слышно сквозь барабанивший ливень — два печальных удара, сообщивших прежде всего, что для кэбов уже поздновато и что Сент-Ива, по крайней мере, ждет долгая мокрая прогулка. «Богемский сигарный салон» находился примерно в полумиле к северо-востоку, а «Бертассо» — в Пимлико, в трех милях на юго-восток, что означало: около шести кварталов Годеллу и Сент-Иву предстояло одолеть вместе, по Джермин-стрит через Хеймаркет. Все были недовольны незапным завершением сегодняшнего заседания клуба. События развивались так стремительно, что назрела необходимость решительного, действенного ответа. Встреч за сигарами и элем раз в две недели явно было недостаточно.

Сент-Ив почти ничего не знал о Годелле, который являлся прежде всего другом капитана Пауэrsa, и похоже, с весьма недавних пор. И все же он оказался глубоко вовлечен в историю с Нарбондо и Дрейком, хотя в причинах этой вовлеченности Сент-Иву не удавалось

до конца разобраться. Если на то пошло, как сам капитан Пауэрс оказался так плотно в нее замешан? Зачем Нарбондо ошивался возле табачной лавки, если его *и вправду* там видели? Правда, он мог — только зачем? — наблюдать за домом Кибла по совету, скажем, того же Келсо Дрейка. Сплошная путаница. Сент-Ив мечтал поскорее вернуться в Харрогейт к своим приборам и с головой окунуться в вопросы физики и астрономии, консультируясь с уравновешенным, образованным Хасбро. Он почти обонял ароматы стальной стружки и горячего масла мастерской Питера Холла, коренастого дорчестерского кузнеца, который занимался постройкой клепаного корпуса космического корабля. В Лондоне слишком многое отвлекало, чертовски настойчиво требуя внимания.

Как раз нынче вечером пришло письмо из Королевской академии. По причине осведомленности Сент-Ива о полете Бердлипа и его дружбы с необщительным Уильямом Киблом он удостоился приглашения поучаствовать в нескольких исследовательских программах, включая изучение поразительного дирижабля Бердлипа, который был замечен над Датским проливом, высоко в разреженном воздухе стратосферы; аппарат сворачивал к Исландии, выходя на курс, способный вновь провести его над Лондоном. В Рейкьявике готовились экспедиции на шарах. Были причины предполагать, что дирижабль готовится к резкому снижению

или даже к приземлению в течение ближайших недель. Аппарат мог — кто знал наверняка? — просто рухнуть на лондонские крыши, как спущенный аэростат.

Специфические знания профессора могли бы оказаться полезны. И разве он не знаком с игрушечных дел мастером Киблом? Не согласился бы он, к примеру, использовать свое влияние... Настоящее давление. Ему предлагалась сделка. Условия такие: Сент-Иву следовало бросить свою работу, запереть лабораторию и отправить Хасбро отдыхать в Скарборо. Взамен Королевская академия проморгается от невежества и научных предрассудков, протрет наконец очки и согласится рассматривать Сент-Ива не как эксцентричного сумасшедшего, а как коллегу.

Почему человеку не дадут просто заниматься своим делом? Почему он вечно встает кому-то поперек горла? Кто все эти люди, и по какому праву они претендуют на его время? Натуральное беззаконие. Ответ прозрачен, как уайтфраерский хрусталь, однако и дня не проходит без письма о какой-либо новой тайне, жалобе или просьбе, без какого-нибудь хамоватого типа в высоченной шляпе, подглядывающего за тобой в окно, без какого-то давно пропавшего Кракена, который выныривает вдруг из переулка и крадет не поддающиеся описанию безделушки у твоего друга в самую дождливую и бездарную из вообразимых ночей, —

во имя всего святого, что подобная ночь могла забыть в гостях у весны?

Вода нитками сверкающих бус лилась с полей фетровой шляпы Сент-Ива; вымокший плащ, вконец отяжелев, напомнил ему о стальных кольчугах. И когда уже стало казаться, что ливень берет паузу, а тени глубоких дверных проемов начинают сгущаться, проступая из пелены тумана, прогремел трескучий удар, молния озарила крыши и обратила в бегство силы, пытавшиеся усмирить непогоду. Ветер, предвещавший сокрушительный ливень с беззвездных небес, настоящий потоп, рванул вдоль улицы, хлопая полами плаща Сент-Ива и заставляя его хозяйина трястись от озноба. Двое мужчин вжались в дверной проем погруженного в темноту дома, где их были бессильны достать и ветер, и влага.

— Убийственная ночь, — мрачно высказался Сент-Ив.

— М-мм, — отозвался его спутник.

— Что же, по-вашему, стащил Кракен? — спросил Сент-Ив. — Конечно, это совсем не мое дело, хотя закрадывается подозрение, что скоро оно станет моим. Просто капитан выглядел настолько... подавленным случившимся. Таким я его еще не видел.

Годелл молча закурил; и табак, и трубка, и спички чудесным образом оставались сухими. Сент-Ив даже не попытался проверить свои. Когда-нибудь — после успешного старта звездного корабля — он обязательно разработает

способ сохранять курительные принадлежности в сухости даже при самой адской погоде. Тогда в его жизни возникнет хоть какая-то определенность, некая константа, поколебать которую не сумеют все силы природы и хаоса.

— Я не слишком понимаю, как вам удастся сохранять табак и спички сухими, — посетовал Сент-Ив, — но мои размокли вконец.

— Прошу, дорогой друг, — благосклонно ответил Годелл, предлагая уже открытый кисет. — Благодарите капитана и его особую смесь. Кстати, она превосходит любую из моих собственных.

Двое мужчин обменялись спичками и тамперами³¹, переговариваясь вполголоса и наблюдая, как дождь шумно низвергается волнистой непрозрачной пеленой; похоже было, что боги покинули свой чертог, чтобы встряхнуть над улицей какое-то космическое белье.

— Насчет кражи я не уверен, — проговорил Годелл, когда трубка Сент-Ива была наконец раскурена. — Однако думаю, вы попали в точку, предположив, что довольно скоро это дело станет нашим. Ближайшие дни должны немного прояснить положение вещей, хотя, на мой взгляд, достигнутая ясность лишь углубит тайну.

Годелл чуть помедлил, размышляя, затем продолжил:

³¹ Приспособление для набивки и уплотнения табака в чашечке трубки.

— Те ребята из «Кровяного пудинга». Все они мертвы, я в этом не сомневаюсь. И то, что вы прочли сегодня из записей Оулсби, заставило меня утвердиться в этой мысли. Каково ваше мнение как ученого? *Мог ли Оулсби оживлять трупы?*

— Если Себастьян написал, что мог, — значит, так оно и есть, — просто ответил Сент-Ив. — Как он этого добивался, не имею понятия, разве что нужен был гигантский карп. А гомункул, существо в шкатулке, в процессе не участвовал. Из рукописи следует, что Оулсби надеялся вывести у того секрет вечной жизни. Кибл тоже так полагал. То, что Кибл делал или пытался делать с двигателями, — в точности то же, чего Оулсби достигал, используя живых существ. Отчасти это объясняет тот упадок, что настиг беднягу Кибла, — простите, что я позволяю себе говорить о друге в подобных выражениях. Но, черт возьми, их занятия оказались разрушительны. Полагаю, Кибл винит себя в том, что первым рассказал Оулсби о могуществе этого существа, подкинул мысль о способе преодолеть силу инерции.

— Именно он все пятнадцать лет заботился о Джеке, — напомнил Годелл.

Сент-Ив пожал плечами:

— И да, и нет. Он сделал бы это в любом случае. Эти двое — Кибл и Оулсби — были близки, словно братья, а Уинифред Кибл и Нелл с детства были неразлучны.

— Ах да, Нелл... — пробормотал Годелл, почти неразличимо кивая. — Вот оно. Люди в «Кровяном пудинге» были мертвецами, и я сам видел два дня тому назад сквозь щель в занавеске, как Нарбондо возвращает жизнь чему-то, что почти наверняка являлось трупом. Как со всем этим связан Дрейк, пока не скажу наверняка, хотя, сдаётся мне, эти двое могли заключить меж собою нечто вроде сделки; может быть, Нарбондо поставляет Дрейку армии покорных рабочих — рабочих, которых лидеры профсоюза нашли бы несговорчивыми. Теперь же, выслушав ваш рассказ о существовании в шкатулке, я считаю вполне возможным, что Дрейк надеется приобрести то, чего так желал Оулсби, и верит, что Нарбондо сможет это раздобыть. И тогда приземление дирижабля может оказаться весьма интересным... Если, как вы говорите, горбун понимает, что на борту находится гомункул.

— Это вероятно, — сказал Сент-Ив. — Но уверенности нет.

— В этом деле есть ещё одна заинтересованная сторона, — продолжал Годелл. — Самопровозглашенный Новый Мессия с редким именем Шилох, который также причастен к тайне. Именно он столкнул вас с крыльца за мгновение до того, как я появился перед борделем Дрейка.

— Тот старик! — вскричал Сент-Ив, которому внезапно открылась истинная природа

парочки с лестницы, глядевшей в никуда, и не желавшего кровоточить уха. Он покачал головой. Отвратное дельце, и все же ничто не препятствовало ему следующим утром оказаться в экспresse, идущем до Харрогейта. Если свериться с циферблатом, его будут отделять от Лондона всего несколько часов пути, и он всегда сможет вернуться, с пистолетом в руке, только позови. Фигурально же выражаясь, Харрогейт отделен от Лондона расстоянием в множество световых лет, хвала небесам, и уж такова природа нашей реальности, что Сент-Ив был способен преодолеть необходимые мили за четыре часа с небольшим, и уже очень скоро ему подадут чай с пирожными в комнате, увешанной любимыми книжными полками и картами звездного неба.

— Когда вы вернетесь? — внезапно спросил Годелл, врываясь в мечты Сент-Ива.

— Об этом я еще не думал как следует, — признал физик.

— Я немного переживаю за этого парня, за Кракена, — сказал Годелл. — Он мне казался чуточку сумасшедшим, если честно, хотя и безвредным. Лучше бы его найти. Кроме этого, я вполне уверен, что никто из нас не сдюжит в одиночку пройти подобное испытание. Лишь командный дух способен нанести окончательное поражение заговорщикам.

— Разумеется, разумеется, — трубка Сент-Ива угасла. Годелл абсолютно прав. Почему бы нам, предположил он, не вернуться в Лондон

через несколько дней? Скажем, через неделю. В самом срочном порядке — через пять дней. Ну через три. Точная дата, прозвучав однажды, разбила бы в пух и прах все мечты о чае и пирожных.

— Если случится еще что-нибудь, — вдруг услышал собственный голос Сент-Ив, — известите меня немедленно, и я сяду на ближайший поезд. Если я не получу вестей раньше, увидимся в следующий четверг вечером, в лавке. Этим встречам стоило бы стать чуть регулярнее — по крайней мере, вплоть до появления Бердлипа.

— Согласен, — ответил Годелл, протянув ему руку для пожатия, а затем, пригнувшись, вышел под утихающий дождь и зашагал в сторону Сохо, а утренний бриз донес из-за его плеча еще одно слово: «Удачи». Кутаясь в пальто, Сент-Ив двинулся в путь по Риджент-стрит, размышляя о том, каким чудом, черт возьми, Годеллу удастся так эффективно действовать, и о том, как этому человеку идет его мантия, сотканная из интриг и тайн.

Огни в лавке капитана почти погасли — их будто смыли потоки дождя, и в тускло освещенной комнате едва можно было различить неподвижный силуэт владельца. Разум капитана был пуст, ибо внезапная катастрофа встряхнула его, рассеяла слежавшуюся пыль. Что он скажет ей? А Джеку? Если найти Кракена... капитан

не знал, что тогда сделает. Во всем следовало винить его собственную глупость. Зачем было размахивать ящиком, в то время как Кракен валялся якобы без сознания в смежной комнате? Внезапно капитан замер, выпрямившись. В конце концов, размахивали не только ящиком. Он нашарил часы в жилетном кармане. Пятнадцать минут третьего: у него осталось лишь три четверти часа, чтобы найти решение.

Стрелки ползли по кругу, а капитан продумывал и отбрасывал один план за другим. В пять минут четвертого он начал прислушиваться, ожидая стука в дверь. Прошел по всем комнатам, приглушая свет, выглядывая в окна. Никто так и не явился. С улицы доносился только стук дождя. Может, она забыла? Или просто уснула? Четыре часа, пять... Ровно в десять, когда в неурочно запертую дверь лавки постучал первый покупатель, капитан Пауэрс со стоном очнулся от сна, полного темных лондонских переулков и согбленных преступников. Нет, он не мог встретить новый день в одиночку; настала пора довериться Годеллу.

В ОКЕАНАРИУМЕ

В то же самое время, когда Сент-Ив зачитывал рукопись Оулсби потрясенным членам клуба «Трисмегист» в лавке капитана Пауэрса, доктор Нарбондо и Уиллис Пьюл ехали по Бейсуотер-роуд в направлении Крейвен-Хилл. Небо заполнял сумбур клубящихся облаков, и в отсутствие луны нечему было осветить дорогу — пока еще сухую, несмотря на налетавшие время от времени роспески дождевых капель, заставлявшие обоих мужчин плотнее прикрывать горло воротниками пальто. Купол океанариума нависал меж дубов тенью сутулого доисторического чудища, широкие ветви затеняли дорогу и примыкающий парк до полной непроглядности.

Горбун натянул поводья ярдах в двадцати от темнеющего впереди здания, не покидая глубоких лесных теней. Каменная глыба океанариума

была сера от времени, от ржавеющего железного листа подоконников по ней тянулись вертикальные рыжие потеки. Облепивший стены плющ, только-только давший побег этой поздней весной, был подрезан по периметру окон. Внутри не горело ни огонька, но оба знали, что где-то поблизости должен бродить сторож с зажженной свечой. Пьюл надеялся, однако, что тот дрыхнет где-нибудь заодно со своею собакой. Он крался под окнами массивного здания, вслушиваясь и вглядываясь, пробуя открыть все окна по очереди, готовый бросить все и удрать при малейшем шорохе.

Ухватившись за брус широкого двойного переплета, он потянул за створку, и окно со скрипом приоткрылось в россыпи ржавой шелухи. Пьюл подтянулся, в поисках опоры скребя носками ботинок по камню и обдирая ладони о грубый подоконник. Опрокинувшись на спину, он беззвучно обругал и ночь, и окна, и всех невидимых сторожей с собаками, и особенно — доктора Нарбондо, с удовольствием восседавшего на облучке двуколки и готового хлестнуть лошадь при первом же намеке на неприятности. Пьюл знал, впрочем, что доктору страсть как неохота уезжать, так и не раздобыв карпа, ведь без этой рыбы Джанна Сауткотт останется лишь бесформенной кучкой праха и лишенных плоти костей, да и ее полоумный сынок вряд ли захочет расстаться со своим мешком полукрон, если их попытка не увенчается успехом.

Пьюл предпринял новую атаку на окно; физические упражнения никогда не были его коньком. По сути, они были ему омерзительны. Ниже его достоинства. Вся эта кутерьма не стоила и кончика его пальца. Однако очень скоро, когда в его распоряжении окажется кое-что существенное... Пьюл обнаружил, что уже балансирует на подоконнике, стараясь не позволить ногам соскользнуть обратно в темноту. Отчаянно дернувшись, он головой вперед скатился наконец внутрь здания. Пальто зацепилось за задвижку переплета, дернув Пьюла в сторону. Содержимое карманов застучало по каменному полу, и он выругался, глядя в полутьме на огарок свечи, катящийся под железные ножки аквариума. Секундой позже он уже стоял на четвереньках, шаря ладонями по влажному полу.

Воздух был пропитан застойным запахом не-свежей аквариумной воды, водорослей и соли, неопрятной коркой выросшей на стеклянных крышках от мелких брызг аэраторов. Пьюл слышал постукивание капель, падавших из протекающих резервуаров, и журчание пузырьков на спокойной поверхности воды. Слава богу, спички не плюхнулись ни в одну из луж. Он спрятался за одним из широких каменных монолитов, подпиравших ряды темных аквариумов, и чиркнул по шершавому граниту спичкой. Сера вспыхнула, зашипела. Затебив свой огарок, Пьюл надежно укрепил его в медном подсвечнике. Вгляделся во тьму, уверился, что он здесь один, встал и зашагал к противоположной стене.

За последний месяц он прошел по этой самой комнате не меньше полудюжины раз, знакомясь с островами аквариумов, с расположением и устройством огромных резиновых пузырей, подававших воздух в резервуары, а также шкафчиков с сачками, сифонами и ведрами. Он отыскал широкий квадратный сачок и стремянку, оттащил их к центру помещения. Повел свечой вдоль длинного низкого аквариума, вглядываясь в бликующее стекло, и высмотрел серебристую тушу большущего карпа, лежавшего почти без движения среди камней и водорослей.

Пьюл взобрался на верхнюю ступеньку лестницы. Сняв стеклянную крышку с резервуара, он сошел вниз и осторожно поставил ее на пол. Миг — и он снова наверху, опускает сачок в аквариум.

Здесь должно проявить проворство: появившись у карпов хоть полшанса, они отплывут в дальний конец аквариума и затаятся, а Пьюлу придется волоочь туда стремянку, чтобы их достать. Лишние хлопоты. Он осторожно вытянул из воды густые пряди водорослей и выкинул их на пол как попало. Незачем путаться в них сачком. Ему нужен был карп, а не это зеленое месиво.

Сквозь мутную воду он разглядел улегшегося на гравий крапчатого кои около полутора футов в длину. Подходящий! Пьюл опустил сачок в воду, покачал им, расправляя углы, и внезапным рывком опустил на хвост спавшего карпа, чтобы выдернуть его из воды прежде, чем тот успеет опомниться. Нацупав голову рыбины, он постарался запустить

пальцы ей под жабры — вода так и плескала из аквариума, впитываясь в переднюю часть пальто.

И тут карп, не пожелавший быть пойманным, внезапно рванул в сторону, ускользая из захвата. Пьюл кинулся за рыбиной, обхватил ее руками и уже ощутил, как под ним кренится стремянка, когда осознал вдруг, что его спину озаряет чей-то фонарь, а где-то рядом лает пес.

— Вот те на! — встревоженно ахнули позади; Пьюл же вместе с пойманной рыбой повалился на бок и упал в кучу мокрых водорослей. Волоча за собою веревки анахарисов и амбулий, Пьюл боролся с карпом, оглушенным после удара вскользь о каменное основание аквариума. Собака с рыком терзала его брючину. Пьюл выкрикивал ругательства, улюлюкал, яростно вопил на собаку и ее хозяина в расчете на то, что сторож — старик с высохшей ногой — предпочтет не связываться с явно сумасшедшим похитителем рыб. Сохранялась надежда, что, расслышав вопли, Нарбондо подгонит чертову двуколку поближе.

Пьюл лягнул повисшую на штанине и волочившуюся позади собаку, но отцепить ее так и не смог. Хозяин дохромал до них и, присев, обеими руками ухватил рычавшую псину за холку, словно волновался лишь об одном: чтобы заодно с карпом Пьюл не похитил еще и ее.

Извернувшись, Пьюл вытолкнул карпа за окно — пролезть туда с ним в охапке не представлялось возможным — и почувствовал, как рыбу выхватили у него из рук.

Порыв ветра с дождем резанул по глазам, стояло Пьюлу подтянуться на подоконнике, что оказалось не столь уж сложно: воющую собаку держал сторож, а расстояние от окна до пола здесь было на пару футов меньше, чем снаружи. Земля, соответственно, оказалась дальше, чем рассчитывал Пьюл, и после жуткого, вышибающего дух удара он скорчился в грязи между камнем фундамента и колесом двуколки. Нарбондо бешено ругался; Пьюл вяло отругивался в ответ; сторож, с трудом удерживая на месте свою собачонку, с оторопью вглядывался в них, высунувшись из распахнутого окна. Горбун хлестнул лошадь, как только Пьюл ухватился за борт повозки, намереваясь впрыгнуть в нее, и ему пришлось какое-то время бежать, отчаянно подскакивая, чтобы наконец подтянуться и рухнуть на дно, лицом прямо в тушу огромной рыбы.

Задыхаясь и фыркая, он лежал там, оттирая со щеки слизь и чешую рукавом пальто; внутри зрело искушение ухватить карпа за хвост и до бесчувствия отколотить им Нарбондо, сбросить горбуна с облучка под копыта несущейся лошади, переехать его искаженную физиономию железными ободами колес и оставить подыхать в дорожной слякоти. Но — терпение: его время еще придет!

Пьюл подобрал тяжелую рыбу и затолкал в бочонок, где плескалась вода, едва способная покрыть тело карпа. Он потряс свою добычу, стараясь привести в чувство, но та была полумраз-

давлена, и весьма скоро вода в бочонке замутилась кровью и чешуей.

— Сдохла! — прокричал Пьюл в подпрыгивавший на облучке затылок Нарбондо.

Горбун что-то крикнул, но ветер отнес его ответ в сторону. Двуколка, подскакивая и гремя, мчалась между двумя рядами темных дубов, то и дело влетая в ухабы, однажды едва не опрокинулась в канаву. Летевшая из-под копыт жидкая грязь окатывала всю внутренность колымаги, не щадя и Пьюла; сам же он вцепился в борта обеими руками и был счастлив забыть о судьбе несчастной рыбины.

Но тут, с внезапностью, влипавшей Пьюла в бугристую спину Нарбондо, лошадь встала и попятилась. В слепящем потоке ливня горбун полез назад, раздраженно мотнув головой в сторону Пьюла.

— Возьми треклятые вожжи! — выдохнул он, распахивая сумку и роясь внутри в поисках скальпеля. Нашупав искомое, Нарбондо удостоил неловкого компаньона такого толчка в спину, что тот едва не вылетел за борт повозки, а через мгновение они снова мчались прочь: Пьюл правил, доктор же деловито потрошил рыбу остро отточенным лезвием и негромко изрыгал тут же отлетающие прочь под натиском ветра и дождя ругательства, совершенно забыв о напарнике, погруженном в черные мысли о смерти и мщении.

Скорее всего, беспокоиться было не о чем. Никто ее не подозревал, однако она старалась

держаться темноты, выходить по ночам. Она молилась, чтобы поскорее пришел тот день, когда это изменится. Капитан Пауэрс обещал помочь... Укрывшись под капюшоном, она торопливо шла по почти безлюдной Шафтсбери-стрит, наклонив зонт назад для защиты от ветра и дождя, несшихся теперь с запада. Непогода слишком разыгралась, чтобы кто-то захотел бродить сейчас по улицам, да и час поздний — далеко за полночь.

Все годы бесприютных скитаний по обеим Индиям, еще три — в Южной Каролине, а теперь уже и в Лондоне, родном для нее городе, хотя во всем мире теперь не найти места, которое внушало бы ей столько подозрений и страха, смягчило обретение единственного надежного порта, острова в море сумятиц и угрызений совести. Этим островом стал капитан Пауэрс — человек, которого ничто не могло поколебать, который на своей искусственной ноге был способен шагать по омытым морскими волнами вздымающимся палубам и держать верный курс по зыбким теням созвездий.

Но прежде всего ей пришлось по сердцу то уважение, какое капитан определенно испытывал к вещадам диковинным и даже легкомысленным. За фасадом твердокаменной практичности скрывался настоящий кладезь курьезов: смехотворная курительная нога, ожерелье из обезьяньих клыков, врученное ему неким исследователем джунглей в обмен на две бутылки шотландского вис-

ки, сжигавшая табак и одновременно пускавшая мыльные пузыри трубка плюс целое собрание пустячков, предназначенных подманивать удачу, которое он таскал в карманах. «Удача у меня в кармане», — говаривал капитан, демонстрируя на ладони красный и черный бобы из Перу, выточенный из агата шарик, крохотную обезьянку слоновой кости или восточную монету с дырочкой посередине. По реакции людей на увиденное, признался как-то Пауэрс, ему удавалось составить о них довольно точное мнение. Уильям Кибл и Лэнгдон Сент-Ив благополучно прошли проверку, немедленно разглядев всю ценность подобных безделиц.

Нелл не без удивления поняла, что находится всего в квартале от табачной лавки. Для задуманного визита еще рановато; встреча клуба, несомненно, в полном разгаре. Лучше будет дожидаться условленного часа, но сначала нужно найти убежище. Дождь может оказаться очень увлекательным зрелищем, если не позволить ему себя намочить. Она свернула на Риджент-стрит, в сторону парка Сент-Джеймс. Там она посидит под навесом летней сцены, воображая себе какой-нибудь концерт, или, не напрягая воображение, попросту скроется от чужих глаз за темнотой и непогодой.

Дождь ненадолго ослаб, и стало совсем тихо, лишь стучат по тротуару ее шаги. Позади нее по Риджент, неспешно клацаая, катился чей-то бροгам, рассеивая ночной туман

при помощи желтоватого, тусклого света фонаря. Он то убыстрял ход, то снова замедлял его, словно выслеживая кого-то, однако кучер вроде бы не обращал на нее внимания: сгорбившись на облучке, он глядел прямо перед собой. Вожжи болтаются в безвольных руках, а экипаж движется сам по себе. Сделав над собой усилие, Нелл перестала замечать брогам, плотнее завернулась в плащ и прибавила шаг. Предстояло решить, свернуть ей в ближний переулок или продолжить путь к парку.

Она быстро оглянулась на приблизившийся брогам. Внутри двое мужчин, оба в упор смотрят на нее. Одного скрывала тень, другой был виден вполне отчетливо; кажется, у этого пассажира не хватало половины лица. То, как пристально они ее разглядывали, мгновенно вселило в Нелл уверенность, что эти двое не случайно возникли в ночи, а следили за нею.

Она шагнула в узкий проулок, где высокие, клонящиеся друг к другу дома почти сходились вверх; дождевые струи бежали по грязным кирпичам стены слева от нее, питая глинистый поток посредине мостовой. Нелл приподняла юбки и побежала. Ничего не оставалось, кроме как шлепать по щиколотку в воде. Проулок когда-нибудь кончится, и она повернет назад — пробежит до самой Джермин-стрит, если понадобится.

Неурочный час сейчас не важен. Лучше предстать перед друзьями из клуба «Трисмегист», чем звать на подмогу констебля. Все, что угодно,

лишь бы не угодить в лапы седоков того бромама. Она уже догадалась, кем они были.

Нелл так и не достигла конца проулка, хотя спасительный выход — желтое свечение газовых фонарей — казалось, парил в дымке дождя в какой-то сотне ярдов впереди. В этот слабый отсвет шагнула вдруг высокая, но будто согбенная от старости фигура в плаще. Нелл замедлила шаг, остановилась, но внезапно осознала, что, кто бы ни стоял у выхода из проулка, это точно не Игнасио Нарбондо.

Она ошиблась, но сие открытие ничуть ее не утешило. Нелл осторожно двинулась навстречу незнакомцу, вплотную приблизившись к относительно сухой правой стене и отсчитывая влажные кирпичи тыльной стороной кисти. Обернулась. Молния вспорола небо над головой, превратив две подбиравшиеся к ней сутулые фигуры в черные силуэты на слепяще-ярком заднике. Стены вокруг отвесные и скользкие; ни окон, ни дверей поблизости. Ночь вскипела разноголосицей шумов, и вопль Нелл затерялся в громовом раскате грома, грозившего обрушить вниз старые, искрошенные кирпичи стен высоко над нею.

Чья-то рука зажала ей рот, но тут же отдернулась, стоило Нелл впиться в нее зубами. Пошатнувшись, она вслепую пнула человека в плаще; тот выругался и неловко отпрыгнул, будто ослабленный преклонным возрастом. Страхивая капли с ресниц, она огляделась — и сама не желала поверить увиденному. Но что было,

то было. Момент давней слабости настиг ее, чтобы предать.

Перед нею маячило изувеченное мертвое лицо, и обладавший им вурдалак пихнул Нелл к стене, чтобы набросить ей на голову мучной мешок. Нелл развернулась, потеряла равновесие и осела на колени в грязной воде; ее рывком поставили на ноги и поволокли вперед.

Нетвердый бег вслепую назад по проулку, к ждавшему на углу брогаму, казался бесконечным, но не дал ей времени обдумать случившееся. Второй крик оборвался грубым рывком затянутого на ее шее мешка. Нелл заметила две быстро мелькнувшие в вышине вспышки и автоматически, в полнейшем ступоре, отсчитала шесть секунд.

Гром еще не стих под низкими небесами, когда чья-то рука легла ей на затылок и втянула в бромам. Нелл опять упала на колени и предпочла не подниматься. Щелкнула задвижка дверцы, и кучер пустил лошадь во весь опор.

Слушая сквозь шум дождя свистящее, хриплое дыхание двух своих странных похитителей, она рылась в памяти в попытке объяснить столь крутой поворот судьбы. Объяснения не находилось. Все, что было ей известно, знал и Шилах. Много лет тому назад она поддалась минутной слабости и, как послушная новообращенная, исповедовалась истово и правдиво. Все, что она открывала тогда Шилаху о своей вине и о местонахождении шкатулки с гомункулом, действительно и теперь. Какой ему прок в ее похищении? Разве что они

охотятся за чем-то другим... Неужели они намереваются надавить на капитана? Или им нужен изумруд Джека? Шаря в памяти, Нелл пыталась нащупать хоть что-то полезное. Неужели она проговорила кому-то об изумруде? Жаль, если дело именно в этом. А вот если они намереваются прижать с ее помощью капитана, то их ждет жестокое разочарование. Спустя несколько минут, когда бροгам остановился, она от всего сердца пожелала, чтобы как раз такую ошибку ее похитители и совершили.

Доктор Нарбондо волок растерзанного карпа по узкой лестнице в свою лабораторию над Пратлоу-стрит, а Уиллис Пьюл тащился позади. Вырезанная доктором железа имела самый жалкий вид, поскольку пострадала от неуклюжей возни Пьюла. Придется устроить настоящую комедию, чтобы чертов проповедник остался доволен... Можно заставить Пьюла подцепить Джоанну Сауткотт к потолку и управлять ею, как марионеткой. Старик вряд ли расстанется с деньгами, пусть и с фальшивыми, так и не получив желаемого. По сути, трудно сказать, какой трюк может выкинуть старый псих, если его драгоценная мамаша так и не восстанет со стола.

С полными руками рыбьих потрохов Нарбондо пинком отворил дверь и вошел в лабораторию. Над пустым аквариумом горела лампа; под нею с наполовину скрытым тенью лицом стоял Шилох собственной персоной, костлявый

и изможденный; на пол с него стекала вода. Доктор Нарбондо ясно видел, что старик далек от чувства полного удовлетворения. И то сказать, лежа на мраморном прозекторском столе, Джоанна Сауткотт не представляла собой воодушевляющее зрелище. Солидная кучка грязи, пыли и отчасти рассыпавшихся, лишенных плоти костей. Спутанные пряди волос забиты прошлогодними листьями. Рядом со столом валялся столь же неприглядный саван.

Доска для анатомирования с приколотой к ней огромной освежеванной жабой была сметена со стола на пол заодно со стопой заметок, чернильницей и гусиным пером. Горбун шлепнул рыбу на мраморный стол и молча содрал с себя сочившийся водой дождевик. Шилох же, онемев от гнева, простер руку и смахнул рыбу на пол, к жабе. Сила рывка сотрясла стол, и костяк его матушки, совершив краткий танец, щелкнул челюстями: та будто готовилась отчитать сына за неловкость.

— Она говорит! — вскричал проповедник, бросаясь вперед и хватая мать за запястье, словно умоляя продолжать. И в итоге добился лишь, что кисть ее руки отвалилась вовсе и упала на стол. Объятый ужасом Шилох отшатнулся с выставленными вперед ладонями; Нарбондо же, брезгливо фыркнув, повернулся повесить одежду на крючок. И замер в неподвижности, если, конечно, не считать движением ту улыбку, что медленно расцвела на его лице.

— Нелл Оулсби, — сказал доктор. — Сколько лет, сколько зим! Вот уже пятнадцать минули с того дня, как вы пристрелили своего несчастного братца, так ведь?

Нарбондо помолчал, облизывая губы.

— Отличный был выстрел, прямо в сердце. Пуля раздробила ребро и застряла в левом желудочке, все всмятку. Я три часа бился над вашим братом после того, как пробежал за вами пол-Лондона, но спасти уже не мог. Потом все-таки оживил, лишь на неделю, но сохранять в нем жизнь не имело резона. Напрочь утратил разум. Рыдал день-деньской. В конце концов я порезал его на кусочки и... использовал там и сям.

Нелл сидела в углу и, плотно сжав губы, смотрела на дождь, бивший в оконное стекло.

— Неправда, — отозвалась она наконец, — я была на его похоронах в Крайстчерче. Кости брата и сейчас покоятся там. Но я совершила ошибку: стрелять нужно было не в него, а в вас. Теперь это знаю. Уже через час я это знала, но все было кончено.

— Вы правы, разумеется.

Нарбондо склонился и поднял жабу. Положил ее на столешницу, заново приколол болтавшуюся лапку. Потом указал на истерзанного карпа.

— Душа твоей матушки, — сказал он, обернувшись к Шилоху, — заключена в этом карпе, но он жестоко покалечен. Жаль, ничего не поделаешь. Мой безрукий ассистент размозжил рыбу

о подоконник. Но рыбка смотрится куда лучше этого, правда?

Кивнув на скелет, Нарбондо нахмурился, выражая недовольство. Медленно подошел к окну, распахнул его и отправил карпа во мрак.

Старый проповедник прыгнул к нему, взмахнув за спиною плащом. Предупреждая нападение, Нарбондо повел перед лицом Шилоха пальцами правой руки, точь-в-точь фокусник, готовый предъявить публике спрятанную в ладони монету. Между большим и указательным пальцем была зажата отливающая розовым железа, похожая на крошечную почку. Довольный произведенным эффектом доктор подмигнул обомлевшему старику.

— С тебя двести пятьдесят фунтов, — Нарбондо сощурился на железу и поднял ее поближе к свету.

— Взамен даю женщину, — сказал Шилох, улыбаясь впервые за весь вечер.

Нарбондо пожал плечами.

— На что она мне? Эта женщина — убийца, а какое мне дело до убийц?

— Ты целый месяц расспрашивал о ней по всему городу. Раз на то пошло, за любые сведения о ней ты предлагал вдвое больше. Я готов продешевить.

Горбун снова пожал плечами. Он повернулся к Нелл, которая все так же сидела, глядя в ночь. У нее уже появилась смутная догадка о том, что свело вместе двух негодяев и каких сведений жаждал Нарбондо все эти пятнадцать лет.

— Где ящик? — отрывисто спросил доктор.

— Спросите у старика, — сказала Нелл. — Он все знает.

Нарбондо развернулся и уставился на проповедника, который стоял теперь с довольным выражением на лице. Шилох развел руками.

— А это, — протянул он, словно обдумывая каждое слово, — предмет взаимного интереса, не так ли?

Нарбондо собрался было ответить, но спохватился. Помолчав с минуту, задал тот же вопрос:

— Где ящик? Он нужен мне. Прямо сейчас.

Старик помотал головой:

— Я оплачу только уже оказанные услуги. Пока мне их не оказали, — затем, внезапно воодушевившись, ткнул пальцем в стол у себя за спиной: — Нынче же. Немедленно!

Пьюл застонал, обмякая в кресле. Нарбондо кивнул — так, словно просьба была пустячной, — и сдернул с крючка фартук, прошипев Пьюлу, чтобы тот готовился к операции.

— Как же?.. — начал Пьюл, но горбун прервал его ругательством. Шилох же отступил к стоявшему перед камином креслу со смешанным выражением благоговения, удовлетворения и беспокойства на лице.

Теофил Годелл спешил по залитым дождем улицам, прислушиваясь к отдаляющимся шагам Лэнгдона Сент-Ива и размышляя о странном поведении капитана Пауэрс, который явно сильно

обеспокоился пропажей предметов, так и оставшихся неназванными. Это дело представлялось сложным, даже когда все его детали были понятны. А уж если возникает элемент неизвестности... Скрытность капитана начинала действовать на нервы. Она вызывала интерес, разумеется, но тем не менее действовала как раздражитель.

Годелл начинал привыкать к бессонным ночам. У него не имелось деловых обязанностей, достойных упоминания, так что он мог позволить себе поклевать носом в течение дня вдогон к паре часов утреннего сна. Уже почти два часа ночи; тьма и непогода возместят отсутствие какого-либо камуфляжа. Задумчиво попыхивая трубкой и уверенно стуча тростью в булыжники мостовой, Годелл держал курс на Пратлоу-стрит; он только вывернул из-за угла, когда единственное освещенное окно посреди квартала распахнулось, наружу вылетел и глухо шлепнулся на камни цилиндрический сверток. Раздавшийся вслед за этим страдальческий вопль был отрезан захлопнувшимся окном. Годелл поспешил туда и склонился над выброшенным предметом. Дохлая рыба неизвестной породы — голова и немалая часть туловища обращены в липкую кашу ударом от падения. Годелл повернулся и зашагал к своему крыльцу; оказавшись в арендованной пустой комнате, он привычно приподнял занавеску, чтобы получить хороший обзор лаборатории Игнасио Нарбондо.

Из этого импровизированного наблюдательного пункта он смог разглядеть в комнате

напротив троих человек, которых он отлично знал. Шилох, самопровозглашенный Мессия, вещал о чем-то горбуну и его ассистенту. Похоже, страсти в лаборатории успели накалиться, и сквозь ветер и дождь до Гodelла долетали порой обрывки чьих-то гневных криков. При помощи ручного устройства, соединенного со спиральной трубкой, горбун покрыл распростертое на каменной столешнице тело — вернее, отвратного вида скелет — слоем плотного желтоватого тумана. Позади, в очаге, ревело мощное пламя. В тяжелой стеклянной реторте плавал какой-то предмет — совсем крохотный, невозможно разглядеть, — а в каменной чаше дымилась сухие травы.

Проповедник рухнул на колени и склонился вперед в нелепом подобии молитвы; Нарбондо же, спокнувшись о вытянутую руку старика, нечаянно обдал струей желтого тумана зазевавшегося Пьюла, и тот заковылял прочь, сгибаясь в приступе рвоты. Горбун прервал процедуру, чтобы обругать Шилоха; тот покорно поднялся с колен и шагнул в сторону, за пределы обзора.

Ливень усилился, на минуту затруднив Гodelлу наблюдение за происходящим в противоположном окне, и тот, сощурившись, сфокусировал внимание на истлевшем костяке. «Быть не может, — решил табачник, — чтобы горбун замыслил попытку оживить нечто подобное». И ошибся. Машина вырабатывала туман, который колебался в воздухе над костями. Чаша дымила. Нарбондо

выудил то, что плавало в реторте, и, кивнув Пьюлу, бросил это нечто в какое-то подобие выжималки для чеснока, а затем выдавил несколько капель в разверстый рот трупа.

Старик отступил, прикрывая лицо руками. Нарбондо усердно качал машину. Костяк на столе завалился набок, рассыпая мусор из спутанных волос, и приподнялся вдруг, будто бы левитируя над столом. Торжествующий вопль Нарбондо был слышен вполне отчетливо, но смысл выкрикиваемых им слов растворился в свисте ветра и дождевых потоках.

Тело дважды дернулось, напряглось и очень медленно стало приподниматься на локте лишенной кисти руки, словно собираясь слезть со стола и пойти. Озираясь слепыми глазницами, оно покрутило обтянутым сухой кожей черепом: едва способная двигаться, нечестивая, ржавая машина. Вторая рука поднялась и вслед за головой повернулась к проему окна. На один жуткий, выворачивающий наизнанку миг Гуделл уверовал, что мертвец смотрит прямо на него, однако, продолжив движение, череп задержал свой невидящий взгляд на трясущемся проповеднике; указующий перст повис в воздухе, обвиняя — или скорее умоляя о чем-то.

Старик робко приблизился, нервно теребя пальцами лацканы плаща, что выдавало обуревавшие его страх и изумление. Затем, подобно карточному домику, труп повалился на стол; простертая вперед кисть брякнулась о твердый край и полетела

на пол. Неустанно нажимая рычаг своей машинки, Нарбондо какое-то время продолжал заполнять комнату желтым туманом, но наконец оставил эти попытки и, отложив устройство, нагнулся подобрать с пола упавшую руку трупа. Старик всхлипнул и рванулся вперед. Доктор не без труда отбил от попыток проповедника завладеть ею, постоял еще немного и, пожав плечами, бросил кисть на стол, в общую кучу костей.

Туман продолжал клубиться в комнате. Сквозь него, решительно шагая к выходившему во двор окну, неожиданно проступила женская фигура. Возраст подошедшей Годелл оценил лет в сорок или немногим больше. Видимо, решив, что та намеревается осквернить кучку костей на столе, старик бросился к ней с протестами. Женщина встретила его ударом кулака в висок, пробежала мимо и, распахнув окно, высунулась — то ли за глотком воздуха, то ли в попытке выбраться.

Годелл подавил инстинктивный порыв опустить занавеску и, присев, раствориться в темноте своей комнаты. Вместо этого он встретил появление женщины в окне прямым взглядом и, словно проходя мимо по тротуару в ясный полдень, учтиво приподнял шляпу, а затем шагнул в сторону и скрылся за оконной рамой.

Все трое мужчин в комнате напротив кинулись к женщине и грубо оттащили ее от окна — как показалось Годеллу, в смертельном испуге, что та может выпрыгнуть и, пролетев три этажа, разбиться о темную брусчатку двора. Годелл

осторожно опустил задвижку и слегка приоткрыл собственное окно; его сразу же обдало потоком влажного воздуха, принесшего с собою целую какофонию проклятий и обвинений. Мужчины перетягивали незнакомку, словно та была туго набитым кошельком в руках воров, пока женщина не рванулась в сторону, отшвырнув горбуна к аквариуму. Пьюл бросился за ней, но получил пинок в голень.

Короткое напряженное перемирие, наступившее следом, прервали вопли старика, которого, казалось, охватил внезапный приступ раскаяния, вызванный прискорбным состоянием костей на столе.

— Ты сломал ее! — выкрикнул он, тыча пальцем в сторону трупа, и рванулся к Нарбондо. — Ты... ты... ты еще *заплатишь!*

Горбун пожал плечами, обретя вдруг спокойствие.

— Нет, — возразил он взбешенному проповеднику, оправил пиджак и весело подмигнул женщине. — Это тебе придется платить.

С этими словами он распахнул дверь и кивком указал на погруженный во тьму черный коридор за порогом комнаты.

— С твоей мамашей я еще не закончил, хотя попытку и без того стоит признать успешной. Не будь наш карп безнадежно истерзан, сейчас она танцевала бы здесь менуэты, — тут доктор опустил руку на открытую клавиатуру пианино у двери и с силой провел по ней ладонью, вызвав лавину восходящих нот.

Переводя неуверенный взгляд с Нарбондо на Пьюла и обратно, Шилох даже не шелохнулся, когда горбун снова кивнул ему в сторону выхода. На пороге уже стояли двое мужчин: толстяк в тюрбане и крепкий парень со страшно изувеченным лицом. Женщина попятилась к окну, но была перехвачена испуганным Пьюлом. Тот, что в тюрбане, отвесил старику церемонный поклон и, вытащив из жилетного кармана пистолет, наставил его на оцепеневшего горбуна.

— Идемте, дорогая, — позвал проповедник, подбадривая женщину нетерпеливым взмахом ладони. Годелл едва расслышал эти слова, произнесенные неожиданно спокойным тоном. Толстяк выставил вперед левый локоть и утвердил на нем дуло своего пистолета, нацеленное теперь точно в приоткрытый рот Пьюла; ассистент Нарбондо немедленно толкнул женщину в объятия старика. — Предложение остается в силе. Каждый из нас хочет получить свою женщину, причем живую. Мы оба скучали по ним, не так ли?

Дождаться ответа Шилох не стал. В сопровождении женщины и обоих подручных он растворился во мраке за распахнутой дверью.

Перепрыгивая через две ступеньки, Годелл выбежал на улицу раньше них. Рассказ Сент-Ива о странных типах, виденных им в доме терпимости, не оставлял сомнений о личностях и природе подручных Шилоха; оставалось уповать на то, что изобретатель был не менее точен и в описании их уязвимостей. Брогам, ожидавший седоков

за углом Олд Комптон-стрит, позволил Годеллу предположить, что компания свернет именно туда. Недолго думая, табачник присел в темноте дверного проема и принялся ждать.

Вдали хлопнула дверь, по крыльцу соседнего дома простучала дробь шагов, и минуту спустя мимо торопливо прошептавали четыре смутно различимые фигуры. Незнакомку бесцеремонно тащил за собой старик-проповедник, издававший невнятные протяжные звуки, нечто среднее между стоном и смешками. Годелл тихонько двинулся следом; шаги его терялись в общем топоте. Уже не скрываясь, он ухватил мужчину в тюрбане за воротник плаща и рванул назад; когда же толстяк в удивлении обернулся, Годелл быстрым движением выдернул пистолет у него из-за пояса.

Посчитав, что угрозы оружием в адрес ходячих мертвецов не принесут особой пользы, он проскочил мимо обоих, сгреб Шилоха за лацканы пальто и, сунув трость под мышку, приставил дуло пистолета к его виску.

— Буду благодарен, если вы отпустите руку этой дамы, — сказал Годелл.

Без промедления исполнив его просьбу, старик вскинул обе руки над головой, всем своим видом демонстрируя, что не имеет намерений спорить.

Годелл отпустил лацкан пальто Шилоха и протянул свою трость Нелл.

— Теофил Годелл, — сказал он, наклонив голову, — к вашим услугам.

Чуть помедлив, женщина все же представилась: «Нелл Оулсби, сэр», — и неотрывно смотрела, как лицо Годелла справится со сложной задачей скрыть изумление.

Повернувшись к старику, нервно взиравшему на пистолет, Годелл бросил:

— Прогуляетесь с нами. А ваши друзья останутся здесь.

— Конечно, останутся, в точности так они и поступят. Будут стоять не шевелясь. Не правда ли, дети мои?

Парочка странных подручных хранила молчание. Пятясь, Годелл начал движение вдоль мостовой: его насторожила внезапно возникшая мысль, что человек с изуродованным лицом тоже вооружен. Впрочем, тот хранил неподвижность.

Сойдя с тротуара, Годелл с компанией устремился в конец улицы. Небо на востоке озарялось серым предрассветным свечением, город начинал просыпаться. Тучи немного разошлись; выглянула бледная, призрачная луна, весьма некстати озарившая дома. Если им удастся выскользнуть за угол и миновать еще квартал-другой, они бросят старика самостоятельно искать дорогу и поспешат на Джермин-стрит.

Бормоча нескладные вирши о проклятии и вечных муках, проповедник еле переставлял ноги и при этом жмурился то ли в молитве, то ли из презрения к этому миру, слишком жестокому и недоброму, чтобы зрелище утреннего Лондона можно было вынести. Шествуя таким

манером, он запнулся и едва не столкнул остальных в сточную канаву. Из привычного почтения к чужим сединам Гodelл воздержался от того, чтобы влечь Шилоху легкую затрепину, и тихонько рывкнул: «Шевелитесь же!» Двигаясь в прежнем составе, они свернули за угол и подошли к стоявшему там брогаму.

Лошадь заржала. Удивленный этим внезапным шумом, Гodelл резко обернулся к ней, и тут кто-то звучно выругался прямо у него над головой. Прежде чем Гodelл успел отделить одно от другого, какой-то ловкач обрушился ему на спину, по-обезьяньи лихо спрыгнув с крыши брогама.

«Кучер! Там же был кучер!» — запоздало мелькнула испуганная мысль; не устояв на ногах, Гodelл повалился на мокрую мостовую. Пистолет отлетел прочь, стуча по брусчатке. Даже рухнув, табачник не смог оторвать от себя цепкого прыгуна. Удары за спину ничего не дали, а нападавший пропихнул руку под плечо Гodelла и этим рычагом уперся ему в основание шеи сзади. Подбородок Гodelла вдавился ему в грудь. Табачник вслепую пытался отыскать какую-нибудь опору и, когда его правая нога наткнулась на бордюрный камень, сумел оттолкнуться и встать на колени.

Нападавший оказался на удивление легок, но тем не менее давление на горло Гodelла лишь возросло. Шляпа налегла ему на глаза и, не желая слетать, застряла там так же прочно, как и человек на спине. Косясь из-под тульи, Гodelл стал свидетелем появления из-за угла двух подручных Ши-

лоха; старый проповедник тем временем нагнулся подобрать упавший пистолет.

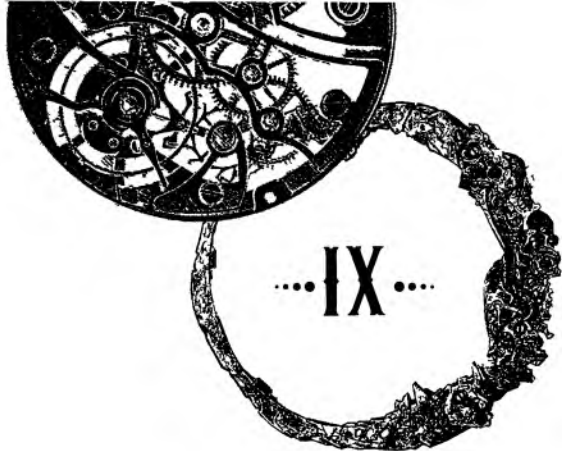
Годелл рванулся было туда же, но тяжесть противника не давала ему необходимой свободы. Он встал и выпрямился; прыгун висел цепко, как клещ. Оставалось только одно, и Годелл, набирая скорость, спиной вперед вбежал в стоящий рядом брогам.

От удара коляска закачалась на рессорах; встревоженная лошадь рванулась вперед. Над ухом у Годелла раздался гортанный взвизг — прыгун дернулся в сторону, увлекая его за собой и опять лишая равновесия. Снова падая на мостовую, Годелл видел, как Шилох уклоняется от взмахов трости, плясавшей в руках у Нелл. Женщина ухватила это орудие за конец и, когда Шилох предпринял неуверенную попытку дотянуться до упавшего пистолета, с размаху впечатала в ухо проповеднику полумесец рукояти из слоновой кости. Не оставиваясь, Нелл тут же развернулась и всадила наконечник трости в горло толстяку в тюрбане, только теперь подоспевшему на помощь поверженным сотоварищам.

Годелл потянулся к пистолету, тяжело перекатился на бок и угрожающе потряс оружием. Толстяк стоял на коленях посреди общей суматохи, пытаясь вернуть себе дыхание. Проповедник сидел на брусчатке, медленно качая головой; из-под волос у него сочилась струйка крови, а глаза метали в Нелл темные молнии, исполненные ненависти и боли. Кучер брогама лежал недвижно,

запутавшись конечностями в спицах заднего колеса, которое защемило ему ногу в тот самый миг, когда лошадь одним рывком смела его с уютного наседа на спине Годелла.

Схватку, разумеется, следовало счесть завершенной, но Годелл медлил в замешательстве. Тащить ли с собой старика? Но Нелл уже шагала прочь, унося с собою его любимую трость. Небо было ясным и серым, в утренней тиши слышался цокот копыт: приближался чей-то экипаж. Для острастки Годелл еще раз взмахнул пистолетом и поспешил вслед за Нелл Оулсби. Оглянувшись он, лишь миновав перекресток с Лексингтон-стрит двумя кварталами дальше: две уродливые фигуры живых мертвецов высились над своим поникшим, неловко скрючившимся хозяином.

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ БИЛЛ КРАКЕН

Уиллис Пьюл стоял, навалившись грудью на перила набережной, и озираал суету Биллингсгейтского рынка. Солнце успело приподняться над линией горизонта и сквозь просветы в облаках ласкало рыжеватыми бликами тихие воды Темзы. Мокрые от дождя булыжники улиц были умирительно чисты. При других обстоятельствах утро могло показаться довольно приятным, учитывая идиллический пейзаж дока: мачты и снасти парусников тянутся в бледно-лиловую вышину над рядами качающихся у пристани рыболовных судов, а сотни рыбаков заняты выгрузкой на берег ночного улова. Все бы хорошо, но Пьюлу так и не удалось сомкнуть глаза прошлой ночью. Нарбондо

желает получить нового карпа, да поскорее; его собственный экземпляр погиб от воспаления плавательного пузыря. Вылазки в океанариум никак нельзя устраивать по два раза на дню. Имелись шансы, что рыбоводы из хозяйств Клингфорда выставят карпов на продажу в Биллингсгейте. Если те окажутся свежими и не начнут сохнуть еще по пути сюда, у компаньонов появится надежда все-таки преуспеть в возрождении Джоанны Сауткотт из могильного праха.

Горбун еще долго рвал на себе волосы, стоило старику уйти, прихватив с собою и Нелл Оулсби. Нарбондо из ума выжил, если взаправду считал, что им удастся хоть как-то расшевелить грудку костей на мраморной крышке стола, но еще большим безумием было доверять Шилоху в части исполнения его стороны сделки. Проповеднику ничего не стоило надуть их, а власть его все усиливалась. Пьюл видел, как с полдюжины его обращенных бродили по рынку; многих немедля приставляли к делу — заворачивать рыбу. И никто из этих приверженцев, кажется, не был мертвецом, оживленным стараниями Нарбондо. Даже самый нелепый, надуманный и мерзкий культ способен обрести иллюзорную весомость просто за счет количества адептов.

Пьюл задумался, как раскроются его возможности, если он свяжется с Шилохом, станет обращенным. Он мог бы проделать это втайне, не по-

рывая с Нарбондо, и тогда уже стравливать этих двоих, как вздумается... Пьюл уставился в свой кофе, не слыша свиста, криков и воплей нагруженной корзины толпы вокруг.

Бессонная ночь скверно отразится на коже. Пьюл рассеянно потрогал бугор на щеке. Вся столетиями накапливавшаяся мощь алхимической науки в его распоряжении — а он, похоже, не может положить конец этим чертовым угрям с прыщами. Камфорные ванны едва не удушили его насмерть. От горячих компрессов с ромом, с уксусом и — Пьюл содрогнулся при воспоминании — с мочой на его лице высыпали пузыри, и прошло добрых два месяца, прежде чем он смог выходить, уже не опасаясь, что народ на улицах перешептывается и тычет пальцами за его спиной. Хотя они, наверное, все равно так делали, подонки...

Праздно почесав нос, Пьюл принялся к кофе, чей пряный пар едва маскировал запахи водорослей, идущие от моллюсков, устриц и потрошеной рыбы, — запахи, огромным покрывалом облекавшие весь рынок. От запаха рыбы — мертвой рыбы, вытащенной из воды, — его уже мутило.

Кто-то похлопал Пьюла по плечу, и он неприятливо уставился в серьезное лицо юноши в кепке и шейном платке. В руке молодого человека шелестела страничками тонкая брошюра.

— Прошу прощения, — рассеянно улыбаясь, сказал юноша. — Прекрасное утро, да? —

и огляделся по сторонам, будто повсюду вокруг громоздились доказательства этих слов. Пьюл с досадой смотрел в его чистое лицо. — Я подошел, чтобы предложить спасение, — сообщил юноша. — Так легко обрести его, верно?

— Ну, даже не знаю, — совершенно честно ответил Пьюл.

— Между тем это так. Оно повсюду: в рас свете, в реке, в дарах моря...

Юноша театрально повел рукой, указывая на тележку на пирсе под ними, набитую све-жевыловленными кальмарами. И все это время не переставал улыбаться взъерошенному Пьюлу, рассеянному потиравшему созревающее воспа-ление на кончике носа. Довольный удачно при-веденным примером в виде кальмаров, юноша отер собственный нос, хотя в том не было ни-какой нужды.

— Я принадлежу к Новой церкви, — объ-явил он, протягивая алхимику стопку брошю-рок. — К той Новой церкви, которую никогда не назовут старой.

Пьюл заморгал, не сводя с него глаз.

— А знаешь почему?

— Нет, — признался Пьюл, снова потянув-шись к носу.

Словно бы под магнетическим воздействием, юноша тоже взялся тереть собственный нос — полагая, видимо, что сбоку к нему прилипло нечто, устоявшее в прошлый раз. Заметив этот жест, Пьюл ощутил, как лицо начинает багро-

веть. Этот дурачок что, посмеяться над ним вздумал? Скрипнули зубы.

— Какого рожна тебе от меня надо? — выкрикнул он.

Враждебный натиск Пьюла чуть не отбросил юнца назад, но тот быстро вернул себе уверенность, расправил плечи и заулыбался шире прежнего.

— Конец близок! — с довольной усмешкой объявил он. Мысль об Армагеддоне явно приводила юношу в восторг. — У тебя остались считанные дни, чтобы спасти свою бессмертную душу. Говорю же, Новая церковь укажет верный путь. Наш пророк Шилох, Новый Мессия, он и есть этот путь! Он поднимает людей из могилы! Дарует мертвым искупление! Он...

Пьюл уже не мог этого выносить.

— Так ты говоришь, я должен обратиться, чтобы спасти себя? Склоняешь к обращению этим своим шантажом?

Юнец глазел на него. Невероятно, но улыбка сделалась даже шире.

— Я говорю, — возвестил он, бездумно поднося руку к своему носу, — что лишь он, рожденный не от мужчины, сможет прекратить твои страдания, сможет поднять...

С этими словами юноша возложил свою ладонь на лоб Пьюла, словно врачую его душу здесь и сейчас, посреди толчеи тяжело ступающих людей с корзинами угрей и акульих голов. Прикосновение ко лбу действительно

прошибло измученного Пьюла, но несколько иначе, чем было задумано.

Испустив проклятье, Пьюл уронил чашку, выхватил стопку брошюр из рук юноши и швырнул их все на камни набережной.

— Дрянь!.. Пустая болтовня!.. Мусор!.. — визжал Пьюл, вытанцовывая на брошюрках, сминая их подошвами и раздирая каблуками. Нагнулся, подхватил охапку книжиц и швырнул через перила, и ветер весело погнал их прочь, кружа, будто грошовые детские забавы. Пьюл же выдал на радостях еще с полдюжины коленец; глаза круглые, как блюдца, рот перекошен яростью.

Юноша, коего заодно с брошюрами оставила и улыбка, на шагок отступил назад — и еще раз, чтобы увериться: Пьюлу до него не допрыгнуть. Лишь тогда он повернулся и бросился бежать вниз по ступеням набережной, подгоняемый воплями «свинья поганая!» и «чертов выродок!», которые будто бы даровали ему крылья.

Пьюл еще долго орал вслед наглецу, ухватившись за перила, и даже не замечал на себе косых взглядов прохожих, которые старались обойти его по широкой дуге, чтобы не вызвать ненароком новый припадок бешенства. Его багрово-синюшное лицо само по себе представляло интерес; люди глазели на Пьюла, силясь понять причину такой ярости, шептались и подталкивали друг друга локтями. Пытаясь отдышаться, Пьюл уставился на донце поднятой

чашки и разглядывал его, пока не заметил у себя под ногами последнюю растоптанную брошюру, выпачканную песком и с отпечатками мокрых подошв. Он подобрал изданыице — на обложке кто-то, у кого напрочь отсутствовало всякое представление о перспективе, грубо изобразил длинный дирижабль, плывущий меж облаков. Над ними, рассекая темнеющее небо, пламенила до странности фаллическая комета, изогнувшаяся в сторону плоской земли. «Время близится!» — гласила надпись под иллюстрацией. О каком конкретно времени шла речь, оставалось неясным, ибо разъяснения затерялись под грязным отпечатком башмака.

Свернув брошюру, Пьюл запихал ее в карман пальто, а затем сошел по лестнице во внутреннюю часть рынка — шаткий деревянный амбар, полный голосящих торговцев и до того набитый рыбой, что казалось: все океаны выметены подчистую.

Увешанная треской женщина протолкнулась мимо, мазнув Пьюла кровавой слизью. Следом за ней из устричного ряда вывернул жирный торговец при полной корзине серых раковин, так громогласно закричавший прямо в лицо алхимику, что на миг весь мир показался тому одним гигантским носом, распахнутым ртом и ливнем слюны. Пьюл с отвращением отпрянул. Рыботорговцы толкали его со всех сторон. Осьминоги величиной со шлюпку висали над ним, норовя оплести бородавчатыми

щупальцами. Мимо проезжали выстроившиеся в тачке корзины угрей; извиваясь, змеевидные рыбы карабкались по бортам своих узилищ — лишь для того, чтобы их бесцеремонно засунули обратно и погребли под спудом капустных листьев.

Пьюл задыхался, словно угодил в дубильную яму. Он упадет в обморок, если сейчас же не глотнет воздуху.

— Карп! Карп! Карп! — раздался поблизости истошный крик. — А вот кому а-а-атличного карпа! Все живые! Живы-ые! Лучший карп! Досто-ойный богов!

Пьюл повернулся на голос, уже нашаривая кошелек. Торговаться нельзя, нет времени торговаться. Купит карпа — и лишь бы подальше отсюда. Спеша, он поскользнулся на дохлой рыбе, втоптанной в камень сотнями подошв. Перед ним вырос поднос, заваленный огромными красными креветками, похожими на громадных жуков с торчащими из хрупких панцирей глазами на стебельках; здоровенные усики шевелятся, пробуя воздух. Отшатнувшись, Пьюл налетел на тачку с кальмарами, едва не перевернул ее. «Поберегись!» — крикнули ему и отпихнули в сторону. Вот и карпы — целых семь штук в лохани с водой.

— Свежи как маргаритки! — возопил торговец, учуяв интерес Пьюла.

— Почему?

— Два фунта за всех.

Пьюл достал деньги и не глядя потряс ими под носом у мужчины. Тот выхватил бумажки из его руки и задорно подмигнул соседу — продавцу сушеной сельди.

— Желаете всех, что ли?

— Мы уже в расчете, разве нет?

— Вот и нет, — сказал продавец, — обсчитались на фунт. Чего это вы задумали? С виду такой приличный человек, и что же?.. Хотите надуть бедного торговца карпами?

Пьюл остолбенел от такой прыти, но был слишком утомлен и напуган, чтобы спорить. Мужчина вертел в пальцах единственную фунтовую банкноту. Пьюл смерил его взглядом и получил такой же вызывающий взгляд в ответ.

— И сколько на фунт? — прошипел он.

— Чего?

— На фунт! Сколько я получу на фунт?

— Одну чертову рыбину, вот сколько. Как и договорились. Тут вот мой друг, он подтвердит, он весь разговор слышал, глядя вам прямо в лицо, и до чего же оно у вас рябое, страх один...

С усмешкой на наглой роже торговец повернулся к селедочнику, который не замедлил кивнуть, глубоко и твердо.

Пьюл извлек из кошелька еще одну банкноту.

— Забираю вместе с лоханью, — устало обронил он.

— Это встанет еще в фунт, прыщавый ты мой, — прыснул карпоторговец.

Пьюл покивал, но страх и замешательство понемногу оборачивались гневом.

— Слышь, ты! — рявкнул он, махнув сидевшему в пустой тачке малолетнему носильщику. — Плачу пять шиллингов за доставку карпов в Сохо!

Тут же подскочив, мальчишка вцепился в тяжелую лохань, расплескивая воду в излишнем усердии. Пьюл отвесил ему подзатыльник.

— Каков храбрец! — фыркнул продавец карпов, засовывая в карман последнюю из полученных банкнот. — Гляньте на этого разиню, как он мальчика лупит!

Хохоча, он протянул над лоханью руку, стащил с Пьюла кепку и зачерпнул ею кальмаров из двигавшейся мимо корзины. Мокрый головной убор он, недолго думая, нахлобучил на голову торопливо бегущего вслед за тачкой с карпами, униженного Пьюла, который, едва успев вырваться на прохладное утреннее солнце, сразу зашвырнул в воды Темзы свою кепку заодно со склизлыми морскими гадами.

— Ого! — ахнул мальчишка-носильщик. С секунду казалось, что он вот-вот прыгнет следом. — Отменная же шляпа была, да? — невинно поинтересовался он, явно поражаясь причудам богатея, способного выбросить в реку добротную, разве что мокрую кепку. — И кальмары первый сорт...

Сокрушенно покачав головой, он затрусил вслед за Пьюлом.

В сотне ярдов дальше по набережной, когда крики и вонь Биллингсгейта оказались слегка приглушены, Пьюл заметил спящего бродягу, нашедшего укрытие от ветра под узким гранитным козырьком, который остался от давно рассыпавшейся опоры древней части берегового укрепления. Но не столько свернувшаяся фигура привлекла к себе взгляд алхимика, сколько уголок предмета, торчавшего из наволочки, которую спящий прижимал к груди.

Пьюл взгляделся, замедлив шаг. Потом стал рассматривать лицо бродяги. Не иначе, Билл Кракен. А шкатулка? Это же ящик Кибла! Он видел зарисовки Нарбондо. Никаких сомнений: из-под складок наволочки выглядывали довольная морда щегольски одетого бегемота и пляшущие мартышки, вырезанные на видимой части крышки. «*Бывают же такие счастливые совпадения!*» — сказал себе Пьюл. Может, это небесное воздаяние за перенесенные недавно насмешки?

Хмурясь, он оглядел спящего Кракена. Откровенно говоря, знакомы они не были, но Пьюл достаточно слышал о помощнике Оулсби, чтобы обернуть неожиданную встречу к своей выгоде.

— Сбегай-ка вон туда, — тыча пальцем, велел он мальчишке-носильщику. — Купишь мне бутылку бренди, подогретого, понял? И два стакана... — В охотно подставленную ладонь упали три шиллинга. — Получишь и четвертый, если вернешься.

Глядя, как припустил малец, Пьюл сообразил, что погорячился: незачем было сулить парнишке шиллинг, тот все равно вернулся бы за тачкой. Может, потом удастся как-нибудь вывернуться... Пока Пьюл переключил внимание на Кракена, который бойко похрапывал, не выпуская из объятий добычу.

Солнце показалось над кронами деревьев у Лондонского моста, целиком залив лучами лицо Кракена. Тот дернулся, моргая и щурясь, а затем, похоже, вспомнил, чем обладает, и еще крепче прижал шкатулку к груди, точно зверька, готового выскочить из его рук и удрать. На какое-то время он отстранил от себя наволочку с коробкой, надеясь, видимо, что зверек и вправду удерет, но потом опять принялся ее баюкать на коленях. И замер, завидя поблизости Пьюла, нависшего над тачкой с карпами.

— Доброго вам утра, — приветливо обратился к нему Пьюл, поглядывая одним глазком, не приближается ли мальчишка с бренди. Кракен сидел молча. — Прохладное оно выдалось.

— Чрезвычайно, — с подозрением протянул Кракен.

— Чуток горячего бренди оказался бы весьма кстати...

Кракен судорожно сглотнул. Провел по губам сухим языком и оглядел Пьюла.

— У вас тут вроде рыбка?

— Она самая. Рыба. Карпы вообще-то.

— Карпы, значит? Говорят, они того... Как там? Бессмертные. Ага.

— Неужели? — спросил Пьюл, изображая глубокую заинтересованность.

— Наука утверждает. Изучали их. В Китае главным образом. Живут вечно и вырастают размером с пруд, где их держат. Установленный факт. Библию почитайте — там все про это сказано. Куча рассуждений о Левиафане, рыбе самого дьявола. Тут обернется змеей, там крокодилом, и никогда напрямую. Но он карп, точно, с хвостом во рту. И уже скоро — неделя-другая, люди болтают, — вырвется на волю и явится к нам из океана, муссоном таким. Сам-то я разом и по научной, и по духовной части, но им обеим не доверяю до конца. На такое гарантии не выпишешь, вот что я думаю.

У алхимика аж дыхание сперло, и он истово закивал в знак согласия.

— По духовной, да? — отдышавшись, поинтересовался Пьюл, краем глаза следя за бутылкой, со всех ног спешившей к нему по набережной. Бренди был доставлен, Пьюл лишился очередного шиллинга, а мальчишка откатил тачку ярдов на двадцать в сторону, чтобы не слушать взрослых пересудов.

— Глоточек «Старого папы»? — предложил Пьюл и, не дожидаясь ответа, налил Кракену стакан вровень с краями.

— Премного благодарен, во рту суховато, а я еще и позавтракать не успел. А вы чем занимаетесь? — Кракен пригубил бренди. Испытав

неимоверное облегчение, он осушил сразу пол-стакана и, задохнувшись, прокашлялся.

— Я натуралист.

— Правда?

— Сущая правда. Помощник небезызвестного профессора Лэнгдона Сент-Ива.

Кракен вновь поперхнулся, уже без помощи бренди, и от жалости к себе лицо его обрело выражение меланхолической угрюмости. Пьюл подлил в его стакан еще немного. Кракен выпил. Бренди вроде удалось отогнать утреннюю стужу. Кракен внезапно вспомнил о шка-тулке, которая свернувшейся змеей покоилась на его коленях. Зачем он взял ее? Какое ему до нее дело? Коробка вовсе ему ни к чему... Как же низко он пал! С этим не поспоришь... Еще один стаканчик не сможет ввергнуть его в более глубокую бездну. Утерев выступившую слезу, Кракен испустил тяжкий вздох.

— Интересуетесь наукой, вы сказали? — подначил Пьюл.

Кракен мрачно кивнул, глядя в пустой стакан. Пьюл подлил еще.

— И ревнителем какой же из ее ветвей вы себя полагаете?

Кракен лишь покачал головой, не в силах дать внятного ответа. Пьюл нависал над ним, предлагая бутылку и усиленно рисуя на своем лице сочувствие и интерес.

— Вы представляетесь мне, — заговорил Пьюл, — прошу прощения, если лезу не в свое

дело... Исследователем путей человеческого сердца, каковое, если я не ошибаюсь, чаще бывает разбитым, нежели целым.

Засим Пьюл издал печальный вздох, словно и сам предощущал горький конец всего сущего.

Кракен покивал непослушной головой. Бренди слегка взбодрил его.

— Да вы философ, сэр, — учтиво заметил он. — Доводилось читать Эшблесса?

— Помимо его работ я мало что прочел, — с готовностью солгал Пьюл, — за исключением общеизвестных научных трактатов, разумеется. Читая философов, учишься вечно. Это ни больше ни меньше как постижение души. А мы, боюсь, живем в мире, пренебрегающем этой частью человеческой анатомии.

— Святая истина! — воскликнул Кракен, вставая на нетвердые ноги. — У иных из нас души, которых ни один старьевщик не пожелает коснуться. Даже раскаленными вилами...

Не сдержавшись, Кракен громко зарыдал.

Пьюл возложил ладонь ему на плечо жестом участия. Он понятия не имел, куда приведет беседа, но имел причины полагать, что не сможет так просто избавить Кракена от шкатулки и скрыться. Придется положиться на фортуна, которая если не улыбалась ему в последнее время, то, по крайней мере, недвусмысленно косилась в его сторону. Он подлил Кракену еще немного бренди, сокрушаясь, что не купил сразу пару бутылок, когда представился случай.

Однако воздействие теплого спиртного начинало накапливаться, ибо Кракен внезапно тяжело припал к камням низкой ограды набережной, что навело Пьюла на мысль: можно ведь тихонько дожидаться, пока собеседник упьется до потери сознания, а затем просто уйти с ящиком.

— А в-вы... — начал Кракен, — вы полагаете, доля надежды еще не утрачена?

— Ну разумеется, — на всякий случай кивнул Пьюл. Кракена такой ответ вроде бы вполне удовлетворил. — Тяжкое бремя вы влачите...

— Это факт, — пробурчал Кракен.

— Я мог бы помочь. Доверьтесь мне. Эти толки о раскаленных вилах нездоровы, и даже более того: для начала, вы не кажетесь мне пропащим, а кроме этого, они отрицают саму суть спасения. Самое вам время свернуть с привычной стези и поискать дорогу к дому.

— Вы так считаете, уважаемый? Меня не перехватят по дороге? — Кракен осушил свой стакан.

— Что такого ужасного вы могли натворить? Обокрали своего наставника? Оприходовали его супругу?

Испутив новый вздох, Кракен непроизвольно опустил глаза на шкатулку.

— Велика ценность, — усмехнулся Пьюл, — простая детская игрушка. Возвращайтесь и положите ее к ногам хозяина дома. Возместите убытки. Признайте вину.

— О нет! — запричитал Кракен. — Эта вещица чуть посерьезнее игрушки. Виселица для Билла Кракена, вот что это такое. Эшафот с пеньковой петлей. Без дураков.

— Полно вам, да что в ней такого ценного? Люди только умиляются, когда грешник кается в совершенных грехах.

— А потом они его вешают, — обронил Кракен и погрузился в молчание.

Невыразимо раздраженный Пьюл широко заулыбался и, вылив остатки бренди в стакан Кракена, запустил порожнюю бутылку подальше в реку.

— Идемте же, — сказал он. — Расскажите, с чем вы сбежали, и я посмотрю, нельзя ли все исправить.

— Шутите, уважаемый? — спросил одурманенный Кракен, внезапно оживляясь.

— Я племянник лорд-мэра.

— Ага, — сказал Кракен, осмысливая это признание. — Лорд-мэра. Самого лорд-мэра... Тут здоровый изумруд, вот что. Наследство бедняжки Джеки, одним куском. А я стянул его, убегая... Это пьянка во всем виновата, пьянка да удар по кумполу.

Поименовав виновных, он потянулся ощупать едва заживший рубец на лбу.

В мозгах у Пьюла загремело и залязгало, как в механизме сломанной машины. Изумруд! Если им завладеет Нарбондо, со своей долей Пьюл может попрощаться. Будь проклят

этот гомункул! Будь проклята давно истлевшая Джоанна Сауткотт и ее несущий околесицу сыночек. Изумруд ценнее всей околонуточной брехни горбуна, и будет даже вдвое ценнее, если ему доведется увидеть, как Оулсби его лишится. Дороти Кибл еще пожалеет, что пренебрегла им. Остается заманить Кракена в тихий уголок и там проломить ему тупую башку. Если б не мальчишка с тачкой... Вон он, трется поодаль, тупо дожидаясь распоряжений. Он отправит носильщика вперед, вместе с карпами. К тому же они куплены на деньги Нарбондо, так воздадим ему должное.

— Думаю, что вижу выход из этого затруднения, — объявил Пьюл.

— Ась?

— Говорю вам, пойдемте со мной, и я все улажу. Прямо сейчас. Моргнуть не успеете, как в ваше сердце вернется гармония. Только, богом молю, не оставляйте ящик без присмотра. В городе не счесть подонков, которым что прикончить вас за подобный куш, что шляпу при встрече приподнять — все едино. Будьте начеку.

— Тут вы правы... — с готовностью признал Кракен и заковылял вслед за Пьюлом, который, не дослушав, уже шагал к мальчишке с тачкой.

— Запоминай, шкет, — сказал ему Пьюл. — Вези этих карпов на Пратлоу-стрит, дом двести шестьдесят шесть, за углом от Олд

Комптон. Поспеши, да не вывали их на дорогу. Получишь с мистера Нарбондо полкроны, если рыба будет еще дышать, когда доставишь. Скажешь, мистер Пьюл желает ему ими подавиться, а вместо соли передает пламенный привет. Ну, шевели ногами.

Мальчик, само простодушие, отправился по указанному адресу. Пьюл же трепетал в предвкушении убийства, вышагивая по набережной к мосту Блэкфрайерс. Действовать нужно немедленно, пока Кракен не протрезвел. В его мыслях мелькали яркие сцены гибели собеседника: эффектный удар, блеск клинка, выдох пьяного изумления...

— Какого беса ты тут шляешься? — прогремел за его спиной устрашающий вопль, и Пьюл подскочил от неожиданности. С дребезгом подкатила двуколка, в которой сидел разъяренный Игнасио Нарбондо. Желудок Пьюла мигом съежился.

— Уже почти десять! Тебе половины утра мало, чтобы купить вонючего карпа? Проклятый скелет осыпается в пыль у нас на глазах, а ты слоняешься по городу, принимая солнечные ванны? Чертов мессия Шилох ухватил нас за горло!.. — Горбун остановил тираду и смерил Пьюла недобрый взглядом. — Где мой карп?

— Я отправил рыбу с мальчишкой. Вы получите своего вонючего карпа.

— Да он *и будет* вонять, когда доберется до места. А это еще кто? — Нарбондо

прищурился на его спутника. — Ба! Да это же Кракен, богом клянусь! Старина Билл Кракен... Все мертвецов выкапываешь, Билл?

Кракен переводил взгляд с Пьюла на Нарбондо — и назад. В его основательно проспиртованном мозгу ворочались смутные подозрения.

— Боже ты мой! — чуть слышно выдохнул Нарбондо, впервые заметив ящик. Повернулся к Пьюлу. — Вот что ты задумал, да? Собрался подпоить старичка Билла и улизнуть, прихватив шкатулку? А бедный доктор пускай сам о себе заботится... — горбун покачал головой, словно восторгаясь этой идеей. — И это в благодарность за все, чему я тебя обучил?

— Неправда! — с жаром возразил Пьюл. — Я вел его на Пратлоу-стрит. Дамочке на вашем столе не повредила бы небольшая... *ре-организация*, — красноречиво подмигнул Пьюл. Внутри он весь кипел, кляня себя за чудовищное промедление в этом деликатном деле.

Нарбондо насупился, разгадывая каламбур Пьюла, но его настроение почти сразу пошло на поправку.

— Иметь дело с такой *цельной* личностью будет приятно, — расхохотался он и столь же внезапно оборвал себя. — А что там, в шкатулке Кибла? Он знает?

— Изумруд, — отвечивал Пьюл. Не было смысла юлить: он либо получит это сокровище, либо нет. Впрочем, не так: он *получит* сокровище, и точка. Даже если придется

скормить Нарбондо его карпам. Выберет более подходящее время. Имея дело с причудами фортуны, приходится довольствоваться малым. Терпение!

Кракен выглядел прескверно; что тому виной — снесавшие его подозрения или же избыток теплого бренди в желудке, — судить было невозможно, но даже беглый взгляд не признал бы в нем того покорного, раскаявшегося Кракена, который минуту назад плелся за Пьюлом, словно послушный пес. В его лице промелькнула решимость. Кракен сделал шаг назад, намереваясь произнести отповедь, но вид револьвера, возникшего вдруг в руке горбуна, заставил его захлопнуть рот. Готовность дать отпор сразу иссякла.

— Полезай в коляску, Билл, — распорядился доктор, тыча револьвером себе за спину. Кракен попытался забраться туда и повис на борту.

— Да подсади же ты этого недотепу, болван! — рявкнул Нарбондо на Пьюла. — Суй его туда и поехали! У нас работы на целый день. Залезай, Билл!

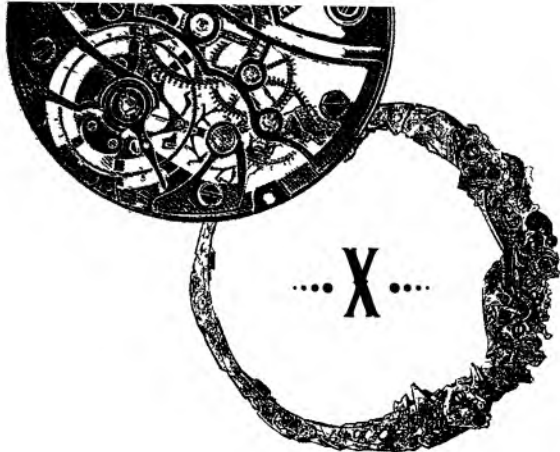
И Пьюл, обхватив ноги цеплявшегося за ящик Кракена, втокнул его в повозку, попутно обретя уверенность в том, что фортуна его прокляла. Вскрабкался следом и взял у Нарбондо револьвер. Повозка застучала по мостовой и, проехав где-то с полмили, поравнялась с толкавшим тачку мальчишкой.

— Вон же они, карпы! — вскричал Пьюл, указывая пальцем.

Но Нарбондо промчался мимо, не замедляя аллюра.

— Мы их получим так или иначе, — бросил он через плечо. — Важно поскорее доставить бедного Билла домой целым и невредимым. Никаких отклонений от маршрута. Не забывай о ящике, который мы везем!

С этим напутствием он стегнул лошадей и последовал означенному плану, с резким креном свернув на набережную Виктории.

НЕПРИЯТНОСТИ В ХАРРОГЕЙТЕ

Лэнгдон Сент-Ив любовался солнечным небом над Харрогейтом. Облака, омрачавшие Лондон, исчезли за горизонтом, а пелена, покрывавшая Лидс, едва проглядывала, отнесенная к западу и югу холодными ветрами с зеленых нагорий Шотландии. Погода была свежей — солнечной и свежей, — и это устраивало Сент-Ива как нельзя лучше.

Готовый оксигенатор Кибл вручил ему на станции Кингз-Кросс. Игрушечник пребывал в страхе: ему казалось, его преследуют — вероятно, тот давний соперник в высоченной шляпе, в котором Кракен опознал Билли Динера. Впрочем, негодяя нигде не было видно. И вообще ничего подозрительного не происходило, пока поезд не оказался

в часе езды к северу от Лондона. Возникшее маленькое затруднение, не без гордости подумал Сент-Ив, ему удалось разрешить достаточно ловко.

Подлив в чашку еще немного чая, он вонзил зубы в пшеничную булочку. Громовой стук в дверь чулана за его спиной и глухие проклятия того, кто сидел внутри, не позволяли расслабиться. Вошел Хасбро, уважительно кивнул Сент-Иву.

— Мне убрать это, сэр?

— Всенепременно.

— Он там еще колотит, сэр.

— А тот, второй?

— Затих, сэр, уже часа два как.

Сент-Ив удовлетворенно кивнул, все же по-грустнев, помимо собственной воли.

— Полагаешь, умер?

— Судя по выражению лица, насколько его видно в глазок, я бы ответил утвердительно. Мертв, как тухлая селедка, сэр, просторечно выражаясь.

Сент-Ив встал, прошел в свою лабораторию и заглянул в смотровое окошко, врезанное в дверь. На полу крохотной комнатки за нею лежал человек, выглядевший мертвым уже как минимум с неделю. На тарелке рядом — немного фруктов, на подоконнике позади — кувшин с водой. Истлевшая одежда была ему велика, словно он месяц-два носил один костюм, придерживаясь голодной диеты, а лицо отлично подошло бы упырю. Щека разворочена пулевой раной, выставившей напоказ три пожелтевших зуба.

— Даже не притронулся к еде?

— Ни крошки не съел, сэр.

— И скончался всего за сутки. Очень интересно. Похороним его за домом, вот же бедный малый. Печальное это дело, Хасбро, печальное. Но он скончался прежде, чем мы уморили его голодом. Я сразу это понял, когда они расселись в вагоне у меня за спиной. От них несло смертью и прахом. Что эти двое намеревались предпринять, мне неизвестно; я даже не знаю, чьи они — Нарбондо или того старика. Чертовски досадно, в самом деле. Пошли, проведем второго.

Они вернулись в библиотеку, где Хасбро составил чашку с блюдцем на чайный поднос и метелочкой конского волоса смахнул туда же крошки со стола. Сент-Ив тем временем разглядывал второго пленника. Тот угрюмо барабанил в дверь, словно это было его работой — вынужденной и не слишком интересной.

— Волнуют ли зомби их жилищные условия? — спросил Сент-Ив через плечо. — Запертый чулан или открытый всем ветрам склон холма разницы быть не должно.

— Я бы предположил, сэр, — сказал Хасбро, — что для бродячего мертвеца чулан предпочтительнее. Теснота, если вы улавливаете мою мысль, должна представляться ему естественной средой.

— Возможно, он стучит, требуя вторую мишку пудинга, — сказал Сент-Ив. — Я почти склонен дать ему ее. Напоминает мне мистера

Дика — помнишь такого? — там, в Бингли. Он придумал хитрое устройство для ловли тараканов, а потом ему не хватило духу расправиться с ними. Целую неделю кормил всю компанию, пока кот не разбил ловушку и не слопал всех. Помнишь эту историю?

— И весьма живо, сэр.

— Как по мне, чертов кот вмешался зря. Подкармливать своего таракана мы, однако, не станем: ни капли крови, ни ломтика пудинга. Вернем его в объятия вечности.

На следующее утро, когда Сент-Ив снова заглянул в окошко, второй покойник тоже оказался мертв. Осколки керамической миски, в которой ему был подан пудинг, торчали из его рта, словно длинные зубы.

Сент-Ив провел день, испытывая подающее кислород устройство и готовя к полету свой корабль — сферическое железное яйцо в рядах заклепок крест-накрест, которое неопытный глаз мог принять за гигантскую китайскую шутиху, нацеленную точно в купол своей пусковой башни. Группа блоков и цепей позволяла этот купол отодвинуть и, как уповал Сент-Ив, дать кораблю взлететь. К обоим бокам судна были прижаты дуги крыльев — складных, как у летучей мыши. Из оснований каждого крыла выступали сопла и трубки системы управления. Под коническим запорным механизмом люка корпус корабля опоясывали окна-иллюминаторы из толстого стекла.

Это зрелище всецело удовлетворяло ожидания Сент-Ива. Он вскарабкался по деревянной лестнице, спирально поднимавшейся до самого люка, похлопал ладонью по железной шкуре корабля, осмотрел небольшую гроздь горшков с бегониями и орхидеями, призванными помочь устройству Кибла подавать кислород. Выдохнул полную грудь воздуха у сенсора, отмечающего уровень содержания различных газов внутри кабины. Отправить корабль в полет к небесам без пилота слишком рискованно: оставшись внизу, Сент-Ив с легкостью мог потерять свое детище в морских волнах или наблюдать, каменея от ужаса, как оно рухнет где-то в окрестностях. Если во время испытаний корабль постигнет подобная судьба, предпочтительнее будет оказаться *на борту*. Стрелка газодетектора коротко вздрогнула под хрустальной крышкой циферблата.

Короб с собранным Киблом прибором уже был прочно закреплен на надлежащем ему месте; вырезанные на крышке розового дерева забавные бегемоты и мартышки — непременный торговый знак мастерской игрушечника — весело ухмылялись Сент-Иву. Он нажал кнопку, запуская проверочный цикл, и короб выстрелил тонкую струйку зеленой хлорофилловой взвеси, несомой потоками гелия и кислорода. Стрелка дрогнула, но стоило кислороду раствориться в атмосфере кабины, успокоилась. Сент-Ив кивнул.

Спускаясь по лестнице, он с удовольствием отметил полное отсутствие весомых причин

для возвращения в Лондон. Никаких новостей о развитии событий вокруг клуба «Трисмегист» не поступало. Конечно же, они без труда продержатся недельку и без его участия. Вполне вероятно, что отбившийся от стада Кракен уже нашелся, а Келсо Дрейк внял предупреждению капитана и, как вредный жук, бежал за мрачные стены своих сатанинских фабрик. Годелл приятно его удивил — загадочен, но надежен. Капитан Пауэрс, как и всегда, — прочный утес. Вдвоем они способны защитить Лондон от нашествия мертвецов и миллионеров. Но во что же они все-таки ввязались? Неужели каким-то темным делишкам под силу разлучить Сент-Ива с кораблем, который уже завтра, ранним утром, пологой дугой взойдется в небеса над Западным Йоркширом, промчится над изумленными обитателями Уэтерби и Лидса, прочертит пламенящую кривую в разреженном воздухе рассветного неба и тем же вечером, уже войдя в легенду, спикирует к надежной пристани в заболоченных лугах на задворках Роббс-Хеда?

Лондон подождет. Вероятно, скоро город притянет его к себе, но пока все друзья — фигуры второго плана. «Так распорядились законы судьбы и... — размышлял Сент-Ив, стоя на пороге пусковой башни и озирая плавные изгибы крыльев-плавников, медь и серебро полированного корпуса, — и научного вдохновения».

С этой мыслью он покинул башню и бодро зашагал через лужайку. На карманных часах уже

три пополудни: как ни крути, самое время для бокала «Дабл Даймонд»³². Или даже для двух.

Но не прошел Сент-Ив и полпути к дому, как со стороны реки Нидд до него донеслись два громовых выстрела, эхом раскатившиеся в послеполуденной тиши. Сент-Ив перешел на бег и даже удвоил скорость при виде Хасбро, стоявшего в прибрежных зарослях с дымящимся ружьем в руках. Верный помощник Сент-Ива вскинул ружье к плечу, вжал щеку в приклад, спустил курок, чуть пошатнулся при отдаче, пригнулся и стал пристально всматриваться в буйную зелень к востоку вдоль реки.

— Какого черта! — закричал Сент-Ив, подбегая. Ему ничего не было видно среди ив и кустарника.

— Грабитель, сэр, — ответил Хасбро, явно готовый при малейшем предлоге выпустить в далекие кусты новый заряд. — Я застукал его в кабинете, и он выскочил в открытое окно прежде, чем я успел его схватить. Боюсь, моя отлучка за ружьем дала вору возможность скрыться на берегу реки. Он рылся в ваших бумагах, сэр: сбросил их на пол, вывернул ящики бюро. Войдя, я случайно застал вора за этим занятием — крайне удачное обстоятельство — и потому смею надеяться, что он не нашел того, за чем явился.

³² В нашей реальности бледный эль этой прославленной марки был впервые сварен в 1876 году, т. е. год спустя после описанных в романе событий.

Не успели отзвучать последние слова, как Сент-Ив помчался по газону, оставив Хасбро самостоятельно прочесывать прибрежный кустарник в поисках злоумышленника. Через оставленную открытой входную дверь он вбежал в разгромленный кабинет, а оттуда — прямо в библиотеку. Потянув с полки свой экземпляр «Затруднений сквайров», Сент-Ив сунул руку в оставленный солидным томом широкий просвет. И нащупал там никем не потревоженную папку с записками Оулсби.

Удостоверившись в сохранности записок, Сент-Ив выдохнул с облегчением и немедленно задался вопросом, кому и зачем могли понадобиться эти бумаги. Ясно же, взломщик искал именно рукопись Оулсби. «Нравится мне это или нет, — в отчаянии подумал Сент-Ив, — но Лондон до меня все-таки дотянулся». Магомет не пошел к горе, и та явилась сама: притащилась в Харрогейт, чтобы разметать по полу его личные вещи. Отзвуки лондонских событий нашли его и тут. Задвинув «Сквайров» в зияющий просвет, Сент-Ив поспешил вернуться в кабинет, куда вскоре вошел и Хасбро, воспользовавшийся не дверью, а французским окном, чьи створки так и оставались раздвинуты. Поиски в зарослях на берегу реки не дали результата: вор был таков.

Как и предупреждал Хасбро, кабинет подвергся разгрому. Аккуратно сложенные стопы бумаг оказались рассеяны по широким половикам. В книгах словно свинья порывалась. Ящики

выдернуты из бюро, их содержимое вывернуто на пол и пинками раскидано по сторонам. Гипсовый бюст Кеплера разбит вдребезги, видимо, не без участия тяжелого графина уотерфордского хрусталя, чьи осколки ярко сияли в лучах солнца, свободно падавших в окно. Отчасти масштабы постигшего кабинет разорения можно было списать на отчаяние и спешку, сопровождавшие поиск рукописи; отчасти они свидетельствовали о чистейшем, ничем не оправданном вандализме.

Сент-Ив катнул отбитую голову Кеплера носком ботинка.

— Ты успел рассмотреть этого типа?

— С грехом пополам, сэр. Он так странно одет, что лица было почти не разобрать.

— То есть вор намеренно изменил внешность?

Хасбро развел руками, но потом помотал головой:

— Мне показалось, у него голова забинтована. Когда я вошел, он уставился на меня сквозь щели в тряпках — ну вылитый фараон наподобие тех, что лежат в Каирском музее. И от него несло какой-то химией: тетрахлорметаном³³, если не ошибаюсь, и чем-то вроде анчоусной пасты³⁴.

³³ Он же четыреххлористый углерод. Бесцветная тяжелая жидкость, по запаху напоминающая хлороформ.

³⁴ «Патум Пепериум» — рецепт, разработанный в 1828 году англичанином Дж. Осборном. Состоит из анчоусов, масла, трав и специй, хотя точный список ингредиентов содержится в тайне.

— Ходячий мертвец под стать нашей парочке?

— Я бы не сказал, сэр. Слишком энергичен. Уже по тому, как жестоко он врезал бедному Кеплеру, я посчитал его буйным сумасшедшим. Сразу видно, без ружья с таким не сладишь.

Сент-Ив кивнул. Правдоподобно, учитывая, во что превратился кабинет. Чертовски глупый способ что-то украсть — разбивать вещи удовольствия ради, да еще среди бела дня. Сент-Ив окаменел: внезапно и непрошенно в его памяти всплыл портрет мужчины в цилиндре с печную трубу высотой.

— На нем была шляпа?

— Нет, сэр.

— Ростом невысок, да? Тощий, волосы жирные, прилизанные? Желтая рубаша, допустим, кожаная куртка? Рукава с разрезом от локтей?

Хасбро покачал головой:

— Нет, сэр. Он довольно рыхлый, с животиком. Светлые кудри.

У Сент-Ива отлегло от сердца. Ему совершенно не хотелось, чтобы вором оказался чердачник из дома Кибла. И чем, черт возьми, этот тип рассчитывал здесь пожить? Это у Кибла остались чертежи двигателя, в конце-то концов. Светлые вьющиеся волосы — описание все равно казалось раздражающе знакомым. Лицо под пропитанными химикатами повязками. Прищелкнув пальцами, Сент-Ив обрушил кулак в раскрытую ладонь. Ассистент Нарбондо! Как там его звали? Пигби... Пиблс... Паблс...

Сент-Ив лихорадочно рылся в памяти. Пьюл! Точно. Уиллис Пьюл. Конечно, это он! Нарбондо его и подослал. Но как же в таком случае, поразился Сент-Ив, доктор узнал, что бумаги достались именно ему?

— Вернемся на берег, оглядимся там хорошенько. Запри дом на все замки и передай миссис Лэнгли, чтобы вопила, как баньши, из кухонного окна, если здесь хотя бы половица скрипнет.

Через минуту двое мужчин, каждый при дробовике, уже пробирались сквозь траву и ивняк по хорошо заметным следам Пьюла, ведущим на северо-запад по течению Нидда, но несколькими милями ниже те скрылись под водами реки; очевидно, объект их пристального интереса просто-напросто переплыл ее. Пожилой знакомый Сент-Ива по фамилии Бингер переправил преследователей в маленькой весельной лодке через реку, пообещав за вознаграждение в полкроны вернуться в поместье и составить миссис Лэнгли компанию в кухне, а также перевезти их обоих назад, когда они покажутся на дальнем берегу.

Но по ту сторону Нидда отпечатки ног вора отыскать никак не удавалось, и шансы на успех погони неуклонно таяли с приближением сумерек. Видимо, Пьюл хлюпал дальше по мелководью или сделал петлю, двинувшись против течения, чтобы окончательно их запутать. По реке активно сновали лодки, частенько попадались и вытащенные на берег. Пьюлу ничего не стоило забраться в одну из них и спуститься вниз по реке

до деревушки Кирк-Хаммертон. И разве у него не могло быть сообщников? Нарбондо собственной персоной мог дожидаться своего подручного в повозке за ближайшим холмом. Нарбондо! Мысль о нем отрезвила Сент-Ива, который сразу пожалел о своей одержимости идеей отыскать или догнать Пьюла и, ликуя, доставить дебошира в магистрат.

Он поступил опромечиво, бросив поместье на кухарку и послав к ней на помощь немощного старика, в то время как они с Хасбро даже не представляли себе, за каким именно врагом ведут погоню. Безрассудство! В конце концов, Пьюл так ничего и не унес. Перед лицом потенциальной, но весьма серьезной угрозы азарт преследования угас почти до нуля.

На вечернем небе зажглись звезды. На западе виднелись огни Харрогейта. Сент-Ив повесил дробовик на плечо, и двое мужчин быстрым шагом направились назад к поместью; изобретателя мучила мысль, что бедняжке миссис Лэнгли может противостоять горбатый доктор во главе целой банды плотоядных зомби. Им с Хасбро оставалось пройти вдоль реки не более четверти мили, когда закатный пурпур неба за ивами безо всякого предупреждения окрасился ярко-желтым, вслед за чем окрестные луга сотряс громopodobный взрыв.

Человек в шляпе высотой с печную трубу сидел среди ветвей ивы, с интересом вглядываясь

в бегущую фигуру, чья голова казалась комом свободно болтавшихся тряпок. Мгновением позже из открытого французского окна усадьбы выскочил высокий лысеющий мужчина в темном костюме, с ружьем на плече. Билли Динер не слишком доверял оружию в чужих руках — а руки, державшие это ружье, явно умели с ним управляться. Вжав приклад в плечо, человек в темном костюме разрядил оба ствола в убежавшего, который было запнулся, снова вскочил и помчался еще быстрее, виляя из стороны в сторону среди высокой, по колено, травы, и концы спадающих повязок вились позади, делая его неотличимым от не до конца распеленутой египетской мумии.

Динер прикинул, кем бы мог оказаться этот чужак, перешедший ему дорожку, — неужто обычный вор? Едва ли. Только не с головой, обвязанной тряпками. Деревенские воры не расхаживают в столь нелепом виде: нацепить обычную маску куда легче. Кем бы он ни был, ящика при нем не оказалось, а жаль. Проще простого было придушить дурачка собственными размотанными бинтами.

Динер слез с ивы и побежал к башне, только что покинутой Сент-Ивом. Через минуту он оказался за дверью, скрывшей его от двоих ротозеев на берегу. Удача на его стороне: эти типы увлечены погоней за парнем с забинтованной башкой. Отвлекающий маневр что надо. Лучше он не придумал бы и сам.

Перед ним стояла ракета — нацеленный ввысь, почти исчезающий в густых тенях безоконного купола пусковой башни космолет. Динер полез по лестнице к вершине аппарата, и твердая линия его губ дрожала в нехарактерной улыбке. С такой отменной игрушкой стоило позабавиться. Ее стоило сломать. Стоило уничтожить. Он раздобудет Дрейку его вожделенный ящик, а вдобавок еще и повеселится на славу за счет лицемера в твидовом плаще и с идиотскими фальшивыми усами под носом. Ему до смерти надоел этот выскочка и его чванливые дружки. Он еще поквитается со всей честной компанией и начнет прямо сейчас.

Динер повозился с запором, тряс конус обеими руками, пока под вздох исходящего воздуха тот не щелкнул, совершив пол-оборота против часовой стрелки, а круглый люк не распахнулся, что твоя крышка табакерки с чертиком, и едва не долбанул Динера по настороженно выставленной вперед скуле. Внутри темно. Нашарив в кармане куртки коробок, взломщик чиркнул спичкой о подошву ботинка и бросил ее внутрь. Огонек ненадолго высветил рубку, а когда он угас, Динер сполз через люк в кабину, зажег вторую спичку, а от нее — пару маленьких газовых рожков, по одному на каждой стенке.

Внутренность корабля, сплошной готический свод, была набита непонятными агрегатами впережку с растениями в горшках. Динер поскреб в затылке, даже не зная, с чего и начать.

Лучше, конечно, начать с начала, мудро рассудил он, обычно это срабатывает. В первую очередь надо отыскать ящик, за которым охотится Дрейк. Кстати, вот и он — закреплен на стене прямо у левого уха Динера.

Похлопав себя по брючине, он нащупал под тканью плоский конец ломика и круглую головку плотницкого молотка. Быстро вытащив их, загнал ломик под край ящика. С передней крышки ему ухмылялся наглый бегемот. В приступе внезапной ярости Динер занес молоток: да он парой ударов собьет эту штуку со стены! Разнесет наглого бегемота в щепки. Превратит в труху и этого гада, что выструган рядом. Кто это такой, черт его дери? Морское чудище? Осьминог? На куски расколю! Да я его... если б не Дрейк. Что Дрейк сделает тогда?

Динер опустил молоток и, тяжело дыша, уставился на паскудную коробку. Вновь поглубже вбил свой ломик, дернул и еле успел подхватить уже летевший на пол ящик. Встряхнул, но внутри ничего не бренчало. Поискал щеколду, да так и не нашел. Все шесть сторон ящика были совершенно одинаковы, не считая резьбы и медной трубки толщиной с сигару, выступавшей из пасти сидящего на диване василиска: один глаз прищурен, на столе рядом раскрыта крохотная книжка. Из уха василиска торчала медная заводная ручка.

Динер пожал плечами, признав свое временное поражение, убрал ломик, поставил ящик

на площадку лестницы снаружи и снова забрался внутрь. Вниманием его завладели торчащие во все стороны побеги орхидей. Цветы оскорбляли его почти так же, как дурацкий бегемот на ящике. Он хлестнул по стеблю ножом — сразу надвое. Отрубил второй. Они оказались на удивление хрупкими. Заведя руку за спину, он с размаху врезал по целому лесу стеблей — и цветы были повержены. Билли прыгал по ним, танцевал, топча широкие листья бегоний, пока те не полетели во все стороны, точно клочья бумаги, подхваченные осенними ветрами.

Краем глаза уловив собственное отражение в иллюминаторе, Динер вдарил по нему загнутым концом ломика — толстое стекло загудело, но разбиваться отказалось. Так не пойдет! Он колотил по нему снова и снова, изрыгая проклятья, хрипя от напряжения. Отшвырнув ломик, схватил молоток. Ударопрочное, да? Сейчас посмотрим...

Динер ухватился за железную скобу на выгнутой стене корабля и с ее помощью обогнул кресло с мягким сиденьем. Похоже, он выбрал неверный угол. Скользящие удары бесполезны. К тому же проклятое кресло путается под ногами. Он вдарил по креслу — молоток рвал в клочья мягкую кожу обивки. Визжа от восторга, Динер пнул кресло и наотмашь стукнул по стеклу иллюминатора, словно пытаясь захватить его врасплох и отправить в небытие единственным мощным ударом. Рукоять молотка слома-

лась, а по стеклу расползлась паутина трещин, разбившая отражение вспотевшего от натуги Динера на множество мелких фрагментов.

Довольный, он отбросил обломок рукояти в сторону и вновь протиснулся сквозь люк, случайно сбив с головы цилиндр. Тот подскочил на площадке, скатился по ступенькам и, кувыряясь, полетел к земле, теряясь в слабющем свете внутри башни.

В ярости Динер отправил следом и ломик; затем нагнулся, схватил ящик и поднял над головой, словно собираясь и его швырнуть туда же, обратить в жалкие обломки ударом о мощный пол в сорока футах внизу. Постоял в этой нелепой позе, задыхаясь от изнеможения, проталкивая сквозь зубы животный рык, но потом все же опустил свою добычу: в фокусе его спутанного сознания мелькал неясный образ Келсо Дрейка. Повернувшись, Динер в дикой спешке рванул вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки и хрипло крикая после каждого приземления.

У подножия лестницы он резко остановился, присел перед набором рычагов, выступающих из гладкого борта ракеты. Забыв о ящике, Динер вцепился сначала в один, потом в другой рычаг, выкручивая их так и этак. Один сломался в руке, и Динер обрушил его на остальные, а затем с такой силой швырнул в обшитую досками стену башни, что рычаг вонзился в них и завибрировал, издавая низкий гул.

Динер потянулся было к следующему рычагу, но замер. Гудение нарастало с каждой секундой, пока не заполнило всю внутренность башни. Низкая вибрация переросла в рев. Билли Динер отпрыгнул назад от внезапного порыва жара, ударившего из основания ракеты. Он ухмыльнулся от возникшего вдруг предвкушения и, пригибаясь, побежал к двери, попутно подхватив с булыжников пола ящик и упавшую шляпу. Покинув башню, он со всех ног помчался через лужайку к небольшой рощице, тенью вставшей вдали, на театральном заднике вечернего неба.

Раздавшийся позади взрыв швырнул Билли лицом в траву, и темнота исчезла. Он приподнялся, вперил прикрытые ладонью глаза в башню и с изумлением увидел, как ее купол отлетел в сторону в туче щепок, а обломки медленно, будто нехотя, закружили в воздухе вокруг снесенной кровли. Сквозь летающий мусор, среди похожих на рвущиеся праздничные фейерверки, рассыпающих искры огненных струй над башней поднималась ракета. Однако непохоже, чтобы она стремилась к небесам; скорее она в судорогах начинала заваливаться набок, и ее нос грозил нырнуть к земле.

Динера вдруг осенило, что вся эта конструкция никуда не собирается улетать; напротив, она сейчас утратит равновесие и рухнет прямо на лужайку — ему на голову то бишь. Он медленно поднялся на четвереньки, готовый в случае чего броситься оземь, но затем опять рванул к дере-

вьям, следя через плечо за отчаянной борьбой ракеты с силами гравитации.

Та резко перестала содрогаться и на миг неподвижно зависла в воздухе. Потом вдруг завертелась всем корпусом — точно собака, стряхивающая воду с шерсти, — и небольшой темный шар оторвался от носовой части космического аппарата, с неслыханной скоростью взмыл ввысь в новом потоке искр и пробкой от шампанского устремился куда-то на север, пролетев над верхушками ивняка вдоль берегов реки Нидд. Раздававшийся при этом тонкий свист могла бы издать надувная летучая мышь, медленно теряющая воздух через прокол в каучуковой шкурке. Со временем свист затих вдалеке, оставив после себя мертвую тишину, и лишь тогда остов ракеты плашмя рухнул на траву, подсветив ее напоследок редкими языками искрящего пламени. Динер наблюдал все представление от кромки рощицы, получая нескрываемое удовольствие. Когда все было кончено и округа окончательно погрузилась во мрак, он насадил цилиндр на голову, подкинул к небу добытый ящик, поймал его и быстро зашагал через рощицу в направлении деревни Кирк-Хаммертон.

«Пресвятая мать божья...» — в ужасе шептал Сент-Ив, безотрывно глядя вверх ивовых крон. Целая галактика искр закручивалась над сметенной взрывом верхушкой далекой пусковой башни, подсветив летящий к земле ливень

обломков и щепок. Вдруг появившаяся ракета нацелилась в небо, хорошо различимая над деревьями, угрожающая взмыть вверх, устремиться к мерцающим звездам. Но не смогла. Она оставалась почти неподвижна, словно подвешенная за небесный крюк, и за миг до того, как ее нос нырнул вниз, космическая капсула, плод многолетних трудов, выскочила из переднего конца ракеты, словно из детского пробкового ружья, и по дуге ушла в небеса над их головами; внутри почему-то горели газовые лампы, а незапертая дверца люка билась о борт, болтаясь на петлях.

Корабль преодолел несколько сот ярдов в направлении городка, испуская из навигационных дюз короткие струйки дыма с огнем и производя дурацкий свист, стихший прежде, чем двое мужчин потеряли капсулу из виду за далекими деревьями. Издали до них донесся короткий отзвук удара. Крушение! Сент-Ив покачулся. Его окатила холодная волна страха: корабль мог свалиться с небес на чей-то дом или, хуже того, могли пострадать или даже погибнуть люди. В ужасе, почти сразу обернувшись гневом, Лэнгдон поднял дробовик и разрядил оба ствола в луну, воображая перед собою омерзительное рябое лицо Уиллиса Пьюла, который, по всей видимости, вернулся по собственным следам и из чистой злобы устроил ракете Сент-Ива несвоевременный пуск.

Ну что ж, *посмотрим*, кто кого! Если своре этих ублюдков хочется драки, Сент-Ив с ра-

достью подчинится. И завтра же! Сейчас уже поздно ловить вечерний поезд; утренний семи-часовой экспресс подойдет как нельзя лучше. Лондон пожалеет о его возвращении. Клуб «Трисмегист» некогда был учрежден для борьбы с проявлениями зла — и вот оно, самое настоящее зло, непочатый край.

Он заорал, пытаясь докричаться до дальнего берега, но лодка уже качалась на волне посреди реки, и фонарь на корме освещал потрясенное лицо старины Бингера.

— Вы это видели? — вскричал он, стоило лодке врезаться в отлогий травянистый берег. Не удостоив старика ответом, Сент-Ив забрался на борт. В почтительном молчании Хасбро последовал его примеру, полагая, очевидно, что не сможет предложить несчастному ученому, чьи труды в одночасье оказались развеяны как дым, иного утешения, чем избитые клише.

Старик тараторил без устали. Он видел взрыв, вымученный взлет ракеты. К тому же она вырвалась из силосной башни, которую люди считали полной зерна. Бах — и крыша упорхнула, что твоя птичка. Прямо диву даешься от таких выкрутасов, да еще когда люди толкуют о взломщиках и всяком таком. Уж не думает ли Сент-Ив, что запуск ракеты — дело рук того злодея с реки? Сент-Ив так и думал. «Ну, дела!» — молвил старик. Он своими глазами видел, как из ракеты выскочил такусенький шар и унесся прочь. Просто черт знает что. Они

с миссис Лэнгли поднялись на чердак и глядели, как проклятая штуковина селезнем перелетела через лес и в щепы разнесла амбар лорда Келвина. Рухнула туда прямо сквозь крышу.

Старик даже весло выронил, чтобы сопроводить свою повесть необходимыми жестами: не забывая шипеть сквозь прореху в передних зубах, он вывел рукой пологую дугу траектории полета, а затем зажал ее между коленями, изображая, как хмуро предположил Сент-Ив, стены пострадавшего амбара. «Бац!» — выкрикнул старина Бингер, раздвигая колени, чтобы показать, как амбар разлетается на кусочки. Немало веселясь, он повторил этот трюк на бис, а его отчаянно качавшуюся лодчонку тем временем уносило течением. Сент-Ив скрипнул зубами. Упомянутый лорд Келвин непременно окажется *тем самым* Келвином, секретарем Королевской академии. Одним-единственным поворотом рычага Пьюл уничтожил, стер в порошок и корабль Сент-Ива, и его репутацию в научных кругах... Какого дьявола он не запер дверь в башню?

Сент-Ива бросило вперед — лодка налетела на берег, и он едва не обронил в реку свой дробовик. Севернее, вдоль дороги, выстроилось скопление огней, колеблющихся в ночной темноте. Огни подпрыгивали и вспыхивали — очевидно, это факелы в руках у целой процессии. Ветер донес беспокойный гул далеких голосов. Сент-Ив вздрогнул, подумав о не сулившем ничего доброго глубинном смысле происходящего. Каковы

были намерения собравшихся — вероятно, уже здоровой толпы? Что они задумали? И что эти люди принесли с собой — вилы? ружья?

Сент-Ив никогда не усматривал пользы в оповещении всех и вся о сути своих экспериментов. Время от времени по округе распространялись слухи: его подозревали в вивисекции и в создании адских машин. Рабочие из слесарных мастерских, вне сомнений, донесли до местного населения весть о заключенном контракте на создание обшивки корабля и изготовление отдельных агрегатов. Тем не менее никому, за исключением разве что Хасбро и нескольких друзей — точнее, членов клуба «Трисмегист», — не было известно, что еще какой-то час тому назад в пусковой башне, служившей прежде элеватором, размещался готовый к полету космический аппарат.

Сент-Ив тащился вверх по невысокому пригорку, на вершине которого высилась его усадьба, освещенная, будто на Рождество: миссис Лэнгли, видимо, полагала, что избыток ярких огней отпугнет любых злоумышленников. Вполне разумное предположение. Раскуроченная башня, освещенная тонкой полоской месяца, лишь недавно выскользнувшего из-за горизонта, высилась на лугу темной безмолвной тенью. В окутавшем местность полумраке разглядеть, что у башни начисто отсутствует купол, было крайне затруднительно — и очень кстати, надо признать.

Факельщики робко приблизились к усадьбе. Сент-Ив узнал местного фермера, старика Макнелли, который заявился в сопровождении обоих толстощеких сыновей. Вслед им шагали Стутон из почтовой конторы и пекарь Бринсинг, уроженец Скандинавии. За их спинами маячило, на беглый взгляд, еще с дюжину фигур, и все, похоже, были насмерть перепуганы: угрожающих выражений на лицах не наблюдалось. Старик Бингер, видя, что ему выпало счастье выступить перед сравнительно большой аудиторией, заново поднял тему «полета селезня», помогая себе для пущего эффекта красноречивым жестами и гримасами.

Изобретателя пот прошиб: старика следовало срочно заставить умолкнуть. Люди не должны узнать, что все случившееся оплачивалось из кармана Сент-Ива. Хасбро, чьи мысли явно следовали тем же курсом, молча и неторопливо отступил к реке и мощным пинком ноги отправил лодку Бингера плыть по течению, а затем шагнул вперед и с таким запалом выкрикнул: «Смотри, уплывает!» — что Бингер прервал себя на полуслове, с рукой, замершей в начале привычно описываемой дуги, и рванулся вслед взбунтовавшейся лодке по заросшему папоротником берегу, истошно вопя.

Сент-Ив одобрительно кивнул Хасбро и решил, что по возвращении старика выплатит Бингеру вдвое больше обещанного: тот наверняка вымокнет насквозь, прежде чем отыщет

в ночи дорогу домой и покажет невыспавшейся супруге пантомиму, изображающую полет космического аппарата.

Толпа, никто в которой, к огромному облегчению Сент-Ива, не прихватил вилы, пребывала в сильнейшем смятении, охваченная необъяснимыми страхами. Полет космического аппарата, похоже, отошел на второй план в сравнении с более насущной и пакостной угрозой. Поблизости был замечен чужак. Мистер Стутон настаивал, что на голове у неизвестного красовалась тряпичная чалма, по каковому признаку миссис Стутон, которую еще не успели оповестить о печальной судьбе, постигшей амбар и коптильню лорда Келвина, немедленно распознала в пришельце приверженца исламского вероучения.

Свидетельства множились, подтверждая уже сказанное. Обмотанный тряпками человек, явно прибывший с далеких светил. Разве та штука, разнесшая в щепы амбар лорда Келвина, не космический корабль? Кто, кроме типа в чалме, мог управлять его полетом? Что, если пришелец представляет опасность?

«Ни малейших сомнений, — подтвердил Сент-Ив. — Он чрезвычайно опасный злодей, этот оборванец из далекой галактики». Далее Сент-Ив предложил добиться от пришельца покорности при помощи побоев, а уж затем и допросить, когда тот станет податливее. Разнеслась весть, что беглого магометанина видели на дороге в Харрогейт, вблизи от владений

лорда Келвина. Двое фермеров бросились в погоню; одному из них даже удалось угодить тому в затылок наспех брошенным булыжником, да только пришелец схитрил — свернул в поля, где ему удалось затеряться.

— На дороге в Харрогейт, говорите? — переспросил Сент-Ив.

— В точности так, сэр, — ответил Макнелли. — Шкандыбал в городок, словно сам Сатана висит на хвосте. Уж он и паскудник, скажу я вам. Избил бродячего пса прямо там, на дороге. Гонял его палкой с вашу руку длиной, сэр. Злобный молодчик пришелец этот. Тогда-то старина Дайк и заехал ему каменюгой — долбанул по котелку, тот и отвалил. Они бы тут же его и поймали, если б не пес этот, бедная тварь. Решили, чужак его сырьем сожрать собрался — прямо там, на дороге.

— Ничуть не сомневаюсь, — мрачно обронил Сент-Ив, бредя к дому в сопровождении Хасбро и преследуемый напуганной толпой. — На вашем месте я бы загнал его в угол, спустил бы собак по следу. Знаете, я ученый, верный служитель науки. Но то, с чем мы сегодня столкнулись, бесспорно представляет угрозу. Только собачий нюх и способен выследить таких пришельцев. У них определенный запах, понимаете, накапливается в долгом странствии через космический простор. А еще они чудовищные лгуны, уж я в этом разбираюсь. Разумеется, он станет все отрицать. Но это его корабль, не так ли? И в нем он прибыл, замо-

танный в бог знает какие грязные тряпки. Не позволяйте негодяю отрицать свою гнилую породу, выражаясь научно. Развяжите ему язык.

Призыв Сент-Ива подогрел толпу до нужного градуса. На дороге, в паре сотен ярдов от усадьбы, показались еще с дюжину человек, а в стороне Кирк-Хаммертона Сент-Ив приметил длинную цепочку огоньков — еще одна факельная процессия! «Ей-богу, — подумал он, — они доберутся до Пьюла!» А если местная публика задаст мошеннику трепку, поделом ему. Злодействам Пьюла конца не видно: надо же, забить пса на дороге! Сент-Ив кипел от злости, но помнил и о необходимости как-то принизить собственную роль в ночном происшествии. Он пытался вспомнить, имелись ли в разбитом космолете опознавательные знаки, способные выдать его, прежде чем он успеет выработать тактику защиты. Оглянувшись на Хасбро, молча стоявшего рядом, с ружьями в обеих руках. Тот приподнял брови и кивнул в сторону дома, давая понять, что сейчас не время для праздной болтовни с местными линчевателями.

— Непременно дайте мне знать, — предупредил Сент-Ив старика Макнелли, — если удастся схватить негодяя. Только не вздумайте убить его! Наука нуждается в таких экземплярах для изучения. Подобные события, знаете ли, не каждый день происходят.

Растущая толпа согласилась: действительно, не каждый. Они явно ждали от Сент-Ива

продолжения, нуждаясь в совете единственного знатока, разбиравшегося в таких странных делах.

— Стало быть, вперед! — твердо распорядился он. Повернулся на каблуках и шагнул по ступеням.

— Смотрите! — выкрикнул кто-то прямо за его спиной. Знакомый голос! Это же Хасбро... Сент-Ив оглянулся, ожидая встретить некий резкий поворот в развитии событий: допустим, Пьюла уже волокут через луг за ноги. Но лишь увидел, как Хасбро в театральном ужасе показывает на взорванную башню, ясно различимую теперь в бледном свете луны. Толпа удивленно ахнула.

Сент-Ив даже пошатнулся. Неужели Хасбро выжил из ума? Или тоже подкуплен вездесущим Нарбондо? Он вперил в своего, прежде всецело надежного слугу тяжелый взгляд, который, как он смел полагать, ничего не скажет сторонним наблюдателям, но будет воспринят Хасбро как более чем прозрачный намек.

— Космолет, сэр! Похоже, он зацепил и крышу вашего зернохранилища — разнес на кусочки, сколь могу судить.

— И верно! — вскричал Макнелли.

— Какофф негодяй! — рывкнул пекарь Бринсинг, потрясая над головой увесистым кулаком, чтобы показать всю чудовищность подобного деяния.

— Паршивец! — вторил ему Сент-Ив, откликаясь на общее чувство и радуясь, что Хас-

бро и не думал сходить с ума. Люди в конце концов все равно увидели бы башню. Куда безопаснее объяснить все так просто и логично: космический аппарат заодно разрушил и его собственность — едва не врезался в усадьбу, усеял обломками весь луг. Бедная миссис Лэнгли! Глянув вниз, Сент-Ив вовремя заметил старика Бингера, который успел вернуться и стоял теперь в напряженном ожидании, почесывая макушку. Высказанное Хасбро предположение, что крышу с башни сорвала пролетавшая мимо ракета, напрямую противоречило его воспоминаниям.

— Бингер! — обрадовался Сент-Ив, сбегая по ступеням и обнимая старика за плечи. — Я остался должен вам полфунта, дружище. Поднимайтесь со мной, и я заплачу сполна. Если не ошибаюсь, у миссис Лэнгли найдется пирог, и мы запьем его элем, который я припас как раз для такого случая. Идемте скорей!

Он переступил через порог, увлекая за собой Бингера, а Хасбро вошел за ними.

— Полфунта, сэр? — наивно переспросил сбитый с толку Бингер.

— Совершенно верно, — подтвердил Сент-Ив. — Проходите же в дом.

Повернулся к толпе на лугу и приветственно тронул шляпу.

— За дело, ребята! — крикнул он, захлопнул дверь и погнал старика по коридору прямо к кухне. — А мы тут займемся пирогом...

Улыбнувшись, Сент-Ив извлек из кармана полфунта.

— Пирог в кладовой, полагаю. У нас там прохладно, как в погребе...

За дверью кладовой обнаружились лежавшие у порога два холодных трупа — останки зомби Нарбондо.

— Нет, здесь пирогов нет, — пробурчал Сент-Ив, захлопывая дверь. — Позаботься об этом, хорошо? — шепнул он Хасбро.

— Обязательно, сэр. А потом загляну с телегой к лорду Келвину, не возражаете? Если мне удастся... изъять космический корабль, сэр, мы сможем хорошенько изучить его на досуге.

Сент-Ив усердно закивал. Впрочем, иносказание, касавшееся «изучения» корабля, пропало втуне, вовсе миновав слух Бингера, который стоял с открытым ртом и не сводил глаз с закрытой двери кладовой.

— Помнится, разговор шел о пяти фунтах? — ровным тоном осведомился Сент-Ив.

— Прошу прощения, сэр, но...

— Никаких «но», мистер Бингер! — воскликнул Сент-Ив. — Вы оказали нам добрую услугу, дружиде, и я намерен вернуть долг. Не обращайтесь внимания на мертвецов за дверью; они не те, кем могут показаться. Их прислали мне из похоронного бюро. Жертвы изнурительной болезни, весьма заразной. А вот и деньги, видите? И, хвала небесам, бутылка эля. Окажете мне честь? Конечно, окажете! —

Он подтолкнул мистера Бингера к гостинной. — Знаете, я как раз собирался заняться одним из них, когда появился этот чертов пришелец. Сорвал крышу с моей башни. Вы ведь сами это видели, правда?

— Ага, сэр. Только что он делал внутри-то, сэр? Клянусь, он вылетел изнутри, прямо через крышу.

— Видимо, оптическая иллюзия, сложная загадка природы. Этот народец со звезд не похож на нас с вами. Ничуть не похож. Таким что угодно по плечу, верно?

— Но разве пришелец не ушел вдоль реки?

— Ничуть не удивлюсь, если так, — отрезал Сент-Ив. — Он на славу порезвился тут нынешним вечером, правда? Снес верхушку моего элеватора, избивал собак по всей дороге, врезался в амбар лорда Келвина — вы же сами все видели, так ведь, мистер Бингер? Не сомневаюсь, зрелище вам запомнилось. Из чердачного окна, если не ошибаюсь, уже после того, как он так некрасиво обошелся с моей башней?

— Да, сэр, — оживился Бингер. Он сжал пальцы в кулак и, проведя им над коленями, утопил ладонь в просвете между подушкой и подлокотником своего кресла.

Сент-Ив был ошеломлен.

— Вот, значит, как было дело? Ваш дар рассказчика исключителен, мистер Бингер. Воистину замечателен. Мощный был взрыв

при падении, так? — Сент-Ив открыл еще пару бутылок эля. Он и сам нуждался в добром глотке не меньше, чем спешил залить побольше эля в битого с толку Бингера.

Краешком глаза он наблюдал за тем, как Хасбро волочит по коридору безжизненное тело — второго из двух упырей, судя по клетчатым брюкам. Мистер Бингер сидел, развернувшись туда спиной. Сент-Ив вовсю подмигивал старику и не скупился на прочие ужимки, уповав на то, что столь бурное выражение восторга его кратким, полным красноречивых жестов поведением побудит Бингера сочинить в ответ некую действительно яркую деталь, требующую продолжительного описания. Первый труп последовал за вторым к захлопнувшейся за ними двери черного хода. Через минуту Сент-Ив услышал стук колес фургона, удаляющегося от каретного сарая. Бросил рассеянный взгляд в окно и увидел Хасбро — тот правил к реке сквозь подсвеченную луной пыль, и два мертвеца, вне всякого сомнения, болтались на дне фургона за его спиной.

Сент-Ив испытал облегчение. Не следовало хоронить этих существ на территории собственной усадьбы, тем более по следам нынешних событий. К утру течение Нидда унесет трупы далеко отсюда. Если же их обнаружат, смерть обоих будет отнесена на счет пришельца со звезд, Уиллиса Пьюла. «Будь он проклят, этот Пьюл, — думал Сент-Ив. — Уиллис

Пьюл, подумать только! Даже фамилия звучит непотребно»³⁵. Космический корабль уничтожен! Если Хасбро удастся прибрать его остатки к рукам, Сент-Ив расстарается, чтобы парня признали святым... Он выудил карманные часы. Скоро десять. Пора паковать вещи. Еще неизвестно, когда Хасбро сможет вернуться, но уже в четыре утра они будут на пути в Харрогейт.

— Поразительная история! — вскричал Сент-Ив, перебивая старика в разгар очередной версии пересказа увиденных чудес. — Приходите еще повидать нас, мой добрый друг. Не забудьте. Вот вам бутылочка на дорожку. Передавайте наши наилучшие пожелания миссис Бингер. А что же Бингер-младший? Так на мельнице и работает? Прекрасно, прекрасно...

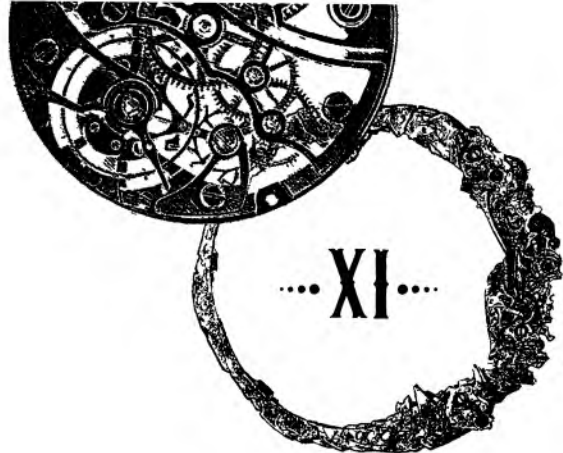
Вслед за этим мистер Бингер обнаружил, что стоит на крыльце усадьбы, в каждой руке по бутылке эля, и пытается ответить сразу на все профессорские вопросы, но уже ведет эту беседу с дубовой дверной панелью. Покачиваясь, он двинулся прочь по подъездной дорожке, обогатившись на пять фунтов наличными, две бутылки эля и историю, которую сможет пересказывать еще долгие годы.

Три часа спустя Сент-Ив не без труда очнулся от крепкого сна, заслышав, как к дому подъезжает повозка. Он вырвал себя из постели и установился во мрак за окном. Фургон, груженный

³⁵ Глагол *to rile* (англ.) — хныкать, пищать, скулить.

космическим аппаратом, проехал мимо и скрылся с глаз за воротами каретного сарая. Хлопнула входная дверь, Сент-Ив вновь провалился в сон и очнулся уже перед рассветом, разбуженный грохотом чемоданов, которые Хасбро волок по коридору в прихожую.

Когда получасом позже они выехали в Харрогейт, рассчитывая успеть к лондонскому экспрессу, солнце едва позолотило восточную сторону неба за верхушками деревьев. Что за странные открытия ждали их впереди, Сент-Ив мог только догадываться, но решительно сжатые губы и суровый прищур глаз выражали полную к ним готовность; мало того, изобретатель не побрезговал бы ими позавтракать. Он жестоко ошибся, полагая себя недостижимым для выходов извергов, населяющих лондонское дно. Теперь Сент-Ив видел все намного, намного яснее.

НАЗАД В ЛОНДОН

Уиллис Пьюл дрожал от холода в подлеске, разросшемся в обмелевшем русле небольшого притока реки Нидд. Густые ивняк и папоротники надежно укрывали его от посторонних глаз; он полежит тут, затаившись, пока лондонский состав не будет готов отойти от платформы. Станция находилась в пятиминутном броске к югу. Вчерашняя покупка обратного билета оказалась гениальным ходом, иначе его песенка была бы уже спета. Люди прочесывали окрестности, охотясь за Пьюлом. С какой же стати, хотелось бы знать? Уж точно не из-за переполоха в поместье Сент-Ива. Подумаешь, невидаль. Едва ли это происшествие могло собрать такую свору ненормальных. Скорее всего, сюда как-то припутаны те взрывы, что прогремели вскоре после его отхода. Видит небо, он не имел к ним *никакого*

отношения! «Проклятье на головы этой деревенщине», — думал Пьюл, осматриваясь по верх кустов. Если б он только мог, уничтожил бы их всех, одним скопом. Какой-нибудь заразной болезнью — скажем, при помощи воскрешенных крыс, питающихся кровью и кишащих чумными блохами.

Он осторожно похлопал себя по носу, поправляя сползающие бинты. Содрать бы их совсем да швырнуть в канаву, но пропитавшие их химикаты придали его лицу янтарно-голубой окрас, пугающий и необъяснимый. Бинты как таковые не слишком бросались в глаза. И даже, кажется, произвели положительный эффект. Кожа на лице чувствовалась собранной и тугой, и Пьюл уже давно одержал верх над безотчетным рвотным рефлексом на вонь анчоусной пасты. Он потянул концы бинтов, ослабил узлы и, туго подмотав всю конструкцию, затянул по новой.

Сверился с карманными часами. Пора идти. Ему придется ползти на брюхе под прикрытием зарослей — ничего другого не оставалось. Пьюл ведь не может провести в этих кустах остаток своих дней, а если выскочит на дорогу, его тут же схватят. Пьюл предпочел бы угнать повозку — придушить хозяина и убраться с его пожитками, — но для столь решительных действий он и так слишком глубоко увяз. Цена новых проделок может оказаться выше их выгоды.

Пьюл снова приподнялся над кустами. Понятно, что толпа уже давно устала шарить по лесу. Ка-

жется, вокруг не было никого, кроме тощего мужчины в синих бриджах, чистившего в лохани треску на задах рыбной лавки. Пьюл выбрался из своего убежища сквозь прогалину в подлеске и зашагал по улице — деловито, как ему казалось, отнюдь не напоминая преступника, уходящего от погони. Мужчина с треской скоблил свою рыбину, не обращая на него внимания. Столь же деловито Пьюл свернул за угол рыбной лавки, увидел, что впереди улица пустынна, и побежал к железнодорожной станции, придерживая норовившие размотаться бинты рукой.

За квартал до станции он перешел на шаг: времени у него предостаточно, а привлекать излишнее внимание опасно. Локомотив разводил пары на путях у открытой платформы. Не так уж много пассажиров рассаживалось по вагонам. Усталого вида мужчина с усами торговал вразнос лепешками и кофе — подавал их в окна. Пьюл готов был убить за лепешку, в самом буквальном смысле слова. Он пребывал в отвратительном настроении, которое голод ничуть не сглаживал.

Стальные ступени вели к вагону второго класса в десяти футах впереди. Никто не закричал, никто не бросился на него с кулаками. Пьюл швырнул монетку лениво прохаживавшемуся по платформе мальчишке-газетчику, запрыгнул в вагон, отыскал свободное купе и спрятался за развернутой газетой. Лучше не высовываться, решил он, пока они не окажутся хотя бы на полпути к Лондону.

Поезд двинулся было вперед, но тут же резко встал, шипя выпущенным паром. По платформе простучали шаги. Пьюл глянул поверх газеты и обомлел, увидев Лэнгдона Сент-Ива со слугой, поднимающихся в вагон. Он вздернул газету повыше. Если дверь в его купе откроется, он выскочит в окно. А что еще делать? Пистолета при нем нет. В следующий раз его не застанут безоружным, а он *точно* будет, этот «следующий раз», непременно будет.

Нарбондо устроит Пьюлу страшный разнос за то, что ему не удалось найти бумаги. Долгие часы потребовались на то, чтобы выжать из Кракена все нужные сведения: спиртное куда действеннее и куда опрятнее пыток. Пьюл охотно прибегнул бы к последним, но, поскольку они с Нарбондо не имели ни малейшего понятия, может ли Кракен хоть что-то им предложить, было решено оставить пытки напоследок. Кракен был упрямый старый хрыч, да еще и совестливый, но в конце концов выболтал все, рыдая в стакан. Пьюл усмехнулся за газетой и задался праздным вопросом, занял ли Сент-Ив купе в этом вагоне или прошел в следующий. Хотя какое это имело значение?

Пьюла захватила внезапная идея. Он мог бы выскользнуть из поезда, вернуться в поместье Сент-Ива и спокойно выпотрошить дом в отсутствие хозяина. Спалить усадьбу, если понадобится. Он поторопился, но теперь у него появился шанс. Он вскочил, уронив газету на пол, но стои-

ло поезду снова дернуться, повалился на сиденье. Похоже, состав наконец тронулся. Пьюл распахнул дверь и высунулся в коридор — как раз вовремя, чтобы увидеть в нескольких ярдах перед собой спину слуги Сент-Ива, стоявшего в проходе и беседовавшего со своим господином через открытую дверь купе. Пьюл отскочил назад, а поезд снова остановился. Он что, обречен остаться в проклятом поезде? Лишиться второго шанса? Пьюл лишь плечами пожал. Какая разница, в конце концов? От его возвращения в усадьбу выиграет только Нарбондо. Горбун всегда остается в выигрыше.

— Горячие лепешки! — раздался крик под окном. — Кофе и чай!

Пьюл протянул шиллинг. Обсыпанный мукой торговец взвизгнул и уронил выпечку вместе с подносом и всем прочим прямо на перрон. Кофе разлился. Торговец взвизгнул снова.

— Пришелитц! — возопил он, заваливаясь на спину. — Чортов пришелитц!

В соседнем купе подняли оконное стекло. «Бринсинг!» — крикнул кто-то. В зыбкий утренний сумрак высунулась чья-то голова. Послав подалеже осторожность, Пьюл высунулся и сам — на него глядел Лэнгдон Сент-Ив, от потрясения лишившийся дара речи. Поезд дернуло; Пьюл метнулся к двери. Торговец визжал, не переставая. Хасбро уже бежал к его купе, но Пьюл вцепился в ручку и распахнул дверь прямо у него перед носом, да еще и навалился плечом, рассчитывая свалить слугу Сент-Ива одним ударом. В соседнем

купе, оказавшемся как раз за его спиной, сидела хрупкая пожилая женщина, не сводившая округленных в ужасе глаз с грязных бинтов на голове Пьюла. Ноги она поставила на низенький дорожный чемодан, вне сомнения, слишком тяжелый, чтоб поднять на багажную полку.

Пьюл мигом шмыгнул в ее купе, обеими ногами уперся в дверной косяк, потянул на себя чемодан старушки, вырвал из-под ее ног и выволок в проход, кляня их всех на чем свет стоит — и чемодан, и его владельца, и Сент-Ива. И лишь подперев чемоданом распахнутую дверь, сообразил наконец, что усилия не стоят затраченного времени. Ругнувшись еще разок на прощание, Пьюл рванул в конец вагона и перемахнул в следующий, где слегка замедлил бег, мучительно соображая, куда, черт возьми, человеку спрятаться в движущемся поезде.

Деревья и луга проплывали мимо. «В крайнем случае, — решил Пьюл, — придется прыгать». Лучше прямо сейчас, до того, как преследователи распутаются с дверьми и чемоданом. Никому из них и в голову не придет, будто он настолько взбешен, чтобы решиться на такое. Однако деревенский пейзаж летел мимо с изрядной скоростью — слишком опасно. Пьюл пробежал следующий вагон насквозь, потом еще один и угодил в третий класс. Этот вагон с двумя параллельными рядами деревянных скамей, установленных по ходу движения поезда, пустовал, если не считать единственного пассажира — мужчину в высоченной шляпе, клевавшего носом у прохода.

На коленях у этого типа стоял типичный ящик Кибла, и от этого зрелища Пьюл едва не задохнулся. Ему даже пришлось вцепиться в спинку скамьи, сражаясь с жестоким приступом головокружения. Что это могло значить? Какие жуткие игры затеяла фортуна, бросая ему в лицо эту перчатку?

За спиной нарастала лавина криков, а с ними и треск ломавшихся досок. Если не поспешить, все пропало, и виноват в этом будет он сам. Пьюл огляделся, едва дыша. Под сиденьями скамей разместились металлические багажные ящики разной степени сохранности. Он вцепился в свободно болтавшийся металлический прут и начал его выкручивать, ожидая вот-вот услышать стук распахнувшейся двери и новую волну криков или того, что человек с ящиком — вполне вероятно, верный союзник Сент-Ива — проснется и отрежет ему путь к отступлению. Железный прут звякнул об пол. Пьюл схватил его, когда спящий уже начинал поднимать голову. Мужчина с ящиком на коленях едва успел разлепить один глаз, когда Пьюл хряснул его прутком по лбу, точно цепом, испустив протяжный вопль. Железо врезалось в голову мужчины и, кажется, застряло в ней, словно деревянная ложка в пудинге. Пьюл выпустил прут из рук и выхватил ящик с колен повалившегося вперед мужчины. Позади громыхнула дверь, и Пьюл без промедления бросился дальше, гигантскими прыжками пронесся по оставшимся вагонам, пока, оказавшись

в тамбуре, не угодил в прохладные объятия утра. Дальше бежать уже было некуда. Он вжался спиной в дверцу, намереваясь удерживать ее, пока есть силы. Преследователи с воплями колотили с другой стороны, мимо Пьюла пролетали овцы на дрейфующих назад лугах.

Входя в плавный поворот, состав чуть сбросил скорость, и алхимик наконец решился. Зажмурившись, он катапультировался из летящего вагона, завывая, врезался в высокую траву и докатился до самого края пруда, к изумлению мирно пасшихся там овец. Полежал немного, воображая повреждения, нанесенные падением его селезенке или печени. Подвигал конечностями и ощутил себя совершенно целым. Ужасно гордый собой, Пьюл поднялся и зашагал через пастбище с видом человека, довольного проделанной за день работой.

Хромая по обочине дороги, он с удовольствием представлял, как взвился бы Сент-Ив, если бы Пьюл *и вправду* вернулся в Харрогейт для нового налета на усадьбу. Художник назвал бы это завершающим штрихом. Но ясно же, что такой «штрих» излишен. Героизм легко мог обернуться тяжелыми потерями, и Пьюл решил, что никто и ничто — ни Нарбондо, ни Сент-Ив, ни жажда мести — не лишат его столь виртуозно завоеванной награды. Краткий миг прозрения обратил злосчастную поездку в подлинный триумф.

Алхимик остановился изучить доставшийся ему ящик: почти неотличим от того, что днем ранее был отобран у Кракена. Все треклятые ящики

Кибла одинаковы. Неужели там второй изумруд? Или даже сам легендарный гомункул?

Пьюл осмотрел медную трубку в крышке и туштуку сбоку, что выглядела как небольшая заводная ручка. У ящика Кракена подобных особенностей не имелось; впрочем, их наличие ни в коей мере не прояснило природы содержимого. Вполне возможно, они обеспечивали поступление воздуха, необходимого для дыхания заточенного внутри существа. Сообщала ли рукопись Оулсби о теперешнем местопребывании гомункула? Отыскал ли его Сент-Ив? Голова Пьюла уже шла кругом от безответных вопросов. Только одно казалось неоспоримым: в его руки попал один из ящиков Кибла, содержащий некую тайну — вполне возможно, весьма ценную. Пьюл владеет им сейчас и собирается владеть в будущем. Если дела пойдут совсем плохо, если все планы Нарбондо обернутся ничем, у Пьюла останется при себе ящик — столь необходимый джокер в игре, где все тузы на руках у горбуна. Цокая копытами, сзади его догоняла впряженная в телегу лошадь, и Пьюл шагнул ей навстречу, а утреннее солнце светило ему самым дружелюбнейшим образом.

Еще никогда Билл Кракен не чувствовал себя такой скотиной. Ему случалось, конечно, совершать в жизни всякие мерзкие вещи — грабить могилы или вылавливать карпов из чужих водоемов; он бывал пьян чаще, чем трезв; торговал подтухшими кальмарами; прогорел на продаже

горячего пива с полынью; умеренно успешно варивал народу вареный горох, а год спустя после расставания с Оулсби целых два месяца жил исключительно честно: собирал собачье дерьмо и сбывал в дубильни, чем и зарабатывал на пропитание, — если, конечно, постную похлебку из капусты с куском черного хлеба можно счесть таковым. Но и худшие моменты после гибели бедняги Себастьяна представляли просто пустяками по сравнению с бездной, в которую он провалился за последние пару дней. Он предал всех, кто удостоил его дружбы. Продал ни за грош. Даже ни за пригоршню гороха.

В сердцах Кракен обрушил кулак на собственный висок и погрузился в самоуничтожение. Все это выпивка виновата, крепкая выпивка: она сводит человека с ума. От этой правды отвернуться невозможно. Но ведь полное отсутствие выпивки производит тот же эффект, так? Он облизнул сухие губы — язык словно перьями оброс. Вытянутые перед собой руки непроизвольно тряслись. Тогда Кракен уселся на них и сгорбился на табурете в углу лаборатории Нарбондо. Еще он краем глаза видел всякие вещи — такое, чего не следовало видеть. Ужасные вещи, иначе не скажешь. Или вещи, которые обязательно привели бы к нему, к неизреченному ужасу. Таким трезвым он не бывал целую неделю, да что там — месяц!

Сейчас, косясь левым глазом на то, что лежало на мраморной столешнице не дальше пятнадцати футов от него, он думал, как это выглядело бы,

будь он пьян. Будь у него хоть полшанса, он постарался бы раскопать суть дела, дойти до истины. Кракен похлопал себя по карману куртки — Эш-блесс на месте, с дыркой от пули и всем прочим. Проблема с философами одна: с практическими советами у них плоховато. Проку от них в его нынешних обстоятельствах почти никакого. Лучше бы книга была пуста и содержала под обложкой хотя бы пинту джина.

Кракен размял пальцами веки закрытых глаз и не стал их поднимать. Время тянулось ужасающе медленно. Ему вспомнилось, как с полтора десятка лет тому назад он выволакивал из открытых гробов мертвецов, с виду немногим милее, чем эта груда костей на столе. Лучше б у него глаза вырвали. Может статься, это еще впереди. Его поколотили, но это не смертельно. Поколачивали и прежде. И ужасов он в свое время тоже навидался, только больше ни на что подобное смотреть не хотел. Ведь бросил же он торговлю кальмарами, когда эти тонконогие холодные твари заселили его сны.

В сотый раз он огляделся в поисках чего-нибудь съестного — или, лучше, чего-нибудь спиртного, — но не обнаружил ничего, кроме пустого стакана из-под вина рядом с тарелкой куриных костей, в порыве дьявольского бессердечия оставленных на столе прыщеватым малым с кудряшками. Толща стекла зрительно приумножала глубину красного осадка на дне. По правде, там оставалось меньше, чем требуется, чтобы стечь к краю, если стакан опрокинуть вверх дном.

Уверенности ради Кракен все же попробовал. Потыкал в осадок пальцами, но насобирал не больше капли. На тарелке осталось и того меньше — одни раздробленные косточки, оставшиеся от обгорелой тушки редкой дичи: павлиньей курочки при безглазой, опаленной голове.

Пьюл и Нарбондо ушли, надежно заперев двери и окна. Бросили его несколько часов назад, еще до прихода ночи. Призрачный свет газовых ламп ничуть не разгонял царивший в лаборатории мрак; просто отбрасывал на стены и пол всякие неприятные тени вроде, — думал Кракен, едва осмеливаясь взглянуть в ту сторону, — тени горбатого павлиньего костяка там, за краем пианино. Уходя, они оставили Кракену кувшин воды. Отчаяние и не до того доводит...

Они вернутся, Кракен даже не сомневался: вернутся с телом. Поездка Пьюла в Харрогейт на поиски рукописи бедного Себастьяна завершилась общей ссорой. Летели проклятия. Доктор заехал Пьюлу в челюсть, разбил бутыль карболки и залил кислотой кусок конской шкуры, которую Пьюл готовил для лечения лица. Воняла она ужасно. Затем они ушли. То, что лежало на столе, должно быть оживлено — так распорядился Нарбондо. Нынче же вечером, только надо найти донора. Если не получится, хмыкнул доктор, вполне сойдет и Кракен. Или Пьюл, кто-то из них. Эту его грозную тираду Пьюл встретил, ухмыляясь. Вылитый кот, опившийся сливок.

Огонь танцевал в лампах, раскачивая тени. Птичьи кости шевельнулись на тарелке, словно пытаясь уползти, и Кракен вытаращился на них в ужасе. Тишина. В дальней части комнаты на маленьком столе рядом с пустым аквариумом стоял ящик Кибла. Что Кракену с ним делать? Можно выбить окно, выкинуть ящик на улицу и выброситься следом. Но какой с того толк? Его ищут, никаких сомнений. Страшные камеры Ньюгейта — и те для него слишком хороши. Петля — вот что ждет Кракена, если его поймают.

За окном клубился густой туман, большей частью прилетевший с Темзы. Грязные струйки ползли по стеклам, скапливались у средников рам и одна за другой стекали вниз, спеша пролиться на тротуар. Снаружи ни звука. Тишина была густой, словно туман, и это беспокоило Кракена. Он пробовал свистеть или напевать, но в сумрачной, полной бойких теней комнате эти звуки пугали его самого до дрожи. И еще ему начало казаться, что даже малейший шум может пробудить изломанную фигуру на столе.

Голова покойницы, вывернутая в его сторону, криво завалилась к грудной клетке. Плоть свисала под пустыми глазницами клочками ветхого пергамента. Казалось, легкое дуновение из разбитого окна способно обратить в пыль эти старые кости. Или, возможно, они поднимутся на этом дуновении, подобно воздушному змею, и задержатся, забормочут о чем-то, побредут к Кракену в тусклых отсветах занавешенного окна

в доме напротив. Не так давно он видел мелькнувшую за занавеской тень чьего-то лица — следят за ним; вероятно, кто-то из дружков Нарбондо.

Кракен зажмурился, но и сквозь веки видел пляску теней, разбуженных огоньками газовых ламп. Накрыв глаза обеими руками, но ужасы, извивавшиеся на изнанке век, были даже хуже фигуры на столешнице. Что Парацельс говорил о подобных эманациях? Он никак не мог вспомнить. Труды Парацельса в его памяти окутывал туман, скрывший собою события иной эпохи — той, что закончилась, когда он украл у капитана проклятый камень, тот самый изумруд, который сверх меры самоуверенный Нарбондо походя оставил рядом с аквариумом.

На краю каменной столешницы, словно доползшие туда собственными стараниями, лежали две истлевшие кисти, явно принадлежавшие скрюченному телу позади. Кракен старался не смотреть на них. Час назад ему примерещилось, что эти похожие на пауков штуки шевельнулись на мгновение, простучали кончиками пальцев по камню, неумолимо придвинулись ближе, а изуродованная птица вздохнула на блюде, завозилась среди холодных картофелин.

Но теперь все окутала тишина. Сквозь трещины в стеклах ветер доносил резкий запах тумана, запах саж и копоти. Кисти лежали, почти вцепившись в края освещенной столешницы, готовясь, казалось, броситься на него. Какого дьявола они

не прикреплены к труп, как полагается? Как понимать этот нечестивый знак?

Кракен уставился на них, уверившись на один застывший, обернувшийся вечностью миг, что указательный палец левой кисти дернулся, подманивая его к себе. Он с трудом отвел взгляд к затянутому туманом окну и задохнулся от ужаса при виде плывущего за стеклом собственного отражения, пристально глядящего ему в глаза. Вжался глубже в стену. Если оторванные кисти доберутся до края мраморной плиты, разлетятся они вдребезги, упав на пол, или отползут в тень, чтобы набраться сил и, щелкая по-крабьи, засеменить к его ногам? Кракену вдруг стало жутко холодно. Нарбондо, похоже, не вернется вовсе. Скорее всего, они ушли, не сомневаясь, что за долгую ночь Кракен подохнет здесь от страха, когда тварь в рваном саване качнется к нему, как простыня на бельево́й веревке, обдаст прахом, гнилью и сухим клацаньем костей. Задушит ужасом.

На стене позади Кракена висели разнообразные инструменты, но того, что мог бы защитить пленника от нападения оживших останков, отыскать никак не удавалось. Глаза его задержались на паре удлиненных щипцов с обтянутыми каучуком щечками. Он медленно, едва дыша, поднялся на ноги, уже ничуть не сомневаясь, что распростертая на столе фигура внимательно следит за ним, стараясь измерить глубину его страха, разгадать намерения.

Очень плавно, не совершая резких движений, Кракен потянул со стены щипцы и сделал шаг

к столу, сопя в страхе, ожидая, что костистые ладони вот-вот вспорхнут ему навстречу, как шелестящие бумажные мотыльки, как пара летучих мышей на кожистых крыльях, чтобы впиться ему в горло, дотянуться до рта. При первом же касании щипцов они бросятся на него, словно подброшенные пружиной. Кракен был уверен, что все так и случится.

Но они не бросились. Кракен подцепил одну кисть, очень осторожно повернулся, шагнул к открытому пианино и, сунув ее на безучастные клавиши, выбил дикую ноту краем щипцов. В ужасе отпрянул назад с застрявшим в горле воплем. Вторая кисть лежала в точности как прежде — или нет? Не шевельнулась ли она? Не подползла ли поближе к краю, готовясь к встрече? Кракен аккуратно сомкнул на ней щечки щипцов, одним движением поместил ее, рядом со страшным близнецом, а потом захлопнул крышку клавиатуры и запер ее медным трехгранным ключиком, лежавшим сверху на пианино.

Интересно, хватит у него духу проделать то же самое с головой лежавшего на столе тела — отделить ее и спрятать где-нибудь? Может, приподнять верхнюю доску пианино и сунуть туда, внутрь? Он заставил себя взглянуть на нее, воображая, как щипцы смыкают свою хватку на костяных скулах и выкручивают череп, пока тот не оторвется, громко щелкнув. Эта мысль парализовала Кракена, свела мышцы судорогой, но поступить так было необходимо. Сунуть щипцы в пасть скелету

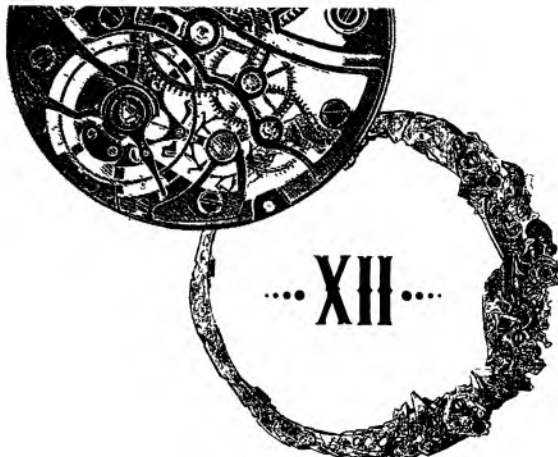
он бы не посмел: можно не сомневаться, стальные щечки инструмента тут же окажутся перекушены, как тонкие прутки.

Щечки начали сближение. Кракена трясло с такой силой, что шарнир, соединявший две половинки щипцов, трещал что твоя саранча. Судорожный вдох. Ужасающие пустые глазницы, казалось, пристально смотрели сквозь Кракена — прямо сквозь лоб, усеянный каплями холодного пота; крупные, соленые капли скатились в выпученный правый глаз и почти ослепили его. Наконец щипцы уперлись в острые кости скул, хрустнувшие, проминаясь, — и бесформенная фигура на столе содрогнулась, будто сияясь стряхнуть с себя захват обтянутых каучуком челюстей.

Взвыв от страха, Кракен уронил щипцы на стол и засеменял обратно, правой ногой зацепив столик с останками павлиньих. Тонкая веретенообразная ножка подломилась, и птичий костяк скатился со своего блюда, сопровождаемый градом подсохших горошин. Кракен в ужасе уставился на него, ожидая, что хрупкие серые косточки крылышек вот-вот забьются и птица огромной молью взойдется к пламени газового светильника. Щипцы брякнулись об пол рядом с нею.

Нет, так не годится. Кракен был не в состоянии мириться с мыслью, что птица так и останется на полу под столом, вне поля его зрения. Если она шевельнется, Кракену необходимо это видеть. Если она вдруг налетит на него невесть откуда, он просто упадет замертво. Собравшись с силами,

Кракен резко нагнулся. Завладел щипцами, подцепил с пола птицу и сунул в угольное ведерко, стоявшее на каминной полке рядом с пианино. Хрупкий костяк бухнулся туда в облаке золы, щипцы не удержались и, скользнув по стене, упали на изразцы камина, а сам Кракен развернулся на внезапно раздавшийся позади скребущий звук, готовясь увидеть атакующий его безрукий скелет. Однако тот лежал там, где лежал, без движения: сухой скрежет доносился из-за дальней стены комнаты. Нечто неведомое грызло стену с другой стороны, царапало ее когтями, стремясь добраться до него, и Кракен, отшатнувшись назад, плюхнулся на свой табурет в углу.

ВОСКРЕШЕНИЕ ДЖОАННЫ САУТКОТТ

Кусок дубовой стеной панели внезапно отодвинулся, и из-за нее показался согнутый в три погибели Уиллис Пьюл, спиною вперед тянувший пару ног в ботинках. Пятясь и хрипя от натуги, он ввалился в комнату, а за ним показался доктор Нарбондо с другим концом мертвого тела в руках. Едва труп целиком показался из стены, Пьюл бросил ноги — так, словно был предельно вымотан. Нарбондо лягнул край панели, и та захлопнулась, скрыв проем темного низкого коридора. Кракен сжался в своем углу, в ужасе глядя на плоды нового злодейства и тихо радуясь, что это не его проволокки сейчас сквозь стену.

Не успел потайной проход закрыться, как слышался пугающе громкий, нетерпеливый стук

в дверь. Пьюл распахнул ее — на пороге обнаружился Шилох-мессия с таким выражением решимости на лице, что становилось ясно всем и каждому: он явился за своей матушкой и всякому, кто захочет с ним спорить, будут грозить адские муки — и, не исключено, в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Нарбондо ответил схожей гримасой.

— Где Нелл Оулсби? — резко спросил он.

— В целости и сохранности. С моей паствой ей куда лучше, чем здесь.

— Половина твоей паствы — моя паства, — парировал Нарбондо, — и они с тою же легкостью сожрут эту женщину, с какой вручат ей одну из твоих брошюр. Тащи ее сюда.

— Уверяю тебя, это совершенно невозможно, — Шилох шагнул внутрь и захлопнул дверь, хмуро оглядывая захламленную комнату и Билла Кракена, чье присутствие, похоже, нанесло проповеднику не меньшее оскорбление, чем труп на полу. — Я исполню свою часть сделки, не впуская сюда женщин. Я знаю, где спрятан ящик, и знал все двенадцать лет. Если сделаешь, как я хочу, узнаешь и ты. Очень просто. Но о женщине тебе беспокоиться незачем: она для тебя бесполезна, не считая этого единственного клочка сведений. Зато уж он-то, как ведомо нам обоим, стоит весьма и весьма дорого, так ведь?

Старик уселся на табурет и ссутулился, явно упиваясь ловко отвоеванным преимуществом. Достав из кармана пальто табакерку, он извлек

оттуда непомерное количество табаку и шумно втянул его ноздрями; на миг вся голова его окуталась бурным облаком. Затем проповедник раскатисто чихнул шесть раз кряду — да так торопливо и со столь опустошительной силой, что тут же предстал согбенной, сопящей развалиной с причудливой смесью страдания и удовольствия в лице. Доктор Нарбондо в отвращении покачал головой, Шилох же заелозил рукою по плащу, нащупывая карман, сунул табакерку на место и вытер глаза подолом рясы. Его испещренный морщинами лоб попеременно разглаживался и собирался складками наподобие перепуганного слизня, точно проповедник испытывал остаточные толчки вызванного понюшкой землетрясения.

Обратив внимание на стоявший на аквариуме ящик Кибла, Шилох поднялся и, прежде чем Нарбондо успел его остановить, подошел и взял вещицу в руки.

— Надо же, какая прелестная шкатулка!

Метнувшись к нему, горбун выхватил ящик. Старик скроил обиженную гримасу и с нарочитым недоумением развел пустые ладони. Набывчившись, Нарбондо отвернулся от проповедника и бережно установил шкатулку на крышке пианино.

В ходе этой суеты с ящиком кучка костей и сползший с края стола обрывок савана чуть шевельнулись, и сопроводивший их оседание шорох стер ухмылку с лица Шилоха. Похоже, к нему вернулось понимание, что на столе лежит тело его матери. Нарбондо подкатил на чайном

столике свой распылитель, раздраженно отодвинув старика с дороги. Затем вытянул из шкафа невысокую каталку. Вместе с Пьюлом они водрузили на нее принесенного мертвеца и рычагом подъемника выровняли с мраморной крышкой стола. Из деревянной лохани под большой банкой, полной желтой жидкости, доктор достал ко всему безразличного, хоть и живого еще карпа, и шлепнул его рядом с трупом. Нарбондо работал быстро и искусно, но брови его были насулены, а по лбу каплями сочился пот: доктор отлично понимал, чем именно занимается, и относился к этому со всей серьезностью.

Пьюл молча стоял рядом, время от времени нехотя помогая Нарбондо, когда тот утробным рыком отдавал соответствующие распоряжения, а затем вновь погружаясь в бездействие, — то ли от недостатка понимания происходящего, то ли из-за нежелания плясать под чью-то дудку. Старик тем временем устроился у окна и тихонько попискивал там от возбуждения: разворачивавшийся у него на глазах эксперимент быстро стряхнул с него весь флер холодной отчужденности. Но внезапно Шилох ахнул и невольно схватился за грудь:

— Где?.. — вскричал он, тыча пальцем. — Ее руки... где ее руки? Небом клянусь, Нарбондо, если ты все испортил, если только...

— Помолчи, старик! — рявкнул Нарбондо, оборвав его на полуслове. — Где они? Где прекрасные руки леди Сауткотт? — горбун строго взглянул на Пьюла. Тот похлопал глазами, не по-

нимая, потом обежал комнату ищущим взглядом, нагнулся под стол. Кракен молча трясся на своем табурете.

— Ах вы, грязные!.. — задыхался от гнева проповедник, не в силах подобрать достаточно дрянное слово, чтобы выразить свое возмущение. — Да я вас... — начал он опять, но на сей раз его прервал донесшийся от камина яростный шорох; кусочек угля с каштан величиной вылетел из ведерка и прокатился по полу.

— Крыса! — шепнул Нарбондо, дотянувшись до кочерги у дальней стороны камина и заноса ее над головой.

— Проклятье! — взвыл старик, разъяренный тем, что Нарбондо оставил его матушку без ухода и погнался за крысой. Тем временем горбун, прижав палец к губам, склонился над ведерком: шедший оттуда шорох уже превратился в дикий стук, и над ведерком поднялось облачко угольной пыли. Ведерко звякнуло, заваливаясь набок и узкой дорожкой рассыпая у камина золу; по ней наружу выехали почерневшие останки павлиньей курочки, чьи переломанные крылья яростно бились, а голова моталась из стороны в сторону. И тут же, словно аккомпанируя, пианино разразилось бессвязными звуками, будто кто-то наобум колотил по невидимым клавишам. Кракен перекрестился, а Шилов распахнул окно во двор и закинул ногу на подоконник, готовясь выпрыгнуть.

Нарбондо свирепо взмахнул кочергой, целясь в скачущий костяк курочки, но всадил ее в ножку

пианино. Мертвая птица испуганно взмыла в воздух, огласив комнату тонким свистом из обглоданной шеи, на которой кое-где еще болтались куски запеченной кожицы, камнем из пращи влетела в стену над аквариумом, расцветив скучную желтоватую штукатурку живописным пятном угольной пыли и жира, вслед за чем с плеском пала в воду, медленно погрузилась на укрытое слоем гальки дно и, окинув присутствующих последним скорбным взглядом, завалилась набок.

Пианино тем временем бесчинствовало, а ящик на его крышке пританцовывал в такт безумной музыки. Ободренный кончиной павлинихи и уверенный, что должному объективному отношению вполне под силу разрешить таинство незримого пианиста, Нарбондо стремительно бросился к инструменту и сдвинул назад верхнюю доску. Подобрав кочергу, он воздел ее к потолку и уставился внутрь, но не обнаружил там ничего, кроме скачущих молоточков. Покосившись на Пьюла, который уже успел отступить в угол с притихшим там Кракеном, доктор тихонько потянул вверх крышку клавиатуры. Та оказалась заперта. Озадаченный Нарбондо нашарил ключ, отпер крышку и, подняв ее, вскрикнул от удивления: его глазам предстала жуткая сцена. По клавишам бесцельно барабанили кости растопыренных, неугомонных пальцев Джоанны Сауткотт. Они бегали взволнованным аллюром туда-сюда по клавиатуре и, даже свалившись на пол, продолжали дергаться и приплясывать.

— Ее руки! — вскричал Шилох, эхом повторяя свой прежний клич, но негодуя даже сильнее прежнего теперь, когда мнимая пропажа столь эффектно была ему явлена.

Нарбондо потянулся за брошенными Кракеном щипцами и, поймав поочередно обе кисти, шлепнул на стол. Первая немедленно спрыгнула вниз, и горбун, уже с живым азартом, бросился за нею и вернул на место. Наконец обе руки улеглись смирно.

— Это безобразие! — с жаром прошипел Шилох, конвульсивно дергая губами.

— Нет, это могущество алхимии! — прошептал Нарбондо, обращаясь к себе самому в равной степени, что и к остальным, и немедленно привел в действие разбрызгиватель тумана, нацеленный на скелет. Мать Шилоха потянулась. Хрустнули суставы. Шея повернулась, на полдюйма приподняв голову над грудной клеткой.

— Проклятье! — застонал Нарбондо, вспомнив о руках леди Сауткотт. Порывшись в коробке, стоявшей на его рабочем столе, он выхватил оттуда моток тонкой витой проволоки и примотал свои нравные кисти женщины к кульям ее запястий.

Челюсти мамыши Шилоха прищелкнули, словно ее удовлетворил результат его трудов. Кракен вконец охмелел от объявшего его ужаса. Неожиданно для всех он схватил графин с водой, поднес к губам его горлышко и сделал мощный глоток, после чего скатился на пол сотрясаемый кашлем. Пьюл от души пнул его — просто от нечего делать, —

и тогда Кракен заполз за свой табурет и ухватил его за ножки, намереваясь отбиваться от дальнейших выходов ненавистного прихлебателя горбуна.

Комнату затянули клубы желтого тумана, плавно скользившие вокруг Нарбондо, занятого извлечением железы из внутренностей карпа.

— Ее руки! — в который уже раз возопил Шилох. — Ты насадил их задом наперед!

— Тишина! — крикнул горбун, вне себя от одержанного успеха. Он безуданно сновал подле стола, вальсировал у изголовья каталки, распыливая туман, приспособливая змеевик к разрезу в трахее мертвеца, которого они с Пьюлом приволокли через потайную дверцу в стене. Заталкивая конец трубки в его легкие, он прикрикивал на Пьюла: нужно было срочно поддержать распылитель, приподнять тулово Джоанны Сауткотт, отмерить пипеткой нужное количество всяческих жидкостей.

— У нее большие пальцы торчат назад! — все нудел проповедник, заиклившийся на ошибке Нарбондо.

— Ей повезло, что у нее вообще есть руки, — отрезал доктор, мечась по комнате в диком танце. — Если захочу, пришью ей обезьяньи!

Словно в ответ на эту угрозу, скелет леди Сауткотт воссел сквозь слои тумана, поднявшись над столом марионеткой из чьего-то горячечного бреда: челюсти клацают, а туловище раскачивается, словно колыхаясь на ветерке.

— Матушка! — вскричал Шилох, падая на колени. Из кармана рясы он выдернул закупоренную

бутылку. Вырвав пробку, он щедро окатил ее содержимым существо, неуклюже тянувшееся к нему со стола, и затащил гнусавую молитву, не забывая креститься, бить поклоны и размахивать руками. Нарбондо продолжал распыскивать туман, одновременно давя на педаль стоявшего на полу резервуара, качавшего бог весть какое вещество из легких мертвеца в укутанную саваном грудную клетку Джозанны Сауткотт. Газы жутковато шипели в просветах между ребрами — словно ветер в щели под дверью.

— Говори! — воззвал проповедник.

— У-ии, у-ии, у-ии! — ползший к нему скелет заухал и обрушился с края стола в сухом перестуке костей.

— Иисусе! — простонал Нарбондо, искренне расстроенный таким поворотом. Отделившаяся при падении ступня проскользнула мимо него под пианино; расставшаяся с тазом нога еще немного постояла таким одиноким анстом, вихляясь в оседающем тумане, пока не повалилась вперед, чтобы наконец успокоиться, с тихим стуком прокатившись по полу. Только череп, разевая зубастый рот, пока сохранял признаки жизни, поворачиваясь вправо-влево на мраморе стола.

— Повелевай мне, о мать! — закричал проповедник, пытаясь его поймать, но затем отдернул руки, словно передумав. — Ты загубил ее!.. — всхлипнул он, устало замахиваясь на стоявшего рядом, с трудом дышавшего Нарбондо.

Шилох обвел лабораторию остановившимся, невидящим взглядом.

— Она пойдет со мной! — выдохнул он.

— С превеликой радостью, — не стал спорить доктор и потянул вниз один из установленных на полке кубов литого стекла. — Но без лопаты тут не обойтись.

Он прохромал к стенному шкафу и, растворив, извлек из его темных недр грязную лопату, которую отыскал среди полудюжины иных орудий. Повернувшись, он поймал взглядом Кракена: тот с выпученными в страхе глазами тянулся к ящику Кибла на крышке пианино.

Нарбондо сделал быстрый выпад лопатой, но Кракен отбил лезвие рукой и, взыв от боли, затрусил прочь от пианино. Горбун рванулся было за ним, но покачнулся и едва не упал; когда же он изготовился к новому броску, жертва оставила попытки завладеть ящиком и, юркнув за дверь, коридором бежала к лестнице. Нарбондо бросился вслед, но с раздосадованным видом замер на пороге: Кракен уже несея вниз гигантскими прыжками, спеша обрести свободу погруженной во тьму улицы.

Обернувшись, горбатый доктор увидел, как стоящий на четвереньках Пьюл пытается заслонить дорогу прыгавшему по полу, невнятно шамкавшему черепу, явно вознамерившемуся врезаться лбом в стену. Подавая советы, рядом переминался с ноги на ногу Шилох.

— Прочь с дороги! — рывкнул Нарбондо, проносясь мимо обоих сразу и одним взмахом лопаты отправляя голову в ловко подставленный Пьюлом

стеклянный сосуд. Едва Джоанна Сауткотт оказалась внутри, завывающий от ужаса проповедник, не глядя, сдернул с книжной полки обширный том и прихлопнул им квадратную горловину сосуда — опасаясь, вероятно, что взбудораженный оживлением череп тут же выскочит наружу, чтобы продолжить свое неумное путешествие по дубовым половицам.

Потом старик опустился на стул и, хрипя от изнеможения, принялся баюкать на коленях обретенное сокровище. Он скорбно озирает кучу разрозненных костей под столом: какие-то мгновения они, соединенные вместе, сулили грандиозный успех его проповедям. С помощью восстановившей из гроба матери Шилох встряхнул бы все население Лондона. Паства новообращенных стекалась бы к нему тучными стадами. Глаза королей и герцогов открылись бы истине его веры. Двери казначейств и сокровищниц распахнулись бы перед ним! И вот результат — полный крах всех упований.

Хотя, с другой стороны... Размышляя, Шилох уставился на голову в сосуде: рот ее беззвучно двигался. Джоанна так и останется безмолвна, если только не подавать в горло воздух... скажем, по принципу волынки. Чем же, однако, могла обернуться уловка с голосом, звучащим из-за кулис? Это смахивает на богохульство — фабриковать словеса, произносимые священной реликвией, но труды никак нельзя прерывать на полдороге. Надо продолжать любой ценой!

Матушка первая настояла бы на этом. Шилоху почудилось, что она кивает из-за стекла, выражая одобрение.

Встав, он направился к двери. Беседуя вполголоса, Нарбондо и Пьюл стояли у выходившего во двор окна, но, уловив намерение Шилоха, последовали за ним.

— Все бесполезно, — сокрушенно вымолвил Нарбондо, заслоня собою дверь перед вымотанным переживаниями проповедником. — Я проделал все, что было в моих силах. Никто из ныне живущих не достиг бы большего. А будь у меня ящик, кто знает, каких высот воскрешения мы могли бы достичь... Так где же он?

Старик уставил в него пронзительный гневный взгляд:

— Шутить изволишь? Ты умышленно превратил все в балаган. Просто назло мне. Из мерзкой злобы, и только! Я более ничего тебе не должен и ничего не скажу. Слышишь? Ничего!

— Тогда умри, — ответил доктор, извлекая револьвер из кармана. — Отбери у него голову! — прикрикнул он на Пьюла.

— Стой! — крикнул Шилох. — Спешить некуда, сын мой. Возможно, мы могли бы прийти к соглашению... Скажем, двадцать пять обращенных — как возмещение причиненного нынче ночью вреда?

— Да я прилажу ее черепушку на карпа! Или приживлю свинье, так будет даже лучше, и стану показывать в цирке... Забери у него

голову! — махнул он револьвером, косясь на Пьюла.

Шилох не сводил с горбуна пристального взгляда.

— Ты не оставляешь мне выбора, — сказал он.

С готовностью кивнув, Нарбондо возвел очи к небу:

— Совершенно верно. Никакого выбора, ни малейшего. Да у меня просто руки чешутся застрелить тебя и превратить в познавательный аттракцион бродячего шапито! Где ящик, я спрашиваю?

— На борту дирижабля доктора Бердлипа. Нелл Оулсби вручила ему ящик в ночь убийства брата. Вот тебе ящик, будь он неладен! Много тебе в том проку? Когда дирижабль...

Но Нарбондо уже развернулся к Шилоху спиной и, почесывая подбородок, в задумчивости удалился к окну.

— Ну конечно, где же еще... — бормотал он.

— Я еще не закончил! — возмутился проповедник и тут словно бы впервые заметил присутствие Уиллиса Пьюла. Смолк, с удивлением всматриваясь в рябое, неестественно бледное лицо ассистента Нарбондо.

— Воистину, сын мой, — заговорил он, пресытившись наконец этим зрелищем, — ужасающее состояние твоего облика для меня — что открытая книга, и страницы ее повествуют о жизни, исполненной греховности. Но возрадуйся, ибо еще не слишком поздно! Ибо...

Дальнейшее откровение так и осталось неизреченным, поскольку не сдержавшийся Пьюл влепил разглагольствующему проповеднику отменного леща. Получив звонкий хлопок в лоб, тот спиною вперед вылетел за порог, жонглируя стеклянным кубом с заключенной внутри головой матери. И дверь за ним захлопнулась.

КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ

— Я только что стал свидетелем удивительнейших событий, — с несвойственным ему энтузиазмом объявил Теофил Годелл. Капитан Пауэрс подался вперед в своем кресле, подбадривая друга. Но вначале он все же поднял правую руку, словно взывая о короткой паузе, и, приподняв со стола графин с портвейном, показал его Нелл Оулсби, которая с улыбкой покачала головою в ответ.

Годелл изложил историю об оживлении бесформенной кучи тряпок, лежавшей на прозекторском столе; рассказал, с какой печалью наблюдал из-за шторы отчаянные метания Билла Кракена; как своими глазами видел, как Нарбондо заставил истлевший костяк шевелиться и даже танцевать по своей лаборатории; как тот рассыпался на части

и Шилох-мессия осел на пол, скрывшись вместе с Уиллисом Пьюлом из виду, а Нарбондо насел на Кракена, размахивая лопатой. На крышке панино он узрел то ли ящик капитана, то ли его точную копию, и попал в крайне затруднительное положение, измысливая надежный способ заполучить его назад. Так или иначе, его отлично продуманный план рухнул, когда Кракен, которого, по всей видимости, держали там против воли, все-таки сбежал, и Годеллу пришлось погнаться за ним и пробежать пол-Лондона, чтобы в Лайм-хаусе окончательно сбиться со следа и вернуться сюда с пустыми руками.

Капитан кивал поверх своей трубки, сжимая и разжимая кулаки, так что жгуты мышц ходуном ходили по его предплечьям.

— Значит, мы отправимся туда сами и вернем ящик, — постановил он наконец, с прищуром глянув на Годелла.

Тот кивнул. Само собой, этот незамысловатый план представлялся ему единственно верным решением: в конце концов, речь шла об изумруде с кулак величиной. В так и не полученном Джеком наследстве воплощались все их с Дороти средства к существованию.

Обращение к полиции мало чем поможет, но выдаст стражам порядка Нелл. «Откуда, — спросят они, — взялся этот изумруд? Если Джек Оулсби унаследовал камень от отца, отчего же не хранил его сам? К чему все тайны, все сложности? Как, скажите на милость, изумруд оказался

у доктора Нарбондо? Значит, вы обвиняете его в краже? Ах, не обвиняете? Говорите, он лишь отобрал камень у похитителя? Так-так, а где же пресловутый похититель, некто Кракен?» Кто же его знает, где-то в Лондоне... Полисмены станут чесать затылки, переглядываться, и в итоге подозрение падет на невинных, а из старых пыльных шкафов окажется извлечено — может, даже и в самом буквальном смысле — целое полчище скелетов...

— Нет уж, — тряхнул головой капитан, — заварили кашу сами, сами и будем расхлебывать. Завтра же устроим вылазку.

Годелл достал бумагу и ручку, плеснул себе бренди с водой и стал набрасывать план: лаборатория Нарбондо, ее размещение в здании на Пратлоу-стрит, его наблюдательный пункт в комнате напротив, двор между ними. Нелл описала детали обстановки, о которых Годелл мог только догадываться, ведь цель в занавеске не давала ему полного обзора.

В случае если Нарбондо не окажется на месте, они попросту взломают дверь, войдут и заберут ящик — если потребуется, камня на камне там не оставят, а отыщут его. Впрочем, за горбуном следует понаблюдать. Потому, прежде всего, что он может перенести ящик в другое место. Хотя зачем бы ему это делать?

Если же доктор окажется на месте, Годелл прибегнет к переодеванию и добьется, чтобы его впустили: служащий муниципалитета или продавец

научных приборов — да, это вполне подойдет. Они устроят доктору настоящий налет, вооруженное ограбление. Что он станет делать? Призовет на помощь власти? Закричит, собирая соседей?

— Это едва ли. Нарбондо неспроста прячется в этих гнусных трущобах, — сказал капитан. — Решит теперь, что совершил роковую ошибку.

В доме через улицу хлопнула дверь, и капитан, прервав свои рассуждения, выглянул в окно: имелась вероятность, что это Уильям Кибл решил заглянуть к нему поболтать по-соседски. Он понимал, конечно, что Киблам давно пора узнать о присутствии в лавке Нелл Оулсби. При таких обстоятельствах им лучше держаться вместе. Прошло время беречь секреты, разбрасывая вокруг ничем не связанные кусочки головоломки. В тайниках под полом уже не осталось спрятанных ящиков. И еще всем нужно соблюдать осторожность, неусыпную осторожность — иначе силы зла, объединившись, нанесут им сокрушительное поражение.

Но Уильям Кибл так и не показался; этим сумрачным утром в туман, завивавшийся вокруг уличных фонарей, вышли Джек и Дороти — рука об руку, они шагали, щелкая каблуками по камням мостовой. Под локтем свободной руки Джек держал шкатулку.

Нелл выглянула поверх плеча капитана.

— Все бы отдала, только бы их окликнуть, — тихо произнесла она. — Или выбежать за дверь и, встав на пороге, прошептать его имя...

Нелл смотрела, как пара удаляется по Споуд-стрит и скрывается за поворотом, и еще с минуту простояла, погруженная в раздумья.

— Полагаю, Джек возненавидел меня, — наконец произнесла она, — после того, что произошло.

— Думаю, могу приятно вас удивить, — возразил капитан, беря Нелл за руку. — Джеку известно, какие причуды судьбы привели отца к его бесславному концу. Смерть Оулсби была далеко не самым худшим из всего, что тогда случилось, и Джек не вырос бы тем юношей, каким я его знаю, будь он слеп относительно причин, толкнувших вас на тот давний поступок.

Нелл молчала, не отводя взгляда от двери дома Киблов. Годелл старательно делал вид, что увлечен возней с трубкой и не слышит разговора, шедшего в трех-четырех футах от него. Не выдержав, капитан шлепнул ладонью по искусственной ноге:

— Всему свое время, таково мое правило. Сперва мы нанесем визит этому горбатому костоправу, повеселимся от души. И уж потом настанет время потрудиться.

И он вернулся к прилавку и к Годеллу, указывая на какую-то деталь во «внутреннем дворе» готового наброска и нашаривая свою остывшую трубку.

Сент-Джеймс-сквер сонно покоилась в тумане и холоде, вальяжно дожидаясь окончательного рассеивания ночных сумерек. Но туман так

и провисел все утро, время от времени рассекаемый слабыми лучами солнца — почти сразу тускнея и истончаясь, они не успевали разогнать ночные тени и быстро обращались в бегство, отринув все надежды на успех. Копыта впряженных в кэбы лошадей неспешно стучали вдоль Пэлл-Мэлл; бледные призраки экипажей вплывали в тусклый ореол уличных фонарей и вновь исчезали в тумане, так и не успев толком материализоваться.

Человек в шляпе высотой с печную трубу стоял в темноте того самого переулка, где Билл Кракен некогда поймал отброшенную Сент-Ивом сигару. Цилиндр криво сидел на окровавленной повязке вокруг его головы, грозя свалиться в любой момент прямо в грязь мостовой. Билли Динер зевнул, решив, что все-таки рискнет зайти в таверну во дворе напротив и по-быстрому промочить горло. В такой денек девчонка наружу и носа не высунет, не говоря уже об общем непостоянстве ее рабочего распорядка. Очень даже вероятно, что Динеру предстоит еще пару часов напрасно проторчать на этом углу, ответить на расспросы констебля и быть отправленным восвояси.

Но что, если Динер свернет удочки, а вот девушка сохранит верность расписанию и выйдет в четверг пораньше? Время поджигало, а Дрейк не расположен прощать лишние осечки. Возвращение из Харрогейта без вожделенного ящика едва не стоило ему... Динер даже не догадывался чего. Лучше об этом не думать. Время потихоньку ис-

текало, а с ним и терпение Дрейка. Пинта темного может и подождать. В любом случае часа через два она придется куда более кстати.

Далекие колокола отгудели одиннадцать. Из сгустившегося тумана, в тенетах которого растворилось даже дерево в центре площади, неожиданно донеслись чьи-то шаги. Приближались две смутно различимые тени. Билли Динер прищурился, вглядываясь в серый сумрак. Она! Но кто это с нею, ее парень? Этого Динер никак не ожидал.

Что еще неожиданнее, искомая вещица была у него при себе — тот самый ящик, Динер узнал его даже в полутьме! В его сознании вспыхнуло яркое видение: возникшая над ним темная фигура с обмотанным бинтами лицом, занесенный над головою железный прут... Ворюга, сбежавший с его ящиком! И вот теперь этот гад здесь — явился вернуть несправедно захваченный трофей. Вот они, две влюбленные пташки, плечо к плечу. Взвесив в правой руке оплетенную кожей дубинку, Динер шагнул из тени следом за неторопливо идущей и беспечно болтающей парочкой, поймал девушку за руку и, дернув ее к себе, обрушил свое орудие на голову Джека. И победно фыркнул: не ожидавшая такого подвоха жертва срубленным деревом повалилась на мостовую лицом вниз.

Дороти вскрикнула, когда протянувшаяся из тени рука внезапно схватила ее, затем вскрикнула вновь, откликаясь на гулкий удар тяжелой

дубинки и падение Джека на мостовую. Впрочем, этот второй возглас мгновенно оказался заглушен грубой ладонью. Девушка впилась в нее зубами и, наугад дернув ногой, всадила каблук в голень напавшего на них человека, уже выкручивавшего ей руку. И в этот момент женщина, тянувшая через площадь веселую стайку детей, оглушительно завизжала; она стояла, широко распахнув рот и тыча в Динера пальцем, а дети жались к ней в испуге — не столько при виде Дороти, которую тащили в переулок, или Джека, замертво лежавшего на мостовой, сколько от воплей перепуганной матери. Издали стали доноситься и другие вскрики и визги: один вопль ужаса запускал другой, и вот общий ор уже питал себя сам.

Динер попятился в переулок; вся эта суматоха могла плохо кончиться. Через мгновение ему придется бросить отбивающуюся девушку и бежать. Ему всего-то и нужно, что протащить ее еще футов сорок по переулку — до предусмотрительно распахнутой двери. Но там, на земле, рядом с влезшим не в свое дело парнем, лежал тот самый ящик, который однажды уже увели у Динера из-под носа. Будь он проклят, если и на этот раз позволит себя надуть! Динер разжал пальцы, что позволило боровшейся девушке вырвать правую руку и вонзить ногти в его разбитый лоб. Вспышка боли опалила череп, и Динер яростно взвыл, занося дубинку с силой, достаточной, чтобы прекратить сопротивление раз и навсегда. Сунув в рот пару сложенных кольцом пальцев, он оглушительно свистнул и, вы-

скочив из переулка, подхватил с брусчатки упавший ящик. Из открытой вдалеке двери высунулась темная голова. Динер выплюнул проклятье, и владелец головы, дюжий мужчина, размашистым шагом направился к нему.

«Убили! Убили!» — кричала женщина, заглушая многоголосый детский плач. Крик тут же преобразовался в близкий топот шагов и пронзительную трель полицейского свистка. Когда Динер с напарником — толстощекем парнем в жилетке — затаскивали бесчувственную девушку в зияющую дверь, затянутое туманом устье переулка начинала заполнять быстро растущая толпа: смутно различимые отсюда призраки вглядывались в сумрак, но не спешили начать преследование двух предполагаемых убийц, скрывшихся в наполненном тенями полумраке.

Билли Динер тихонько прикрыл дверь, не сомневаясь, что обычная для переулка полутьма из-за тумана сделалась почти непроглядной и скроет собою любые их действия; последующий полицейский розыск не даст ничего, кроме дыры дальше по улице — дыры, ведущей глубоко вниз, в зловонную тьму лондонских сточных тоннелей.

Подвальная стена выглядела беспорядочной грудой древних кирпичей фута в три толщину, за которыми бежал верхний ярус канализации Кермит-стрит. Вот уже сотню лет кладка трескалась и рушилась из-за небрежно законопаченных швов; постоянная влага сточных канав подмыла

стену, вызвав настоящий кирпичный оползень. Уже недалек был тот час, когда очередной кусок раствора или уголок трухлявого кирпича рассыплется в прах, вызвав превращение всего длинного участка тоннеля в зловонную кучу грязи.

Сейчас сточные воды отступили, подчиняясь отливу, но Динер и его соратник все равно спешили уйти как можно дальше. Они пробирались по скользким, прогнившим от помоев доскам, проверяя каждую носком подбитого гвоздями сапога, перед тем как сделать шаг. Огонек свечи трепетал в оловянном держателе на голове у подручного Динера; свет дрожал и гас, то и дело приходилось зажигать свечу снова, и оба опасались, что любая искра может привести к взрыву в этом плотном от смрада воздухе. Наслышанный о рудничном газе Динер дышал сквозь повязанный вокруг рта и носа платок. Пригнувшись, они шагали под низким потолком, выглядывая заранее сделанные отметки: те подскажут, когда они окажутся неподалеку от нужного им дома на Уорддор-стрит.

Клоака на Кермит-стрит сильно нуждалась в выравнивании, ибо общее оседание почвы создало серию длинных запруд, застойная вода которых довершала разрушение твердой почвы; фундаменты домов наверху трескались и кривились, пропуская во дворы зловонные газы. Впрочем, у этих стихийных отстойников, затруднявших сброс, имелись и свои достоинства — так, они служили временным местом упокоения для убитых, немалое число которых оказалось в канализации не без ак-

тивной помощи Билли Динера. Трупы, увязшие в отбросах и мусоре, смытом в туннели с водосточных решеток, отлеживались здесь, покуда прилив не выносил их в Темзу, после чего полицейские, выловив разбухшие безликие тела, определяли их утопленниками: ничего другого не оставалось.

Правда, лишившаяся чувств девушка являлась жертвой совсем иного рода. Динер был уверен, что в других обстоятельствах защитный платок на лицо достался бы именно ей, да только готовность самого Динера оказать Келсо Дрейку добрую услугу имела свои пределы. В любом случае те несколько минут, что девушка провела под толщей земли, ничуть ей не навредили. Она даже не очнулась во время перехода.

Дороти пришла в себя от пульсирующей боли, пронзавшей голову, точно спица. Ей в лицо улыбался человек, тот самый, который как-то раз, жуя сигару, ссорился с отцом в прихожей их дома. Сигара и теперь бойко перекатывалась из одного угла его рта в другой. Его улыбка, начисто лишенная хотя бы признаков дружелюбия, предназначалась только самому ее обладателю — Келсо Дрейку. Даже в своем полуобморочном состоянии Дороти видела в ней омерзительное самодовольство: ничего, кроме фальши.

Улыбка расплывалась в ее глазах и затем снова обретала четкость. Дороти чувствовала себя ужасно. В комнате жутко воняло — как из открытого сточного люка, — и при виде Дрейка она решила,

что так дурно пахнет либо от него, либо от стоявшего рядом невероятно сутулого, прямо-таки горбатого человека, который искоса рассматривал ее — так, будто видел в девушке какой-то любопытный образчик фауны, не более. Затем Дороти потеряла интерес к ним обоим, погрузившись в себя и в свою головную боль. Вскоре она ощутила настоящую потребность коснуться волос за ухом, которые, будучи прижаты к подушке, казались слипшимися от засохшей крови. Ее ударили по голове! Кое-что сохранилось в памяти. И все же она определенно не в больничной палате. Обрывки воспоминаний теснились в сознании, вращаясь и перекручиваясь, пока не соединились в единое целое, подобно кусочкам головоломки: Джек лежит без сознания на брусчатке площади Сент-Джеймс, она борется с человеком в измятом цилиндре, снова и снова визжит какая-то женщина, ее дети глазят на дерущихся, и... после этого — ничего.

Дороти попыталась приподняться, опершись на левый локоть, и ткнуть кулаком правой в плавающее перед нею ненавистное лицо. Ничего не вышло. Девушка не могла двинуться: ее надежно привязали к кровати простыней. Ненавистное лицо хохотнуло. Рука вынула изо рта сигару, и незнакомец заговорил:

— То, что нужно. Она мне все возместит, причем в двойном размере! — лицо хохотнуло снова. — Успокой ее.

Отдав этот приказ, лицо выплыло из поля зрения.

Над Дороти склонился горбун с полной чашкой лиловой жидкости в руке. Простыня ненадолго ослабла, и лысоватый человек в черном сюртуке дернул тряпку вперед, заставив девушку встать на локтях. У Дороти просто не было сил для борьбы. Она выпила водянистый, горький отвар и очень скоро окунулась во тьму.

Лэнгдон Сент-Ив силился распилить на части котлету, имевшую консистенцию сапожной подошвы. Серое мясо лежало свернутым куском дубленой шкуры между вареным картофелем и набором гороховых стручков с большой палец длиной. Соус *Andalouse aux fines herbes*³⁶, как именovalo его украшенное небрежными завитками и росчерками меню, скуп оросил котлету, ибо шеф-повар не решился осквернить этой жидкостью вареную картошку. Столь же ледяная, сколь и тарелка, на которой ее подали, картошка остро нуждалась в приправе, и Сент-Ив с ограниченным успехом пытался перенести чуточку соуса и на нее. Увы, немалая часть соскобленной с поверхности котлеты массы просто приклеилась к ложке однородным комком томата и перца, заставив Сент-Ива проклясть и качество, и количество *Andalouse aux fines herbes*. «Если подойти к проблеме рационально, — размышлял он, — мне явно повезло: еда паршивая, зато и порция скудна. Впрочем питание,

³⁶ «Андалузский с ароматными травами» (фр.).

как и любую иную деятельность, нельзя считать занятием сугубо рациональным».

Отодвинув опостылевшую тарелку, он прислушался к монотонному голосу сидевшего напротив докучливого джентльмена в очках — тот вгрызался в свою котлету без особых эмоций, словно полагая прием пищи простым удовлетворением телесных нужд. С аналогичным равнодушием он мог бы употребить блюдо, состоящее из веток и листьев. Говорил он с Сент-Ивом, деловито смачивая слюной телятину и горошек — чавк, чавк, чавк, — как машина, перемалывающая камень в крошку.

— Пищеварение, — вещал он, неустанно работая челюстями, — суть капризный процесс. Соки, секреты и все такое прочее. Требуется изрядное количество производимых желудком химических, чтобы растворить твердый кусочек пищи, наподобие этого вот горошка.

И он продемонстрировал Сент-Иву горошину — так, словно этот крохотный предмет являл собой целый восхитительный мирок, который им двоим предстояло тщательно исследовать.

— Биология никогда не была моей сильной стороной, — признал Сент-Ив, не выносивший гороха ни в каком виде.

Его собеседник отправил горошину в рот, где тут же и перемолол.

— Галлоны телесных жидкостей, — заметил он, — производятся, так сказать, за счет значительных расходов для организма. Сейчас эта самая

горошина, превращенная в кашу, уже готовится к выводу из системы десятой частью желудочно-кишечных соков...

Сент-Ив устался в окно, не в силах больше смотреть в тарелку. Он попросту не мог выработать в себе достаточно энтузиазма, позволявшего поддержать беседу о телесных потребностях. Он ничего не имел против физиологии: некоторые из его лучших друзей были отличными специалистами в этой области знаний. Но рассуждения о жидкостях и отправлениях едва ли могли скрасить — не правда ли? — унылое застолье. К чему эти ненужные разговоры? Они подменяли собою дружеское пустословие, предшествовавшее обсуждению серьезных проблем, — по этой причине Сент-Ива и принимали в очередной раз в клубе «Бейсуотер», принадлежащем Королевской академии наук. «При всей глубине их высокоученой проницательности, — размышлял Сент-Ив, — членам клуба давно следовало бы осознать, что под видом телятины здесь подают ломти мяса старой дойной коровы или, того не легче, срез конины, обескровленной и обесцвеченной забойщиком при помощи химических реагентов».

Впрочем, похоже, здесь никто и не думал столоваться, кроме Сент-Ива и старика Парсонса, чей приятель лорд Келвин владел амбаром в Харрогейте, стоявшим рядом с его летней усадьбой, — тем самым амбаром, который после фиаско с кораблем пришельца остался без крыши. Согласно сведениям, полученным Хасбро,

лорд также владел теперь двумя мертвыми коровами, которые имели несчастье забрести в амбар за считанные минуты до того, как на него рухнуло несостоявшееся космическое судно.

За все это Сент-Иву предстояло расплачиваться, что он и сам прекрасно понимал. Настроение у него было прескверное: сперва разгром корабля, потом бежавший с поезда Уиллис Пьюл. Какова же мера отчаяния, толкнувшего парня на столь безрассудный поступок? Вполне вероятно, он спрыгнул под откос навстречу гибели, однако сие предположение отнюдь не радовало. «Негодяям, — пришел к выводу Сент-Ив, — следует приуготовиться заранее к неизбежной расплате. Да только кончина их должна быть в равной мере и впечатляющей, и унижительной».

— Коренные зубы лошади способны за мгновения превратить даже самые неподобающие травы в усвояемую массу, — провозгласил его сотрапезник с полным ртом неподобающих продуктов питания со своей тарелки. — Надо заметить, у лошади, как и у человека, лишь один желудок, но у нее феноменально протяженный кишечник, приспособленный к перевариванию даже самого грубого фуража. Восхитительно интересный предмет пищеварение. Я изучал его всю жизнь. И замечу: мало найдется на свете столь же поучительного, как процессы питания рабочей лошади — причем не всякой породы, прошу учесть. Некоторые сорта сена выглядят предпочтительнее в силу их благотворного воздействия на кишечник.

Парсонс гордо взмахнул вилкой, подкрепляя свое утверждение, и одним смелым ударом наколот на нее рядок горошин.

Сент-Ив воспользовался повисшей паузой и, выхватив карманные часы, встревоженно выпучил глаза — словно только сейчас он смог постичь всю сокрушительность хода времени. Но, к сожалению, предпринятая им попытка ускорить приближение финала этой встречи утонула в лекции о бактериальных проявлениях в кишечных массах.

Парсонс ненадолго умолк лишь несколько минут спустя только для того, чтобы осушить гигантский бокал дистиллированной воды, очищающее воздействие каковой основано на свойстве «отсасывать яды», подобно хорошо отлаженной канализационной сети. Старик причмокнул губами над краешком бокала.

— Это жизненно важно! — веско обронил он.

Кивнув, Сент-Ив повторил манипуляцию с часами и изобразил прежнюю гримасу, призванную выразить изумление и тревогу. Однако его визави не так-то просто было сбить с толку. Сняв очки, он заставил свои глаза претерпеть удивительное и мгновенное уменьшение в размерах, а затем тщательно протер лицо салфеткой.

— Душновато здесь, не правда ли?

Сент-Ив кивнул, подбадривая старика. «Такие люди, — напомнил он себе, — нуждаются в воодушевлении. Приходится непрерывно кивать им в знак согласия — пока не настанет время кивнуть своим ботинкам, — и кивать далее, уже сходя

по лестнице. Фанатик остается всецело удовлетворен столь полным согласием с его взглядами и отчасти удивляется тому, что его так быстро покинули». Впрочем, сейчас применить эту тактику не представлялось возможным.

— Итак, поговорим о докторе Бердлипе, — внезапно повысил голос Парсонс. — Вы были его другом.

Сент-Ив укрепил свой дух перед неизбежным разговором вроде того, что состоялся несколькими неделями раньше, в дождливый день его неожиданной встречи с Кракеном.

Будучи чрезвычайно заинтересована полетом доктора Бердлипа и его вкладом в дело развития технического прогресса, Королевская академия рассчитывала на помощь Сент-Ива в пролитии света на природу этого замечательного эксперимента. Разумеется, Бердлип не был тем подлинным гением, сумевшим создать воздушное судно на вечном двигателе, они это понимали. Он был чем-то вроде мистика — не так ли? — вообразившего себя философом. Более того, он был человеком, заикленным на тайнах и загадках. Он даже опубликовал под собственным именем довольно странный трактат под заглавием «Миф о туманной лондонской ночи», за которым последовала статья с описанием конструкции очков, позволяющих видеть последовательные слои времени, подобные полупрозрачным дверям, открывающимся и затворяющимся по мере прохождения по коридору. Как же она называлась?

«Время как последовательность полуприкрытых дверей»³⁷.

— О да, — продолжал Парсонс, — все это ужасно... как бы выразиться... далеко от практического применения, не правда ли? Почти поэтично. Возможно, Бердлип упустил свое подлинное призвание. Сами заглавия его работ выдавали особый склад ума. Гениального ума, готов допустить, однако спекулятивного и, если можно так выразиться, непродуктивного свойства. Явно не такого, что был бы способен создать двигатель, подобный тому, что удерживает его дирижабль в воздухе.

Парсонс вкрадчиво улыбнулся Сент-Иву, гоняя черенком вилки горошину на тарелке и стараясь погрузить ее в лужицу подсохшего соуса.

— Известно ли вам, — спросил он, искоса поглядывая на Сент-Ива, — о целом религиозном культе, возникшем вокруг спорадических появлений этого аппарата на публике? Говорят, существует некая связь между доктором Бердлипом и этим самозванным святым, именующим себя Шилохом. Ничего нет опаснее, учтите, чем религиозный фанатизм. Такие люди наделяют себя правом определять мораль — в убыток всем, за исключением себя самих.

— Могу вас уверить, — ответил Сент-Ив, переводя взгляд с Парсонса на окно, за которым,

³⁷ Явная отсылка к рассказу Сэмюэля Дилейни «Время как спираль из полудрагоценных камней» (1968 г.)

двумя этажами ниже, протекала обычная жизнь, — что доктор Бердлип никак не связан с мистикой. Он...

Очки Парсонса по собственной воле съехали к кончику его носа, и знаток пищеварительных трактов поспешил перебить изобретателя:

— Говорят и о том, дорогой мой, что судно доктора Бердлипа имеет на борту некий талисман или, возможно, прибор, который верующие почитают святыней: как они считают, это сам Бог, обитающий в ящике довольно занятой конструкции... Само собой, Скотланд-Ярд внедрил своих агентов в их организацию. Эти люди опасны, и они держат на заметке дирижабль Бердлипа. Так до конца и не ясно, намерены они разрушить его или сделать храмом, но, заверяю вас, наша Академия не намерена позволить им ни того ни другого.

По улице, с трудом проталкиваясь из Кенсингтон-Гарденс через Ланкастер-гейт³⁸, шаркала гигантская толпа, что-то выкрикивавшая в унисон (осанну, решил Сент-Ив) и запрудившая все пространство вокруг клуба «Бейсуотер», полностью перекрыв движение. Не оставалось никакого сомнения: во главе толпы, направляясь в сторону Сассекс-Гарденс, шагал только что упомянутый, закутанный в рясу дряхлый проповедник — заклятый антагонист Королевской академии.

³⁸ В нашей реальности — одна из арок Гайд-парка, получившая свое название в честь королевы Виктории, герцогини Ланкастер.

Парсонс тоже узнал его и ударил кулаком по столу, словно внезапное появление предводителя фанатиков служило наглядным доказательством его слов.

— Вот это я и имею в виду, — зашептал он, указывая на улицу, — у нас не остается времени, и превратные толкования дружеских уз, или как вы там это именуете, не должны стопорить жизненно важное научное исследование. Вы ведь и сами ученый! Метательный снаряд, который вы обрушили на амбар лорда Келвина, служит отличным примером полета аппарата тяжелее воздуха. Допустим, цель этого запуска осталась не до конца понятна Академии, но, уверяю, если только вы уговорите игрушечника с Джермин-стрит сотрудничать с нами... Вот именно, — добавил он, поднятой ладонью призывая Сент-Ива к молчанию, — говорю же, мы уверены, что сам Бердлип такой двигатель построить не смог бы. Если вам удастся склонить этого Кибла к общению с нами, полагаю, вы найдете нас склонными расценивать недавнее недоразумение в духе научного интереса. На кону репутации, вы же понимаете, и многое помимо них. Помешанные на религии безумцы разглагольствуют на улицах; по городу ходят слухи о кровавых жертвоприношениях в грязных тавернах Лаймхауса, набитых преступниками всех мастей. Пустые рассказы о псевдонаучных ужасах, об алхимии и вивисекции с каждым днем звучат все громче. И среди всего этого плывет — словно долгожданное знамение, словно

некий предвестник конца времен — дирижабль доктора Бердлипа...

Повисшее над столом молчание продлилось недолго: Парсонс еще не закончил.

— Несколько недель назад двое смельчаков на воздушном шаре проследили его курс над Сандвичевыми островами. Вне сомнения, аэростат теряет высоту темпами, которые вскоре положат конец его странствиям. Наши математики вычислили место его будущей посадки — в пределах границ Лондона. Но что произойдет? Падение на пригороды, гигантские разрушения, воспламенение газа и полный крах всех попыток обрести понимание движущей им силы? Или дирижабль упадет в Атлантику, где шторма превратят его в оседающие на дно обломки?

Парсонс поморщился, поблескивая очками, предоставляя Сент-Иву самому вообразить грозящие миру беды и разрушения, которыми ознаменуется возвращение дирижабля Бердлипа, если только игрушечник не устремится к академикам, чтобы разделить с ними свои познания о принципах устройства означенного аэростата. Слава науки, заявил Парсонс, зиждется на ее холодной рациональности, в отсутствие лишнего логики жара, в этот самый миг толкающего чернь на улицу ради выплеска неизъяснимых страстей. Отчего же Сент-Ив медлит? Игрушечник непременно прислушается к его мнению. В чем смысл его колебаний, если не в тех же чуждых логике абстракциях, что воспаляют толпы на ули-

це? В столь непростые времена следует доверять только разуму, научной философии, практическим соображениям. Разумеется, профессор Сент-Ив и сам видит...

Сент-Иву все происходящее виделось в несколько ином свете. Этот разговор утомителен и бесполезен. Кибл поступит, как сочтет нужным. Дирижабль Бердлипа опустится на землю там, где пожелает. Вот и Сент-Ив, в свою очередь, совершит то же — ну то есть не совсем то же, что и Кибл с Бердлипом, — а именно, отыщет Уиллиса Пьюла и выбьет из него всю дурь. А после объявит охоту на корабль, принадлежавший гомункулу, и либо отыщет его, либо представит неопровержимые доказательства, которые раз и навсегда положат конец легендам о его существовании.

— Так тому и быть, — сообщил Сент-Ив Парсонсу. — Я обещаю поговорить с Киблом, упомянуть обо всем услышанном, прощупать настроение игрушечника. Но если тот упрется, всему конец.

Парсонс обрадовался. Вот что значит разумный подход! Только с *какой* же стати Сент-Иву захотелось проломить своим метательным снарядом крышу принадлежащего лорду Келвину амбара? Научная общественность теряется в догадках.

Сент-Ив пожал плечами. Это случилось непреднамеренно, запуск был осуществлен без должных вычислений и какой бы то ни было мотивации. Парсонс закивал; теперь ему все понятно, теперь он видит события в их обратной перспективе. Он

протянул вялую руку, и Сент-Ив распознал в этом жесте сигнал к окончанию званого обеда. Дальше разговаривать было не о чем — по крайней мере до тех пор, пока Кибл не выразит готовность ответить на вопросы о своем двигателе.

«Им нужен двигатель, и ничего больше, — думал Сент-Ив, покидая обеденный зал. — Если Кибл завтра же вручит его академикам, те потеряют всякий интерес к Бердлипу, по части которого они совершенно правы. Бердлип оказался вовлечен в миссию, которую нельзя прочертить на карте или аккуратно разложить на составляющие. Поиски истины, какова бы та ни была, увлекли Бердлипа курсом, фигурально выражаясь, параллельным стихийному, подправляемому ветрами курсу его дирижабля. Но, видит бог, этот курс уже *возвращал* его домой, ведь так? Средства их полета выглядели неведомыми и таинственными, а вот цели — далеко не совсем, особенно когда рассматриваешь их сквозь верно подобранные очки, какими Парсонс, разумеется, не обладает.

Сент-Ив сбежал по полудюжине последних застеленных ковровой дорожкой ступеней и, миновав приемную клуба, выскочил на улицу, где ветер успел разогнать остатки тумана и где толпился явно заинтересованный чем-то народ. Кое-кто оседлал ветви ближайших деревьев; другие устроились на плечах у приятелей; на крыши стоявших вдоль обочины повозок, по прикидке Сент-Ива, забралась изрядная доля лондонского населения —

и все они, наострив уши, вслушивались в ветер, что задувал вдоль по тихой вечерней улице.

Издали донеслась серия коротких щелчков — будто дятел осторожно долбил какое-то особенно хрупкое дерево. В толпе поднялся восторженный рев. Затем наступила тишина — и в ней новое постукивание, снова вызвавшее крики восторга. Работая локтями, Сент-Ив принялся проталкиваться в передние ряды — туда, где над горизонтом людских масс торчала голова проповедника. Старик, надо полагать, поднялся на пустой ящик из-под фруктов. В руках он держал что-то перед собой. Сент-Ив не мог толком разглядеть, что именно, — какую-то прозрачную коробку.

Он продолжил двигаться вперед, и море зевак расступалось перед ним. Поражала преобладающая атмосфера религиозного благоговения, накрывшая собою чуть ли не всю улицу. Сколько здесь людей? Достаточно, чтобы составить огромную толпу, это понятно. И толпа была Красным морем, внезапно расступившимся перед Сент-Ивом: чудом возникший узкий проход тянулся вперед на многие футы, и ученый бочком устремился вперед по проходу. Кто-то наступил ему на ногу. Другой пихнул под ребра. Человеческая стена позади него внезапно подалась вперед, уткнув его носом в сальные патлы женщины, одетой, похоже, в ночную рубашку. Его извинения остались не услышанными. «Прошу прощения», — выдавил Сент-Ив, ввинчиваясь

в просвет шириной не более дюйма. Проповедник был уже совсем неподалеку, стоял, уставившись в небо и неразборчиво бормоча — даже, быть может, на древних языках.

Спустя еще минуту Сент-Ив, принявший на себя бесчисленные злобные взгляды и пару залпов ругани, оказался впереди толпы: перед ним не было уже никого, кроме человека столь малорослого, что им можно было и пренебречь. Старый миссионер заклинал стеклянный куб, в котором Сент-Ив с ужасом увидел частично мумифицированную голову, пыльную и бурую, словно только что из могилы.

Зубы во рту у головы были громадные, Парсонс восхитился бы такими. Что проповедник собирался делать с головой, понять пока не удавалось. Сент-Ив оглянулся на море исполненных немого ожидания лиц, но и люди позади него тоже явно не до конца понимали суть представления, которое надеялись узреть.

Засевшая в ветвях огромного раскидистого дуба банда хулиганов разразилась свистом и улюлюканьем. «Пущай споет!» — выкрикнул кто-то. «Пущай съест че-нить!» — заорал другой. «Таракана! — завопил еще кто-то, поближе. — Дай ей слопать таракана!» С высоты донесся взрыв хохота, дополненный визгом от падения кого-то из хулиганов, не усидевшего на ветке. Новый взрыв хохота слился с гулом быстро терявшей терпение толпы, не настроенной долго выносить непонятные причуды свято-

го. Горстка людей раздавала брошюры, причем кое-кто из помощников Шилоха выглядел так, будто стал жертвой ужасной болезни или находится при смерти. Само их присутствие придавало реалистичность представлению: нелегко спорить с людьми, которые столь очевидно являются провозвестниками апокалипсиса.

Как только смех утих, загадочный дятел быстро забарабанил вновь. Звук шел со стороны проповедника. Сент-Ив вздрогнул: мертвая голова в стеклянном кубе внезапно ожила. Ее челюсти щелкали, словно подчиняясь невидимому двигателю. Что это, если не импровизированный сеанс салонной магии? Стуча, череп даже подскакивал от энтузиазма и мощи собственного клецанья, свисающие пряди волос колыхались в такт.

— Говори, мать! — крикнул старик. — Что ты слышишь? Что видишь? Подними покровы, заслоняющие грядущее, убери чешуи скверны и падения, что душат и ослепляют нас! Говори, заклинаем тебя!

И после этой выкрикнутой фальцетом мольбы послышался хриплый голос, словно принесенный сюда ветром, гнавшим листву по Бейсуотер-роуд. Голос будто бы был частью этого ветра, частью естественного вращения Вселенной. Толпа мгновенно умолкла, в едином движении подавшись вперед, стремясь не упустить слов оракула. Наступила тишина. А затем тишину сотряс крик:

— Вали в монастырь! Пшла! — некий в высшей степени образованный юнец из числа

засевших на дубу поспешил поделиться с приятелями своими знаниями³⁹, вызвав у тех приступ неудержимого хохота.

Метнув в веселящихся хулиганов взгляд, полный смеси яда и жалости, Шилох с демонстративным терпением дожидался воцарения тишины. Снова застучали челюсти, явно застав изумленного проповедника врасплох.

— Услш-шь мя-aaa!.. — прозвучал жуткий дрожащий голос.

— Говори! — велел Шилох дергающимся зубам.

— Внемли словам моим!.. — провыла голова.

— Поцелуй меня в зад! — задорно ответили с дуба.

Череп умолк.

— Да вы ее сломали! — прямо в ухо Сент-Иву проорала дама в ночной рубашке, разъяренная поведением шайки на ветвях.

— Заткнитесь же! — рывкнул мужчина у локтя Сент-Ива; непонятно было, кому адресовано это пожелание — даме в ночной рубашке или шумным весельчакам. Череп защелкал снова. Сент-Ив был заинтригован: как эта штука умудряется говорить, не имея плоти на шее, да и шеи как таковой, с плотью или без. Впро-

³⁹ «Ступай в монастырь» — неполная цитата из диалога Гамлета и Офелии (У. Шекспир, «Гамлет, принц Датский», акт 3, сцена 1). На елизаветинском сленге XVI века слово *nunnery* («женский монастырь», *англ.*) служило распространенным эвфемизмом борделя.

чем, толпа явно не более увлекалась физиологией, чем Сент-Ив — смакованием дубленых котлет в компании Парсонса каким-то получасом ранее. Может, это ветер приводил в движение кости ее нижней челюсти, создавая эффект, подобный чуду эоловой арфы?

Едва голос зазвучал вновь, зубы утомонились — казалось, их застали врасплох; прозвучало еще несколько слов — что-то про жуткие создания в пучинах моря, — и голос постепенно умолк, как закрытый водопроводный кран. Каждая новая попытка зубастого черепа заговорить выглядела все более слабой. Шилов уставился на него, тайком встряхивая, словно опасаясь, что тот теряет силу, — наверняка так и было, потому что настал миг, когда голова, замедляя темп, отщелкала с полдюжины трескучих стаккато и то ли по собственной воле, то ли по оплошности проповедника повалилась набок и, по видимости, окончательно испустила дух.

Толпа хлынула вперед — все эти люди, без сомнения, чувствовали себя одураченными и незавершенным спектаклем, которого они так долго дожидались, и обещанными откровениями, которые так и не прозвучали до конца. С ветвей дуба на проповедника посыпался град желудей; сам же Шилов, как хорошо было видно Сент-Иву, стоял озадаченный и раздосадованный. Независимо от цели, которую преследовал проповедник, он, похоже, не жульничал; а вот печать участия Игнасио Нарбондо просматривалась вполне отчетливо.

Видя, что голова смолкла, старик взялся проповедовать толпе с высоты своего ящика. Народ, однако, все напирал, стремясь поглазеть на оскандалившегося пророка, и помощники Шилоха, сцепив руки, окружили предводителя, пытаясь не подпустить толпу к оракулу. Сент-Ив на глазок определил, что «кровяной пудинг» сегодня употребило в пищу менее двух третей оживленных. Опасения Парсонса насчет растущей армии адептов культа оказались не столь пугающи, как на первый взгляд: все воинство Шилоха при желании можно было уморить голодом за какие-то сутки.

Очевидно, мертвецам не под силу сдерживать такую толпу, отметил про себя Сент-Ив. Мимо него протискивались все новые и новые зеваки; не двигаясь вовсе, он вскоре оказался на периферии — охваченный нарастающей паникой Шилох побежал в направлении Лейнстер-террас, окруженный своими помощниками. Туда же направился и вынырнувший из-за угла бродяга; экипаж остановился в квартале от бегущих людей, поглотил проповедника с троицей приспешников и галопом умчался прочь, унося с собою и говорящую голову, выступлению которой, не без ехидства подумалось Сент-Иву, едва ли суждено познать благосклонные рецензии в утренних газетах.

ПЬЮЛ ИСПОЛНЯЕТСЯ РЕШИМОСТИ

Новый Мессия въезжал в Мейфэр, до того крепко зажмурившись, что всякий раз, когда брогам подскакивал на выбоине, на изнанке его век вспыхивали желтые искры. Что же, гадал он, что могло пойти не так? Какая гипотетическая сила была в ответе за провал, постигший дух его бедной, подвергшейся дурному обращению матери? Голова чахла, Шилох видел это, с того момента, как он забрал ее из лаборатории проклятого Нарбондо. Она увядала, как если бы некая живительная сила, питавшая голову, истекала из нее по капле. Неужели этот знак — указание на то, что ему надлежит обуздывать собственное тщеславие? Но он же бескорыстен, беспорочен! Он, потомок того, чьим

сыном был, не выбирал себе подобной судьбы. Или нет? Это знание давило на Шилоха всю жизнь, и он страдал под этим грузом все долгие годы лишений. И вот, когда у него появилось средство воздействия на огромные людские массы, когда успех был совсем рядом — только руку протяни, — дух матери подвел его, иссяк, онемел.

Сдавив виски, старик глянул на сидевшего рядом человека: запавшие глаза, мучнистое лицо — один из живых трупов Нарбондо. Видеть его сейчас было невмоготу, хоть несчастный и нуждался в милосердии. Шилох больше не мог и не желал страдать во чье-то благо. Просунул голову за занавеску и замахал рукой.

— Стой! — окликнул он кучера. — Стой, болван чертов!

Брогам качнулся, резко останавливаясь, и проповедник распахнул дверцу:

— Убирайтесь! — устало бросил он. — Пошли все прочь.

Мертвецы тупо уставились на него. Старик сгреб с пола пачку брошюр и вышвырнул за дверцу, прямо в уличную грязь.

— Принесите сюда.

Сидевший рядом мужчина покорно встал и выбрался наружу. Другие столь же послушно последовали его примеру; последний пропахал лицом брусчатку мостовой, получив хорошего пинка под зад. Шилох протянул руку и захлопнул дверь.

— Пошел! — взвыл он, и экипаж рванулся вперед; лишь оставшись в одиночестве, старик мог спокойно обдумать провал.

Этому просто нет объяснения. Или все-таки есть, но Шилох никак не может его отыскать. Что-то царапало сознание — нечто, связанное с увиденным в лаборатории Нарбондо: кисти, барабанившие по клавишам пианино, злосчастный полет обглоданной павлиньихи, недолгая бойкость его матушки. Чем все это объяснить? Само собой, не ужимками горбуна с его желтыми миазмами. Шилох должен был уловить, увидеть что-то еще. Дух — вот что там проявилось! Некое живительное присутствие заполнило комнату, заставив взлететь даже полусъеденную птицу. Объяснение лежало совсем рядом, но скрывалось за пределами зрения, за углом коридора его памяти.

Ящик. Неужели он? Ну конечно! Нарбондо водрузил ящик на пианино, и тут же загремели клавиши, зашевелился скелет птицы. Что, если, думал ослепленный внезапным открытием Шилох, если ящик в руках у Нарбондо содержал гомункула?

Неужто горбун оставил ящик на виду, чтобы поиздеваться над Мессией? Зная, что существо в шкатулке по сути приходилось Шилоху отцом? Существо, имевшее власть над жизнью и смертью? Смердящая свинья! Все это время, с самого начала, Нарбондо знал — или нет? С чего тогда он рвался заполучить Нелл Оулсби? И кстати,

что насчет самой Нелл Оулсби? Не солгала ли Нелл ему еще тогда, много лет назад, на Ямайке? Невозможно. Слишком искренне она говорила, поддавшись мимолетной слабости. Впрочем, девушка могла допустить ошибку. Раз на то пошло, ящик не был единственным. Их по меньшей мере два.

Проповедник потер скулу. Пусть его обвели вокруг пальца, пусть над ним смеялись все кому не лень, — шкатулка достанется ему! И по праву: Нарбондо остался ему должен.

Пратлоу-стрит погрузилась в тишину. Не было видно совсем никого, даже бродячих собак или кошек. Луна, около часа сиявшая меж перекошенными домами, выстроившимися вдоль улицы, давно уплыла прочь. Окно лаборатории Нарбондо темным-темно — горбун отбыл на всю ночь. Сравнительный успех эксперимента с останками Джоанны Сауткотт, а также добытое знание о местонахождении ящика с гомункулом вновь подняли ему настроение, которое было пошатнулось из-за неудачи Пьюла, так и не добывшего рукопись Оулсби. Полученное от Дрейка приглашение явиться на Уорддор-стрит посеяло в Нарбондо кое-какие идеи, всколыхнуло определенные страсти, и визит — приятная праздность, необременительный флирт — затянулся до позднего вечера.

Света фонарей на Вестминстерском мосту хватало для чтения; Биллу Кракену случалось

читать и при худшем освещении. А ночные звуки — Темза, kloкочущая под мостом, торопясь к морю, тихий шелест разговоров людей, собравшихся у фонарных столбов, — все это казалось Кракену осмысленным, слитым воедино. Особенно река. У Эшблесса много говорилось о реках. Видно, писатель ими особенно увлекался, и лишь редкие главы позволяли читателю отдохнуть, не привлекая реку, обычно именно эту, в качестве иллюстрации для отвлеченных рассуждений, которые будучи лишены чайного оттенка строптивых вод отражали бы мир безжизненным и бледным.

Весь день и большую часть предшествующей ночи Кракен без остановки бродил вдоль русла Темзы, коря себя за то, что не сумел отобрать ящик у ненавистного доктора. Собственная жизнь представлялась ему сыгранной пьесой. Она опустела, лишилась всякого содержания. Большинство зубов уже выпали. Единственным его достоянием, не считая одежды, был пробитый пулей томик Эшблесса, полный жизнеописаний философов, которые, как бы ни старались заполнить зияющий провал его души, помочь ничем не могли. Его, Кракена, несет течение, и уже совсем скоро он скроется из глаз вовсе, потерется в сером морском просторе.

Кракен размышлял об этом по пути через Холборн, Сити и Уайтчепел; тяжело ступая, погруженный в раздумья, поздно вечером он оказался за Лаймхаусом, где постоял, озирая

лондонские доки. Казалось невообразимым, чтобы на планете существовала коммерция подобных масштабов, чтобы столько тысяч людей слаженно трудились ради определенной цели, чтобы корзина табака, извлекаемая из корабельного трюма в полдень, выныривала из мрака именно в этот момент, ведь всего четвертью часа ранее ее скрывали под собой двадцать пять точно таких же корзин — одно определяло другое, в свою очередь определяясь третьим, будто подчиняясь чьей-то воле и в точном соответствии с неписанным сценарием.

Где же тот сценарий, невесело размышлял Билл Кракен, наблюдая за суетой в доках, что управляет его — торговца кальмарами и вареным горохом, а теперь еще и вора — разболтанной жизнью? Уголовники избили его чуть не до смерти, и в итоге он сам совершил преступление. Где тут логика?

Он поплелся вверх по реке, за доки Санта-Катарины и Лондонский мост, за пирс Олд-Суон — повсюду люди спешили по своим делам, словно их жизни были вычитаны из книги, где вторая страница следовала за первой, а двадцать пятая шла аккуратно за двадцать четвертой. В жизни Кракена, однако, все страницы были втоптаны в дорожную грязь. Ветер подхватывал их и мотал туда-сюда над чужими крышами. Кракен болтался там и тут, выглядывая эти, такие важные, бумажки, но их разметало и унесло, — и вот он здесь, в конце путешествия,

стоит, опершись о парапет посредине Вестминстерского моста, и глядит на бурлящую внизу черную воду Темзы.

Наугад раскрыл Эшблесса. «Наименьший из всех грехов, — прочел он, — есть обжорство». Ничуточки не помогло. Закрыв глаза, ткнул пальцем. «Камень, который отвергли строители, — посулил текст, цитируя Библию, — соделался главою угла»⁴⁰. Кракен опустил книгу и призадумался. Что он такое, когда не тот самый камень? Тысячи, миллионы людей обтесаны как подобает, они аккуратно пригнаны друг к дружке в просторном и разумном порядке; Кракен же, блуждающий по Лондону, так и не смог отыскать себе нишу, в которую сумел бы втиснуться. Он обтесан иначе, чем прочие.

Но как, деловито спросил он себя, старина Билл Кракен может оказаться краеугольным камнем? Что придаст ему отваги переступить порог лавки капитана Пауэрс, когда в прошлый раз он покинул ее через окно? Конечно же, изумруд. Это единственный способ. Но вернуться за ним — верная гибель, не так ли? Кракен сунул книжку Эшблесса в карман куртки и поспешил покинуть мост. Очень вероятно, что гибель — не худший из возможных жребиев. Долгое дневное странствие утомило Кракена, но внезапно обретенная решимость и осязаемая

⁴⁰ Библия, Псалтирь, 117: 22–23.

цель, пусть даже зыбкая или ошибочная, гнали его вперед упругим, твердым шагом — на север по Уайтхолл, к Сохо и Пратлоу-стрит, где он постарается вернуть должок самому себе.

В тесном номере гостиницы «Бейли» едва хватало пространства, чтобы вместить железную кровать, — но та, к несчастью, не вмещала Уиллиса Пьюла. Ему вконец осточертело пинать ее спинку или застревать щиколоткой в железных прутьях. Газовая лампа у изголовья безбожно шипела и трещала, до того сильно воняя утекающим газом, что алхимику приходилось держать окно приоткрытым, подпирая поднятую створку стопкой книг. Пьюл не мог дожидаться того дня, когда сможет наконец распаковать свою библиотеку и расставить фолианты по полкам. Вот тогда он и приступит к настоящим исследованиям. Совершит великое открытие, предъявит миру свой гений.

Пьюл уставился на свое отражение в зеркале, подпертом другой книжной стопкой. Лечебная повязка не принесла ничего путного, разве что помогла остаться неузнанным. Даже в неверном свете газового ночника лицо его казалось воспаленным; кожа выглядела натянутой, почти лоснилась. Подобрав замусоленный том «Химического лечения» Эвглени, Пьюл перечел подробное изложение методов применения очищающих лицо лосьонов и не нашел в них ничего полезного. Одному богу известно, сколько различных

пластырей он перепробовал. В лучшем случае они сушили кожу. В этом все и дело, совершенно точно. Завидная емкость черепа Пьюла, избыток мыслительной деятельности перетягивали на себя жидкости из других отделов организма — отсюда сухая, шелушащаяся кожа на руках. Отвратительное состояние его лица вероятнее всего было платой за гениальность.

Вздыхнув, Пьюл снова повалился на скрипучую кровать, треснувшись локтем о стену и выругался. Такова его участь — всю жизнь провести в предавшем его теле. Временами Пьюлу казалось, что он прикован к огромному паразиту: растленный мешок плоти с чистой, чувствительной и в высшей степени разумной душой внутри. Проницательность, сквозящая в такой постановке проблемы, с легкостью могла бы вызвать восторг, но только не у него. Пьюл видел этот мир насквозь, и мало что могло его прельстить.

Пьюлу часто приходилось сетовать на обычную для гениев проблему: гениальность попросту не самоочевидна. Она явственно проступает в их трудах, однако Пьюл считал любой труд унижением человеческого достоинства. К чему марать руки? И потом, в современных достижениях нет ничего такого, что не представлялось бы очевидным, не было бы претенциозным. Всякий, кто наделен — или проклят — даром прозревать суть вещей, ясно видит пустоту за их хрупкими фасадами. Ему очевидны их фальшь и никчемность. Стоит избавиться

от романтической чепухи, и даже лучшие творения поэтов предстанут виртуозно расписанными декорациями, развешанными там и сям с целью скрыть подлинный облик мира, скучный и пустой.

Пьюл испустил очередной вздох и потерял кончик носа. Ах, будь он лишен этого горького дара... Чего стоит Нарбондо один! Горбун вдосталь мучил Пьюла, не скупясь на пустые обещания — и только. А кто устроил западню Кракену и отобрал у него ящик? Пьюл. Кто подготовил и осуществил изъятие Джоанны Сауткотт из могилы? Пьюл! Кто выкрал карпа из океанариума? Снова Пьюл! Нарбондо — лишь один из тех навязчивых, низкопробных, эгоистичных пустозвонов, что так любят надевать себя знаками воображаемой власти. Горбун неплохо устроился! Он путается под ногами, присваивает себе заслуги Уиллиса Пьюла, использует его в хвост и в гриву, а в итоге сбежит с изумрудом, оставив именно Пьюла объяснять судье, какой такой наукой они там занимались.

Пьюл нагнулся и, пошарив под кроватью, извлек на свет божий ящик Кибла, отобранный у человека, который попался ему в вагоне поезда. Уже в сотый раз встряхнул его, но ящик вновь не издал ни звука. Да что же там такое, гадал Пьюл. У этой коробки, похоже, вовсе нет никакой крышки. Возможно даже, что ящик специально устроен так, чтобы воспрепятствовать попыткам людей неосведомленных вскрыть

его. Он даже мог взорваться! На эту мысль наводили трубка и заводной механизм, прямо как у адской машины. Впрочем, изображенные на ящике звери, разодетые в людские костюмы, кажется, противоречили такой догадке — но разве забавные украшения не могли быть хитростью, отвлекающим маневром?

В оставшемся в лаборатории Нарбондо ящике хранился изумруд, так заверил их Кракен — в стельку пьяный Кракен, не стоит забывать. Но кто готов поручиться, что *этот* ящик не тот самый, с изумрудом? Эта ручка, возможно, и есть средство открыть его. Хотя, с другой стороны, ею может запускаться часовой механизм. Никто не станет изготавливать устройство, готовое взорваться в его собственных руках. Несомненно, ручка взводит часовую пружину до нужной степени сжатия, а та сама разворачивается, чтобы в итоге произвести подрыв заряда. Или нет? Кто скажет наверняка?..

Мозг Пьюла отвлекся, переводя мысли о часовом механизме ящика в аналогию его собственной жизни — жизни, напряжение которой, как ему казалось, тоже неуклонно ослабевало. Это следствие накопленных знаний, результат работы интеллекта... С ростом осознания человеком природы вещей эти самые вещи бледнеют, почти перестают существовать. Пружина мироздания не столько ослабла сама по себе, сколько стала выглядеть таковой в глазах Пьюла, который, если можно так выразиться, закрутил

пружину собственного восприятия до такого состояния, когда мир, за ненужностью сброшенный с плеч, почти исчез; и вот Пьюл стоит теперь на пустынной вершине холма, а простые люди спуют внизу, как жуки, как черви, почти или совсем не пользуясь сознанием.

Путь, лежавший перед Пьюлом, внезапно прояснился. Он достиг перекрестка — точки, где требовалось сделать выбор, совершить некое решительное действие. Спасение кроется в этом поступке. Пьюл подобрал ящик и, держа его перед собой, принялся медленно вращать ручку. Если в результате крышка отскочит на пружине, он узнает, что там внутри. В противном же случае останется заключить, что в ящике бомба — заряд динамита, возможно, — и тогда он просто отнесет эту штуку темными улицами в лабораторию Нарбондо. А попав туда — *если* только доберется благополучно, ведь эта штука вполне может рвануть по дороге, — он оставит ее на пианино взамен ящика Кракена. Если кабинет Нарбондо и все труды горбуна в результате взлетят на воздух, всю операцию можно будет счесть в высшей степени успешной.

«Потребуется гигантская сила воли, — размышлял Пьюл, — чтобы преодолеть весь Сохо с взведенной бомбой за пазухой». Детонация наверняка отправит к праотцам огромное число невинных людей, ну так что? С точки зрения вечности, чего стоят эти жизни? Разве он уже не установил со всей определенностью

их тождество червям и насекомым? Нет худа в том, чтобы наступить на нескольких, и стоит ли сожалеть? Что вообще может выглядеть преступлением в его глазах? Пусть лучше сами пожалеют об утрате Уиллиса Пьюла, так будет вернее.

Он в последний раз оглядел себя в зеркале, выгибая брови, чтобы тем самым усилить производимое впечатление природного ума и надменности. Решение принято. Титаническое усилие воли, которое сокрушило бы низшие создания, за считанные мгновения достигло своего пика и, приведенное в действие, уже не знало сил этого мира, способных противостоять ему.

Пьюл все быстрее вращал ручку. Он чувствовал растущее внутри ящика напряжение: пружина закручивалась все туже. Как и ожидалось! Мрачная улыбка растянула его губы: отскочит ли крышка, как у табакерки с чертиком, чтобы явить изумруд? Не был ли ящик Кракена лишь хитрой уловкой, предназначенной сбить их со следа? Пьюл приник ухом к выступавшей над передней панелью трубке — ему слышались щелчки сложного механизма. Он поднес ящик к лицу, надеясь получше рассмотреть его в падавшем сбоку свете газовой лампы. Сощурился, проследил за ниточкой отсвета внутри трубки, уходящей куда-то вглубь. Громкий щелчок, жужжание; охваченный внезапным ужасом, Пьюл отпрянул.

...или все-таки бомба?

В лицо ему ударила струя неведомого газа. Отплевываясь и кашляя, Пьюл швырнул ящик на кровать. Отравлен... Так и знал! Ящик снова зажужжал, и большое облако зеленой пыли с такой силой вырвалось из трубки, что, хотя Пьюл ничком повалился на пол, газ накрыл его целиком.

В панике откатившись, Пьюл врезался в стену под открытым окном. Стопка книг, удерживавшая створку в поднятом состоянии, полетела на улицу, и окно захлопнулось, наглухо запечатав комнату. Легкие Пьюла исторгли тонкий, испуганный, вибрирующий вопль, что лишь укрепило его уверенность в мгновенном действии отравы. Воздух в комнате уже окрасился синевато-зеленым. Он задохнется в ядовитых парах! Его одуррачили, коробка предназначалась горбуну. Предав Нарбондо, Пьюл навлек на себя эту жуткую кару, подписал себе смертный приговор.

Он дергал окно, сражаясь с рамой. Та не поддавалась. В панике оглянувшись по сторонам, он кинулся к двери, увидел пальто, висевшее на вбитом в косяк гвозде, сорвал его и накинул на плюющийся синевой ящик, чтобы хоть немного сдержать бьющий оттуда газ. Подхватил книги заодно с зеркалом и швырнул, что было сил, в упрямое окно, а затем высунул наружу голову и, жадно глотая ночной воздух, следил за полетом осколков стекла и книг с третьего этажа.

Грудь Пьюла вздымалась; в голове немного прояснилось; вернулись равновесие и способ-

ность соображать здраво. Конечно, ящик вовсе не является устройством для подачи отравленного газа. Способа, позволяющего верно рассчитать цепь событий, которые привели его на поезд в Харрогейте, не существует. Враги Пьюла не настолько умны. Значит, тут что-то другое. Возможно, он стал жертвой собственного усердия. Что, если, задумался он, в шкатулке действительно хранился изумруд и ей полагалось уничтожить камень при первой же неумелой попытке добраться до него? Может, комната теперь наполняла изумрудная пыль? Только на кой черт кому-то понадобилось мастерить такой ящик или заказывать его? Неужто безумец Оулсби предпочел уничтожить изумруд, лишь бы не дать нажиться вору? Или тут скрывается нечто большее? Вдруг Оулсби и сам был контрабандистом?

Ну конечно! А что, отличный способ: уж лучше уничтожить и развеять улики, чем позволить им оказаться в чужих руках. До жути остроумно, если так.

Пьюл выпрямился и вернулся в комнату. Праздные измышления ни к чему не приведут. Так или иначе, ящик теперь не представляет для него никакой ценности. Впрочем, пусть Нарбондо повозится с ним какое-то время, а вот ящик из лаборатории должен достаться ему. Пьюл обернул пальто тихо жужжавшую шкатулку, шагнул в открытую дверь и на лестнице налетел на взъерошенного хозяина гостиницы,

который начал было ему что-то выговаривать, но затем устался на него в немом ужасе.

— Будь ты проклят! — крикнул Пьюл, отодвигая мужчину в сторону и расправляя плечи, будто вознамерившись броситься на него с кулаками. Тот с окаменевшим лицом вжался в перила. Пьюл не унимался:

— На что устался, кретин? Бездушный недоумок!

Воздух свистел в горле у Пьюла. Он не мог дышать. Ему казалось, что лицо хозяина меблированных комнат «Бейли» раздувается, как воздушный шар; потрясение, сквозившее в глазах мужчины, свидетельствовало о прискорбном состоянии самого Пьюла. Кровь прилила к ушам алхимика. Сердце колотилось о грудную клетку. Лицо горело.

С рыком высвобождаемой ярости он, охваченный желанием избить владельца жилья до бесчувствия, обрушить ему на голову тяжелый ящик, руками-ногами вколотить в изогнутый просвет лестничных перил и увидеть, как тело валится вниз, в омут тридцати футов глубиной, пнул хозяина под ребра.

Лицо невольной жертвы вернуло себе подвижность. Хозяин гостиницы взвыл, и этот страшный звук заставил Пьюла бежать длинными прыжками вниз по лестнице, роняя через плечо всё новые проклятия. Какой-то старик выскочил на лестничную площадку из двери своего номера в явном намерении преградить Пьюлу

путь, но, едва завидев бегущего, в спешке ретировался. Лязгнул дверной засов. Спустившись, Пьюл выбежал из двери и этим застал врасплох двух едва подошедших к ней женщин. Обе завизжали в унисон; одна сразу осела в обмороке, вторая же метнулась к приоткрытой двери чулана, словно надеялась там спрятаться.

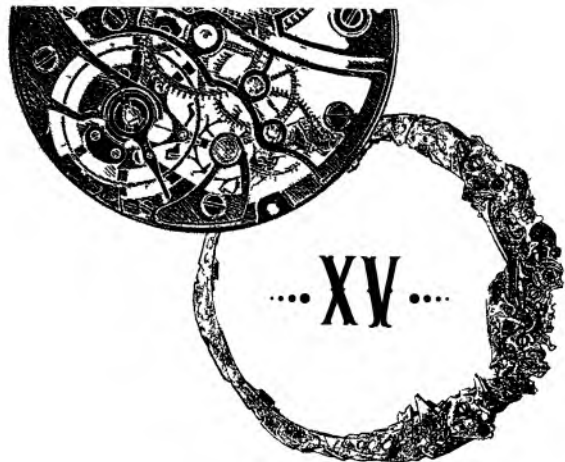
Пьюл заскрежетал зубами. Вот, враги уже падают пред ним. Да будет так! Никому не удастся его остановить. На улице он помчался со всех ног, летел сквозь черноту ночи, ни от кого не убегая и ни за чем не гонясь, — просто бежал с зажатым под мышкой ящиком, в окружении, как казалось ему, бесчисленного множества демонов. И вот, задыхаясь, весь в поту, Пьюл наконец умерил свой бег возле грязной таверны на Друри-лейн. Кучка завсегдатаев заведения уютно устроилась в сточной канаве, мечта монетки в мишень, мелком начертанную на мостовой. Внимания на бегуна они не обратили. Впрочем, когда Пьюл проходил мимо, брошенная монета отлетела от его каблука.

— Эй, друг! — окликнули его в раздраженном, обвиняющем тоне.

Пьюл развернулся. Мужчина изменился в лице, прохрипел невнятное проклятье и нырнул за отворенную дверь таверны. Остальные участники игры, подняв глаза, вскочили и дружно последовали его примеру; дверь захлопнулась с такой силой, что с ее петель на освещенную улицу осыпалась шелуха застарелой ржавчины.

И наконец изнутри донесся скрежет волочимых по полу столов и скамей, чьей задачей было подпереть дверь понадежнее.

Пьюл медленно повернулся и возобновил свой путь, сумрачно размышляя о мести, которую он уготовит им всем: удачно заложенная анархистская бомба в клочья разнесет и этих бездельников, и всех нахально ухмыляющихся торговцев карпами. Пьюл направлялся прямоком на Пратлоу-стрит.

ПЕРЕПОЛОХ НА ПРАТЛОУ-СТРИТ

Шилох, Новый Мессия, сидел, откинувшись к стене на дубовом стуле с прямой спинкой и опасно разболтанными ножками: столярный клей высох и рассыпался в пыль годы тому назад. Старик сидел, безмолвно медитируя, — за полчаса ни разу не шевельнулся. Шторка, скрывавшая маленькое святилище в дальнем углу комнаты, была отдернута: там, по соседству с миниатюрным портретом Джоанны Сауткотт, в своем стеклянном кубе возлежала голова самой уважаемой леди.

«Каждый сам несет свой крест...» — подумал Шилох и покачал головой от тяжести этой мысли. Вечернее собрание в Кенсингтон-Гарденс закончилось полнейшим провалом, о нем и вспоминать невыносимо. Все придется исправлять, другого

выхода нет. В конце концов, мы обязаны стараться ради своих матерей.

Из стеклянного куба послышался краткий стрекот — три-четыре щелчка, затем тишина. Искра жизни не совсем покинула голову. Видимо, какая-то частица ее уцелела и давала знать о себе через неравные интервалы; так пузырьки на стенках стакана воды по неким неявным причинам вдруг решают оторваться, всплыть к поверхности и там лопнуть. Было бы величайшим из чудес, рассуждал Шилох, если б во время одного из кратких возвращений в сознание мать заговорила бы с ним или подала хоть какой-то знак. Пробормотала бы внятную фразу, упомянула бы о скором приближении дирижабля. Однако, увы, ничего, кроме случайного клацанья высохших зубов.

Через час, когда луна скроется за крышами, наступившая темнота сослужит ему отличную службу. Шилох не сомневался, что горбун, как заведено, хлопчет сейчас в своей лаборатории на Пратлоу-стрит, где и останется до самого утра — или до того мига, когда грязные привычки разорвут его черное сердечко напополам.

Существовала, разумеется, и вероятность того, что Нарбондо успел унести ящик из комнаты; такой поворот многократно усложнит задачу заполучить вождеденную вещицу. Даже если так, стоит подумать и о костях его бедной матери — тех самых косточках, что он так безрассудно оставил на милость Нарбондо и его низменных опытов. Шилох содрогнулся, вспомнив о несчастных, не находящихся

себе покоя кистях ее рук. Он вынесет кости и саван в кожаном саквояже. Саван тоже можно поместить под стекло, в отдельную раку — наподобие той, где хранится Туринская плащаница. Верующие сами не свои до подобных мелочей, косвенно подтверждающих подлинность истинной реликвии.

Был ведь и такой случай: одна женщина с побережья Нормандии обладала крестьянской фетровой шляпой, на подкладке которой чудом оказался запечатлен нетленный образ Санто-Бамбино Арачельского⁴¹. Так в маленькой деревушке у Комбре специально выстроили часовню, и целых десять тысяч паломников явились туда, чтобы узреть шляпу или — за каких-то два франка — прикоснуться к ней. Пьяный моряк из Тулузы сдернул шляпу с постамента и нахлобучил на голову, которую тут же охватило пламя, обратившее в пепел и самого моряка, и реликвию. Неудивительно, что урна со смешанным пеплом начала ежегодно привлекать в полтора раза больше паломников, и по удвоенной цене! Тихонько посмеиваясь, проповедник извлек из примера парадоксальный вывод: даже отъявленные грешники способны принести пользу церкви. Хотя это и не освобождает их, разумеется, от необходимости гнить в преисподней...

Поднявшись со стула, он задернул шторку и устремился на свежий воздух. Послушный

⁴¹ Почитаемая католиками деревянная статуя младенца Иисуса (XV в.), до своего похищения в 1994 году хранившаяся в римской базилике Санта Мария д'Арачели.

каждому слову Шилоха обращенный стоял снаружи, бледен и молчалив; уже через пару секунд он рванул по Бакеридж-стрит за экипажем: проповедник проявлял нетерпение.

От обретения жизни вечной Шилоха отделяли какие-то несколько дней, и ему не терпелось дотянуться до нее. А также, что не менее важно, ускорить низвержение Нарбондо в геенну огненную. Проповедник расплылся в ухмылке, едва подумав о ругани и скрежете зубовном, что воспоследуют на рассвете, когда горбун притащится домой, вымотанный и разочарованный, сомневающийся в собственном рассудке и, не исключено, даже пострадавший от своих опрометчивых выходок. Тут-то Нарбондо и обнаружит, что лишился сразу и костей, и чудесного ящика, а вся его самодовольная кичливость не стоит и грошовой свистульки. Вывернувшийся из-за далекого угла брогам приблизился и встал у таверны, ожидая, пока Шилох заберется внутрь и устроится рядом с толстяком в тюрбане.

— Вытри свою поганую рожу! — рывкнул проповедник, с ужасом наблюдая, как тот размазывает по губам запекшуюся кровь. Невольно передернулся и, уставившись прямо перед собой, погрузился в раздумья, а брогам стучал по булыжникам, направляясь в Сохо, а точнее — на Пратлоу-стрит.

— Не собираюсь я с ними судиться! — запальчиво отвечал Сент-Ив. — Я намерен отлупить их до потери сознания. Что даст нам судеб-

ный иск? Что, во имя Господне, мы можем с них потребовать?

— Тут надобно хорошенько взвесить «за» и «против», сэр, если желаете знать мое мнение. Вломиться в чужое жилище — дурной поступок безотносительно расположения этого жилища или намерений взломщика. Боюсь, сэр, закон в этом отношении весьма категоричен. Ваш собственный довод также весом. Что мы представим *в свое* оправдание, сэр, если нас сочтут обычными ворами?

Сент-Ив шагал молча. Они взяли кэб до Чаринг-Кросс-роуд — достаточно далеко от цели поездки, как счел Сент-Ив, чтобы даже самый придирчивый следователь не сумел бы связать их поездку со всем, что бы ни случилось на Пратлоу-стрит; при том условии, заметьте, что власти внезапно заинтересует — вероятность чего стремится к нулю — происходящее в этой части города.

Он всем сердцем жалел, что ни Годелла, ни капитана не оказалось на месте в этот вечер: вне сомнения, оба отправились по каким-то совместным делам. Возможно, прочесывают Лаймхаус в поисках удравшего Билла Кракена. Придется Сент-Иву обойтись без их поддержки. В любом случае пропажа оксигенатора их не касалась, то была лишь его забота — его и Кибла, которому придется мастерить новый взамен утраченного, если Сент-Ив потерпит неудачу. Впрочем, едва ли стоило втягивать игрушечника в затею с ограблением. Это он, Лэнгдон Сент-Ив, по собственной глупой оплошности оставил

башню незапертой, а потом позволил Пьюлу ускользнуть, и не раз, а дважды: сперва из усадьбы, а потом и из поезда. Между тем удар следовало нанести тотчас же, пока железо из известной пословицы все еще горячо. Лавина странных событий набирала скорость, грозя потенциально катастрофическими последствиями. Паруса случайности быстро уносили Нарбондо и Пьюла на гребне некоей дьявольской, мощной волны — туда, где до негодеев нельзя будет дотянуться, если только Сент-Ив не выкажет проворство.

— Даже Тойнби и Кунц мало чем смогут помочь, — заметил он Хасбро, подавляя в себе нежелание прибегать к помощи властей.

— Во всем Ярде не найти лучшей пары следователей, — не согласился Хасбро. — Смекалка и решительность Кунца вошли в легенду, его побавляется весь преступный мир Лондона. Мне представляется, злодеев ввергает в страх один лишь его пристальный взгляд с прищуром. Добавьте к этому покрой его костюма. Если даже он не выследит Пьюла, не выследит никто. Вспомните, ведь это Кунц расследовал происшествие с Айседорой Пескано: то нашумевшее дело о червяке и вывернутом наизнанку табачном кисете. Его тетушка — близкая подруга моей сестры. Несомненно, мы могли бы встретиться с Кунцем нынче же вечером и изложить ему все обстоятельства.

Впереди неясно вырисовывался сумрачный перекресток с Олд Комптон-стрит — преобразенные густыми тенями обветшавшие строения,

скрытые во тьме неровные камни тротуаров. Замедлив шаги, Сент-Ив впервые спросил себя, что именно собирается предпринять. Чем больше он об этом думал, тем громче внутри него звучал голос безоговорочной веры в рассудительность Хасбро — той веры, которую упорная решимость вернуть прибор и покончить с Пьюлом временно отодвинула в сторону. Вообще говоря, предложение Хасбро не лишено здравого смысла. Если Сент-Иву удастся убедить Кунца взяться за их дело...

В задумчивости Сент-Ив остановился и, шагнув к стене ближайшего дома, скрылся в тени рассыпающегося крыльца. Спешка здесь неуместна, решил Сент-Ив. По меньшей мере, им следовало дожидаться возвращения Гodelла с капитаном. В каком-то смысле пропажа оксигенатора касалась и их, пускай связь не столь очевидна. Как там выразился Гodelл три дня назад, стоя под дождем? «Командный дух», нечто в этом роде. Тут он не ошибся: что, если каждый начнет прорубать в чащобе собственную тропу? Со всей неизбежностью он пересечется с остальными в каких-то потайных, надежно укрытых листвою уголках леса.

— Хасбро! — шепнул Сент-Ив. Гнетущая атмосфера пришедшей в запустение части города поневоле заставила его понизить голос.

— Сэр?

— Ты был прав с самого начала. Этот Кунц, где нам его искать?

— Он хорошо известен своим пристрастием к ракообразным, сэр. Вероятно, даже и в этот поздний час мы сможем найти его за поздним ужином в клубе с неподобающим названием «Пижонская креветка» близ Риджент-стрит. Боюсь, там у него сложилась дурная слава: задерживает поваров и официантов чуть не до рассвета.

— В таком случае давай заглянем в «Пижонскую креветку». Я узрел правоту твоих слов, Хасбро.

Но в этот самый миг Сент-Ив узрел и еще кое-что — тень человека, целеустремленно мчавшегося по противоположной стороне улицы в направлении лаборатории доктора Игнасио Нарбондо. Тень то выскальзывала из темноты, то вновь растворялась во мраке.

Не сговариваясь, Сент-Ив и Хасбро ступили на перекресток и, забыв о посетителях «Пижонской креветки», крадучись зашагали по тротуару туда, где таинственную фигуру поглотил дверной проем.

Оба молчали. Не было ни малейшего смысла высказывать вслух очевидные вещи: что-то назревало, и долг повелевал им окунуться в самую гущу неизвестного. Этим вечером изобретатель и его слуга пустились по следу тайны — а вот и она, таинственнее не придумаешь. Только и оставалось, что раскрыть ее.

Трясущийся от страха, подгоняемый недавно обретенной решимостью Билл Кракен обнаружил себя в полном одиночестве внутри темных

пределов лаборатории доктора Нарбондо. Странные шумы встретили его там: слабый всплеск ленивого карпа в стоящем на полу резервуаре, натужное сипение его собственного дыхания и оглушительный стук сердца, которое, кажется, готовилось лопнуть, подобно перезрелой сливе, прежде чем Кракен отыщет то, за чем сюда явился. В придачу к этому время от времени слышался тихий перестук — будто пригоршня костяшек домино падала в мешок.

Мраморная плита и рабочий стол Нарбондо пустовали: ни тебе готовых восстать мертвецов, ни обглоданных павлиний, расправляющих крылья. И вот на верхней крышке пианино Кракен увидел ящик Кибла — вернее, темный силуэт ящика в дрожащем свете принесенной свечи. Передвигаясь на цыпочках, он подкрался поближе. Незачем тянуть кота за хвост — в треклятой лаборатории его ничего больше не интересовало. Кракен просто схватит ящик и уберется тем же путем, каким явился. Если на лестнице он расслышит шаги поднимающегося доктора или Пьюла, то взбежит потихоньку на площадку верхнего этажа и дождетсЯ, чтобы они вошли в лабораторию, а уж потом удерет на улицу.

Кракен вглядывался в темноту, со страхом ожидая, что Нарбондо опять застанет его врасплох, неожиданно высунувшись из тайного прохода за стеной панелью. Что и говорить, Кракену совсем не улыбалось сражаться с доктором или его тошнотворным помощником. Но тайную-то дверь

не запрешь! А вот обычную... Из-за столика, за которым некогда поедали павлинью курочку, он подтянул к себе стул и подпер дверную ручку его спинкой, хорошенько подержав для вящей надежности.

Вытянув руку со свечой в направлении ящика, Кракен отправил танцевать на стенах трепещущие тени. Прямо перед ним, где и упала, лежала горка жутких, лишенных черепа останков Джанни Сауткотт, и это зрелище понудило Кракена обмереть, обратило его в согбенную каменную статую с выпученными глазами. Прямо у него на глазах кости встрепелулись, начали было сползаться вместе, но затем, издав стук рассыпаемых костяшек домино, вновь осели, затихли беспорядочной кучей.

Кракен сунул в карман трясущуюся руку, нашарил флагу с джином и обжигающей ароматной струей вылил себе в горло добрую половину ее содержимого. Останки предприняли новую попытку собраться, однако с прежним успехом: одна из вывернутых кистей шустрым крабом забегала было по полу, но — как и все прочие кости — вскоре обмякла, словно в изнеможении.

Кракен поклялся больше не смотреть туда. Так будет лучше. Даже если скелет сумеет подняться, он с легкостью убежит от него или покрошит в щепы кочергой, лежавшей теперь на каминной полке. Да будь он проклят, если позволит запугать себя кучке старых костей. Сделав последний, солидный глоток джина, Кракен скривился и потянул с пианино ящик. Повернувшись, шаг-

нул к двери и в ужасе увидел, что дверная ручка поворачивается — медленно и беззвучно. Услышал нетерпеливое шарканье переступающих ног и разглядел над порогом оранжевую полосу тусклого света от потайного фонаря.

Стараясь не совершать резких движений, Кракен попятился к дальней стене. Что, если это Уиллис Пьюл? Или даже сам Нарбондо? Тут ему и конец, это точно, как и всем надеждам восстановить свое доброе имя в глазах капитана Пауэrsa и бедного Джека Оулсби. Кто бы ни стоял за дверью, борьба с упрямой ручкой шла уже нешуточная: ее немилосердно дергали и выкручивали, отринув всякие попытки обойтись без лишнего шума. Полетели проклятия, исторгаемые безошибочно узнаваемым высоким голосом Уиллиса Пьюла. Нижней части двери отвешивались крепкие пинки.

Свободной рукой Кракен зашарил по дальней стене, пытаясь нащупать подвижную панель, скрывавшую путь к спасению. Он тряс каждую вверх и вниз, всхлипывая и едва дыша, а в дверь за его спиной уже барабанили; по полу царапали ножки стула.

С пугающей внезапностью гладкая панель отошла внутрь, постояла и медленно затворилась вновь. В отчаянии Кракен ударил в нее плечом и влетел в холодный и пыльный коридорчик. Огонек наклоненной свечи утонул в растопленном воске, а панель начала медленно закрываться.

Кракен лежал на пахнувшем плесенью грязном полу, сдерживая свистящее дыхание и сквозь сужавшуюся щель наблюдая за тем, как подпиравший дверь стул опрокидывается, а в лабораторию макушкой вперед вваливается Уиллис Пьюл. Наступила полная тьма, но и сквозь закрытую панель был очень даже хорошо слышен чей-то гневный окрик и сразу за ним — даже более громкий, безумный вопль Пьюла. За треском ломаемых стульев, громогласной руганью и внезапно раздавшимся оглушительным выстрелом последовала звонкая тишина. Кракен хлопал себя по карманам, пытаясь отыскать спички.

При звуке выстрела Лэнгдон Сент-Ив и Хасбро застыли на месте, так толком и не приступив к подъему. Более предпочтительным вариантом было бы остаться на улице, но оба осторожно вошли и сделали пару-тройку шагов по лестнице. Ведшая в проулок дверь черного хода была наглухо заколочена: любым ворами, кем бы те ни являлись, придется выбираться из дома через парадный подъезд. Представлялось мало полезным бежать наверх и врываться без оружия в помещение, полное отчаянных головорезов. Куда проще подождать внизу и решительно преградить путь всякому, кто покажется на пороге с ящиком в руках. Чьи коварные происки привели сюда проповедника, ничуть их не касалось.

Прозвучавший выстрел заострил тайну. Возможно, этим вечером Годелл был занят воплоще-

нием своего плана свести всех негодяев вместе; сейчас они, похоже, увлеклись истреблением друг друга. Где-то наверху хлопнула дверь. Прогремел второй выстрел, кто-то взвыл от боли. Дверь громыхнула о стену, раздались дикие крики.

Следуя примеру Хасбро, Сент-Ив развернулся и поспешил сбежать по тем немногим ступеням, на которые оба успели подняться. Уже на нижней площадке, у самого выхода, Хасбро рывком распахнул дверь в крохотную комнату — немногим больше стенного шкафа, — и оба втиснулись туда, чтобы, прикрыв дверь, тем не менее обеспечить себе обзор нижних ступеней лестницы сквозь оставленную узкую щель. По упомянутым ступеням не замедлил кубарем скатиться отчаянно завывавший Уиллис Пьюл; ничком рухнув у подножия лестницы, он так и остался лежать.

Из своего укрытия Сент-Ив едва мог различить лицо упавшего, но уже осознал, что с ним что-то не в порядке. В скудном свете, пробивавшемся в открытую дверь с улицы, кожа Пьюла обрела жуткий оттенок мертвенной зелени, словно ассистент Нарбондо пал жертвой какой-нибудь редкой тропической болезни.

— Что за... — начал Сент-Ив, с ужасом вглядываясь в изуродованное лицо, когда прямо позади него, за панельной стеною кладовки, вдруг раздались отчаянный стук и исполненные мучения стоны. Отпрянув с невольным криком, Хасбро пихнул Сент-Ива в спину, и оба пулей вылетели бы

на площадку, если бы дверь не удерживало на месте распростертое тело Пьюла.

Вцепившись пальцами в плечо перепуганного Хасбро, Сент-Ив осознал, что вопит что есть мочи прямо в ухо своему слуге, и тут дубовая панель медленно отошла в сторону, явив их взорам ужасающий, чудовищный, безглазый лик шатающегося, еле стоящего на ногах мертвеца; его мокрые, свалаявшиеся волосы торчали во все стороны уродливой пародией на изображения святых. Сент-Ива и Хасбро окатило гнилостной вонью разлагающейся плоти, и над плечом первого трупа поднялось второе мертвое лицо. Рты обоих хлюпали, находясь в непрерывном движении: ни дать ни взять, две коровы, перетирающие жвачку.

Позади этих тварей мелькнул свет, открыв невообразимое сборище приплясывающих призраков, среди которых с выпученными глазами стоял, застыв на полушаге, Билл Кракен, и сам довольно схожий с трупом; пронзительный, нечеловеческий визг рвался из его раскрытого рта. Хрипя klo-кочущим горлом, первый упырь поднял руки и, растопырив пальцы, повалился вперед — точнехонько в Хасбро. Сент-Ив отлетел к заклиненной Пьюлом двери, безжизненное тело которого немного сдвинулось, открывая щель пошире. Сент-Ив поднажал, понукаемый стонами упыря у себя за спиной. Хасбро потянулся вперед, мимо него, и обрушил на дверь оба кулака: Пьюл сдвинулся еще немного. Сент-Ив уперся плечом — и дело

пошло было на лад, когда на ступенях лестницы показалась занятая троица: самозванный мессия Шилох в сопровождении еще двоих мертвецов — толстяка в тюрбане и безухого.

Старик спускался, держа в одной руке ящик Кибла, а в другой — раскрытый кожаный сак-вояж, полный истлевших костей. Проповедник замедлил шаг, недоуменно покосился на застрявшего в щели Сент-Ива, стиснутого толпою бормочущих зомби, и шикнул на своих спутников. Вместе навались на дверь, те с легкостью затворили ее, не слушая громких протестов Сент-Ива, и заново подперли, подкатив к ней распростертого Пьюла. Раздосадованный Сент-Ив развернулся и увидел, как Хасбро отчаянно отбивается сразу от нескольких упрямо ковыляющих вперед трупов на разных стадиях разложения, которые бесцельно дергались и приплясывали на манер управляемых безумным кукольником марионеток. Нащупав ногами хоть какую-то опору, Сент-Ив бросился на закрытую дверь и понемногу, дюйм за дюймом, вновь отодвинул Пьюла в сторонку. Протиснулся наружу, но в спешке споткнулся о ноги лежащего и влетел в стену напротив. Через мгновение к нему присоединился и сопящий, скрюченный в три погибели Хасбро.

В просвете между дверью и косяком показались две руки. Потом плечо, потом нога — и вот уже два упыря стараются одновременно просочиться в узкую щель. Сент-Ив уперся ногой в дверную ручку и поднажал, решив не выпускать вяло

сопротивлявшихся тварей из кладовой. Но вспомнил о несчастном Кракене и, как ему показалось, услышал донесшийся изнутри придушенный, но явственно различимый крик. Тогда Сент-Ив оставил свои усилия и занялся распростертым на полу Пьюлом. В мгновение ока он освободил дверь, оттащив бесчувственного помощника Нарбондо в сторонку, а сам вместе с Хасбро взбежал по лестнице. Из кладовой хлынул настоящий поток живых мертвецов — хромая, подсакивая или ползком они выбирались наружу, торопясь скрыться в непроглядной ночи за парадной дверью дома. Среди них, крепко зажмурившись и бессвязно бормоча, словно и сам был таким же упырем, вышагивал Билл Кракен.

— Останови его! — выкрикнул Сент-Ив, но и Хасбро был бессилен перехватить целеустремленного изучателя философии, который под защитой живых трупов выбрался на улицу и шустро засеменял прочь, не выпуская из рук ящик Кибла. Хасбро и Сент-Ив последовали за ним, но быстро отстали, зажатые плотным потоком мертвецов, часть которых тут же утратила способность ходить: один рухнул прямо на крыльце, другой — у обочины, третий же — на брусчатке мостовой, разведя дергающиеся ноги, как лезвия ножниц, словно пытаясь бежать сразу в двух направлениях.

Из-за угла, высекая из мостовой искры и стуча колесами, как курьерский поезд-экспресс, показался бροгам проповедника. Набрал скорость, он

промчался по середине улицы, раскидывая упырей по сторонам, будто кегли. Из распахнутой настежь дверцы свешивался один из обращенных Шилоха в сбившемся на сторону тюрбане. Он так и болтался там, чудом удерживая равновесие, пока брогам не заложил новый поворот; тут покойник в тюрбане вылетел на мостовую и, прокатившись по брусчатке, затих в сточной канаве у обочины. Опечаленный Сент-Ив следил за тем, как вдали исчезает экипаж, увозящий оксигенатор. Одному богу ведомо, за что принимал его Шилох.

Сзади, от перекрестка, где совсем недавно проехал брогам, донесся чей-то окрик. Прихрамывая, сюда медленно приближались Теофил Годелл и капитан Пауэрс, причем капитан зажимал ладонью окровавленное плечо.

— Боже, он ранен! — непонятно зачем возопил Сент-Ив, даже не задавшись вопросом, какому чуду обязан тем, что его друзья оказались именно здесь и именно в это время. Они с Хасбро одновременно подбежали к членам клуба «Три-мегист» и, к счастью, обнаружили, что плечо капитана лишь легко оцарапано пулей, которую наугад выпустил старый проповедник, когда эти двое попытались остановить брогам, перехватив у кучера вожжи.

Часом позже вся честная компания расселась по креслам в лавке капитана. Общій запал еще не иссяк, и Сент-Ив узнал наконец, что именно скрывал в себе второй ящик Кибла. В свою

очередь, изобретатель обрисовал, как вконец обезумевшему от боксерского поединка с живыми трупами Кракену удалось воспользоваться суматохой и вторично удрать в Сити.

— Выходит, — пробормотал Сент-Ив, — парень украл именно это...

Он покачал головой.

— Вам не кажется, что все началось задолго до той самой ночи, когда Кракен оказался заперт в тесном проходе с целой оравой оживших трупов? Не приходится удивляться, что он нес полную галиматью, словно сумасшедший.

Горестно покивав в ответ, Годелл рассказал Сент-Иву, как развивались события на протяжении трех последних дней.

— Мне было известно, — добавил он, — что в этот дом доставлялось немалое количество мертвых тел. По-видимому, Нарбондо превратил тайный ход в некое подобие импровизированного склада. Интересно, впрочем, что все мертвецы ожили разом. Это действительно странно.

— «Беги без оглядки» — вот мой девиз, — улыбнулся капитан, с осторожностью потирая пострадавшее плечо.

Хасбро покачал головой.

— Настоящий подарок газетчикам, — с горечью сказал он. — Мы разворошили прелюбопытное осиное гнездо, но пока так ничего и не добились.

Никто в лавке не мог этого отрицать; усталые и голодные, они сидели в уютных креслах, щурясь

на первые лучи рассвета в быстро светлеющем утреннем небе. В который раз это дело удручающе осложнилось, а неудача, постигшая друзей на Пратлоу-стрит, несколько пригасила радость встречи Сент-Ива с Нелл Оулсби; прошлый раз они виделись пятнадцать лет назад...

Появление в табачной лавке знатока пищеварительных трактов Парсонса, постучавшего в дверь несколькими часами позднее, не слишком подняло настроение Сент-Иву. Он клял себя за то, что поведал академику о возможности связаться с ним, оставив записку в лавке Пауэрса; полчаса отборной лжи потребовалось на то, чтобы отговорить академика от намерения нанести игрушечнику Киблу немедленный визит. Даже принесенная Парсонсом весть о том, что в небе над Лимериком замечен дирижабль Бердлипа, по длинному полуэллипсу огибавший западное побережье Ирландии и нацеленный, в чем никто из академиков не сомневался, на Лондон, — даже она лишь добавила путаницы и суматохи без того сумбурному утру.

Всем им казалось, что прибытие Бердлипа неким образом послужит естественной кульминацией того клубка интриг, в который они оказались впутаны, и что появление дирижабля — темной крапинки далеко в небесах — поставит жирную точку в этой истории, ознаменует собою конец их беспорядочных, равно как и бесплодных, попыток расправиться с целым полчищем разномастных драконов.

Минули долгие часы после рассвета, и улицы давно пробудились, когда в дверь громко и весьма настойчиво постучали, встряхнув Сент-Ива, который мирно дремал в своем мягком кресле. Его соратники между тем бодрствовали, предлагая и отвергая всё новые планы действий. Хасбро распахнул дверь — на пороге лавки стояла Унифред Кибл, осунувшаяся и взъерошенная.

— Джек очнулся! — объявила она, развернувшись и поспешила назад, через улицу. Члены клуба «Трисмегист», почти в полном составе, похватили свои плащи и кинулись следом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БИЛЛА КРАКЕНА

Уиллис Пьюл вынырнул из беспмятства единым рывком; где-то неподалеку капала вода, и все существо алхимика сковывал промозглый, одуряющий холод. Кажется, он лежал, вытянувшись во весь рост, на какой-то каменной плите или на тротуаре, и долгое пребывание в этой позе, похоже, заставило его мышцы одеревенеть. Когда Пьюл рискнул шевельнуться, его тело целиком взвыло от острой боли.

Пьюл приоткрыл глаза: высоко над ним раскинулся сводчатый, как в соборе, потолок серого камня. Тихо шипели газовые лампы — каждая в желтоватом ореоле тусклого света, — но вся нижняя часть помещения тонула в сумраке. Поначалу зал выглядел огромным — гигантский

каменный чертог, высеченный, похоже, прямо в скале. Морщась от пульсирующей головной боли, Пьюл выгнул шею: нет, комната не столь уж велика и сложена из обычного тесаного камня. Вдоль одной стены протянулся рядок больших фарфоровых моек, а дальше стояли застекленные деревянные шкафы, за открытыми дверцами которых виднелись футляры с разнообразными хирургическими инструментами: скальпелями, костными пилами и зажимами. «Я попал в больницу, — апатично подумал Пьюл. — Только что это за больница такая, где пациентов замораживают, да еще и требуют, чтобы те спали на гранитных матрасах?»

Другая стена представляла собой секции выдвижных ящиков, установленные друг на друга, вроде огромных каталожных шкафов. Один из таких ящиков был немного выдвинут, и с него свешивалась голая нога с желтым ярлычком, подвязанным бечевкой к большому пальцу. «Это вовсе не больница, — с внезапной ясностью осознал Пьюл. — Я в морге». Выходит, он умер. Но этого просто не может быть, так? Верно, тело у него холодное, точно лодка сборщика устриц, у мертвых так принято, но мертвецы-то этого осознавать не должны! Объятый ужасом, Пьюл решил, что действительно умер, а доктор Нарбондо воскресил его ради некоей недостойной цели.

Он еще помнил, как схлестнулся с престарелым проповедником: выстрел, рукопашную

на площадке, толчок и падение с лестницы. Только полет, не более, приземление в памяти не удержалось. Но Пьюл точно приземлился, да еще как: прямо на прозекторский стол, посреди целой армии мертвых тел, большинство которых были выложены в длинный ряд на полу.

Оставалось неясным, насколько безнадежно его теперешнее положение. Пьюл рылся в памяти, пытаясь сообразить, найдутся ли у полиции основания для ареста. Таковых не обнаруживалось. Правда, он пнул в живот хозяина своей гостиницы, разбил окно в номере. Но при нем нет бумаг, подтверждающих личность, — значит, и в этом обвинить его не смогут. Пьюл жив и свободен — это, по крайней мере, сомнений не вызывало. Но как, во имя всех святых, он угодил в морг и какая катастрофа могла погубить столько людей? И почему, о Господи, почему его руки выкрашены зеленым?

Голова мертвеца на ближайшем к Пьюлу столе была повернута в его сторону: рот приоткрыт, застывшие глаза обличающе распахнуты. Пьюл уставился в ответ; ему начало казаться, что они были знакомы с этим типом, где-то он уже видел его лицо, и выглядело оно точно так же. Ну, еще бы! Не более двух недель тому, на Вестминстерском кладбище. Пьюл уселся, чуть не лишился чувств и вновь прилег, тяжело дыша и отирая ладонью ледяной лоб. Вторая попытка оказалась успешнее: он перебросил ноги через край плиты и посидел немного, уткнув голову

в колени, — свист в горле и громоухание в ушах унялись довольно быстро.

Подняв голову, Пьюл сощурился на ряд мертвецов, словно дожидавшихся очереди на повторное погребение. Каждый из них, до последнего, попал сюда из хранилища Нарбондо. Вот женщина, выловленная из Темзы; вот ребенок, сбитый на улице фургоном; вот недавно повешенный фальшивомонетчик со сломанной, вывернутой шеей — этого выкрал с плахи тот самый землекоп, что бросил Пьюла в памятную ночь похода за останками Джоанны Сауткотт. Как они здесь оказались? Неужели кто-то обнаружил тайный проход за стенами? Это значит, Нарбондо скоро лишится свободы — да и самой жизни, если только его схватят. И что тогда станет с ним, с Уиллисом Пьюлом? Стоит Нарбондо оказаться за решеткой, и Пьюл моментально последует за ним.

Во всем морге никого. Пьюл соскользнул со стола и встал во весь рост, покачиваясь, едва не теряя сознание. Согнулся, опустил лоб на холодный камень столешницы и, немного постоив, повернулся и заковылял прочь. М-да, если за Пьюлом погонятся, далеко ему не убежать. По пути к дверям ассистенту доктора Нарбондо пришлось миновать вереницу глазевших на него покойников — половина лишилась сомнительного удовольствия обратиться в веру церкви Нового Мессии, а второй половине уже не оказаться в фабричной кабале под началом у Келсо

Дрейка. Да, лучше, пожалуй, быть преданными земле: в загробном мире как-то поспокойнее.

Пьюл постоял перед выходом, вглядываясь через порог в тускло освещенную приемную, где, спиною к нему, что-то писал за столом одинокий служитель. Попятившись назад, Пьюл вернулся к шкафам и тихонько порылся в медицинском хламе, пытаясь нащупать хоть какое-то оружие. Ладно, сойдет и костная пила. Мгновением позже Пьюл оказался у двери, толкнул ее и под протяжный скрип выскользнул наружу.

Вдали обнаружился стол, и человек, сидевший за ним, лениво повернул голову на звук — видно, ожидал увидеть вернувшегося с ужина напарника или что угодно еще, но явно не ходячего мертвеца с жуткой гримасой на зеленом лице, который шатко приближался, размахивая пилой для ампутаций. К тому же мертвец явился напрямик из морга, куда угодил с лондонских улиц, полнящихся зловещими слухами о живых трупах.

Мужчина приподнялся со стынувшим на губах криком, и Пьюл, бросившись к нему, наотмашь полоснул пилой, чье полотно почти сразу лопнуло от удара о спинку стула. Пьюл отшвырнул сломанный инструмент в сторону, подхватил с толстой стопки бумаг хрустальное пресс-папье и метнулся вслед за окровавленным служителем морга, успевшим открыть вторую дверь и вопившим что-то нечленораздельное в темноту вестибюля. Пьюл вслепую обрушил ему на голову тяжелое пресс-папье; служитель покачнулся

и упал. Тогда Пьюл и увидел, что в руках у него осталась лишь половина орудия: проломив служителю череп, кусок хрусталя и сам раскололся надвое.

Пьюл выронил обломок на пол, перешагнув через убитого и вскоре уже брел сквозь лондонскую ночь, направляясь на Уорддор-стрит, где развлекавшийся в борделе Игнасио Нарбондо даже не догадывался о нависшей опасности. Горбун посулил ему Дороти Кибл в качестве награды, если вылазка в Харрогейт окажется успешной. Ничего, успех — вещь относительная. У Пьюла обманом отняли изумруд, отняли его мечты, но еще до конца дня он вернет все то, что по праву принадлежит ему.

Уильям Кибл сидел в углу комнаты: на столе нетронутый бокал бренди, голова опущена на руки. «Да он просто раздавлен», — подумал Сент-Ив, проклиная себя за то, что прохлаждался в Харрогейте, пока в Лондоне похищали Дороти Кибл. Поднявшееся уже довольно высоко солнце роняло в полутемную комнату полосы лучей. Кибл поднялся, намереваясь запахнуть шторы плотнее, вернув любезный ему сумрак, но оказавшаяся более проворной Уинифред раздернула их до конца, впуслав в гостиную сияние весны.

— Хватит с нас мрака, — просто сказала она. — Ничто не мешает обсудить это дело при свете дня: ничуть не хуже, чем в темноте.

— Тут не в чем разбираться! — крикнул бедняга Кибл в полнейшем отчаянии, усугубленном двумя бессонными ночами. — Не будь я так по-ослиному упрям с этим двигателем, уступи я Дрейку, Дороти была бы сейчас с нами, разве нет? И Джеку не проломили бы голову, точно арбуз, правда? Кому из нас помешало бы, если бы Дрейк смог умножить свое состояние? Мне или кому-то из вас?

— Нам всем стоило... — начал Теофил Годделл, всплывая из окутанных табачным дымом глубоких раздумий. Но Кибл, как видно, не был склонен к здоровым рассуждениям, к всестороннему и тщательному анализу. Он словно провалился в себя и сидел теперь, тыча пальцем в некий медный шар размером с грейпфрут; каждый тычок сопровождался появлением с противоположной стороны шара каучуковой головки улыбающегося человека с огромными ушами. Всякий раз над шаром поднимался дымок и сыпались искры.

Вид этого механизма слегка смутил Сент-Ива, напомнив изобретателю о странном наборе порнографического хлама, который вывалился из недр упавшей конторки в доме терпимости на Уорддор-стрит. Как подобная мысль могла мелькнуть в его голове — вопрос, достаточно интересный сам по себе. Неужели это свидетельство неких сбоев в работе его собственного, вконец проржавевшего регулятора подачи нравственности и морали? Сент-Иву следовало выпасться. Подобные умственные экзерсисы

следует списать на простой недостаток сна... Но тут он вспомнил! Вещица, которой так невинно забавлялся Кибл, как раз и была тем странным устройством, до которого пытался дотянуться старый проповедник и которое отобрал у него лакей.

— Что за фокусы? — с показным равнодушием осведомился он, кивнув на шар с выскочившим оттуда ухмыляющимся человечком.

— Дурацкая безделица, которую вчера оставил у нас Дрейк, — объяснила Уинифред Кибл. — Бог весть что это. Знай я все то, что успел рассказать Джек, швырнула бы эту штуку прямо ему в лицо. Но увы...

— Келсо Дрейк? — пробурчал Годелл, поднимаясь на ноги. — Это он оставил?

— Спросил, сможет ли Уильям изготовить ему сотню точно таких же, и хохотал при этом как слабоумный. Дрейк совершенно безумен, если хотите знать мое мнение. Но не удивлюсь, если в шаре скрыта какая-то темная подоплека, которую я попросту не вижу, — с этими словами Уинифред вышла на лестницу и направилась этажом выше, в спальню Джека, у постели которого сейчас дежурила его родная тетка, Нелл Оулсби.

Годелл подался к уху Сент-Ива:

— Не нравится мне все это, — шепотом доложил он.

— Вы об этом устройстве? — переспросил Сент-Ив.

— Именно. Явно доставлено из Франции.

— Вот уж не думал, — сказал Сент-Ив. — И для чего оно используется?

Но Годелл лишь хмуро покачал головой — так, словно в благородном английском напрочь отсутствовали слова, способные приоткрыть неприглядную истину.

— Лучше забрать это у Кибла. Если капитан Пауэрс, проснувшись, увидит эту... в общем, он слишком добр, прямодушен и неиспорчен, чтобы стерпеть такое. Ему сразу захочется вышибить из кого-нибудь дух, и он это сделает, поверьте, с целым плечом или с пробитым.

— Да что еще за... — начал Сент-Ив, вновь уставясь на странную вещицу, покрытую, как он теперь заметил, небольшими выступами, среди которых, по обеим сторонам шара, имелись и ставни крохотных амбразур, каковые, сдвигаясь в сторону, открывали взору стеклянные глазные яблоки, с равнодушием глядевшие изнутри. Кибл опять ткнул «грейпфрут» пальцем, вызвав появление человечка: дым и искры так и валят из торчащих слоновьих ушей, из эластичных губ куклы со свистом вырывается воздух, глаза бешено вращаются, — но уже через мгновение кукла исчезла, втянутая обратно шаром. Ставни задвинулись, искры погасли. Изделие французских умельцев тихо лежало на столе, безмолвное и коварное.

Не скрывая своего отвращения, Годелл вновь покачал головой.

— Их называют «марсельские мизинчики». Не сомневаюсь, вы в состоянии вообразить, что это за штука. Только излишества южного климата могли породить такое.

— Вон оно что, — протянул Сент-Ив, поражаясь своей оторванности от жизни.

— К счастью, Кибл и понятия не имеет об их предназначении. А ведь еще в прошлом веке подобные предметы имели довольно широкое хождение. Когда юные особы из благородных семейств Франции и Италии бывали похищены с целью обращения в «белое рабство», такие вот шары подкидывали в дома их родных — это означало, боюсь, что никакой выкуп не поможет вернуть несчастных. Даже самые жестокосердые аристократы, по слухам, впадали в безумие, получив «мизинчик», и трагически покрывали себя позором: не могли остановиться, теша себя выходками этих шутовщин, невзирая даже на горе. Конечно, в нашем случае исходный смысл искажен. Этот шар — не что иное, как свидетельство непомерных размеров порочности и тщеславия Дрейка; скорее всего миллионер попросту вознамерился в некоей иносказательной, извращенной форме высмеять привязанность бедняги Кибла к игрушкам. И возможно, совершил ошибку. Думается, эта вещьца сможет подсказать нам, где искать Дороти.

Но прежде чем разговор продвинулся еще хотя бы на дюйм, раздался ужасающе громкий стук в двери, которые, будучи распахнуты из-

умленным Теофилом Годеллом, явили всем мывшегося на пороге Билла Кракена.

— Кракен! — ахнул со своего кресла Сент-Ив, но отозваться Билл уже не сумел: как подкошенный, он ничком рухнул на ковер.

Сент-Ив и Годелл бросились к нему, и даже капитан Пауэрс, разбуженный выкриком Сент-Ива, склонился помочь. Представлялось вполне вероятным, что внезапное появление Кракена могло означать полное возвращение к нему рассудка.

— Дайте ему воздуха, парни, — проворчал капитан, переворачивая упавшего и ослабляя узел грязного платка на его шее. Годелл чуть приподнял голову Кракена, и Пауэрс влил ему в рот, приоткрытый Сент-Ивом, прибегнувшим к методу растяжения щек, тонкую струйку бренди.

— Проклятье, — поморщившись, тихо выругался капитан. — Да он же весь покрыт невозной жижей, как я погляжу! Стащите с него эти ботинки и бросьте за дверь.

Бренди между тем оказал поистине живительное действие: Кракен очнулся, не успел Сент-Ив управиться со шнурками его башмаков. Подкрепив силы добрым глотком эликсира, он жестом отстранил Сент-Ива и разулся самостоятельно. Специфический душок частично ослаб, но тем не менее Кракена заставили снять, одну за другой, все прочие части его облачения, усадили в оцинкованную ванну, и капитан лично вылил ему на голову ведро теплой воды. И лишь после этой вынужденной процедуры укутанный

в несколько шалей Билл вновь превратился в человека, чью компанию можно было счесть подходящей. А зловонную одежду Кракена незамедлительно предали огню.

— Ну так вот, — обратился он к собравшимся, включая и Уинифред Кибл, которая спустилась в надежде узнать что-то новое о судьбе дочери, — наконец-то я пришел в себя. Все из-за них, мертвецов этих самых, я полагаю; «шоковое состояние», так это кличут. Ежели вы еще не в нем, то такое зрелище точно вас туда вгонит. А ежели у вас мозговое воспаление или еще что, тогда зрелище сплошных мертвецов даст противоположное действие. Исцеление, проще говоря. Я самолично это исследовал, как только вышел из «Джорджа и Пигмея» — там, в Сохо. Как мне потом рассказали, я что-то орал про мертвецов, шаркающих вдоль стен, когда мне вдруг влупило по затылку свалившейся с полки пинтовой кружкой. Тут я и пробудился, точно был не в себе с того прошлого раза, когда мне надавали по голове с неделю тому назад. Вроде как в тумане, понимаете? Даже выпивка не помогала, а по трезвости и того хуже. Вот тогда я и ушел с капитановым ящиком — не спрашивайте почему. Сам не знаю. Я сквозь ад прошел, джентльмены, но теперь вернулся. После всех этих мертвецов кружечка в «Пигмее» была точно опохмельный стакан. «Выпустите меня, — говорю я им. — Подскажите дорогу!» И иду как по нитке

и не останавливаюсь до самой Уорддор-стрит — вам этот дом известен, сэр.

Здесь Кракен кивнул Сент-Иву, который, разумеется, знал тот дом.

Воспользовавшись паузой, они попытались разбудить Кибла, который похрапывал в своем кресле и даже не ведал о пришедшемся так кстати возвращении Кракена. Сон мастера-игрушечника оказался, впрочем, столь крепок, что все старания были тщетны.

Кракен был в ударе. «Совсем как прежний, — глядя на него, думал Сент-Ив, — а вовсе не тот измученный, печальный Кракен, который только в прошлый четверг шатался туда-обратно по лавке капитана Пауэrsa».

Сент-Ив с изумлением выслушал его странную повесть о том, как, скорчившись в потайном коридоре лаборатории Нарбондо, он подслушал диалог Пьюла с Шилохом. Пьюл предложил вручить проповеднику имевшийся у него ящик Кибла в обмен на услугу: старик должен был помочь ему уладить отношения с Дороти Кибл, то бишь использовать свое влияние и устроить Пьюлу, так сказать, свидание с нею в доме Дрейка на Уорддор-стрит. И в ответ услышал гневную отповедь: всё про грехи да проклятия. Потом началась пальба, и Шилох сказал, что *забирает* ящик себе, большое спасибо. Тогда Кракен пополз в глубину потайного хода, где оказалось полно мертвяков с кладбищенской глиной в волосах, и многие уже ворочались в свете огарка,

и вставали, и гнались за ним, покуда он совсем не спятил, и тут...

— Одну минуту! — насупясь, воскликнул Сент-Ив. — Пока ты туда не вполз, трупы лежали спокойно?

— Точно так, босс. Все мертвы, как селедка в бочке, а потом запрыгали, будто услышали зов Последней Трубы. Не сойти мне с места, коли вру.

— Ну а история с пляшущим скелетом, — обернулся Сент-Ив к Годеллу, — и с пианино, игравшим само по себе, и с куриной тушкой — или что там была за птица...

— А вам-то откуда про это знать? — поразился Кракен.

Вместо долгих объяснений Сент-Ив просто кивнул на Годелла, как бы намекая, что нет практически ничего, чего не знал бы этот человек.

— Где находился ящик, когда все это началось?

— На пианино, — сообщил Кракен. — Я за него уже взялся, но горбун едва не прикончил меня своею лопатой.

— Боже мой! — прошептал Сент-Ив и стукнул по столу кулаком. — Что, если... если... Будите Кибла! Немедля.

Пробуждение игрушечника заняло не меньше минуты — то ли из-за его безмерной усталости, то ли потому, что в нем начала угасать последняя искра жизни, — но вот он уже в сознании и слушает Сент-Ива.

Да, подтвердил Кибл, ящик с изумрудом и ящик с гомункулом полностью идентичны, отличаются разве огрехами резьбы и росписи, вполне естественными для ручной работы. Могла Нелл Оулсби спутать их в своем возбужденном состоянии? Конечно, могла.

Позвали Нелл, и та допустила вероятность подобной ошибки.

— Не исключено, — подтвердила она, — что у Бердлипа оказался изумруд.

Еще немного помолчала, хмуря брови.

— Прошу, — выдохнула Нелл, пристально глядя на капитана Пауэрс, — только не сочтите этот вопрос признаком моего помешательства. Был ли человек способен говорить?

— Разумеется, — тут же ответил Сент-Ив. — Согласно рукописи вашего брата, гомункул редко умолкал: он разглагольствовал на любом из существующих языков, причем не только земной принадлежности, днями и ночами напролет, крайне утомляя всех своей болтовней.

Нелл кивнула.

— Я никогда не заглядывала в бумаги брата, — только и сказала она, полагаясь на то, что причины такой воздержанности не требуют разъяснений. — Спрашиваю лишь потому, что на Ямайке мучилась ощущением, будто изумруд говорит со мной: боялась, что впадаю в безумие. Меня лихорадило. Ящик я держала в прикроватном столике и ночами просыпалась в поту, ворочалась, уверенная, что слышу во тьме голос из ящика, упоминавший

имя лжепророка, с которым мы с каждым днем сводим все более близкое знакомство. Я разыскала этого человека, **открыла** ему, что слышала его имя во сне, и, боюсь, призналась во всем, зайдя так далеко, что рассказала и про гомункула — существо, к которому он проявил вдруг неуместный интерес, — и что сейчас он у доктора Бердлипа. Это было частью постыдных, кошмарных лет моих первых скитаний, и я никому не говорила об этом, кроме капитана Пауэрса... Боюсь, дорогой друг, — добавила Нелл, обращаясь именно к капитану, — что выпустила из рассказа все упоминания о говорящем ящике. Слишком много месяцев с той поры я считала это бредом, следствием лихорадки.

Кракен выслушал повесть Нелл с каменным лицом, но едва та умолкла, встрял.

— С вашего позволения, — обратился он к Сент-Иву, — я и сам слышал голос проклятой твари. Провалиться мне, коли не слышал. Ночью в прошлый четверг, так все и было. Одному богу ведомо, что он там наговорил, схороненный под полом, пока вы, джентльмены, толковали в соседней комнате. Да, сэр, я его слышал. И ничуть не испугался.

— Сдается мне, джентльмены, — произнес Сент-Ив, — это проливает свет на всю ситуацию. Мы пребываем в менее опасном положении, чем думалось прежде, за исключением, понятное дело, похищения Дороти. Итак, что произошло с ящиком? Как ты с ним поступил?

— Что ж, сэр... — пролепетал Кракен, разглядывая донце не вовремя опустевшего бокала. — Покинув «Джорджа и Пигмея», я отправился напрямик на Уорддор-стрит, нацелясь сыграть свою роль. Там, у Нарбондо, мне сразу стало ясно, что у вас дела не шибко заладились.

— В яблочко! — крикнул Годелл, щедро подливая Кракену бренди.

— Спасибо, сэр, прямо вот. Так я... Ну... Долго ли, коротко ли, только с ящиком мы расстались. Он у меня был, это само собой, но теперь нету.

— Да где же он, парень? — взмолился Сент-Ив.

— У Билли Динера, того мужика в шляпе с печную трубу. По крайности, был у него. Убийца проклятый, что тут скажешь. Был бы я малость поумнее, оставил бы ящик у приятеля своего на Фартинг-аллее, да не судьба. Я вконец отупел от того привета по башке, даже сам удивился — вроде все вижу, понимаете, да разглядеть не могу. Ну, Печная Труба сразу меня и раскусил, видались мы с ним прежде. Уж извините, да только новая встреча меня не обрадовала. В общем, как он нацелил в меня этот свой пистолет, я чего, я сразу сунул ему ящик и дал деру, смекнув, видите ли, в этой спешке, что вот он меня сейчас уделает и все равно с ним останется. Так и вышло. Срам говорить, да что теперь. Но мы еще можем вернуть и ящик, и девушку, только дайте шанс все объяснить.

На этом месте Кракен шумно вдохнул и вновь осушил свой бокал, положившись на то, что верно рассчитанная пауза не позволит слушателям отвлечься.

— Вернуть? — возопил капитан. — Как это сделать, парень? Выкладывай как есть. До самого дна!

— А что, я не против, — согласился Кракен, качая в руке бутылку. Сент-Ив и себе налил с унцию, прикинув, что полдень уже миновал. Он почти не покривил бы душой, объявив этот глоток крепкого заслуженной передышкой посреди чертовски трудного дня, который мог надолго затянуться, прежде чем упадет занавес.

Кракен продолжал говорить:

— Сточные тоннели, вот что я сказал себе. Прежде я работал на Дрейка, вам это известно. Чем я занимался, не смею открыть, да сейчас и без разницы. После того последнего года, что я провел с бедным Себастьяном, побегушки у Дрейка казались сущей забавой. Мы пользовались стоками, вот что, для всяких деликатных дел — ну и дел этих немало было, уж такая работа...

Тут Кракен впервые заметил медный шар, выпавший из пальцев игрушечника, когда тот снова погрузился в сон, и лежавший теперь подле кресла Кибла.

— Пресвятая мать божья, — пробормотал Кракен, бледнея. — Откуда взялась эта адская штуковина?

— Дрейк, — коротко ответил ему Годелл, набрасывая шаль на вещицу.

Кракен медленно помотал головой и, сделав основательный глоток бренди, на этот раз запил его водой.

— Если бы вы видели, что лорд Бингли сотворил с собою такой штукой там, на Уордор-стрит... — дрожа, Кракен прикрыл глаза, вероятно, тщетно стараясь выбросить из памяти сцену бесславной кончины лорда Бингли. Если верить часам, молчал он целых тридцать секунд.

— Так что же лорд Бингли? — переспросил Сент-Ив, в котором разыгралось естественное для ученого любопытство.

Годелл повернулся к нему и, качая головой, приложил к губам палец, тем самым как бы намекая, что историю с лордом Бингли не стоит извлекать на свет: отдельные причуды человеческой природы, будучи освещены, предстают куда черней прежнего.

Кракен не откликнулся на вопрос Сент-Ива и возобновил рассказ:

— Я спустился в канализацию на Стилтон-лейн и выбрался из люка чистый, как младенец, можно сказать. Вы сами видели, что стоки делают с обувкой. Тут мне и было видение... — умолкнув, Кракен взгляделся в спящего Кибла. — Дороти Кибл в полном порядке, хотя навряд ли она выбрала бы себе такой порядок. У Дороти жар или что-то навроде, и Дрейк никого к ней не пускает, кроме, понятно, доктора.

С последним словом Кракен закатил глаза, давая остальным понять, какой именно доктор бдит у постели больной Дороти.

— Грязный подонок! — вскочив, взревел капитан, будто намеревался пристукнуть горбуна прямо здесь.

Кракен поднял руку:

— Не в том смысле, джентльмены. Дрейк не потерпел бы такого... по собственным резонам, если вы улавливаете мою мысль. Он намерен излечить Дороти от лихорадки, если только не притворяется. Только я успел спрятаться в чулане наверху, на площадке второго этажа, как в дом заявился Пьюл — из-за девушки сам не свой, рвет и мечет, к тому же весь облеплен пластырем. Очередное «верное средство», как он выразился в ту ночь, когда они с горбуном выкручивали меня, что простыню, дознаваясь про записки хозяина. В общем, Пьюл прибежал туда, воняя до небес какой-то химией, а руки у него сплошь зеленые. Век бы такого не видеть. Ну они дали ему пинка, и болван просто озверел. Поклялся, что убьет Нарбондо. Потом поклялся, что убьет Дрейка. Потом поклялся, что переубивает всех в городе. Тут ему и указали верную дорогу, а сразу после этого инцидента Нарбондо отбыл сам, в большом волнении — думаю, джентльмены, он напугался, что Пьюл устроит на Пратлоу-стрит натуральный кавардак. Только что бы он там ни задумал, это сущий пустяк по сравнению с прошлым вечером. То-то доктор удивится, скажу я вам.

Кракен ухмыльнулся, вообразив реакцию Нарбондо: от лаборатории не осталось и камня на камне, на лестнице агенты Скотланд-Ярда, а ящик Кибла исчез неведомо куда. Нарбондо тут же смекнет, что, пока он крутил шуры-муры у Дрейка, кто-то вырубил под корешок все его тщательно продуманные планы.

Сент-Ив всадил кулак в раскрытую ладонь и вскочил.

— Значит, пройдем сточными тоннелями! — объявил он. — Сможешь провести меня по ним? И чем быстрее, тем лучше. Они опережали нас на полкорпуса, но теперь мы покваитаемся.

— Погодите-ка, — остановил его Кракен, едва заметно улыбаясь. — Еще не все.

Сент-Ив уставился на него, не понимая:

— Что еще?..

— Этот ваш корабль, он в тамошней гостиной.

Сент-Ив был озадачен.

— Мой космический корабль? Он в Харрогейте, под замком.

— Тот, какой вы искали по всему городу, вот какой.

— Корабль пришельца!

— Ага, он. Надраен как зеркало, вылитый купол святого Павла, ровно они двоюродные братья.

Сент-Ива охватило сильнейшее волнение. Вот это новость! Неужели в доме на Уорддор-стрит сошлись концы сразу всех нитей? И теперь,

ворвавшись туда с пистолетами, они за считанные минуты возместят недругам все долгие недели поражений? Стоит попробовать, так или иначе. Сент-Ив решительно хлопнул по подлокотнику дивана:

— Наблюдатели в Суонси прогнозировали появление дирижабля к середине дня. Сколько ему лететь до Лондона?

Кракен заливисто чихнул, в очередной раз разбудив Кибла, и вопрос тут же переадресовали игрушечнику.

— Еще несколько часов, я думаю, — определил тот. — Вряд ли дольше. Нынче вечером уж точно.

— И четвертый ящик у него на борту?

Кибл кивнул. Ошибки в расчетах, разумеется, не исключены, но в одном можно быть уверенным: когда в небесах над ними объявится вездесущий доктор Бердлип, с ним придет и наследство Джека Оулсби.

— И разумеется, мы должны оказаться поблизости, — добавил Годелл.

Сент-Ив не мог не согласиться. Изумруд Джека сейчас важнее всего: они наверняка потеряют его, если не завладеют камнем в первые же минуты. Бесспорно, способа отбить изумруд у властей им не найти, не поставив под удар Нелл.

— Нас полдюжины, — сказал Годелл. — Предлагаю разбиться на группы и тем самым уменьшить риск: слишком многое нужно сделать.

Рассуждения Гodelла прервал шорох на лестнице. Цепляясь за перила, там стоял Джек Оулсби.

— Джек! — вскрикнул капитан и, хромая, кинулся к юноше.

— Добрый день, — улыбнулся им Джек и твердо, хотя осторожно, вошел в комнату. Опираясь о руку капитана, он одолел просторы растянутого перед кушеткой ковра и, едва заметно морщась, осторожно сел.

— Я отправляюсь с вами к Дрейку, — твердо объявил он.

В комнате воцарилось общее молчание: намерение юноши — похвальное и даже героическое, учитывая обстоятельства, но о таком риске не могло быть и речи. Тем не менее никто не торопился отказать Джеку в доле участия.

Едва успевший усесться капитан Пауэрс с преувеличенной бережностью отложил свою трубку и встал опять.

— Выслушайте, — сказал он, оглядывая всех по очереди. — В свое время я вволю походил на самых разных судах — сорок лет подряд, если по правде, — и многие из них были под моим началом, от Магелланова пролива до Китайского моря. В общем, обойдемся без долгих споров: я назначаю себя капитаном. Командиров у нас в избытке, а матросы наперечет, вот и весь сказ. И главное — в том, что случилось, я виноват больше всех вас, вместе взятых.

Зародившийся у Сент-Ива протест был грубо оборван:

— Слушайте меня, — повторил капитан, ткнув черенком трубки в сторону изобретателя. — И не вздумайте перечить. Пусть я старик, все же я знаю, о чем говорю. Время нас поджимает. Этот самый дирижабль надобно перехватить, как теперь выражаются, и горбатого доктора тоже. И нападём мы на него немедленно. Пристрелите меня, если вечером в Хампстед-Хите не соберется пол-Лондона, и нам никак не годится ввязываться в лишние драки, коли есть способ их избежать, смекаете? Надо как можно скорее посчитаться с доктором, вот о чем я толкую. Связать по рукам и ногам, да и уложить в этом его тайнике. Если вспомним, вытащим его оттуда через неделю. И вот вам, друзья, мой приказ...

Подбоченясь, капитан Пауэрс затаил зычную скороговорку:

— Я капитан на этом треклятом мостике, так что все вы сиганете за борт, если я так скажу, или отправляйтесь туда прямо сейчас. На закате мы бросим якоря в Хампстед-Хите, поскольку тогда нам потребуется каждый, не исключая никого. А пока, профессор, вы с Киблом ныряете в сточный тоннель и отправляетесь к Дрейку. У меня отыщется пара-другая сапог из индийской резины, как раз для такого дельца.

Сент-Ив покосился на Кибла. Хватит ли у игрушечника духу? Было ясно, что ему следует предоставить шанс. С видимым усилием Кибл постарался собраться: выпрямился в кресле, подтянул вялые конечности и похлопал себя

по щекам, приводя в чувство. Поднял со стола бокал, но тут же передумал и со стуком вернул его на прежнее место.

— Я отправляюсь с ними, — заявил Джек.

— Нет, ты идешь со мной! — рывкнул на него капитан, дымя трубкой, как заправский паровоз.

— Но ведь... — начал Джек.

— Довольно! Будешь исполнять мои приказы, не то останешься дома отскребать склизь с башмаков Кракена! Вы с Нелл, как я и хотел распорядиться, затаитесь с фургоном возле Уорддор-стрит. Нам придется удирать, едва только профессор и Кибл выйдут из дома с девочкой. Тогда-то ты и покажешь себя, парень. Умеешь обращаться с пистолетом?

Джек молча кивнул.

— Одно замечание, — вмешался Сент-Ив. Он еще немного подумал, и лицо его просветлело, а глаза воссияли. — Если я не выйду оттуда... через дверь то есть... поищите меня в небе. Как только Дороти окажется спасена, я намереваюсь отобрать у Дрейка межзвездный корабль. И в таком случае будьте готовы отправиться в Хампстед-Хит без меня.

Капитан развел руками. В конце концов, это дело Сент-Ива. Спору нет, случая вернуться за кораблем может не представиться, и тем более — после стычки, которая со всюю вероятностью произойдет этим вечером.

— И отправимся, дружище, даже не сомневайтесь. Я намерен оказаться поблизости,

когда Бердлип ляжет в дрейф. Все долгие годы я почитал себя хранителем изумруда, если вам это о чем-то говорит, — и неважно, лежал ли он в моем рундуке или мотался по небу на борту дирижабля. Да, сэр: корабль берите на себя, а я возьму курс на Хампстед, едва только увижу черные кудри нашей девочки.

Сент-Ив выразил кивком свое согласие.

— А вы двое... — продолжал капитан, поворачиваясь сперва к Хасбро, а затем и к Кракену. — Вам, салаги, поручено скрутить того доктора, как мы уже условились.

Хмыкнув, Кракен потер ладони.

— Это можно, — сказал он.

Хасбро проявил чуть больше красноречия:

— Поскольку его присные, — манерно произнес хорошо вышколенный слуга, — разнесли в пух и прах усадьбу и попортили внешность бедняге Кеплеру, ничто не доставит мне такого удовольствия, как обмен парюю слов с добрым доктором... Вероятно, парюю весьма крепких слов.

— Точно! — вскричал Кракен, подскакивая от возбуждения и крутя кулаками перед носом у воображаемого противника, но потом вспомнил, что на нем нет штанов, и поспешно шлепнулся в кресло. — Крепче не бывает, — мечтательно добавил он.

— Так держать, — одобрил капитан. — И не сдерживайтесь.

— Только не мы, сэр, — отвесил поклон Хасбро. — Верно ли я понял, что затем нам с ми-

стером Кракеном предстоит рандеву с остальными на зеленых лугах Хампстеда?

Капитан решительно кивнул.

— В общих чертах так. И помните, нам нужен дирижабль! Это вам не торжественный прием. Первый, кто войдет, хватается ящик. Не стесняясь и не дожидаясь отставших. Бог знает, кто из нас прибудет туда первым.

— Ну это точно буду не я, — отрезала Уинифред Кибл, хмуро глядя на капитана. — Мне, значит, дома прикажете оставаться? Так вот, не дождетесь, сэр! Зарубите себе на носу, я иду за Дороти.

— Как вам будет угодно, мэм, — кротко ответил капитан. — Когда поднимается ветер, лишних рук на судне не бывает.

— Что до меня, джентльмены, — веско проговорил Годелл, поднимаясь на ноги и беря свою трость, — то я отправляюсь повидать нашего святошу. Если не ошибаюсь, у проповедника остался один из интересующих нас ящичков. Напомните, который из них?

Сент-Ив оглянулся на Хасбро, ища поддержки.

— Скорее всего, это ваш воздушный прибор, сэр, если я верно помню. Тот ящик, с которым Пьюл спрыгнул с поезда. Два других ящика вы найдете у Дрейка, сэр, если позволите учтиво вам напомнить: человечек обитает в одном, заводной аллигатор — в другом, и оба представляют некоторую ценность.

— Так и есть, — подтвердил Сент-Ив, горя желанием приступить к исполнению задуманного. — В таком случае, что нас задерживает?

Капитан выколотил пепел в стеклянную пепельницу. Продул трубку, сунул в карман сюртука и встал.

— Да ничто на свете, — ответил он.

БЕГСТВО НАРБОНДО

Рассудок почти оставил Уиллиса Пьюла. Просто одно за другим, и все так бесит! Взять хотя бы недавнюю сцену у Дрейка... Он быстро шагал по переулкам и задворкам, держась по-дальше от глаз лондонцев и при каждом неловком шаге гримасничая от боли: распаленное химической ванной лицо отчаянно зудело под липким пластырем. Сохранялась вероятность, что экспериментальная смесь просто взорвется, оставит от его головы мокрое место. Да будет так. Пьюл расплылся в ухмылке, вообразив, как он решительно врывается в собрание своих врагов и его голова детонирует прямо посреди обращенной к ним изысканной речи. В общем и целом эффект был бы потрясающий. Он расхохотался вслух. Значит, чувство юмора его не покинуло? Это знак — знак, что он одержит верх. «Я —

тот человек, что способен сохранять ясную голову, — подумалось Пьюлу, — тогда как все прочее... Нет, головы-то сохранить и не получится». Он хихикал под своими повязками, представляя себе эту картину, и никак не мог остановиться. Вскоре он уже стонал от смеха, будто в пьяном исступлении шатаясь из стороны в сторону и своим сумасшедшим хохотом заставляя случайных прохожих бросаться к ближайшим подворотням в поисках убежища.

Однако целая миля криков и хохота вымотала его; Пьюл погрузился в глубокое отчаяние, и редкие смешки его стали перемежаться всхлипами, когда, утомленный, бездомный и изъеденный жестокими химикатами, он ввалился наконец в темный паб, куда и добирался так долго.

За длинными столами здесь пили несколько понурых посетителей, чьи бегающие глаза давали понять: каждый из них готов вскочить и бежать при малейшем поводе. Внешность Пьюла оказалась достаточно вызывающей, чтобы трое из пьющих отставили в сторону кружки и начали подниматься со скамей, но видя, что он направляется к занавешенному проходу в комнату позади стойки, опустили на свои места и попросту с неприязнью уставились ему вслед.

В это время в отворенную дверь паба просунулась голова мальчишки-газетчика, который сбивчиво, но довольно громко огласил ужасные новости, усеявшие передовицы «Таймс» и «Морнинг Геральд».

— Трупы! — вопил он. — Выверсекция в Сохо!

Пьюл проскользнул за занавеску, мрачно размышляя о трупах и вивисекции. Если уважаемая публика интересуется трупами, тогда, богом клянусь, будут ей трупы. Он спустился по крутым широким ступеням в полуподвальную мастерскую, освещенную только солнцем, проникавшим сюда сквозь щели вентиляционных окошек по периметру потолка.

Огромный бородач, вылитый норвежец-берсерк, колотил молотом по чему-то, весьма напоминавшему колбасную шкурку, выполненную в железе. На лавках вокруг молотобойца были во множестве разложены разобранные часы; лицо его выражало стойкое отвращение и исполненное цинизма презрение к этому брэнному миру, по каковому выражению в бородаче легко было угадать революционера по духу, предпочитавшего любой идеологии практику подрывного дела. Мастерил он как раз то, в чем нуждался Пьюл, — динамитную бомбу сферической конструкции с чугунной оболочкой и коротким фитилем. Продавцы подобных изделий называли такие по способу применения: «кати-и-беги».

Не прошло и десяти минут, как Пьюл зашагал дальше, с коробкой под мышкой. Он и его устройство держали путь на Пратлоу-стрит, где, если повезет, он встретит Нарбондо, возящегося со своими инструментами.

Шагая, Пьюл не сводил глаз с тротуара; ноздри его раздувались, глаза щурились — шел подсчет мелких оскорблений, которые ему пришлось стерпеть за месяцы знакомства с Нарбондо.

Душа Пьюла закипала гневом при одной мысли о крахе прекрасно задуманных планов, привезенных им в Лондон. Надо будет, решил он, действовать осмотрительно. Беспечность может все испортить. Он непременно должен отомстить им всем; не останется никого, кто не почувствует на себе его гнев. Сперва он управится с Нарбондо, а уж потом, если удастся, и с Дрейком. Если ничего не выйдет, он будет на месте во время приземления бесценного дирижабля и вот тогда снимет все сливки, верно? Химический состав отчего-то начал испаряться сквозь повязки, и поднимающиеся миазмы жгли Пьюлу глаза, порождая безостановочный поток слез. Он промокнул лицо. От долгой ходьбы бинты обвисли и начали потихоньку спадать.

Мимо прошмыгнул очередной разносчик газет. В таком количестве сенсации случались не часто, и издания пестрели крупными заголовками.

— Дирижабль садится! — вопил мальчишка, размахивая газетой, будто флагом. — Человек с Марса внутри! Угроза пришельцев! Армегедон!

«Ого, — подумал Пьюл, — вот так раз». Через мгновение он уже рассматривал газету, чья первая полоса была поровну поделена между мертвецами с Пратлоу-стрит и приближением дирижабля. Этот последний, по уверениям

Королевской академии, должен приземлиться прямо в Хампстеде. Предводитель одной из популярных сект настаивал, в свою очередь, что на борту дирижабля прибудет пришелец с далеких звезд, чье появление станет «предвестником Армагеддона».

Авторы передовиц несколько путались в том, как следует связывать два столь разных сюжета — живые трупы и дирижабль, — хотя бродивших по улицам Лондона мертвецов с известной натяжкой можно было бы считать «пришельцами».

Не менее вероятной представлялась и вторая версия: дескать, вурдалаки — это «первые ласточки» тех миллионов человек, которых Цицерон называл «молчаливым большинством» и которые уже готовились сбросить саваны и подняться из мест упокоения. На ней настаивал проповедник по имени Шилох, самопровозглашенный мессия, в последнее время сделавшийся приметой городских улиц и напрямую связанный с недавними сборищами в Гайд-парке. Что могло заставить восставших покойников предпочесть обочины Пратлоу-стрит собственным уютным могилам, оставалось не до конца понятным.

Читая на ходу, Пьюл не отвлекался на то, чтобы осмотреться кругом, — и совершенно напрасно. Когда он все-таки добрался до залитой солнцем Чаринг Кросс-роуд, повязки его окончательно взбунтовались и отчасти открыли лицо. Погруженный в чтение Пьюл пренебрег безопасностью безлюдных переулков и аллей;

между тем едва ли не половину заполнивших улицы прохожих интересовали те же новости, что и его самого.

Газеты шли нарасхват. Увлеченные пугающими известиями люди заглядывали друг другу через плечо. Скопление мужчин и женщин, стихийно собравшихся прямо посреди улицы, было настолько поглощено чтением, что это едва не стало причиной дорожного происшествия с участием двуколки, кучер которой и сам сражался с хлопавшей на ветру газетной полосой.

Познакомившихся с последними сенсациями лондонцев роднило своеобразное выражение, застывшее на их перекошенных от ужаса лицах: новости о пришельцах и ходячих мертвецах, очевидно, никому из них не сулили добра. И случайно оказавшийся в этом средоточии страха и подозрительности всхлипывающий Пьюл, с зеленой физиономии которого сползали зловонные ленты пропитанных химикатами бинтов, предсказуемо вызвал переполох.

Какая-то женщина с визгом наставила на него указующий перст, и к ней не замедлили присоединиться другие прохожие. Люди оборачивались и замирали, в изумлении провожая Пьюла испуганным взглядом, а он даже не замечал этих признаков нарастающей паники. Лишь оторвав глаза от газеты, алхимик сообразил, что его принимают за нечто кошмарное. Правда, ни сам Пьюл, ни перепуганные обыватели, с воплями тыкавшие в него пальцами, не имели понятия, кем или чем он

им представляется. Может, это и есть пришелец? Ходячий мертвец? Сразу и то и другое? Кто бы разобрался... Но обычным человеком это *нечто* однозначно не являлось.

— Оно убегает! — взвыл мужчина в жилете, который был ему мал на несколько размеров. Этот вопль моментально подхватила вся улица, и бегство Пьюла обратилось веским доводом в пользу мнения, что он *действительно* тот, за кого его принимают.

Пьюл с трудом удержал равновесие, избавляясь на бегу от газеты и повязок. Будь у него возможность швырнуть в этих людей бомбу, заставить умолкнуть одних и дать остальным реальный повод для испуганных воплей, он бы так и сделал. Но они накинулись бы на Пьюла прежде, чем метательный снаряд показался бы из коробки, и впридачу лишили бы его удовольствия продемонстрировать свое приобретение Нарбондо.

Мало-помалу он оторвался от возбужденной толпы: всерьез устраивать погоню никому не захотелось. Видно, зеваки не собирались принимать активного участия в странных событиях этого дня.

Теперь Пьюл до конца разобрался в своих намерениях. Задача не так сложна: из кладовой на лестничной площадке у входа — в тайный коридор, добраться до лаборатории, отодвинуть панель, поджечь фитиль и без лишних слов катнуть бомбу внутрь. Лишь бы Нарбондо оказался на месте! Стоило погибнуть, чтобы задержаться и перед самым взрывом шепнуть

кое-что горбуну, увидеть, как по его лицу пробегут волны паники и осознания собственной беспомощности, а потом наблюдать за тем, как он ковыляет за машинкой, рыдая и умоляя о пощаде, лишь для того, чтобы разлететься на множество грязных ошметков...

Эта мысль вернула Пьюлу довольную ухмылку. Оно того *почти* стоило, не будь Нарбондо лишь первым в списке из доброго десятка имен. Все они получают свое, Пьюл ни за что не лишит их заслуженной кары. И потом, не стоило забывать о небольшом дельце с Дороти Кибл. Никому не отобрать у Пьюла радости от возобновления знакомства со строптивой девчонкой, ничего у них не выйдет!.. Пьюл крался вдоль Пратлоу-стрит, прижимаясь к обшарпанным фасадам, чтобы зоркий Нарбондо не углядел его из окна. Проскользнул в парадную дверь, нырнул в кладовую у лестницы и ударил кулаком в угол стеной панели, за которым пряталась отмыкавшая замочную щеколду пружина.

Едва ли аллеям Риджентс-парка когда-либо прежде доводилось видеть подобные толпы. Плотные людские потоки струились по обеим сторонам Парквей и вдоль Сэвен-Систерс-роуд. По стремнине образованной человеческими телами реки двигались бесконечные двуколки, кабриолеты, экипажи и небольшие коляски с открытым верхом; все они, под неумолчный стук копыт, опасно раскачивались, одолевая выбоины и прова-

ливаясь в колеи, а их кучера на чем свет стоит честили ротозеев, норовивших перебраться на проезжую часть, что приводило к заторам и замедляло скорость неритмичного движения почти до нуля.

Битком набитые повозки срывались с места, затем намертво застревали минут на пять, многократно повторяя этот цикл, при этом чудом избегая столкновения с десятками пешеходов, которые отважно выпрыгивали на дорогу, чтобы не увязнуть в слякоти на обочинах, и будто бы не слышали возниц, призывавших посторониться и пропустить лошадей.

«Если в путь не отправилось пол-Лондона, — думал Теофил Годелл, протягивая брошюру тощему человеку в пенсне, — тогда я слепой». И в придачу еще и мертвый, ибо Годелл, нарядившийся в спешно подобранный костюм, приобретенный за шиллинг в Хаундсдитче⁴², старался походить именно на оживший труп.

Над достоверностью образа пришлось потрудиться совсем немного: некогда весьма приличный костюм был достаточно грязен, чтобы как раз сойти за наряд последнего упокоения. Парочка новых дырок, энергично исполненный танец на разложенном посреди улицы одеянии, несколько мазков грязи — и нужный эффект был достигнут. На лицо потребовалось нанести капельку

⁴² Букв. «Собачий ров» (англ.) — квартал трущоб вдоль одноименной улицы; историческое место захоронения бродячих собак и жертв эпидемий. В конце XIX века — процветающий блошиный рынок.

грима: любовно нарисованный фальшивый шрам по центру лба, сбегаящий под правый глаз, позволял предположить, что его обладатель прежде вел жизнь праздную, бесцельную и суматошную, являясь кем-то вроде азартного игрока или иного бездельника и гуляки.

Поначалу Гodelл решил, что его соратники-упыри вовсе немые, но, похоже, поспешил с выводами. Те из них, кто выглядели сравнительно свежо и перед воскрешением, возможно, пролежали в своих могилах всего-то денек-другой, еще могли прохрипеть отдельные слоги своими подгнившими связками. Эти последние, однако, растеряли всю гибкость, и достоверно воспроизвести упырьё карканье живому, здоровому человеку было крайне трудно. Гodelл старался как мог, но по большей части предпочитал вообще не раскрывать рта.

Распаленный воплями о близости конца времен проповедник пламенел обычным лживым задором. Внутри, впрочем, он скрежетал челюстями, оплакивая потерю ящика с гомункулом, — если, конечно, там находился именно он. На борту дирижабля определенно спрятан еще один бесценный ящик.

Кроме того, Шилоху достался и отобранный у Пьюла чудесный прибор — так ведь? — попытка запуска которого получасом ранее сотворила настоящее и весьма уместное чудо. Силы плодородия пронизали его существо, а дух Эдемского сада наполнил жизненной энергией, окра-

сив даже кожу его в загадочный зеленый цвет. Отныне Шилох представал перед адептами воплощением некоего языческого божества, покровителя растений, являлся ходячей иллюстрацией парадокса воскрешения: морщины старости уступали набуханию почек новой весны, свинец дряхлости с одышкой отходил в небытие, а золото зрелости расправляло крылья. Шилох даже заговорил теперь воистину причудливым голосом, по-птичьи тонким и залиvistым и, спору нет, пугающим на первых порах.

Нести людям перемены вселенского масштаба, бесспорно, задача наисложнейшая — это подтвердила бы и история. Ясно же, что силой, перехватившей бразды управления гортанью Шилоха, был дух его покойной матушки, парившей в лондонском эфире кроткой голубкой. Проповедник еще мог представить особый тембр ее голоса, заполняющий пыльные залы его памяти. Когда, вращая ручку устройства, он, что называется, оказался окроплен невиданной зеленой пылью, дух матери обнял его и прижал к сердцу; отныне, растворяя уста, он выводил мелодии ее нежного голоса.

Это потрясло и изумило Шилоха, даже заставило усомниться. С другой стороны, все то, что он ежедневно видел вокруг себя, расшатывало веру. Плоть человеческая слаба, так постыдно слаба... и требует частого насыщения. Уйми ее, бросив какую-нибудь безвредную подачку, и тем самым одержи над нею победу, чтобы позволить духу

воспрять. «Нечистый пусть пока сквернится»⁴³, — произнес он одними губами.

Свободно блуждая, мысли проповедника обращались то к содержимому непонятного ящика, то к толпам, движущимся вокруг него, а то и к юной леди в муслиновом платье — одной из фавориток Шилоха среди живых обращенных. Она чем-то напомнила ему Дороти Кибл, узницу в заведении Дрейка, — он даже глаза полуприкрыл, сокращая обзор и тем самым делая наблюдаемую картину существенно приятнее.

Лицо проповедника глупо расплылось в некоем подобии улыбки. Руки задрожали: та настояще-ность, с какою напомнило о себе неутоленное влечение, вселила в старика тревогу. Раздувая грудь, он попытался восстановить дыхание и полез тайком в карман за флаконом лечебного снадобья — джина с настойкой опия; чудесные свойства обоих препаратов, объединившись, оказывали явственное успокоительное действие.

Шилох передернулся и, оглядываясь кругом, стал думать, не стоит ли привести устройство в действие прямо сейчас и попотчевать невольных зрителей первым чудом из запасов щедрого на удивительные события вечера. Прямо перед ним, благодушно улыбаясь, стоял кто-то из оживленных Нарбондо, благослови Господь воскресшее сердце. Почти не тронутый разложением лик позволял предположить, что этот молодчик не от-

⁴³ Искраженная библейская цитата (Откр., 22:11).

носился к бедным немым, проводшим в могиле слишком много времени.

— Покрой твоих одежд намекает на благородство происхождения, — дружелюбно заметил проповедник человеку, которого принимал за живой труп.

Годелл продолжал улыбаться ему пустой улыбкой слабоумия, отмечавшей лица верных Шилоху обращенных — как живых, так и мертвых, — сновавших в толпе. И решился ответить, зная, как мало потеряет даже в случае разоблачения.

— Воистину так, господин, — пробубнил Годелл.

Проповедник уставился на него с оторопью: пardon за каламбур, но этот труп выглядел на редкость живым. Возможно ли такое чудо? Ну конечно! Так или иначе, конец света близится, море вот-вот отдаст своих мертвецов, и каждому дарован будет язык, дабы он, уподобившись адвокату, мог изложить версию собственной жизни перед наисвятейшим из трибуналов. Эта мысль проняла и воодушевила Шилоха.

— Дитя мое! — вскричал он прямо в лицо Теофилу Годеллу. И засопел, постанывая от восторга, захваченный видом Лондона, дружно устремившегося навстречу неведомому. — Стань подле, сын мой! Ты призван свидетельствовать!

С этими словами старик ухватил ящик Кибла — оксигенатор Сент-Ива — и принялся крутить его ручку, высвобождая облако зеленых испарений,

вызвавших, как он и надеялся, бурю возгласов в значительно уплотнившейся толпе. Проповедника с его присными и зевак разделяла брошенная грузовая подвода, чей возница явно потерял терпение и потопап к Хампстед-Хиту пешочком.

— Преклони колена, сын мой, — распорядился Шиlox. Годелл преклонил. Мессия упер ногу ему в спину и взобрался на подводу, размахивая волшебным ящиком.

Люди смолкли. Давление шедших задних рядов спрессовало публику, и теперь завладеть ее вниманием не составляло труда, а поблизости, хвала небесам, не росли дубы, чьи ветви приютили бы насмешничающих грешников. Покрутив опять ручку ящика, проповедник окунулся лицом в пыльцу плодородия.

— Внемлите! — пропищал он фальцетом, до жути напоминавшим кваканье лягушки-пипы. И отчаянно замахал доверенному приспешнику, который поспешил воздеть над головой стеклянный куб с черепом Джоанны Сауткотт. Могло показаться, что череп шевелит челюстью, пытаясь заговорить, но эффект был ничтожен. Оставалось неясным, сама ли голова вдруг ожила, или это приближенный Шиloха трясет ее вместилище.

Проповедник направил трубку оксигенатора себе в рот, чтобы в полной мере ощутить на себе живительное действие святых газов. И пошатнулся, сраженный их силой, в тот самый миг, когда лошадь, переступив копытами, дернула повозку.

— Настал тот час! — запищал Шилох. — Спеша, мы близимся к вратам. Снаружи псы, колдуны и осквернители, убийцы и идолопоклонники... — где-то посередине «идолопоклонников» действие газа сошло на нет, и пронзительный голос Шилоха с пугающим хрипом обернулся вдруг обычным старческим карканьем. Страстно вращая ручку ящика, проповедник и сам с головы до ног окутался туманом, и обрызгал зеленью всех, кто в молчаливом изумлении стоял поблизости.

— Иди! — взвизгнул он. — Иди же!

Годелл неожиданно осознал, что визг этот предназначается ему — и никому другому.

— Я? — одними губами спросил Годелл, запрокинув голову к старику.

— Да, дитя мое! Поди сюда. Взойди на эту колесницу!

Годелл подчинился. Перед телегой дорога уже очистилась: часть толпы, обойдя помеху, преспокойно двинулась дальше; те же, кто не толкался вынужденно позади, глядели на пророка в ожидании дальнейших чудес. Приспешник Шилоха осторожно установил куб с черепом на телегу, рядом выставил полный костей кожаный саквояж.

Годелл приветливо махнул рукою толпе, упер ботинок в лоб оставшегося не у дел приближенного — и легким толчком отправил того в недолгий полет к мостовой.

— Полегче! — вскричал проповедник, с удивлением поворачиваясь к Годеллу. Не мешкая,

табачник сгреб хлопавшие на ветерке складки рясы Шилоха и одним сильным рывком опрокинул старика на подводу. В недоумевающей массе зрителей раздались гневные окрики, но Годелл уже отвернулся, подхватил вожжи и хлестнул ими тревожащихся лошадей.

Подвода рванулась вперед. Горстка обращенных бросилась было следом, надеясь запрыгнуть в нее, но их усилия пропали даром: громыхая подковами по мощеной дороге, лошади быстро оставили их позади. Поверженный мессия катался по днищу повозки и, непрерывно подвывая, пытался сгрести в кучу и тем самым сберечь свой драгоценный реквизит, а подскакивавший в стеклянном кубе череп Джоанны Сауткотт рассерженно стрекотал и шамкал ему в ухо.

Годелл промчался по Камден-Таун-роуд, свернул в узкий безлюдный переулок сравнительно малонаселенного пригорода, и еще с десятка минут повозка тряслась по ухабам, уносясь все дальше и дальше от пределов Хампстед-Хита. Наконец он натянул вожжи в тени рощицы у обочины и развернулся к силившемуся подняться проповеднику, который затрясся от страха при виде пистолета в его руке. Шилох вгляделся в лицо похитителя, и на его собственном начало проступать узнавание.

— Вы! — ахнул он.

Годелл кивнул.

— Полагаю, мне следует пристрелить тебя, как бешеного пса...

— Напротив, сэр... — с жаром возразил Шилох, не дав ему договорить.

— Тихо! — вспыхнул Годелл. — Вот что, сэр. Как уже сказано, мне ничего не стоит проделать в твоём лбу дыру: я с той же лёгкостью спущу курок, с какой мог бы пожать тебе руку, но если первое проделал бы с удовольствием, то о втором даже и думать не желаю. Хотя и не мое это дело — судить другого...

— Не судите! — с волнением выкрикнул проповедник, будто в припадке вздергивая над головою обе руки. — Да не судимы будете!⁴⁴

Годелл холодно сузил глаза:

— Не выводи меня из себя, лиходеёй, или быстро заработаешь лишнее отверстие в свою дурную башку. Выслушай меня да побереги дыхание: впереди ждёт долгая дорога, а все это барахло ты потащишь на себе сам. Думаю, ты можешь считаться сумасшедшим — нет причин думать иначе, — а безумец, хоть и совершающий мерзкие проступки, едва ли полностью в ответе за них. И более того, всю тяжесть твоих преступлений можно измерить, лишь исследовав тот вред, что нанесли неповинным людям твои сомнительные брошюры. Допускаю, все эти люди пали бы жертвами кого-то другого, не окажись рядом ты, а посему разбирать это дело не в моих полномочиях. Эту неприятную задачу я препоручу вышестоящей власти... Но слушай теперь внимательно.

⁴⁴ Цитата из Нагорной проповеди (Мф. 7:1).

У меня немало весьма влиятельных знакомств. Твои бесчинства в доме на Уорддор-стрит не прошли незамеченными, да и монета, которую ты так щедро рассеивал от своего имени, звенит, с позволения сказать, глуховато. Короче, сэр: если и впредь ты станешь смущать умы невинных лондонцев гнусными фокусами, мне придется призывать тебя к ответу, несмотря даже на разницу в возрасте.

Проповедник стоял, вытянувшись столбом; лицо побагровело, глаза — узкие щелочки. Будь он чертиком на пружинке, давно б уже вышиб крышку своей табакерки.

— Д-да вы!.. — со свистом прохрипел он и, тяжело дыша, склонился к земле, чтобы извлечь из вороха прошлогодней листвы заветный череп. — Да знаете ли вы, сэр, что сами навлекли на себя неотвратимое, страшное возмездие!

Это последнее слово Шилох выплюнул с такою злобой, что Теофилу Годеллу почудилось на миг, будто изо рта у проповедника вот-вот высунется длинный черный язык, как у ядовитого гада. В любом случае, Годелл окончательно укрепился в подозрении, что старик — наиболее потерянный из всей своей заблудшей паствы... Если, конечно, человека в такой ситуации можно считать чьим-то пастырем.

Время поджигало. Уже начало смеркаться, а Годеллу еще часа полтора добираться до Хампстеда в одолженной подводе. Если же улицы по-прежнему забиты потоками зевак, дири-

жабль опустится на землю, не дождавшись его появления. Годелл был по горло сыт стариком и испытывал сильное искушение привязать проповедника к дереву, чтобы не дать тому попасть в Хампстед.

Впрочем, тогда Шилох может окончательно рехнуться... И вот, не теряя времени на дальнейшие препирательства, Годелл подобрал вожжи, щелкнул над лошадьми кнутом и легким галопом пустился в обратный путь, преследуемый быстро терявшейся позади фигурой Шилоха, Нового Мессии, который с проклятиями семенил по дороге, сжимая в одной руке саквояж костей, а в другой — стеклянный куб с черепом и от всей души надеясь, что хоть кто-то из посвященных последовал за ними из города.

Даже прикрытый тканью, фонарь озарил половицы кладовой неожиданно ярким снопом света. Вооруженные им Хасбро и Кракен поднялись с первого этажа по потайному ходу, не без труда одолев наскоро сколоченную почти отвесную лестницу, и наконец оказались за стеной лаборатории Нарбондо. К сожалению, фонарь никак не освещал пространство над собою, так что вблизи был почти бесполезен; подавшись вперед, чтобы шепнуть пару слов на ухо своему спутнику, Кракен пребольно ткнулся носом тому в плечо.

— Ы-ышш... — зашипел Кракен, хватаясь за лицо.

— Тс-сс!.. — ответил Хасбро, пытавшийся заглянуть в просвет с нитку толщиной вдоль края подвижной панели. По ту сторону горели лампы, и время от времени кто-то — не иначе, горбун, — проходя перед этим зазором, отбрасывал на него тень.

— Давай вылезем и придушим его? — шепнул Кракен.

— Терпение, сэр.

— Та еще скотина доктор этот самый. Ученый он, черта с два. Дьявол он, а не ученый. Так и чешутся руки морду ему разукрасить, — бормоча, Кракен приплясывал на месте: видно, изготовился к бою.

Хасбро невозмутимо вглядывался в светлую щель.

— Ученый не стал бы резать мертвых на кусочки! — театральным шепотом настаивал Кракен, потихоньку распаляясь. — Ученому просто...

Его излияния прервал какой-то шорох, прозвучавший позади них, на лестнице.

— Тс-сс! — повторил Хасбро и потряс фонарь, чтобы тряпичный кожух, упав, отрезал всякое свечение. Оба затаили дыхание. С лестницы продолжали долетать шаги и шуршание. Кто-то или что-то приближалось, поднимаясь к ним. Хасбро дважды стиснул рукой плечо Кракена, словно предупреждая: готовься к драке.

— Как можно тише, — пробормотал он на ухо Кракену.

— Ага... — выдохнул тот.

Вверх выплыл шипящий и рассыпающий мелкие искры огонек, послышались негромкие смешки и сдавленный кашель. Свет мерцал в конце коридора, над верхней ступенью узкой лестницы; Хасбро и Кракен ожидали увидеть перед собой мертвеца, кого-то из ходячих трупов, шаркающего по темному коридору.

Последние шорохи, глухой удар — в пределах видимости показались чьи-то ноги, склоненная голова, а затем и ухмыляющаяся физиономия Уиллиса Пьюла, залитая неестественно белым светом трескучего фитиля, торчавшего из адской машинки в его руке. Согнувшись в три погибели в узком пространстве лаза, Пьюл стал тихонько красться к застывшим на месте Кракену и Хасбро; отсвет горящего запала, скользя по полу и стенам тесного прохода, неуклонно приближался.

Хасбро присел у стены, готовясь вскочить, едва только их обнаружат. Кракен трясся рядом с ним, тихонько стуча зубами. Пьюл недоуменно повернул голову, с подозрением взгляделся во мрак.

— Господи! — взвыл Кракен. — Да он всех нас в куски разнесет!

И с этими словами сам бросился к перепуганному Пьюлу, уже было собравшемуся запустить бомбу Кракену прямо в лицо. Вдвоем они рухнули на пол, отчаянно суча руками-ногами и вопя в обе глотки. Еле развернувшись в тесноте, Кракен уселся на Пьюла верхом и принялся молотить его обоими кулаками. Бомба запрыгала по деревянным половицам; Хасбро подхватил ее и сжал

запал, который, несмотря все на его усилия, продолжал шипеть.

— Не тут-то было, — прокомментировал он вслух и запустил бомбу подальше в коридор. Та упала, покатилась, отрикошетила от стены и загремела вниз по ступеням: бум-бум-бум. Лаз внезапно погрузился во тьму.

— А-аа! — завопил Кракен. — Паскудная тварь!

Хасбро сдернул тряпку с фонаря и налег плечом на дубовую панель перед собой. В любой момент ожидая взрыва, способного произвести самый настоящий фурор и заодно обрушить ветхий дом, он шагнул сквозь проем — в лаборатории пусто, дверь нараспашку. Кракен выпрыгнул из-за стены вслед за ним, с руки капала кровь.

— Вы поранились, сэр, — отметил Хасбро, направляясь к распахнутой настежь двери.

— Грязный ублюдок укусил меня! — хватая воздух, просипел Кракен. — Ну так я пинком отправил его в колодезь, мимо лестницы.

— Браво! — одобрил Хасбро, гигантскими прыжками устремляясь к верхним этажам.

— Так он чего, вверх побежал?

— Не имею ни малейшего!.. — через плечо крикнул Хасбро. — Но дом точно скоро взлетит, может и нас прихватить!

— Ни боже мой! — взревел Кракен, стараясь не отставать от него ни на шаг. Ведшую наружу дверцу отыскать удалось в два счета; не снижая скорости, оба пробежали на соседнюю крышу,

а затем, даже не подумав остановиться и обсудить дальнейшие действия, перепрыгнули на третью. Вот тогда-то ожидаемый взрыв и громохнул, тряхнув, похоже, всю улицу. Поддавшись инстинкту, оба бросились навзничь, но затем сообразили, что крыша, на которой они лежат, устояла, подползли к краю и выглянули из-за каминных труб. В самой середке фасадов Пратлоу-стрит зиял дымившийся кратер, а в полуквартале далее во всю прыть мчался в направлении Холборна сокрушенный новым фиаско Уиллис Пьюл — да с такой скоростью, словно целая орда гоблинов наступала ему на пятки.

— Кажись, заряд просто вышиб двери, — подытожил Кракен.

— Полагаю, вы правы. Жаль только, что лаборатория уцелела...

— Можно самим постараться! — воскликнул Кракен, явно загоревшийся своей идеей. — Все там разнесем! Хрясь! Хрясь! И... хрясь!

Хасбро всерьез обдумал это заманчивое предложение, вспоминая, вероятно, о разбитом вдребезги бюсте великого Кеплера.

— Да, пожалуй, поздновато уже... — начал было он, но почти сразу прервал себя гневным возгласом: в полудюжине крыш от них, неожиданно выскочив из убежища, возник доктор Игнасио Нарбондо — в обеих руках по чемодану.

Без лишних слов благородные мстители кинулись следом, хотя и не совсем представляя себе, что станут делать, если беглеца удастся догнать,

но твердо уверенные в необходимости этой погони.

Не продлилась она, однако, и шести минут, как стало ясно, что в прошлом доктор не раз и не два следовал этим маршрутом: казалось, он пробегает два дома, в то время как его преследователи одолевают лишь один, лавируя между шпилей, оскальзываясь на медных листах облицовки, натываясь на кирпичи развалившихся труб — и отставая с каждым шагом все сильнее.

Наконец они остановились где-то в двух кварталах от Олд Комптон-стрит, вслушиваясь в далекие отголоски того, что во всех отношениях походило на летящий над крышами смех. На долю секунды доктор показался им снова — у чердачного окна, застывшим в невероятной дали силуэтом на фоне вечернего неба, — и пламеневшее закатное солнце тихо опускалось за его спиной. Затем он исчез.

НА УОРДОР- СТРИТ

Лэнгдон Сент-Ив и Уильям Кибл опустились на корточки в темноте скверно освещенного коридора на втором этаже дома на Уорддор-стрит. Их короткое путешествие по сточным каналам вышло и неприятным, и скучным в своем однообразии. Проникновение в дом оказалось делом до того простым, что вся история с часами, случившаяся всего неделю назад, казалась затеей смехотворно неуклюжей. Но что делать дальше и куда теперь направиться, было пока не ясно.

Воздух здесь казался неестественно бездвижным. Странно, что они ничего не слышали: совсем рядом могло находиться сколь угодно много людей, но в тяжелой, дремотной атмосфере дома

сам собой напрашивался вывод, что почти все они спят, — не столь уж нелепая догадка, если учесть, что бордели обычно оживают по ночам. Откуда-то снизу доносились негромкое копошение и стук — с кухни, очевидно. Слышались приглушенные голоса, один из которых мог принадлежать Уинифред Кибл, которая, переодевшись прачкой, уже наверняка проникла в здание через черный ход. Сент-Ива несколько тревожила мысль, что ей придется иметь дело с бледнолицей, усыпанной мукою кухаркой, но Уинифред настояла на своем. Что ж, с ножом или без, кухарке предстояло убедиться, что Уинифред — грозный противник.

Сент-Ив и Кибл на цыпочках прокрались по коридору, не зная, в какую комнату заглянуть. Ошибиться дверью значило поставить всю вылазку под угрозу провала. Кракен считал, что Дороти держат где-то на третьем этаже под охраной своры головорезов, разумеется, или даже самого Дрейка. Поэтому острой нужды наугад заглядывать в двери этажом ниже они не ощущали — разве что удобный случай представится сам. Кто знает, что там за ними скрывается?

Они приблизились к деревянной балюстраде, что шла по периметру зала в несколько этажей высотой, который Сент-Иву не позволили увидеть в прошлый визит. А ведь именно там, по рассказам Кракена, и хранился корабль пришельца. Что, если это лишь пустая оболоч-

ка, выпотрошенная и проржавевшая за долгие века? Ради какой надобности Дрейк держит ее здесь? Довольствуется простым обладанием ди-ковинкой или приспособил ее, как поговаривают, под какие-то темные, непотребные нужды? Сент-Ив мигом вспомнил о леденящем душу «марсельском мизинчике», который, обернутый платком, лежал сейчас в оставленном на улице капитанском фургоне. Очевидно, нет пределов извращениям, измышляемым отчаявшимися людьми. Что же подобная публика могла сотворить с межзвездным кораблем гомункула? Этого Сент-Ив вообразить себе не мог.

Из-за двери справа неожиданно донеслись всхлипы, за ними — злобещий низкий смех. Кибл выпрямился, выкатив глаза.

— Дороти! — вполголоса воззвал он, потянувшись к дверной ручке.

Сент-Ив тщетно пытался остановить друга — схватил Кибла за ворот пальто, шепча: «Подождите!», — но вслед за игрушечником оказался втянут в комнату. Там на разобранной узкой кровати сидела бледная женщина с одутловатым лицом и чем-то вроде вазы с фруктами на голове. По полу на четвереньках ползал мужчина в бриджах и полосатом халате, задранным на голову и подвязанном широкой лентой в горошек. На ногах у мужчины были остроносые дамские туфли, неуклюже насаженные задом наперед. Как раз он-то и издавал услышанные ими жалостные всхлипы.

При яростном вторжении Кибла и Сент-Ива женщина на кровати громко взвизгнула и, ничуть не растерявшись, схватила полную увядших роз стеклянную вазу и метнула в ошарашенного Кибла. Сразу прекратив резвиться, обмотанный халатом мужчина на полу пришел в ярость: «Что? Кто это?» Безднадежно запутавшись в халате, он барахтался в разъезжающихся туфлях, осыпaeмый фруктами, катившимися из вазы на голове женщины. Истошный визг прозвучал на бис, хотя и первый благополучно вынес Кибла в коридор.

Пытаясь отыскать подходящее убежище, Сент-Ив бежал по коридору, подталкивая игрушечника: этажом ниже уже щелкали замки, топали ноги. Из внезапно отворившейся двери в коридор высунулись двое полуодетых борода-тых мужчин и при виде явно торопящихся куда-то Сент-Ива и Кибла рванули к лестнице, очевидно приняв их за полисменов. Из-за другой двери выскочил невероятной толщины джентльмен в обтягивающих панталонах. Старательно прикрывая лицо развернутой газетой, он также скатился по лестнице, стремясь поскорее попасть на улицу.

Похоже, за считанные мгновения весь бордель встал на уши: на этажах звенели чьи-то вопли, мелко стучали по паркету и шлепали по коврам чьи-то ноги, громко хлопали двери. За спиной у Сент-Ива неистовствовал мужчина с обмотанной халатом головой — сквозь слои плотной

ткани он угрожал нарушителям отдохновения, поливая площадной бранью. Забавные туфли, уже лишившиеся каблучков, валялись на ковре. С трудом выпростав голову из складок халата, мужчина продолжал свою злобную тираду, одновременно стремясь поскорее избавиться от повязки в горошек, походившей вместе с перекрученным халатом на клоунский воротник. Руками, спеленутыми, как в смиренной рубашке, он тщетно пытался развязать хорошо затянутые узлы. Это был Келсо Дрейк.

При виде Кибла и Сент-Ива он побелел. С перекошенным в ужас ртом метнулся прочь, но запутался в полах халата; Кибл же, окончательно лишившийся дара речи, замер в оцепенении. С четверть секунды помедлил, осознавая ситуацию, а затем проскользнул мимо Сент-Ива и врезал фабриканту в нос. Продолжая сражение с халатом, Дрейк отлетел назад, исполненный уже не только ярости, но и страха. Кибл ударил миллионера снова. Сгреб складки халата левой рукой, трижды ударил в лицо правой и обеими затряс за уши, победно выводя залиvistую альпийскую трель и приплясывая перед беспомощной жертвой. А Сент-Ив, стремившийся как можно скорее скрыться, пытался оттащить игрушечника за шиворот.

С треском рвущейся материи Дрейк наконец избавился от пут и с безумным воплем бросился на Кибла, беспорядочно молотя воздух руками и ногами; к изумлению Сент-Ива, игрушечник,

не растерявшись, с ледяным спокойствием вытащил из кармана короткую дубинку в кожаной оплетке и двинул ею фабриканта в висок, повалив его на ковер. Явно удовлетворенный, Кибл убрал дубинку и повернул к Сент-Иву бледное лицо в бисеринках пота.

— Не стоит, пожалуй, убивать его, — задумчиво процедил он.

— Нет! — воскликнул Сент-Ив, снова увлекая Кибла к лестнице. Они преодолели примерно половину коридора, когда на площадке показались двое взбежавших снизу разъяренных мужчин, явно не являвшихся клиентами заведения. Холодея от ужаса, Сент-Ив признал в одном из них старого знакомого — громилу в шляпе высотой с печную трубу, с разделочным ножом в руке. Его спутник рылся за отворотом куртки, скорее всего нащупывая пистолет.

— Скамья! — вскрикнул Сент-Ив, цепляясь за один конец стоявшего на площадке резного антиквариата времен якобинцев; Кибл подхватил другой. Вынеся скамью по широкой дуге вверх и вперед, оба выпустили ее из рук — Кибл чуть позже Сент-Ива. В надежде избежать удара Печная Труба распластался на перилах, но тяжелая дубовая скамья, вращаясь в воздухе, крепко вдарила его в лоб, вторым концом пропахав грудь и горло его напарника, который в это время, к своему великому несчастью, ковырялся во внутреннем кармане. Вскрикнув, он потерял равновесие и, преследуемый скамьей, кубарем

скатился по ступеням. А оглушенный ударом Печная Труба тем не менее продолжил подъем, размахивая своим оружием.

Сент-Ив бросился еще выше, Кибл не отставал, и оба влетели прямо в удивленную Уинифред Кибл, левой рукой поддерживавшую Дороти за плечи. В правой руке она сжимала револьвер.

— Да где вас обоих... — начала было она, но затем углядела за их спинами мрачного мужчину в измятом цилиндре, настроенного весьма решительно. — Твой ствол у меня! — выкрикнула Уинифред, прицеливаясь.

Задержавшись на ступенях, Динер склонил голову набок, будто прикидывая степень угрозы, а затем с прежней ухмылочкой ринулся вперед. Уинифред толкнула Дороти к Уильяму, перехватила пистолет обеими руками и, плотно зажмурившись, выпалила три или четыре раза подряд. Нырнув на пол, Сент-Ив перекатился к краю лестницы и оттуда наблюдал за тем, как Билли Динера отбросило назад и швырнуло на пол; он откатился еще футов на шесть к центру комнаты, прикрывая голову обеими руками, и пополз в сторону кухни; вскоре хлопнула дверь черного хода. На площадку этажом ниже, пошатываясь, выбрался Келсо Дрейк, но мгновенно исчез, едва завидев в руках у Уинифред Кибл дымящийся пистолет.

Киблы повели спотыкающуюся, растерянную Дороти вниз по лестнице, и каждый мечтал только об одном: быстрее покинуть этот

жуткий дом. Опасаясь помех, способных возникнуть в любой момент, Кибл нагнулся и подхватил одурманенную девушку на руки, опасно накренившись под ее весом; перехватив дочь поудобнее, глава семейства Киблов устремился на выход. Сент-Ив наблюдал за благополучным отбытием семьи игрушечника, сидя на ступенях лестницы. И только после этого он взлетел на площадку и вбежал в безлюдный коридор, тускло освещенный равномерно развешанными по всей его длине газовыми светильниками в виде медных купидонов с лампадами.

Двадцатью футами далее коридор вывел Сент-Ива на балкон, опоясывающий большой зал приемов, взглянуть на который десятью днями ранее ему так и не удалось. Оказавшись над залом, исследователь приник к стене и вытянул шею, очень осторожно заглядывая вниз — меньше всего Сент-Иву хотелось попасться на глаза кому-то из противников, — однако в высоком и просторном помещении с плотно занавешенными окнами не было видно никого, кроме Келсо Дрейка с уже обмотанной бинтами головой. Хромая вдоль стены зала, он что-то бормотал — не иначе, ругался сквозь зубы. Потом приказал кому-то подавать брогам. Прозвучал неразборчивый ответ; Дрейк недовольно хрюкнул, и уже громче ему доложили, дескать, «второй ящик уже у Динера».

— Отлично! — обрадовался Дрейк, безуспешно пытаясь раскрыть кожаный саквояж,

замочек которого отказывался ему подчиниться. С изумившей Сент-Ива яростью миллионер с размаху впечатал непослушный предмет в спинку обитого бархатом дивана, потом пинками отправил его в путешествие по залу, а затем еще и станцевал на нем джигу, добиваясь от замочка покорности.

Успешно завершив экзекуцию, Дрейк отпер дверцы широкого зеркального буфета, вытащил оттуда ящик Кибла, бросил его внутрь с таким трудом раскрытого саквояжа и исчез из виду. Вскоре хлопнула входная дверь, воцарилась тишина. Однако, все всякого сомнения, в борделе оставалось еще немало людей, которые скрывались от суеты и дневного света, подобно летучим мышам в своих пещерах.

Сент-Ив решил не терять времени даром, не имея ни малейшего желания вступать в схватки с убийцами или прятаться от них за цветочными горшками. Нужно найти способ попасть внутрь невиданного судна, по-жабьи припавшего к паркету в центре зала под ним. Очевидно, здесь это удивительное устройство считали красивым курьезом вроде фарфоровой вазы или мраморной статуи купидона: безвестная уборщица начищала принадлежащую миллионеру причудливую безделушку до блеска, полагая ее непонятным, но мерзким механизмом, предназначенным для удовлетворения извращенных желаний распущенных богатеев. Чем-то вроде гигантского «мизинчика», истинное предназна-

чение которого надежно скрыто от людей целомудренных.

Долгую минуту Сент-Ив разглядывал аппарат — небольшие выступы на концах «плавников», изумрудно-зеленые иллюминаторы, сияющее серебро овального корпуса. По обводам инопланетное судно довольно сильно — не как брат-близнец, конечно, но как родственник, причем достаточно близкий — напоминало его погибший корабль.

«Как странно, — размышлял Сент-Ив, — что призванные покорять неизмеримые пространства Вселенной устройства, созданные в различных галактиках, имеют столь очевидное семейное сходство». В этом обстоятельстве сквозила некая неуловимая метафизика, достойная внимательного изучения, но это занятие стоило отложить на потом. Вволю налюбовавшись, Сент-Ив спустился по лестнице и, миновав еще пару комнат, прошел под гигантской аркой в зал и, дернув за толстый шнур, заставил шторы подняться. В глаза его ударил слепящий свет.

Высокое окно без ставней выходило на Уорддор-стрит, вид на которую частично закрывали разросшиеся можжевельник и самшит, посаженные вдоль стен дома и плотно увитые длинными плетями ползучего инжира. Видимо, их не подрезали годами, как не поднимали и занавеси, чтоб ненароком не впустить солнце в затененное нездоровым сумраком помещение.

Донесшийся сверху грохот падения, сопровождаемый чьим-то сдавленным перешептыванием, подтолкнул Сент-Ива вплотную заняться тем, что показалось ему входным люком корабля; сработав, надо полагать, от прикосновения руки ученого, круглая панель с тихим шипением отошла вдруг в сторону, подобно скале, преграждавшей вход в Аладдинову пещеру.

Внезапная возможность заглянуть внутрь инопланетного судна вызвала у Сент-Ива сильнейшую дрожь, почти лишившую его навыков управления конечностями. Несмотря на это прискорбное обстоятельство, ученый предпринял попытку залезть в кабину, но нога его тут же соскользнула с гладко отполированного округлого выступа обшивки, а руки понапрасну попытались уцепиться за скользкий край открытого люка.

Непроизвольный вздох разочарования, вырвавшийся из застывшей от волнения груди Сент-Ива, напомнил ему, что человеку свойственно дышать. Ученый ощутил слабость и легкое головокружение, осознавая, что наконец стоит перед предметом своих долгих и по большей части безнадежных поисков и сгорает от страха, что в любой миг может услышать за спиной щелчок взводимого курка или грубый оклик кого-то из подручных Дрейка. Сент-Ив схватился за подлокотник одного из мягких кресел, подтащил его к кораблю и вскочил на сиденье, но чуть не упал, провалившись почти до пола

в мягкой, слабо подпружиненной подушке. Тогда, привстав на подлокотник и опасно раскачиваясь, он головою вперед проскользнул в люк и, захлопнув за собою дверцу, шлепнулся на мягкое сиденье.

Сент-Ив устроился поудобнее, покрутил головой, осматривая внутренность корабля: повсюду циферблаты, кнопки и клапаны. Он был готов поспорить, что сумеет угадать предназначение не менее чем полудюжины из них, но прочие оставались загадкой. Вмонтированные в стены циферблаты накрыты прозрачными защитными крышками из полированного кварца, а пространство внутри заполнено, кажется, некоей фиолетовой жидкостью. Повсюду рассеяны ждущие нажатия кнопки, изготовленные из какого-то подобия слоновой кости и эбенового дерева. Сент-Ив ощутил вдруг потребность пробежать по ним пальцами — похожее желание часто возникает при виде клавишей рояля. К сожалению, результат исполнения подобной пьесы был непредсказуем и с легкостью мог обернуться гибелью «пианиста» — да *наверняка* обернулся бы. Изобретатель погрузился в раздумья, отталкиваясь в своих умозаключениях от недавних выводов о примечательном родстве соотносимых объектов во Вселенной. Пальцы его нерешительно блуждали от одного переключателя к другому. «Кто не рискует...» — сказал он себе, задержав палец у белой кнопки, обозначенной чем-то вроде иероглифа, похожего на солнце. И отважно ткнул

ее. Циферблаты зажглись, подсветив фиолетовую жидкость. Осмелев, он нажал другую — подле изображения эолоподобного⁴⁵ лика, выдувающего ветер. Негромко загудело. Сент-Ив напрягся, но ощутив на шее слабый поток воздуха, понял: «Оксигенатор!» — и улыбнулся верности сразу двух своих догадок. Третья кнопка заставила распахнуться входной люк.

— Черт, — вполголоса выругался Сент-Ив.

Извернувшись, он приподнялся к отверстию и схватился за крышку, собираясь захлопнуть ее, но уперся взглядом в истлевшее лицо живого трупа, неуверенно балансировавшего на мягком кресле. С криком ужаса Сент-Ив повалился назад, но мгновенно вскочил на ноги: упырь успел подтянуться и уже вползал внутрь. Жуткое лицо его, с распахнутым ртом и облепившими лоб грязными волосами, нависло над Сент-Ивом, который упер правую руку в физиономию твари и тщился выпихнуть ее из люка, напрягая спину и широко расставив ноги на пятачке пола у кресла управления звездным кораблем. Мертвец отступать не собирался; глаза его тупо таращились на Сент-Ива между расставленных пальцев ученого. Кулаком свободной руки Сент-Ив треснул по мертвым пальцам раз, другой, потянулся мимо упыря и, ухватившись за крышку люка, обрушил ее на затылок чудовищу.

⁴⁵ Эол — персонаж древнегреческой мифологии, полубог, властитель воздушной стихии.

Тот качнулся вперед с выпученными глазами, но хватки не ослабил и рывком поднял голову. И тут же в край входного люка вцепилась еще одна мертвая рука — еще один живой труп стремился забраться внутрь. Морщась, Сент-Ив принялся колотить крышкой по синюшным заскорузлым пальцам, дробя кости и содрогаясь от отвращения при мысли о дожде из обрубков. Для решающего удара ему пришлось зажмуриться, но крышка все же вернулась на место. Снаружи два упыря с удивлением изучали свои изуродованные кисти, словно успели забыть, что могло привести их в столь плачевное состояние. Позади переминался с ноги на ногу и третий мертвец, а еще двое, в спешке опрокинув друг друга, барахтались под аркой входа.

Сент-Ив скрипнул зубами и нажал черную кнопку. Корабль содрогнулся и снова застыл. Нажал вторую. Вообще никакого результата. Два живых трупа подтащили к кораблю диван, третий толкал дубовый письменный стол. Еще три ввалились в зал и ухватились за рояль: дюйм за мучительным дюймом они придвигали его все ближе, собираясь... что? Похоронить корабль заодно с Сент-Ивом, завалив мебелью? Любопытство взяло над ученым верх: вот за иллюминатором мелькнул конец тяжелого каната. Мертвецы привязывали корабль к ножке мягкого кресла, другим концом старательно оплетали ножки рояля. Выходит, тряпка уборщицы тут ни при чем: судя по всему, всем в этом

доме, включая даже упырей, было известно, что странный агрегат представляет собой некое воздушное судно. «Недурно!» — подумал Сент-Ив. Похоже, корабль был на ходу, раз Дрейк отдал приказ предотвратить угон.

При нажатии кнопки рядом с изображением спиральной стрелки аппарат неожиданно повернулся вокруг оси, увлекая за собой кресло и вырывая канат из рук обряженных в лохмотья мертвецов, суетившихся под роялем. Сент-Ив нажал ту же кнопку еще раз — вращение прекратилось; новое нажатие возобновило его опять. Увидев впереди, совсем рядом, манящее к себе окно, изобретатель вновь нажал ее. А потом, отбросив осторожность, принялся тыкать во все кнопки без разбора.

Корабль подпрыгнул, накренился и скользнул вперед на фут. Кресло пилота, резко откинувшись назад, едва не сбросило Сент-Ива на пол. Послышался мощный рев; корабль снова завалился набок, юлою пронесся по периметру зала и, в лавине битого стекла и зеленых листьев, во внезапном порыве рванулся вперед и ввысь, увлекая за собой мягкое кресло и болтавшегося на канате мертвеца, чье вконец растерянное лицо на краткий миг прижалось к одному из иллюминаторов по правому борту, скользнуло по нему и исчезло без следа.

Отчаянно пытаясь выровнять инопланетное судно, Сент-Ив суетливо нажимал на все новые кнопки — отвлекаться на прицепившихся

упырей было некогда. Корабль крутился подброшенной в воздух монетой, вращаясь вокруг своей оси. Мимо промелькнул перевернутый вверх тормашками купол собора Святого Павла, а затем — болтавшееся на обрывке каната кресло, которое, впрочем, тут же пропало из виду, уступив место чему-то, что почти наверняка являлось панорамой кеннингтонского «Овала»⁴⁶. Аппарат неся на юго-запад, направляясь, похоже, к Каналу⁴⁷.

Вжатый в кресло в соответствии с законами физики, Сент-Ив мчался с поразительной для бесконтрольного полета и чертовски опасной скоростью. Ученый осознал вдруг, что не отделается подступающей тошнотой. Путешествие со всею неизбежностью приведет к катастрофе — Сент-Ив был в этом уверен и уже представлял себе падение неуправляемого корабля в море. По большому счету, ничего иного вообразить не удавалось. Ученому было очевидно, что малейшее касание пары торчавших перед ним изогнутых рычагов заставит корабль кувыркаться, или резко отвернуть в сторону, или прыгнуть ввысь, или взбеситься каким-то другим манером.

Нерешительно толкнув один из них, Сент-Ив вызвал тем самым новые курбеты: вот морская гладь, а вот кресло, а вот мелькнуло и что-то, на-

⁴⁶ Один из старейших крикетных стадионов Лондона (1845 г)

⁴⁷ Английский канал — он же Ла-Манш

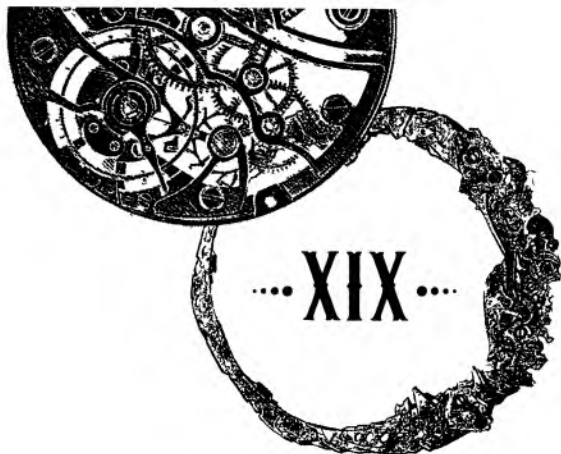
поминающее штанину с торчащей из нее босой ногой в петле. Нажим на другой рычаг направил корабль прямоком в море; желудок Сент-Ива мигом прыгнул в горло, сбивая дыхание. За иллюминаторами нелепо взлетели отстающее от корабля кресло и живой мертвец с оторопью в остановившемся взгляде: это его лодыжка запуталась в обрывке каната. Уже заметная на поверхности воды серая рябь неуклонно приближалась, и Сент-Ив отважился очень осторожно потянуть рычаг на себя. Падение прекратилось. Получалось, в управлении этим воздушным судном все решали спокойствие и точность постановки задачи: для смены курса хватало буквально мысли о давлении на какой-то из двух рычагов.

Желудок Сент-Ива вернулся на законное место, кровь прекратила свои безумные метания по жилам, и хорошо выверенным, обдуманном нажимом правой руки ученый мягко подтолкнул рычаг от себя. Успокоиться ему помогло возникшее перед внутренним взором видение: изумленные члены Королевской академии в полном составе наблюдают, как он на невероятной скорости проносится мимо.

Бескрайняя картина темнеющего вечернего неба вселила уверенность. Легким движением левой руки Сент-Ив выровнял полет аппарата, весьма довольный его послушанием. Резко нырнул вниз, снова промчался по прямой и с широкой улыбкой на лице заложил широкую дугу, на растущей скорости устремляясь к Дуврскому

проливу⁴⁸. Корабль плавно ушел сквозь редкую атмосферу вверх, в лиловые небеса. Небо в иллюминаторе над головой потемнело и засияло изумрудными огоньками — Сент-Ив словно заглянул в устье глубокого колодца, на дне которого плещется темная вода с отраженными в ней звездами.

⁴⁸ Он же пролив Па-де-Кале.

НА ЛУГАХ ХАМПСТЕД-ХИТА

С холмов Хампстед-Хита огни Лондона, мигавшие и посверкивавшие в темноте, выглядели земными двойниками тех звезд, среди которых многими милями выше в одолженном у пришельца корабле мчался сейчас Сент-Ив. Теофил Годелл стоял рядом с капитаном Пауэрсом и Хасбро, поочередно любуясь рекой огней и бездонным небосводом — просто так, без особой на то причины: городские огни были попросту красивы, а в небе в любой момент могла показаться темная махина дирижабля Бердлипа.

Деревушка Хампстед была забита народом, месившим уличную грязь, заполнившим таверны, засевшим на деревьях. Мальчишки, проворно разносившие кувшины эля и стаканчики

с джином или ромом, не успевали отойти от двери и на дюжину футов, как весь их товар разбирали, поглощали и в сто глоток требовали добавки. Казалось, половина населения Большого Лондона перекочевала в окрестности Хампстеда; правда, большинство любопытных осталось в самой деревне, продвинувшись не дальше Камден-Тауна, где появился стихийный лагерь. Вероятно, эти люди не особенно-то интересовались дирижаблями или, что даже вероятнее, имели слабое представление об ожидаемом зрелище и были довольны уже тем, что прохаживаются теплым вечером в атмосфере всеобщего праздника.

Годелл, обращаясь к капитану Пауэрсу, предположил, что эль и бодрость зевак не иссякнут слишком скоро, но едва он успел закончить фразу, как по лугу, где они стояли, пронесся оглушительный треск: стоявшее поодаль невысокое здание рухнуло, скрывшись в облаке разлетающегося мусора. Скопление людей, какие-то секунды назад сидевших на его крыше и невпопад распевавших церковные гимны, огласило округу горестными криками и жалобными стонами. Группа одетых в длинные рясы обращенных — двое несли изможденного, но бурно жестикулировавшего Шилоха — поспешила к обвалившейся хижине, пачками рассылая брошюры возбужденной толпе, сквозь которую пробиралась.

Члены Королевской академии сбились в обособленную кучку в пределах огороженного ве-

ревками прямоугольника лужайки, где были расставлены садовые стулья. Со всех сторон периметру прямоугольника угрожали напиравшие люди. Парсонс в сдвинутом на макушку напудренном парике что-то бойко зачитывал коллегам, заглядывая в пачку исписанной бумаги, но его слова оставались лишь частью общего гомона; едва ли хоть один ученый глядел еще куда-то, помимо звезд.

При виде проповедника Годелл был отчасти удивлен. Похоже, пронырливость этого старого фанатика просто не знала границ. Впрочем, старик выглядел немного поникшим, его паруса словно потеряли ветер. Голова Джоанны Сауткотт в зажатом под мышкой Шилоха стеклянном кубе завалилась набок и вела себя тихо. Сейчас проповедник никакой опасности не представлял: он дожидался дирижабля. Им нужно быть начеку, когда Бердлип приземлится. Но старик вряд ли решится напасть в открытую, несмотря на обиду, которую он, несомненно, затаил на Годелла.

А вот Келсо Дрейк — это совсем другое дело. Он примчался считанные минуты спустя после прибытия фургона капитана, но сразу же бесследно исчез — что, надо признать, выглядело несколько зловеще. Годелл скорее предпочел бы держать миллионера в поле зрения. Не представлялось возможным установить, Шилоху или Дрейку принадлежали живые мертвецы, топчущие сейчас луга Хампстед-Хита, — вероятнее всего, обоим.

Кракен со свистком в зубах угнездился в верхних ветвях особенно высокой ольхи в пятидесяти метрах отсюда. Ему было поручено нести вахту, и особенно зорко Кракен высматривал, не мелькнет ли где мятый цилиндр Динера.

Киблы были надежно и довольно уютно устроены в фургоне; ни у Джека, ни у Дороти не хватило бы сейчас сил слоняться в толпе. Тем не менее Дороти, к счастью, довольно быстро приходила в себя: поспешное бегство с Уордор-стрит отчасти развеяло воздействие сонных снадобий. Уильям Кибл украдкой оглядывался кругом, правая рука — на пистолете за отворотом пальто: он ничуть не сомневался, что Дрейк попытается отомстить ему за драку в коридоре. У его ног, обернутый платком, лежал пресловутый «марсельский мизинчик».

Когда фургон, грохоча, тащился вверх по холму от Хампстеда, за очередным поворотом они наткнулись на новое скопление вымотанных дорогой зевак. Среди них, в низко опущенной на глаза широкополой шляпе, сутулясь, медленно шел Уиллис Пьюл. Он поднял взгляд, как будто решив присоединиться к основной части толпы и осыпать проклятиями спешивший мимо фургон, но вместо глаз у него с тем же успехом могли быть и пуговицы. Если Кибл способен различить в человеке безумие, то он увидел его в Пьюле — ясно как на ладони. Бледное лицо подручного Нарбондо имело мертвенно-зеленый оттенок; голова его напоминала кусок

измятого, изрытого несозревшего сыра, доставленного прямым с Луны.

Скользнув ненавидящим взглядом по проезжавшему мимо фургону — задние колеса, вращаясь, забрызгали грязью его брюки, — Пьюл сообразил вдруг, кто там едет; рот его спазматически задергался, а внезапно ожившие глаза закатились под самую тулью шляпы. Он рванулся вперед, кажется, решив ухватиться за колесо и остановить экипаж, но тут толпа наконец поредела, дорога была чиста на четверть мили впереди, и лошади побежали быстрее. Колесо отбросило Пьюла — тот рухнул на спину и, не в силах подняться, уподобился застрявшему в тине таракану, шипя невоспроизводимые ругательства.

Эпизод озадачил Кибла. «Что такого, — думал он, — приключилось с Пьюлом, что подвигло его на подобный безрассудный шаг, и отчего вид фургона так разъярил его?» Очевидно, в мире оставалось немало такого, чего Кибл не понимал — и даже не собирался пытаться.

Парсонс ходил взад и вперед по траве: десять шагов туда, десять обратно. Время от времени он замирал на середине дистанции, чтобы вставить в рассуждения коллег свои ценные замечания касательно господствующих ветров, а также способности теплого воздуха долин создать опасное восходящее течение и отнести дирижабль к Чингфорду, Саутгейту или того дальше. В конце концов, ветры бывают коварны. Как и зубы в человеческом рту, по сути

дела. Но тому, кто разбирается в их особенностях и привычках, они откроют монументальные знания, позволят прочитать и расшифровать себя — подобно тому, как внутренние ветры человеческого организма способны многое поведать об особенностях пищеварительного тракта. «Если б только Бердлип, — сокрушался Парсонс, — был ученым иного типа, чего бы только он не познал, дрейфуя в небесных потоках без малого пятнадцать лет!» Увы, они могли уповать лишь на малое, а ожидать даже меньше того. «Надейтесь на худшее, — настаивал Парсонс, — и тогда вряд ли окажетесь разочарованы». Так он и вышагивал взад и вперед, время от времени извлекая из кармана часы и потом возвращая их обратно в жилетный карман, а дюжина седобородых академиков следила за ним глазами.

Несметное число медных телескопов буравило пустые — не считая, понятное дело, звездных скоплений и поднявшегося полумесяца — неба. Кто-то закричал, указывая пальцем-двумя на белесый ломтик луны, но что бы ни привлекло внимание зевак, оно мигом исчезло. Повидимому, нечто, коротко чиркнув по светлому лику спутника Земли, сразу же кануло во тьму. Парсонс объявил эту загадку происками летучей мыши, чья привычка искать пропитание в ночное время суток объяснялась поразительно действенной системой пищеварения. Дирижабль все не показывался.

Парсонсу искренне хотелось, чтобы зеваки разошлись по домам. Крики, песни и всеобщее пьянство отвлекали его пытливый ум и, разумеется, не играли никакой роли в событии подобного масштаба. Присутствие этих людей было вызвано лишь дурацким кривлянием проповедника-шарлатана, чьи апокалиптические откровения толкнули целый миллион лондонцев на этот нелепый исход. Старику место в сумасшедшем доме. Вот он стоит, уперев ногу в спину коленопреклоненного собрата по вере. Почти все, что бы Шилох ни выкрикивал в ночной воздух, терялось в общей какофонии, и Парсонсу не удавалось уловить ни единой стройной мысли. Те немногие фразы, что долетали до него через луг, являли собой бессмысленную мешанину адского пламени, трубящих ангелов, божественных мстителей и — послушайте только! — существ, явившихся со звезд. Это последнее в более спокойных обстоятельствах еще могло бы привлечь интерес Парсонса, но в остальном старик нес законченную чушь, и внимать его разглагольствованиям дольше десятка секунд было чрезвычайно утомительно.

Руки старого проповедника медленно поднялись над головой; в них для обозрения толпы был зажат какой-то куб. Было слишком темно, несмотря на разбросанные по зеленым склонам тлеющие костры, чтобы Парсонс мог подробно рассмотреть, что там. Некая священная реликвия, не иначе. Люди сгрудились вокруг проповедника, внимая его болтовне. Звездное небо и далекие огни Лондона,

подмигивавшие и мерцавшие на равнине внизу, объяснимо наделяли ночь мистическим духом.

Проповедник продолжал увещевать толпу. Кто-то ответил ему воплем — согласия, видимо. И тут зазвучали, нарастая, новые возгласы. Руки вздернулись вверх, указывая в небеса. Шум, нарастая, превратился во всеобщий рев, крик бесчисленного количества глоток. Телескопы развернулись, нацеливаясь на крохотную светящуюся точку, по широкой дуге стремящуюся вниз, к Хиту, и делавшуюся все ярче. Суматоха уступила место благоговейному молчанию, нарушенному выкриком проповедника:

— А имя сей звезде, — возопил он, — **Полынь!**⁴⁹

Не успел отзвучать последний слог, как за грозным предупреждением последовал истошный визг: проповедник слетел с подставленных ему спин. Куб, который он удерживал над головой, пролетел по воздуху несколько футов и был подхвачен бегущей фигурой в широкополой шляпе, которая рванулась прочь, расталкивая людей, как бильярдные шары, и с маниакальной одержимостью помчалась туда, где перед собравшимися учеными стоял Парсонс.

— Что это такое, черт возьми? — вскрикнул Парсонс. Возглас этот равно относился к любой из двух упомянутых загадок: к несущемуся сюда светящемуся шару и к непрерывно бубнящему

⁴⁹ Цитата из Библии (Откр., 8:11).

что-то душевнобольному с искаженной ужасом физиономией, который уставился на сжимаемый в руках предмет, подскочил с протяжным воем и остановился, шатаясь, в каких-то десяти футах от собрания членов Королевской академии. Там странный тип в широкополой шляпе оцепенел, уставившись на содержимое куба как на предателя. Парсонс разглядел теперь, что куб изготовлен из прозрачного материала и содержит какой-то беспокойно шелкающий предмет. Губы завладевшего им человека двигались, беззвучно лопоча. С рыдающим вздохом, будто испытав при виде странного куба сильнейшее разочарование, не постигавшее его вот уже многие годы, безумец швырнул свою добычу оземь и побрел прочь, никем не преследуемый. Ведь присные старого проповедника заодно с ним самим безотрывно и с растущим изумлением следили лишь за удивительным объектом в небе — светящимся овальным кораблем, который прибыл сюда с далеких звезд.

Парсонс заморгал. Взглянул на удалявшегося безумца. Взглянул на приближавшийся звездный корабль. Взглянул, опустив глаза, на полусгнивший зубастый череп бурого цвета, который подкатился к его ногам и, замерев там, воззрился на ученого провалами пустых глазниц.

— Да какого же, в самом деле... — пробормотал Парсонс.

Сент-Ив вновь мог разглядеть распростертый внизу Лондон, но на сей раз город уже

не крутился волчком. Он лежал вдоль извилистой темной ленты Темзы россыпью булавок, украшенных самоцветами. На западе небо налилось закатным багрянцем; по ходу его снижения к Хампстед-Хиту красный горизонт стал лиловым, а затем и иссиня-черным. Позади лежали не нанесенные на карты океаны глубокого космоса — океаны, пересекаемые кометами и лунами, планетами и астероидами, гигантскими парусниками, одиноко курсирующими по торговым путям среди звезд. Меж ними, пусть лишь несколько кратких минут, Сент-Ив и сам правил своей крохотной звездной лодочкой.

Но теперь он направлялся в Хампстед-Хит. Вне всяких сомнений, чудеса космических глубин дождутся его, никуда не денутся. А вот земные мерзавцы с их гнусными проделками ждать не станут. В этот самый миг его друзья могли тонуть в водовороте бог весть каких опасностей и интриг. Сент-Ив улыбался, сбавляя скорость и начиная плавно снижаться к маячкам костров, усеявших склон холма на окраине деревушки.

Просторный луг кишел мечущимися без толку, разбегающимися и застывшими людьми. Небольшая группа восседала в огороженной зоне — без сомнений, Королевская академия. И перед ними... кто же еще, наверняка Парсонс. Сент-Ив заложил вираж в его сторону, тщетно пытаясь разыскать в кипящей толпе членов клуба «Трисмегист». Но конные повозки, представленные на холмах в изобилии, выглядели совершенно

одинаково с такой высоты. Земля мчалась навстречу. Задранные к небу лица, разинутые рты виделись все отчетливей. Сент-Ив шевельнул рычаги, поиграл ими, сдвинул туда-сюда и приземлился на траву точно меж двух ревуших костров, ощутив при этом толчок не более мощный, чем если бы прилетел на перышке.

Встав, ученый откинул люк, высунул голову и первое, что он с изумлением увидел, было мягкое кресло из дома на Уорддор-стрит. Оказалось, что оно до сих пор привязано к кораблю, а на его сиденье расположился невезучий упырь, примотанный тремя витками пенькового каната. Волосы у мертвеца стояли дыбом — взбиты стремительностью космического путешествия, — а лицо вздуто и перекошено из-за жестоких игр атмосферного давления, месившего его, точно кусок глины. Казалось, живой труп не отводит глаз от остоленевшего с открытым ртом Парсонса, который держал в правой руке не что-нибудь, а отделенную от тела усохшую голову Джоанны Сауткотт.

Сент-Ив улыбнулся и коротко кивнул Парсонсу, который, вполне очевидно, испытывал желание разрыдаться, потрясенный величавым появлением корабля. Кажется, Сент-Ив недооценил Парсонса. Куда очевиднее, впрочем, было то, что академики недооценили Сент-Ива. Эта мысль явственно проступала на их лицах.

— Джентльмены! — воскликнул Сент-Ив, подготовивший маленький спич, пока рассекал

верхние слои атмосферы. Но речь его оборвалась с тою же внезапностью, с каковою началась: как раз в это время со стороны деревни Хампстед сюда долетел бурный многоголосый крик, взобравшийся по холму подобно великану-невидимке. С той же стороны, покидая звездные пределы, гордо выплыл дирижабль доктора Бердлипа: он медленно парил на мягком бризе, направляясь к лугам Хампстед-Хита.

Каким бы чудом ни казалось явление Сент-Ива, приближение дирижабля все же затмило его. Члены Королевской академии, опасаясь опоздать, торопливо повскакивали с мест и гуртом кинулись бежать, огибая борта звездного судна; Сент-Ив мог продолжить свою речь, обращаясь к затылку прикованного к креслу упыря. «Долг прежде всего!» — рассудил ученый, вспомнив о цели своего прибытия в Хит. Его друзья были где-то поблизости, не говоря уже о врагах. Бердлип приближался, неся с собой имущество, принадлежащее Джеку Оулсби, — независимость для Джека и Дороти, единственное достойное упоминания наследство, оставленное Себастьяном. Еще немного, и нацелившихся присвоить это наследие разбойников будет не считать.

Сент-Ив разрывался пополам. Он не решался оставить корабль без присмотра. Кто скажет, какую дьявольскую шутку могут с ним сыграть? Дрейк, само собой, попытается вернуть аппарат себе, а Пьюл — разнести в клочья. С Шилоха

станется провозгласить его колесницей какого-нибудь бога. Итак, что предпринять? Засесть в нем? Позволить скрытым в толпе противникам опередить его у дирижабля и потом героически отбивать у них сокровище? Сент-Ив высунулся из люка по пояс и, сместив центр тяжести, скользнул наружу, цепляясь за пару медных выступов на клепаной обшивке корабля. Свобода!

Крики сделались громче. Сент-Ив сполз в росистые травы Хита и встал на ноги, оправляя измятый костюм. Позади него раздался громкий хлопок; что-то звонко щелкнуло, срикошетив от обшивки звездного судна. Услышав новый выстрел, Сент-Ив рухнул в траву, бочком заполз за корабль и опасливо выглянул из-под нижнего изгиба корпуса: под раскидистыми ветвями тенистого дуба засел Билли Динер, обладатель цилиндра размером с печную трубу. В его руке дымился пистолет. Сбоку стояли лошадь и привязанный к стволу пустой фургон. Динер нацелил свое оружие и шагнул вперед — явно намереваясь нагнать на Сент-Ива страху и заставить выдать свое убежище. И думать нечего: громила изготовился совершить идеальное убийство. Как раз сегодня благодаря суете и неразберихе в Хите он легко сможет выйти сухим из воды: Сент-Ива найдут на лугу мертвым, подстреленным, словно заяц на охоте, и полмиллиона лондонцев окажутся под подозрением.

Сент-Ив подался в сторону, обходя корабль с тылу. Может, имеет смысл попробовать

спастись бегством, доверив увеличивающемуся расстоянию сбить прицел Динера? Ученый высунул голову из-за края обшивки, и угодившая совсем рядом пуля взвизгнула у его уха. Сент-Ив втянул шею, как потревоженная улитка. Пожалуй, он ускользнул бы от преследователя, если б сумел запрыгнуть в корабль, захлопнуть люк и отлететь подальше, но стоит ему шевельнуться, и Печная Труба начнет палить; и безжизненное тело Сент-Ива повиснет во входном проеме. Бежать, другого выхода нет. Отчаянные рывки из стороны в сторону помогут выжить. Он кинется в сторону дальней рощи, стараясь держаться между кораблем и Динером, чтобы тому приходилось стрелять из-за судна.

Сент-Ив вскочил и помчался. «Хоп! Хоп! Хоп!» — бесцельно выкрикивал он, разве что пытаясь всполошить саму ночь, предупреждая о грядущем кровопролитии. Отбежав немало, глянул через плечо: лучше знать, что там затевает убийца, чем оставаться в неведении.

Но Печная Труба не успел себя никак проявить: кто-то ловко, как обезьяна, свесился с дерева прямо над Динером и, как успел разглядеть Сент-Ив, неуклюже треснул его под высоченную шляпу чем-то вроде крикетной биты. Цилиндр кубарем полетел в сторону, а громила рухнул на колени. Неизвестный агрессор свалился с дерева, уронив при этом собственную шляпу, и, перехватив дубину обеими руками, огрел Динера вторично. Наемник Дрейка нич-

ком повалился в траву, а неожиданный спаситель занес свое оружие для нового удара. Сент-Ив осторожно двинулся к кораблю. «Это уже слишком», — подумал он. Существует же обычная порядочность даже по отношению к несостоявшемуся убийце. Бита поднималась и с глухим стуком опускалась на череп Динера — раз, другой, третий, — будто сжимавший ее человек был вне себя от ярости.

— Довольно! — выкрикнул Сент-Ив, бросаясь к нему. Незнакомец отбросил биту, повернулся к приближающемуся ученому и нагнулся, подбирая что-то с земли. Этим «чем-то» оказался пистолет, дуло которого немедленно установилось в Сент-Ива. Тот чуть не упал от резкой остановки, сменил направление и помчался назад, петляя по лугу и борясь с искушением напрямик броситься вниз по холму к толпившимся там людям, но опасаясь, что предназначенная ему пуля угодит в какого-нибудь ни в чем не повинного лондонца.

Забегав за корабль, до крайности изумленный Сент-Ив присел и задумался: какой странный ход событий мог привести сюда Уиллиса Пьюла как раз вовремя, чтобы спасти его от безжалостной атаки Динера? Потому что именно Пьюл, вероятно напрочь лишившийся разума, свесился с дерева с крикетной битой, решив проломить голову Печной Трубе. Но зачем? Видимо, чтобы не упустить удовольствие расправиться с Сент-Ивом самолично. Хотя,

кажется, от этой мысли Пьюл отказался: он подбежал к фургону, порылся среди вещей Динера и вытащил... ящик Кибла! Даже в ночи, на таком расстоянии сомнений не оставалось.

Тотчас забыв о пистолете, Сент-Ив выскочил из укрытия и рванул туда. С которым из ящиков сейчас намеревается удрать Пьюл, Сент-Иву было не ведомо, но всплывшие в памяти ужасные картины — брызжащая искрами ракета прорывает крышу силосной башни, а сам Пьюл в клочья разносит его кабинет, не щадя даже бюст несчастного Кеплера, — заставили Сент-Ива пренебречь риском. Похоже, подобное же безумие накрыло и студента-алхимика, ибо тот, не обратив никакого внимания на подбегавшего Сент-Ива, сам метнулся в темноту, на бегу бессвязно бормоча и всхлипывая. Билли Динер, как обнаружил Сент-Ив, благополучно отправился к праотцам.

Ветер, задувавший, кажется до самых звезд, гнал по небу дирижабль Бердлипа. Лунный серп, омываемый небесными волнами, встал на якорь, окруженный лучистым гало звездного сияния — так, будто самые звезды служили уличными фонарями, освещавшими невидимую аллею, по которой сходил вниз дирижабль, чья гондола поскрипывала в привычном, давно устоявшемся ритме.

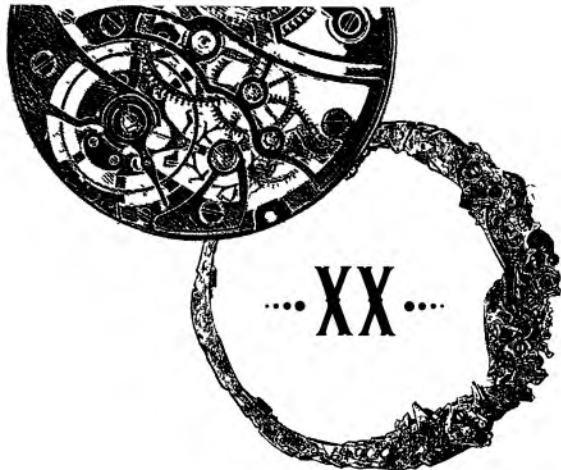
Сент-Ив задался вопросом: сколько же людей замерло в молчаливом ожидании на этом лугу? Сколько их еще сидит на ветках деревьев, сколь-

ко выглядывает в окна с распахнутыми ставнями или стоит, вывернув шею, на темных и грязных улицах, ведущих сюда из дымного Лондона? Сотни? Тысячи? И все хранят молчание: ни писк летучей мыши, ни верещание сверчка в ближнем лесу не нарушали тишины; была лишь ночь, напоенная ароматами молодых побегов, густая и тихая, ожидающая, да медленные «скрип, скрип, скрип» качающейся гондолы, слабо залитой лунным серебром. Там, у штурвала, стоял обратившийся в скелет Бердлип — неудержимый пилот, чей плащ плескался обрывком паутинного кружева у выбеленных ребер грудной клетки. Месяц светил прямо через плащ, словно лампа сквозь муслин; серп даже казался больше, словно одеяние Бердлипа — сплетенная из шелка и серебра волшебная линза, процеживавшая скопившийся свет небес.

Сент-Ив стоял и смотрел. Что он такое, этот гудящий дирижабль, спустя годы блужданий в атмосфере решивший наконец лечь на обратный курс? Что предвещает его возвращение? Только Бердлип смог бы ответить. Он преследовал нечто — демона, блуждающий огонек, улетающее с ночным ветром отражение призрачной луны, опускавшейся за невообразимый горизонт. Удалось ли Бердлипу настичь свою цель? Или же она ускользнула? И какие выводы, во имя всего святого, мог теперь сделать бедняга Парсонс? Очень скоро ему предстоит встреча с очередным лишенным плоти ликом...

«Что, — размышлял Сент-Ив, — что все это значит?»

Дирижабль медленно плыл над Хитом на высоте примерно в полсотни футов, вздымаясь над холмами и ныряя в лощины, словно намеревался приземлиться не где попало, а в каком-то заранее намеченном, необходимом и неизбежном месте, куда вел его рулевой — твердо стоявший на широко расставленных ногах доктор Бердлип. Его лихо заломленная французская шляпа была надвинута на самый лоб, затеняя пустые глазницы, яблоки которых давно выжгло беспощадное солнце и расклевали морские птицы. Какое таинственное зрение сохранил Бердлип? Насколько ясно он мог видеть?

БЕРДЛИП

Билл Кракен, оседлавший длинную ветвь дуба футах в пяти над головами зевак, думал примерно о том же. Ни в одном из научных экскурсов Кракену не попадалось ничего столь же громадно-го и величественного, как стремящийся домой поразительный корабль Бердлипа. Кракен был уверен: назревает нечто важное. Воздух потрескивал от напряженного ожидания, как от статического электричества перед грозой.

Продолжавший снижение дирижабль висел почти над их головами — Кракену показалось даже, что исполинский аппарат закрыл собою все небо без остатка. Устроившиеся на верхушках деревьев люди пытались до него дотянуться. Кракен оглянулся через плечо и, испытывая определенную гордость, любовался Лэнгдоном Сент-Ивом, стоявшим перед собственным невероятным кораблем. Воистину, эта

ночь полна чудес. И он, Билл Кракен, торговец кальмарами, продавец вареного гороха вразнос, приложил к ним свою руку! А вот человек на ветке рядом — небритый мужчина с выпирающими скулами и в вязаной шапке, — не приложил.

Кракен добродушно улыбнулся соседу. Тот ведь не виноват, в конце концов, что не водит дружбу с гениями. Мужчина ответил хмурым взглядом, не одобрив фамильярности. Кто-то выше веткой воспользовался головой Кракена как подножкой, изыскивая более выгодный угол обзора. Прямо под ним, блуждая из тени в тень, словно исподтишка пробираясь туда, где обречен приземлиться дирижабль, по траве ковылял какой-то тип — не то больной, не то пьяный. Кракен вгляделся, не веря собственным глазам: Уиллис Пьюл!

Кракен покачал ногой у ствола, нащупывая развилку двух толстых ветвей примерно в шести футах от земли. Похоже, становится горячо. Пьюл в очередной раз растворился в тени, а затем появился у громадного костра, чей пляшущий оранжевый свет только сгущал обступившую его темноту.

В двадцати шагах позади Пьюла, охваченный несвойственной его возрасту решимостью, хромал Шилох, сопровождаемый выводком обращенных, вытянувшихся в цепочку наподобие пестрой стайки перепелок, мечтавший и расквитаться с ускользнувшим от него Пьюлом, и подняться на борт гондолы Берддипа. Дирижабль замер теперь над самой поляной, поддерживаемый, вероятно, единственно магией двигателя Кибла. На мгновение искаженное

судорогой отвращения лицо проповедника высветило тем самым костром, что озарял и Пьюла — жалкого червя, зеленомордого дьявола, гнусного похитителя головы матушки Шилоха, вора, имевшего при себе один из чудесных ящичков — скорее всего тот, что несколько часов тому назад был украден у старика неизвестным грубияном и увезен им на подводе.

Поодаль, осторожно огибая толпу, крался Теофил Годелл, имея при себе, как с трепетом понял Кракен, округлый металлический предмет — не что иное, как тот самый «марсельский мизинчик», поблескивавший в отсветах костра. Приближения Годелла точно не замечали ни Пьюл, ни старик, но заметил Билл Кракен, а также и Сент-Ив. Настала пора заказать музыкантам мелодию побойчее да сплясать танец! Соскользнув на землю, Кракен шагнул в сторону — и тут же налетел на Келсо Дрейка с полутора дюймами сигары, почерневшим языком торчавшей изо рта фабриканта.

Будь у него время поразмыслить, Кракен взлетел бы обратно на дерево, с обезьяньим проворством цепляясь за скользкий ствол. Но времени на раздумья не осталось, и он бросился на миллионера.

— Это тебе за Эшблесса! — выкрикнул Кракен, подразумевая неявную ассоциацию с выпущенной Билли Динером пулей, пробившей драгоценный томик жизнеописаний лондонских философов. И двинув Дрейка в челюсть, выхватил Киблов ящик

из рук ушлого мерзавца, пока тот валился навзничь, роняя брызги слюны и коченея от неожиданности. Шляпа откатилась в сторону, обнажив забинтованную голову.

Повернувшись, Кракен побежал, держа ящик на вытянутых руках, словно сосуд с водой, которую боялся расплескать. Дрейк глухо топал позади, наполняя внезапно ставшую бурной ночь проклятиями, которые тонули в приветственных восклицаниях, внезапно исторгнутых тысячами глоток. Дирижабль, чье время наконец пришло, немного продвинулся вперед и осел на лугу не далее чем в двадцати пяти футах от космолета Сент-Ива. Следом за ним на холм хлынула основная масса зевак. Мертвец в мягком кресле сидел чинно, словно джентльмен за чаем. Члены Королевской академии под водительством непреклонного Парсонса окружили дирижабль, торопясь взглянуть на скелет рулевого, что «наконец возвратился с моря домой»⁵⁰.

Кракен влился в бегущую толпу. Там были и ковылявший на протезе Пауэрс, и Уильям Кибл, и не отстающая от игрушечника верная супруга — и все они спешили к дирижаблю за прибывшим с ним четвертым и последним ящиком. «Капитан!..» — крикнул Кракен, устремляясь им вслед в бегущей толпе. Колыхавшееся вокруг море голов закрывало обзор. Кто-то наступил Биллу на ногу, он споткнулся, начал падать. Добрая дюжина лю-

⁵⁰ Цитата из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Реквием» (1915 г.).

дей врезалась в него, помешав подняться с колен, сбила в грязь. Но ящик Кибла почти затоптанный толпой Кракен сберег, накрыв собой.

— Чертов кусок дерьма!.. — прошипел в ухо Кракену чей-то голос; Билл приподнялся, пытаясь встать, но снова повалился под весом потерявшего сигару Келсо Дрейка, чьи челюсти просто ходунном ходили — так, словно рот его был полон слов, чересчур гнусных, чтобы вырваться наружу.

Кракен всадил в нос Дрейку локоть. Миллионер вцепился Кракену в рот и нос и рванул его голову назад. Тогда Кракен впился своими редкими зубами в палец Дрейка и грыз его, пока не добрался до кости. Истошный визг оглушил Кракена, и рука потерпевшего поражение миллионера отдернулась, едва не прихватив с собою драгоценный передний зуб.

Приподнявшись, Кракен неловко шагнул вперед, еще не успев выпрямиться, и замедлившая из-за тесноты свой бег толпа оттащила его в сторону. Он сумел подняться на ноги, радуясь, что теперь его, крепко зажатого в толчее, повалить почти невозможно. Через плечо Кракен видел стиснутого Келсо Дрейка, честившего на чем свет стоит прижатых к нему людей, которые вовсе не были настроены выслушивать ругань в свой адрес. Выброшенный сбоку кулак припечатал Дрейку ухо, заставив пошатнуться. Кракен удовлетворенно фыркнул: очевидно, Дрейком владело смехотворное убеждение, что с миллионерами не следует так поступать. Фабрикант тут же облаял парня, кото-

рого счел обидчиком, но, как оказалось, обозначился — и весьма неудачно. Оскорбленный фигурой походил на хогсхед⁵¹, а лицом — на мешок булыжников.

— Ну держись! — рывкнул здоровяк и, не тратя лишних слов, заехал Дрейку в нос при полном одобрении толпы. Кракен протолкался вперед и радостно завопил, увидев, как хлынула кровь Дрейка. Тот молотил руками что твоя ветряная мельница, но вынужден был отступить, задыхаясь от ярости и отвращения.

Кракен надеялся лично отвесить удар-другой, но этот план сразу рухнул, стоило ему поддаться вдохновению и во всю мощь легких выкрикнуть: «Да это ж тот детоубийца!» — указывая в лицо миллионеру из-за широких спин его противников. К небу немедля взметнулся стонущий рев ненависти, и прежде чем Кракен успел шевельнуться, Дрейк исчез в урагане взлетающих кулаков.

— Бей его! — завопил Кракен, однако быстро понял, что запоздал с этим советом, и, покрепче обняв ящик, стал проталкиваться к дирижаблю.

Прямо перед ним две дюжины людей возились, растягивая вокруг аэростата веревки, чтобы оградить машину от напора толпы. Но у лондонцев и самих хватало опасений, страхов и, возможно, суеверного почтения, ибо толпились они по периметру вытянутого в длину участка луга, где совер-

⁵¹ Буквально «свиная голова» (англ.) — бочка вместимостью в 240 литров.

шили посадку дирижабль, мягкое кресло с живым трупом и космолет пришельца. Парсонс руководил действиями по охране ценной техники, неустанно препираясь с капитаном и Сент-Ивом. Капитан Пауэрс все больше горячился, отстаивая ту точку зрения, что Парсонс не наделен «полномочиями». Академик, пытаясь его всячески игнорировать, метал многозначительные взгляды в Сент-Ива, как бы призывая ученого поскорее унять своего разбушевавшегося приятеля.

Сент-Ива, однако, больше занимали возня и крики справа от него, позади полыхавшего с нарастающей свирепостью костра — энтузиасты обрушили в него целую лавину веток и валежника. Приблизившись к эпицентру потасовки, Сент-Ив различил в самой гуще голову и плечи Теофила Годелла, заметив между делом и семенившего к нему Билла Кракена с трофеем в виде ящика Кибла.

Уилис Пьюл корчился и хрипел, зажатый в тесном узле тянувшихся к нему религиозных фанатиков с Шилохом, Новым Мессией, во главе. Годелл держался рядом, поглядывая на ящик, который сжимал Пьюл. Джек Оулсби отважно наворачивал круги вокруг алхимика, дожидаясь удобного случая. Пьюл издал душераздирающий вопль: ящик выскочил у него из рук и был перехвачен дюжим малым в грязном монашеском одеянии. Шилох не замедлил отобрать добычу у парня и, возбужденно бормоча, заковылял к свободному участку луга. Он не имел ни малейшего понятия, который из множества чудотворных ящичков

ему удалось обрести, однако полагал, что все они в каком-то смысле священные и посему по праву принадлежат именно ему.

Джек Оулсби зашагал за стариком. Несколько верных прихожан, дернувшиеся было остановить Джека, обнаружили нацеленным на себя пистолет в твердой руке Годелла. Догнав проповедника, Джек выхватил у него ящик и пустился бежать к дирижаблю; Шилох повернулся, растягивая рот в бессловесном визге; Годелл же, преспокойно улыбаясь, выбрал именно этот момент и вложил «мизинчик» в простертую руку старика.

— Что!.. — вскрикнул проповедник, отбрасывая вещь прочь. И разглядел как следует, уже лишившись. Глаза его, желтые от пламени костра, раздулись двумя воздушными шарами. Тихо и разочарованно хныча, Шилох проводил полет медной сферы тоскливым взглядом: «мизинчик» сверкнул горсткой искр вокруг выскочившей на лету усмехающейся головки и по пологой дуге спланировал в гущу темного папоротника и ракитника, откуда продолжили доноситься выпускаемые шаром странные звуки, нередко сопровождаемые и вспышками.

Проповедник окаменел с разочарованно вытянутым лицом. Джека ему было не достать: на миг попавшая в его руки птичка упорхнула. Зато в этих кустах найдется другая! Шилох бросился туда, позабыв о Годелле, который и не пытался его остановить. Секунда — и старик исчез из виду, на четвереньках отползая в темный подлесок и уделяя

потоку судьбоносных событий не более внимания, чем любой из оживленных трупов Нарбондо.

За какие-то пять минут вечер сделался в глазах Сент-Ива вполне терпимым. Здесь был Джек Оулсби, несший добытый ящик Кибла. Здесь был Билл Кракен, тащивший другой. Здесь был Теофил Годелл, державший третий. Сент-Ив улыбнулся Джеку и потянулся пожать юноше руку: ему было ясно, что мировое зло терпело поражение в самом буквальном смысле этого слова. Джек усмехнулся в ответ, пламя взревело, капитан вскрикнул, а Билл Кракен с пугающей внезапностью полетел лицом в огонь.

Там, где он только что стоял, припал к земле обезумевший Келсо Дрейк с окровавленным лицом и наглухо заплывшим правым глазом; его левая рука безвольно болталась у тела. Кракен издал жуткий вопль и выбросил перед собою руки. Ящик Кибла взлетел, словно подкинутый катапультой, и Сент-Ив прыгнул за ним, одним точным ударом спасая от огня, изменив траекторию полета. В итоге ящик, кувыркаясь, отлетел в сторону — туда, где в своем кресле невозмутимо восседал побывавший в космосе упырь. Врезавшись мертвецу в подбородок, ящик сломал ему шею и приземлился на коленях. Голова трупа завалилась вперед, уткнувшись в грудь.

Изрыгнув проклятье, Дрейк захромал туда; каждый шаг отзывался на его избитом лице мучительной гримасой. Но там, в круге света от костра, миллионера поджидал улыбчивый Годелл

с пистолетом, нацеленным ему в грудь. Пошатнувшись, Дрейк замер и поднял еще послушную ему руку в знак капитуляции.

Толпа позади них заволновалась, заохала. Сент-Ив обернулся к дирижаблю, ожидая узреть некое объяснение волнению этих людей, но аэростат просто стоял на лугу — там, где и приземлился, безмолвный и темный, в окружении академиков, царапающих в своих блокнотах с оглядкой на настойчивого капитана, который держал изрыгающего угрозы Парсонса за шиворот.

Новая волна криков — все тычут вперед пальцами, указывая на что-то. Этим «чем-то» оказался сидевший в кресле мертвец, вдруг пришедший в движение. Он немного поерзал на месте, выпрямил спину; кулаки его сжались; воздух со свистом втянулся сквозь сжатые зубы. Капитан отпустил Парсонса, который умолк и тоже выпучился на мертвеца. Тот поднялся, потянув за собою веревки, запутавшиеся в пружинах кресла. Ящик он поднял с колен и почти с благоговейной осторожностью держал на отлете.

— Господи помилуй... — выдохнул Кракен. Джек стоял, онемев. Мертвец прошаркал вперед, неся ящик Кибла.

— Гомункул! — шепнул Сент-Ив. Рядом согласно кивнул Годелл, успевший спрятать пистолет. В левой руке он держал оксигенатор Сент-Ива, в правой сжимал полу плаща Пьюла. Студент-алхимик и убийца в одном лице сидел рядом, обмякнув так, словно был набит

тряпками, рот безвольно приоткрыт. Его глаза, как и тысячи других, были прикованы к развернувшемуся на лугу Хампстед-Хита безмолвному представлению.

Оживший труп двигался прямо на Парсонса, который отступил на шаг, внезапно пожалев, что успел избавиться от истлевшей головы, которая досталась ему ранее. Что, если мертвец потребует ее? Или вручит Парсонсу другой непостижимый предмет? Бога ради, что там такое, в этом ящике?

Впрочем, труп без задержки прошествовал мимо него, направляясь прямо к гондоле дирижабля — туда, где стоял поскрипывавший на ветру Бердлип. Лишь капитану Пауэрсу хватило духу последовать за ним. Парсонс не вымолвил ни слова ему в упрек. Капитан остановился поодаль от удивительной пары, вновь слыша знакомый требовательный голос, бормотавший что-то в недрах ящика Кибла, несомого мертвецом.

Доктор Бердлип, кажется, внезапно встряхнулся. Те, что стояли в первых рядах, ахнули в голос. Был ли то ветер? Прихоть лунного света? Бердлип выпустил из пальцев рукоятки штурвала — те самые, которые держал уже пятнадцать лет, ни на миг не разжимая хватки. Костяные пальцы задержали сгнившие шкоты, крепившие его к гондоле, и те осыпались. Бердлип развернулся и направился вперед к маленькой, откидывающейся на петлях дверце со ступеньками. Пламя взвилось и затанцевало. Парсонс откровенно разинул рот. Сент-Ив едва дышал. Годелл стоял, пораженный. Капитан

Пауэрс вежливо кивнул скелету доктора Бердлипа, затем вдруг нагнулся и поднял что-то с пола гондолы. Сент-Ив точно знал, что это, а Бердлип явно не нуждался ни в чем, кроме протянутого ему ящика, лишившись которого живой труп со сломанной шеей на глазах поник, едва ли не сдулся и, слегка пошатываясь, заковылял обратно, к облюбованному им мягкому креслу, будто испытывал сильнейшее головокружение и вот-вот мог упасть. Парсонс последовал было за ним, заинтригованный природой ожившего трупа; в свою очередь тот устался на академика и защелкал нижней челюстью, словно выловленный морской угорь.

— Говори, парень! — вскричал физиолог.

Но мертвец лишь грузно осел в кресле, где и застыл, труп трупом.

Бердлип сошел с дирижабля на траву Хампстед-Хита слегка неуверенными, скованными шагами, держа Киблов ящик. Череп чуть сбился на сторону, словно выражая растерянность или замешательство. Гробовое молчание вдруг прервалось жутким всхлипом: Уиллис Пьюл, застав врасплох потрясенного Гodelла, рывком вывернулся из своего плаща и кинулся бежать к Бердлипу, ловко уклонившись от сокрушительного удара, который попытался обрушить на него доблестный капитан. Но Пьюл, видимо, не собирался ничего красть. Все рациональные цели и мотивы отпали; бормоча о гибели, в безумном и алчном стремлении разорвать этот скучный мир на куски он жаждал только смертей и разрушения.

Мгновение — и он выхватил ящик у Бердлипа, который зашатался, стоя на траве, словно вдруг обессилел. Пьюл воздел ящик над головой и обрушил на землю — угодив на камень, искусная работа Кибла разлетелась вдребезги. Покрытая резьбой крышка упорхнула в остолбеневшую толпу. Десять тысяч ртов широко открылись при виде того, как из-под обломков ящика выбрался маленький человечек — легендарный гомункул — и, покинув наконец свою темницу, смог размять крошечные ноги, обретя под ними землю. Даже учитывая шляпу, росту в нем было никак не более восьми дюймов.

Что это, спрашивали себя зрители, сидевшие на деревьях и скучившиеся на лугу Хампстед-Хита, что это за существо малюсенькими шагами устремилось напрямик к скелету Бердлипа, продираясь сквозь лес спутанных весенних трав, мимо выпучившего глаза Парсона? Оно будто задалось какой-то целью... Но чего же, логически рассуждая, ему может неоставать?

Уиллис Пьюл стиснул руками голову; яростный приступ ненависти был растрочен и сошел на нет. Только что буйствовавшая оболочка Пьюла вдруг опустела, уподобившись просторной гондоле, которая выбеленным костяком давно вымершего динозавра возвышалась на лугу, за спиной у ел стоявшего Бердлипа. Теофилус Годелл наблюдал за тем, как Пьюл отползает в тени за пределами освещенного круга. Он позволит этой пустой оболочке человека уйти и обрести иную жизнь:

попрошайничать или кривляться в каком-нибудь дешевом шоу уродов...

Порыв ветра, налетевшего с юга, ударил в бок темной громады дирижабля, и та раненым зверем закачалась на своих временных якорях, угрожая завалиться набок. Ахнув, толпа отхлынула назад — никому не хотелось так запросто, за здорово живешь оказаться раздавленным. Гомункул между тем встал перед доктором Бердлипом и обратился к скелету рулевого, указывая куда-то в небесный простор. Он стащил с головы свою славную маленькую шляпу и какое-то время оживленно ею размахивал, а затем с поразительным проворством запрыгнул на качавшийся скелет, пробрался в грудную клетку доктора и выглянул из нее, как узник — из-за прутьев на окне Ньюгейтской тюрьмы. Вновь ожив, Бердлип осторожно шагнул вперед; в той мере, в какой голый череп способен выражать эмоции, он казался потрясен внезапно обретенным восторгом и вновь расцветшей тягой к путешествиям, которая, как видно, не оставляла его на протяжении стольких лет заоблачных странствий.

Те из зевак, что стояли достаточно близко, чтобы разглядеть этот внезапный вдохновенный порыв, разразились приветственными возгласами. Может статься, громче всех кричал Джек Оулсби, но его радость прервалась неожиданным пинком пониже спины; ящик, который он держал в руках, отлетел вперед и покатился по траве. Келсо Дрейк, очевидно прошедший тою же кривой дорожкой,

что и Уиллис Пьюл, с пронзительным воплем проشمыгнул мимо Годелла к свету костра и принялся отплясывать на ящике в надежде растоптать его в щепы. Годелл и Сент-Ив, однако, бросились ему вослед и не позволили довершить задуманное; к тому же миллионер и сам отшатнулся, испуганный необъяснимым поведением упавшего ящика.

Ярко высвеченный пламенем костра ящик задержался перед изумленным Парсонсом. Удалявшийся шаткой походкой доктор Бердлип рывком обернулся и застыл в неподвижности. Келсо Дрейк попятился к огню. Внезапность, с каковою у ящика отскочила крышка, заставила кроны ближайших деревьев разразиться испуганными возгласами. Очень медленно и величаво из темных глубин ящика к поверхности поднялся механический кайман, пожиратель дичи: требуя насыщения, он поймал одну птичку, затем вторую и закусил третьей, а после завершил трапезу четвертой и вновь канул в свою гробницу.

— Урр-рааа! — завопила сотня... нет, целая тысяча голосов. Этот ликующий возглас подхватили даже и те, кто понятия не имел, чему так рады остальные. И под их приветственные крики, давшие новый заряд его отбытию, доктор Рэндал Бердлип, сам теперь пилотируемый маленьким человечком у него внутри, щелкая и поскрипывая, судорожно продолжил свой путь, сопровождаемый не отстававшим от него Парсонсом.

Встав у борта космолета, скелет повернулся и окинул последним долгим взглядом сияющие

вдали огни Лондона, а затем, наклонившись, отвязал канат от одной из хрупких с виду стоек корабля и, неловко работая локтями, забрался в открытый люк. Крышка захлопнулась. Внутри звездного судна зажглись изумрудные огоньки. Казалось, дрогнула сама земля; никто и глазом не успел моргнуть, как необычный аппарат обратился крохотной искоркой в бескрайних просторах небес: неустрашимый доктор Бердлип вел корабль гомункула среди бесчисленных звезд, подвешенных, подобно газовым фонарям, над черными перекрестками космоса.

ЭПИЛОГ

Сент-Ив ни секунды не оплакивал утрату межзвездного корабля. Свое путешествие он уже совершил. И будущее, он знал наверняка, сулило намного больше. Дороти Кибл уже вполне оправилась и сжимала руку Джека — оба улыбались капитану, державшему раскрытый ящик Кибла: там покоился исполинский изумруд величиной с кулак, не меньше, который в свете костра пламенел зеленым.

Стоны огласили ночь, закачались ветви деревьев. Ветер гнал все новые волны по высокому разнотравью. Дирижабль опасно накренился, швартовы его полопались, и люди, словно перепуганные медведем муравьи, прыснули в стороны, со всех ног спеша убратись с пути машины. Медленно, с державным достоинством аэростат перевернулся, разваливаясь на куски, и истекающие газы гулко засвистели в прорехах его тканевой оболочки. Опрокинутая ребристая гондола раскололась, как лодчонка, разбитая о скалы приливом. И сперва один... потом двадцать... потом

сотни зевак бросились к руинам, намереваясь прихватить хотя бы щепочку в качестве сувенира на память. Трещало дерево, распарывалась ткань. Огромные куски сдувшегося аэростата были содраны с каркаса, и несчетные руки вцепились в них, раздирая на мелкие лоскуты. За считанные минуты дирижабль превратился в грудку обломков, исчез под муравьиным потоком накинувшихся на него лондонцев. И всего час спустя, когда толпа наконец оставила охоту за реликвиями и устало схлынула, разбредаясь по домам, от судна Берд-липа на всем Хите не оставалось ни единого кусочка, ни малейшей тряпочки.

Сент-Ив и его соратники ворошили ногами траву, с недоверием осматривая то место, куда совсем недавно опустился дирижабль. Билл Кракен объявил утрату аппарата прискорбной. Уильям Кибл задумался о судьбе, постигшей его двигатель: разобран, разбит на мелкие части подвыпившими зеленщиками, уличными торговцами и нищими, не имевшими ни малейшего понятия о теплящейся в нем магии. Дороти и Джек обменивались весьма выразительными сияющими взглядами, напрочь позабыв об исчезнувшем дирижабле; подобное же выражение освещало лица капитана Пауэрс-а и Нелл Оулсби, рука об руку стоявших рядом с юной парой.

Академик Парсонс удобно устроился на подлокотнике мягкого кресла в десяти шагах от них; восседавший в кресле мертвец хранил спокойствие, отказываясь реагировать на болтовню физиолога.

— Овцы, — с жаром втолковывал тот, — устроены иначе, чем мы с тобой, и производят огромные объемы метана. Могу тебя заверить, что газ этот крайне легко воспламеним...

Сент-Ив подошел и, желая поддержать пошатнувшийся рассудок несчастного академика, положил руку ему на плечо. Парсонс кисло улыбнулся:

— Я тут рассказываю коллеге о тайнах газобразования у травоядных.

— Это прекрасно, — одобрил Сент-Ив. — Но он, кажется, спит?

— И все же его глаза выглядят... — Парсонс умолк на полуслове, не отводя испуганного взгляда от ящика с оксигенатором, который Сент-Ив держал под мышкой. Академика внезапно пробрал озноб. — Вы хотите открыть его прямо здесь, да?

Сент-Ив покачал головой.

— Ни в коем случае, — успокоил он Парсонса. — Даже не собирался.

Тот вздохнул с облегчением.

— Вот скажите... — нараспев проговорил он, искоса поглядывая на череп Джоанны Сауткотт, лежавший подле кресла и по отсутствующие уши скрытый травой. — Нынешней ночью вас случайно не удивило несообразное моменту обилие мертвых тел и оторванных голов?

Абсолютно искреннее недоумение Парсонса заслуживало подробного отчета, и Сент-Ив кивнул, подбирая верные слова. Поиски эти, однако, резко прервало внезапное явление Шилоха, Нового Мессии: с изможденным лицом, в запачканной

и изодранной рясе старик проковылял к ним, чтобы предъявить зажатый в кулаке тлетворный «марсельский мизинчик». Головка высывалась и пропадала с прежней издевкой, только гораздо быстрее; дергаясь туда-сюда, она фейерверком рассеивала искры, издавая вонь горелого каучука и неопределяемой тухлятины. Издав безумный стон, старик повалился лицом вниз, да так и остался лежать — разве что дернулся разок-другой, разметав полы своего рваного, измаранного одеяния. Вполне очевидно, Шилоха хватил удар, но зажатый под ним «мизинчик» продолжал щелкать и верещать, а потом таки вырвался и откатился в сторону.

Сент-Ив поморщился; Парсонс же встал и не торопясь приблизился к тому месту, где в траве стремительно вращался «мизинчик», чья высунутая головка испустила вскоре заключительный, вялый свист. Физиолог тяжело помотал головой и побрел в темноту, неуверенно лавируя в сторону Хампстеда, точно лишенная руля лодка.

Сент-Ив проводил его взглядом, с тоскою размышляя, как могли отразиться на собственной его репутации как ученого необыкновенные события этой ночи, но в итоге решил, что на самом деле ему наплевать. Ночь тяжело сказалась, разумеется, на обеих сторонах противостояния. Его соратники в изнеможении брели к фургону, на козлах которого устроился невозмутимый Хасбро. Как и все они, Сент-Ив ощутил вдруг смертельную усталость. Уже сегодня ему надлежит вер-

нуться в Харрогейт: ясно, что сделать предстоит еще очень многое.

— Ну что ж, — обратился он к Годеллу, — вот и завершились ратные труды клуба «Трисмегист». И надо признать, не без некоторого успеха.

— Это пока, — туманно поправил его Годелл. — Скорее всего, нам еще придется встретить нашего миллионера, хотя я склоняюсь к выводу, что его карта бита. Дам ему очухаться денек-другой и сам нанесу визит.

— Как считаете, что случилось в итоге с Уиллисом Пьюлом? — осведомился Сент-Ив. — В самом конце он будто вовсе лишился рассудка.

Годелл кивнул:

— Уверен, его безумие стало расплатой за содеянные злодеяния. Впрочем, Пьюл уже воссоединился со старым товарищем.

— С кем это? — удивился Сент-Ив.

— С нашим давним знакомым. С горбуном.

— Нарбондо!

Годелл кивнул.

— Я видел Пьюла лежащим лицом вниз в груженной карпами двуколке. Горбун погонял лошадей.

— Вот же бедолага, — пожалел алхимика Сент-Ив. — Едва ли Нарбондо явился спасти его.

— Чертовски в этом сомневаюсь, — сумрачно ответил Годелл, и вдвоем они направились к фургону, где уселись позади, болтая ногами, — так, чтобы видеть склон холма, где всего два часа тому назад высился долгожданный дирижабль.

Где-то впереди тащилась половина Лондона, но ни единый человек в этой обширной толпе не имел даже малейшего понятия о тех тайных мистериях, что нынче обеспечили их ночным развлечением. Хотя многое ли осознали мы сами, спросил себя Сент-Ив. Говоря начистоту, ни на ломаный грош — даже Гodelл при всей остроте его ума. Интеллект бессилен дать ответы, сталкиваясь с подобными вещами; он не сможет объяснить, почему в призрачном лунном свете Хампстед-Хита холодная и размеренная поступь науки дала сбой, свернула с намеченного маршрута и потерялась во тьме, даже не подозревая о том. Бедный Парсонс! Каково ему теперь думать о загадке дирижабля? Проснется ли он в полдень, уже успев разобрать прошлую ночь на отдельные элементы и собрав их заново, выстроив по менее пугающему лекалу? Именно так поступил бы человек, оставшийся один в темной ночи и отчаянно строящий из себя храбреца, чтобы при виде полуденного солнца напрочь забыть о былом страхе.

С дремотным интересом Сент-Ив озирает опустевшие холмы, пока фургон качался на грязных ухабах дороги, спускавшейся к Хампстеду — деревне, погруженной сейчас в темноту и предрасветный сон. Ученый постарался восстановить в сознании общую картину увиденного — бросающий якорь дирижабль, тень доктора Бердлипа за ребрами деревянной гондолы, его широко расставленные, как у привычного к качке моряка, ноги. Но оставшиеся позади холмы Хита были

пусты; разобранный на части дирижабль исчез навсегда. Уже начинало казаться, что странный этот корабль всегда был чем-то вроде блуждающего в ночи огонька, призрачной тенью чьего-то сонного заклинания, сотканного из полнейшей пустоты, — как и те неявные краски, что вьются да колышутся за опущенными веками Сент-Ива, пока он не воспарит над затянутым облаками далеким пейзажем в незаметно объявшем его сновидении.

ОБ АВТОРЕ

Джеймс Пол Блэйлок родился в 1950 году в Лонг-Бич, штат Калифорния. Обучался в университете того же штата, где и получил степень магистра гуманитарных наук.

Был дружен с Филипом К. Диком и учился у него (заодно со своими современниками К. У. Джетером и Тимом Пауэрсом), а ныне причисляется к отцам-основателям литературного течения «стимпанк». Удостоен двух премий *World Fantasy Awards* и *Philip K. Dick Award*.

Является директором Консерватории писательского мастерства в Школе искусств округа Ориндж, где Тим Пауэрс числится преподающим автором. Кроме того, Блэйлок состоит профессором Чепменского университета, где трудится вот уже два десятка лет. И уже более сорока лет он женат на Вики Блэйлок, родившей ему двух сыновей — Джона и Дэнни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СТИМПАНК, И НЕТ ЕМУ КОНЦА

.....

1

Жанр, классикой которого стал роман Джеймса Блэйлока «Гомункул», — сокровищница парадоксов. Все в общих чертах знают, что такое стимпанк (или «паропанк»); все понимают, что в фантастике это явление, с которым никак нельзя не считаться. Однако дата рождения стимпанка теряется в клубах лондонских туманов легендарной эры королевы Виктории, да и сущность его, если приглядеться, ускользает, точно пар, вырывающийся из адского механизма, который порожден безумным гением и призван то ли спасти мир, то ли его уничтожить.

Одно не подлежит сомнению: Блэйлок, придумавший викторианского ученого, исследователя Лэнгдона Сент-Ива, и описавший его забавные и страшные приключения в нескольких романах

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

начиная с «Гомункула», — один из святой троицы фантастов, которые если не сотворили стимпанк как таковой, то по крайней мере первыми осознали: за стимпанком — будущее.

И вот парадокс: жанр, неразрывно связанный с туманами викторианской Англии, появился на свет вовсе не в Соединенном Королевстве, а в далекой солнечной Калифорнии, в городке Ориндж, где жили три закадычных друга: Джеймс Блэйлок, Тим Пауэрс и К. У. Джетер.

Новый жанр появился в пабе, пусть и не в лондонском. Дело было так: друзья, которые учились в одном университете (Калифорнийском), изучали литературу одного периода (викторианского) и хотели одного и того же (писать фантастику), часто собирались в пивнушке «О'Хара» — разумеется, с целью проведения «изысканий». Последние, как ни странно, распитием пива не ограничивались: Блэйлок, Пауэрс и Джетер обсуждали пока не написанные книги и свободно обменивались идеями. Как-то речь зашла о черных дырах; Джетер, которого забавляло легкое отношение Блэйлока к науке, заметил, что если бы тот написал рассказ о черной дыре, в финале ее наверняка заткнули бы гигантской пробкой. Блэйлок воодушевился — и сочинил «Дыру в космосе». Рассказ был куплен за 40 долларов журналом *Starwind*, но увидеть свет не успел, потому что журнал разорился, выпустив всего два номера.

А самым первым, по версии Блэйлока, произведением новорожденного жанра стало его «Дело

о коробке с обезьяной» — рассказ, впервые опубликованный в 1978 году в журнале *Unearth*. Правда, тогда никто не знал, что история орангутана, которого чудаковатый ученый по фамилии Сент-Ив пытается запустить в космос — а на дворе, на секундочку, 1872 год! — и который приземляется в утином пруду парка Сент-Джеймс, отчего его принимают за пришельца, — это самый что ни на есть стимпанк.

Джетер уже написал к тому времени роман о викторианском Лондоне: туда из конца времен прибывали морлоки, захватившие машину Путешественника во времени из романа Герберта Уэллса. Но никакого плана «стимпанкизации» фантастики не было, все получилось достаточно случайно: Джетер и Пауэрс подписали контракт на романы о воплощениях короля Артура в разные исторические периоды; Джетер выбрал викторианскую эпоху, а Пауэрс — XVI век; книги были написаны, но издатель обанкротился, и фантасты спешно переделали их в самостоятельные вещи: «Ночь морлоков» и «Черным по черному» соответственно.

Пауэрс издаст свой первый стимпанковский роман только в 1983 году — это будут знаменитые «Врата Анубиса» с участием египетских богов, Байрона, Кольриджа и еще одного поэта — Уильяма Эшблесса, которого Пауэрс придумал на пару с Блэйлоком. Что до самого Блэйлока, он публикует «Гомункула» только в 1986-м (обратите внимание: во «Вратах Анубиса» есть корабль «Блэйлок», а в «Гомункуле» действует капитан Пауэрс).

К этому моменту в англоязычной фантастике свершится революция: на сцену выйдет киберпанк Уильяма Гибсона, Брюса Стерлинга, Руди Ракера и других. Любопытное пересечение: крестным отцом киберпанка стал — посредством фильма Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», экранизации романа «Снятся ли андроидом электроовцы?» — фантаст Филип К. Дик; он тоже жил в Калифорнии и дружил с Джетером, Блэйлоком и Пауэрсом. Может быть, в том числе и поэтому Джетер решил как-то обозначить «гонзо-историческую манеру», в которой он начал писать даже раньше Блэйлока и Пауэрса. Киберпанк уже гремел, а «викторианское фэнтези» оставалось вроде как на вторых ролях, несправедливость была налицо. В апреле 1987 года в знаменитом ныне письме в журнал *Locus* Джетер писал: «Лично я думаю, что викторианское фэнтези будет следующим хитом — если только мы придумаем подходящий термин для нашего с Блэйлоком и Пауэрсом триумvirата. Термин должен быть связан с технологией соответствующей эпохи. Скажем, стимпанк или что-то в этом роде...»

2

Определений стимпанка множество, и ни одно из них, конечно, не исчерпывает жанр до конца (хорош был бы жанр, которому можно дать исчерпывающую дефиницию в одном-единственном

предложении!). Самое простое дал редактор Лу Андерс: стимпанк — анахронистическая фантастика, в основном (но не обязательно) рассказывающая о XIX веке. Схожим образом высказался и Майкл Муркок, трилогия которого об Освальде Бастейбле считается своего рода прото-стимпанком: стимпанк — набор инструментов, позволяющий определенным образом препарировать эпоху.

Для британца Марка Ходдера, сделавшего героями своих книг двух знаменитых викторианцев — искателя приключений Бёртона и поэта Суинберна, в слове «стимпанк» важен не столько стим («пар»), сколько панк. Британские панки всегда считали себя революционерами, потому для Ходдера стимпанк — это книги «о преимуществах и недостатках былой империи, чрезвычайно актуальные в современном мире, когда империи рушатся, — вспомните об “арабской весне” и хаосе в Европе».

А вот почти математическая формула английского дизайнера Джона Коултхарта:

СТИМПА НК = Безумный Изобретатель [изобретение (пар × дирижабль или металлический человек/барочная стилистика) × (псевдо)викторианские декорации] + прогрессивная или реакционная политика × приключенческий сюжет.

И еще одно определение: «Стимпанк — это похоронный театр». Слова не кого-нибудь, а самого Брюса Стерлинга, который вместе с Уильямом Гибсоном по полной вложился в стимпанк

романом «Машина различий». Стерлинг уверен, что стимпанк повествует не о прошлом, а о настоящем и будущем; своей популярностью жанр обязан подсознательному пониманию того, что мы живем в эпоху нестабильности и морального устаревания окружающих нас вещей, которые завтра отправятся в мусорную корзину — в точности так, как уже канули туда цилиндры, кринолины, волшебные фонари, заводные автоматы, абсент, трости для ходьбы и механические пианино.

«Мы — технологическое общество, — пишет Стерлинг. — Мы тайно подготавливаем самих себя к смерти нашей технологии... Наша эпоха мертва, мы ее хороним, однако похоронное шествие устраивается для живых... Прошлое — это будущее, которое уже случилось».

3

Повторюсь, роман под названием «Гомункул» был написан и издан, когда слова «стимпанк» еще не существовало, но, разумеется, роман этот — плоть от плоти стимпанка. Здесь есть ученые — герои и злодеи, безумные и не очень; пролетающий над Лондоном, ведомый мертвецом таинственный дирижабль; космические корабли викторианской эпохи; развратный миллионер, самозванный Мессия и даже очень древний пришелец с иных планет — а также всевозможные лондонские улочки, кладбища, бордели и пивные...

Есть дух эпохи Шерлока Холмса, «Первых людей на Луне», «Двадцати тысяч лье под водой», «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» — всех тех книг, что вдохновляли Блэя-лока и его соратников, когда те писали первые стимпанковские романы.

«Гомункул» — самое начало цикла о Лэнгдоне Сент-Иве. Впереди «Машина лорда Келвина» и другие истории. Каждая предлагает заглянуть в прошлое, которого не было... или все-таки было?

Николай Караев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
I. Вест-Энд	19
II. Клуб «Трисмегист»	49
III. Комната с видом	67
IV. Злодейство	83
V. Тени на стене	103
VI. Предательство	123
VII. «Кровяной пудинг»	143
VIII. В океанариуме	163
IX. Бедный, бедный Билл Кракен	191
X. Неприятности в Харрогейте	213
XI. Назад в Лондон	247

XII.	Воскрешение Джоанны Сауткотт	265
XIII.	Королевская академия	279
XIV.	Пьюл исполняется решимости	309
XV.	Переполох на Пратлоу-стрит.....	327
XVI.	Возвращение Билла Кракена	347
XVII.	Бегство Нарбондо	375
XVIII.	На Уордор-стрит	399
XIX.	На лугах Хампстед-Хита	417
XX.	Бердлип.....	435
Эпилог		451
Об авторе		459
Послесловие		461

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 12 лет

Джеймс Блэйлок
ГОМУНКУЛ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Анатолий Ковжун*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 10.12.2018
Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Печ. л. 29,5. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 23.01.2019. Заказ № 1817110.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labyrinth.ru

12+

ДЛЯ ЦИТАТ И ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЦИТАТ И ЗАМЕТОК

«Чудеса альтернативных технологий
в вымышленном мире, который *мог бы*
существовать... Заново изобретая прошлое,
Блэйлок переносит нас в будущее.
Его фантазия безгранична!»

Нил Гейман

«Книги Блэйлока брызжут энергией,
очаровывают тонким юмором и поражают
глубиной заложенных в них идей».

Брюс Стерлинг

Стиль стимпанк в литературе создал знаменитый американский фантаст Джеймс Блэйлок. Его роман «Гомункул» — абсурдистская «черная комедия», в которой атмосфера и технологии Викторианской эпохи соседствуют с таинствами древней магии, загадками далекого космоса и захватывающими приключениями в духе Жюль Верна и Герберта Уэллса. Настоящая жемчужина жанра стимпанк!

«Гомункул» — история об удивительных похождениях сэра Лэнгдона Сент-Ива, ученого-изобретателя, профессора, большого охотника до всяческих диковин и джентльмена до мозга костей.

Серия «Приключения Лэнгдона Сент-Ива» была прекрасно принята западными критиками и читателями, а роман «Гомункул» удостоен Премии им. Филипа К. Дика.

ISBN 978-5-906986-81-8

9 785906 986818

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

12+